

АНАТОЛИЙ ЛЕЩИНСКИЙ

**РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЕ
ТРУДЫ**

© 2021 – Анатолий Лещинский

ISBN 978-1-6671-1581-8

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com or info@altaspera.ru.

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada
by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

“Религиоведческие труды” Анатолия Лещинского – это собрание изданных за несколько десятилетий статей, а также фрагментов книг и монографических произведений. В сборник вошли и неопубликованные работы, большая часть из которых подготовлена за последние семь лет на кафедре религиоведения Казанского федерального университета. В предлагаемой книге все материалы расположены в трех разделах, то есть по тем исследовательским направлениям, которыми занимается автор сборника. В первый раздел вошли фрагменты из книг и статьи, относящиеся к изучению истории и современности Троице-Сергиевой лавры и Академии в ней. Во втором разделе публикаций – исследуется проблема единства церкви, влияние социумных детерминант на юрисдикционные дифференциации, появление в них альтернативных юрисдикций (по богословской терминологии – расколов). В третьем разделе – труды по изучению формирования отношений государства к религии и церкви и воззрений на эти отношения в теологии, философии, социально-политических учениях. В российских государственно-церковных отношениях выделяются периоды и рассматриваются соответствующие им модели. По форме публикации можно разделить на исследовательские – фрагменты монографий и статьи, публиковавшиеся в сборниках материалов многочисленных научных международных и отечественных конференций, на которых автор выступал с докладами, а также научно-популярные и публицистические очерки. Книга будет полезна представителям государственной власти, политологам, журналистам, магистрантам, студентам, преподавателям религиоведческих и теологических дисциплин, а также всем интересующимся вопросами изучения религии.

На 1-й стр. обложки:

Троицкий собор (1422-1423) Троице-Сергиевой лавры.

СОДЕРЖАНИЕ

Из опыта религиоведческих исследований.	
Предисловие автора	6
Религиоведение как служение: характерные черты научной деятельности Анатолия Лещинского. Предисловие д-ра социологических наук Михаила Смирнова	9
РАЗДЕЛ I	
ЛАВРА НА ДРЕВНЕМ МАКОВЦЕ И АКАДЕМИЯ В НЕЙ	15
Идея единства преп. Сергия Радонежского как социокультурный феномен	15
“Страннолюбия не забывайте”	18
Преподобный Сергей Радонежский и святые места России	37
Большая келья преп. Сергия – Московская духовная академия	55
“Не угашайте духа” (К событиям в Лавре и Академии в 80-90-х годах XX века)	113
Историческая память в периоды коренных общественных изменений и значительных событий	120
РАЗДЕЛ II	
ПРАВОСЛАВИЕ: ОТ ЕДИНОЙ ЦЕРКВИ К МНОГООБРАЗИЮ РАЗДЕЛЕНИЙ	137
Классификация религий в трудах профессора-протоиерея А. В. Смирнова (1857-1933)	137
География православия в мире	144
Альтернативное православие и его распространение	167
От “федерации” Церквей к Всеправославному единству. Смысл и перспективы предсоборных совещаний.	188

Церковные разделения в православии: их классификации и типология	198
Почитание Божией Матери в богородичном православии	217
Типолого-классификационные характеристики и современное состояние организации богородичной ветви в России	229
Временные автокефалии как предпосылки церковных разделений в Русской православной церкви	240
Церковь и государство в их отношении к автокефалистским движениям	246
Диалог как способ преодоления разделений в православии	253
К итогам изучения проблемы единства церкви и юрисдикционных разделений в ней	261
РАЗДЕЛ III	
ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ВОЗЗРЕНИЙ НА НИХ И СМЕНА МОДЕЛЕЙ	
269	
Христианские доктрины о соотношении религии и государства.	269
Перемена в воззрениях на состояние свободы совести и государственно-конфессиональные отношения в Новое и Новейшее время	277
Государственно-церковные отношения в России.	
Зарождение государственно-церковных отношений и их развитие до синодального периода	291
Синодальный период	297
Государство и Русская православная церковь в годы перемен – 1-я пол. XX в. (в трудах протопресвитера Георгия Шавельского)	318

Значение для современных религиоведческих исследований трудов протопресвитера Георгия Шавельского (1871-1951).....	326
Советский период (1917 г. - рубеж 80-90-х гг. XX в.)	334
Религиозная ситуация в современной России в контексте государственно-конфессиональных отношений	353
О некоторых предпосылках формирования Законодательства РФ о свободе совести в изменяющейся религиозной ситуации.....	364
Время подготовки и проведения торжеств посвященных 1000-летию крещения Руси. Поместный собор 1988 года ...	380
“Закон “О свободе вероисповеданий” заметно улучшен, но неудовлетворенность им пока остается”	405
Сотрудничество необходимо и возможно	410
Передача реликвии в Оптину пустынь	416
Что стоит за понятием “традиционная религиозная организация”: содержание и сферы применения	418
Предмет “Актуальные проблемы межрелигиозного диалога” магистратуры религиоведческого и теологического образования (христианского и исламского направлений)”	422
Сменна вех вероисповедной политики	428
Эволюция взаимодействия гражданско-политических и религиозных институтов в России.....	437
Государственно-церковные отношения в России: периодизация и смена моделей. (К предварительным итогам изучения)	449
СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ АВТОРА	457
ОБ АВТОРЕ.....	471

ИЗ ОПЫТА РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В России понятие «религиоведение» начинает входить в научный оборот лишь на рубеже 80-90-х гг. XX в. Именно в это время вышли мои первые религиоведческие книги: Время новых подходов. О советских государственно-церковных отношениях (1989 г.) и Православие в наши дни (1990 г.). Однако им предшествовали долгие годы накопления знаний о религии. Некоторые коллеги мой опыт такого накопления определяют как «уникальный». Другой коллега определил меня – «религиовед с юных лет». Возможно, они и правы. Дело в том, что мне довелось родиться в 1941 г. в г. Загорске (ныне Сергиев Посад) в нескольких десятках метрах от стен Троице-Сергиевой лавры. Тогда она еще была закрыта и не действовала как духовный центр русского православия, была по советским методикам музеефицирована. Уже года через четыре я бегал по лавре с мальчишками «нашего двора», лазал по реставрационным лесам на ее сооружения, взбирался на некогда неприступные стены и обзирал окружающую местность.

Учась в педагогическом институте на историческом факультете, активно участвовал в научной студенческой работе, в каникулярное время внештатно работал экскурсоводом в Загорском музее-заповеднике, что на территории Лавры. Но вот подошло время завершения учебы в институте – весна 1968 г. Это время после недавно прошедших хрущевских гонений за веру, закрытия многих храмов, мечетей, синагог и дацанов, время продолжения пропаганды научного атеизма. У меня состоялась беседа с заведующим кафедрой философии. Спросил о моем отношении к поступлению в аспирантуру. Я ему дал положительный ответ, но сразу предупредил – хотел бы изучать религию. На что он мне с нескрываемой

усмешкой возразил: «Ну что ты, Анатолий, это уже не актуально. Будешь изучать проблемы этики или эстетики». Чтобы не обидеть старого профессора, не стал возражать, а сказал – я подумаю. На сим мы и расстались.

А серьезно религиоведческими исследованиями начал заниматься в Загорском музее, а именно изучением духовного наследия Преп. Сергия и основанной им Лавры. С конца 1982 г., работая в Москве в федеральных структурах по связям с религиозными объединениями, изучал религиозную ситуацию в быстро меняющемся российском социуме. Далее, исходя из усугубляющегося поликонфессионализма, занялся изучением проблем юрисдикционных разделений в православии.

Некоторые результаты религиоведческих исследований и представлены в настоящем сборнике. Премного благодарен издательству за его выход в свет. Поскольку сборник включает мои труды от самых ранних до подготовленных совсем недавно, выражаю благодарность всем, кто помогал мне в научной и преподавательской работе. Прежде всего, с любовью вспоминаю наставников и ученых, научных руководителей и консультантов: Гусеву М. И., Пандре Р. В., Клибанова А. И. и Гордиенко Н. С. – вечная им память. Очень благодарю моих близких жену Любовь и сына Льва за постоянную помощь в работе. Благодарен и моим оппонентам: докторам наук Михаилу Новикову, Сергею Иваненко, Михаилу Одинцову и Михаилу Смирнову за внимание к моим трудам и предложениям по их улучшению.

Опыт религиоведческих исследований обогащается и посредством путешествий. Да, мне много довелось путешествовать по России, странам ближнего и дальнего зарубежья. При этом всегда проявлял интерес и изучал состояние религий и конфессий: в Бурятии буддизм и шаманизм; в Польше католицизм; Израиле иудаизм и христианство; на Балканах, Кипре, Марокко, Малоазийском полуострове православие и ислам; в США протестантизм, Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (мормоны) и православные общины русского зарубежья; в Китае конфуцианство. Встречался и беседовал с лидерами религиозных объединений, иерархами церквей, клириками и простыми верующими.

Впечатления, вынесенные из поездок и встреч, наряду с другими материалами, имеют немаловажное значение в религиозоведческих исследованиях.

Изданная книга – это собрание опубликованных за несколько десятилетий религиозоведческих трудов. В сборник вошли и неопубликованные работы, большая часть из которых подготовлена за семь лет работы на кафедре религиоведения Казанского федерального университета. В книге все материалы расположены в трех разделах, то есть по тем исследовательским направлениям, которыми мне довелось заниматься.

В первый раздел вошли фрагменты из книг и статьи, относящиеся к философии памяти. В них на примере истории и современности Лавры Преп. Сергия и Московской духовной академии изучаются метаморфозы происходившие в исторической памяти в периоды коренных общественных изменений и значительных событий. В публикациях второго раздела исследуется проблема единства церкви, влияние социальных детерминант на юрисдикционные дифференциации, появление в них альтернативных юрисдикций (по богословской терминологии – расколов). В работах представлена современная география распространения поместных церквей Вселенского православия и отошедших от них юрисдикций, которым даны типолого-классификационные характеристики. В третьем разделе – труды по изучению формирования отношений государства к религии и церкви и воззрений на эти отношения в теологии, философии, социально-политических учениях. В российских государственно-церковных отношениях выделяются периоды и рассматриваются соответствующие им модели.

Завершить предисловие хотелось бы небольшим мемуаром. Когда в 90-х гг. прошедшего века я приступил к преподаванию религиоведения, студенты спрашивали: «А как стать религиоведом?» (Тогда еще не было выпускающих религиоведческих кафедр). На что я полушутя отвечал: «Нужно родиться в Сергиевом Посаде».

**РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ КАК СЛУЖЕНИЕ:
ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ
НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АНАТОЛИЯ ЛЕЩИНСКОГО.**

**ПРЕДИСЛОВИЕ Д-РА
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
МИХАИЛА СМЕРНОВА**

Религиоведческие труды известного российского ученого доктора философских наук Анатолия Николаевича Лещинского занимают особое место в большом и солидном ряду научных публикаций этого высокопрофессионального исследователя религии.

С одной стороны, представляемые труды продолжает и развивает те тематические направления, которые много лет упорно и плодотворно осваивает автор. Если посмотреть на его исследовательские публикации, в составе которых добрая дюжина монографий и более сотни основательных научных статей, то в них явно обозначаются как минимум три преобладающие рубрики. Это, прежде всего, исследования православия в целом как христианской конфессии, и в его разновидности как русского православия. Это аналитика религиозной ситуации в России постсоветского времени, со всеми непростыми коллизиями в динамике религиозных организаций и формировании нового государственно-правового режима их деятельности. Это, наконец, изучение новообразований в религиозном пространстве современного общества, как тех, что возникают в рамках исторически сложившихся конфессиональных сообществ (так называемое «альтернативное православие» и др.), так и новых религиозных движений. В этом плане автор демонстрирует последовательность и устойчивость своих научных интересов.

Но, с другой стороны, в этой книге читатель найдёт труды и размышления о предметах, которые свидетельствуют о

гораздо более широком исследовательском диапазоне и позволяют увидеть одну из интересных черт А. Н. Лецинского как учёного. Дело в том, что каждый частный сюжет его исследовательского поиска – будь то события из истории Троице-Сергиевой лавры, или анализ юрисдикционных разделений в православии, или же скрупулезное рассмотрение каких-то религиозных новообразований, – всегда выводит автора на уровень существенных, по сути своей стратегических обобщений и выводов, позволяющих посмотреть на конкретику религиозной жизни так сказать *sub specie aeternitatis* («с точки зрения вечности» – Прим. ред.). Ученого волнует и побуждает к исследованиям не просто сама фактура материала, а то значение, которое обретает фактография религий в её социально-этическом и историософском осмыслении. Не случайно один из наиболее интересных фрагментов монографии называется “Историческая память в периоды коренных общественных изменений и значительных событий”.

Назову ещё одну черту автора, мне лично глубоко импонирующую. Это – научное и гражданское бесстрашие при работе с очень неоднозначными и подверженными конъюнктурным оценкам ситуациями в религиозной жизни современной России. Прямо сказать, широкомасштабный выход в российское публичное пространство такого религиозного объединения как Русская православная церковь, с его историческим весом и нынешними амбициями в духовной и социальной сферах, побуждает многих исследователей к осторожности, иногда на грани умолчания о каких-то трудных вопросах православной церковности и её взаимоотношений с государством и обществом. А. Н. Лецинскому во все времена присуща твердая и уверенная научная манера рассматривать государственно-церковные отношения с позиций их объективного смысла в различные периоды истории, не избегать нелицеприятных оценок негативным явлениям, с какой бы стороны они ни наблюдались.

Не менее достойно выступает этот исследователь и, рассматривая интересующие его сегменты новых религиозных движений – он не подвержен «сектофобии» и «антикультизму», как бы ни соблазнительны были эти тренды в контексте нынешних преференций так называемым “традиционным

религиям” в России. За любыми религиозными сообществами, большими и малыми, А. Н. Лещинский всегда видит конкретных людей, с их непростым жизненным миром, радостями и печальями, духовным поиском, утратами и обретениями. Это позволяет ему не только сохранять своё гражданское достоинство, но и получать значимые научные результаты, свободные от субъективных пристрастий.

В собственной научной работе впервые с трудами А. Н. Лещинского я встретился в начале 1990-х годов, когда сам занимался проблематикой трансформаций религиозного сознания в транзитивных условиях перехода от советского к постсоветскому укладу отношений по поводу религии в нашей стране. Широкую известность тогда получила его очень содержательная книга “Православие в наши дни” (1990 г.), где автор был указан под литературным именем как М. Н. Бессонов (что, кстати, тоже показательно) – работая в государственных учреждениях федерального уровня как специалист-эксперт квалификации советника Российской Федерации 2 класса, он в то же время в своих научных трудах высказывался не как госслужащий, а именно как ученый). При относительно небольшом объеме эта книга вводила советского ещё на ту пору читателя в мир Вселенского православия и автокефальных поместных церквей, знакомила с деяниями Поместного собора Русской православной церкви 1988 г., происходившего в условиях «перестройки».

С той поры я стал регулярно знакомиться с очередными научными публикациями А. Н. Лещинского, находя в них очень информативный и хорошо систематизированный материал, серьёзную аналитику. В приложениях к настоящей книге читатель встретит подробную библиографию трудов автора. Мне же хочется обратить внимание на одну из монографий, на мой взгляд, самую удачную из его многочисленных публикаций.

Это труд “Православие: единство и разделение (социумные детерминанты, типология, противоречия и тенденции)” (2011 г.), в котором изложены основные положения и выводы докторской диссертации религиоведа Лещинского. Здесь есть и фундаментальный теоретико-методологический раздел, посвященный подходам и методам исследования, и бо-

гатый эмпирический материал (основанный на личном полевом опыте автора), и всестороннее рассмотрение вселенского православия как единства во многообразии (вопреки обскурантизму тех “ревнителей”, которые сводят вселенскую конфессию только к русскому православию), и очень точный типологический анализ болезненной темы церковных разделений в православии. Главное же, что в этой книге (и ещё шире в докторской диссертации) не только дана объективная констатация проблем церковного единства, но и весьма предметно сформулированы рекомендации по преодолению наиболее конфликтных противоречий, и эти рекомендации на фоне современных текущих событий в христианском мире оказываются весьма актуальными.

Став доктором философских наук по специальности «Философия религии и религиоведение», А. Н. Лещинский не почил, что называется, «на лаврах», но ещё интенсивнее продолжил исследование интересующей его тематики. Полученные новые результаты он обобщил в одной из недавних своих монографий “Проблема единства церкви” (2015 г.). Здесь также обнаруживается свойственный Лещинскому как философу-религиоведу научный ход: в своём исследовании он раскрывает динамику церковной организации на трёх уровнях – общего, особенного и единичного. Это позволило ему сформулировать принципиальные обобщения, опираясь на базу обширной фактографии, но избегая детального погружения в частные сюжеты, что неизбежно препятствует выявлению ведущих тенденций и закономерностей. Три главы монографии – это как бы три захода в сложнейшее предметное поле православной церковности, каждый из которых открывает важные грани изучаемых явлений. Первая глава «Социальная обусловленность церковных разделений в православии» сразу ставит ключевую проблему – как возможно организационное единство конфессии при наличии объективных оснований для расколов и юрисдикционных разделений. Применяя известную концепцию смены парадигм к ситуации в православии, А. Н. Лещинский обоснованно показывает социально-историческую закономерность церковных разделений в этой христианской конфессии. При этом вселенское православие предстаёт как своего рода метасистема,

в рамках которой происходит постоянное возникновение динамичных подсистем церковных юрисдикций, каждая из которых, в свою очередь, обладает потенциалом дифференциации, активизирующимся при воздействии внешних и внутренних факторов. Вторая глава содержит уточнения к разработанной в докторской диссертации типологии церковных разделений в православии, демонстрирует внутреннюю дифференциацию в церковной среде, включая возникновение так называемого «альтернативного православия». Авторская типология церковных разделений и классификация признаков «альтернативного православия» по праву могут считаться важным вкладом А. Н. Лещинского в отечественное религиоведение. Третья глава «Отношение поместных церквей и государств к церковным расколам» выводит исследование в очень трудную область конкретных политико-правовых отношений, без сопряжения с которыми религиоведческое описание утратило бы реальную почву времени, места и действия. Уже сам этот ход заслуживает уважения – автор не боится разойтись в оценках и выводах с популярной ныне конфессионально ангажированной идеализацией культурного и социального облика православия.

Как можно увидеть, каждый очередной труд А. Н. Лещинского это последовательное наращивание религиоведческих знаний в выбранной для исследования предметной области. С этой точки зрения его новая книга есть одновременно и аккумуляция выработанных автором научных представлений и своего рода подведение промежуточных итогов исследований, подготовка к новому их этапу. И было бы оправданно рассматривать научную деятельность А. Н. Лещинского в академическом ракурсе, подчеркивая теоретическую состоятельность трудов, радуясь новизне результатов и выводов, критикуя неудачные положения (без неудач науки не бывает).

Но никакая научная деятельность не существует сама по себе, отдельно от её ученых носителей. И личностные качества этих учёных не менее значимы, чем степень владения ими «профессиональной технологией» исследования. Так вот, об Анатолии Николаевиче Лещинском можно не кривя душой сказать, что он в религиоведении «человек на своём

месте», и в научном и в личностном плане. Его жизненный путь и трудовая биография – от специальности столяра-краснодеревщика после окончания Абрамцевской художественной школы, через педагогическое высшее образование, через многолетнюю научную работу в государственном историко-художественном музее-заповеднике на территории Троице-Сергиевой лавры, через государственную службу по связям с религиозными объединениями федерального уровня, через подготовку и защит кандидатской и докторской диссертаций, через преподавание в высших учебных заведениях страны – это совершенно органичное сочетание высоких человеческих качеств с научным энтузиазмом и целеустремленностью. И на каждом этапе этой биографии полученное им самим, через образование и научный поиск, не остаётся под спудом личных интересов, а служит интересам общественным.

Вспоминая известную формулу М. Вебера о «науке как призвании и профессии», нужно понимать, что призвание это не только вдохновенность (из какого бы источника она ни исходила), но и служение («призван на службу»). То, насколько я мог понять научный путь А. Н. Лецинского, даёт мне основание уверенно утверждать: для него религиоведение это и личный научный интерес, позволяющий реализовать собственную страсть к познанию, и в не меньшей степени – общественно необходимое служение, к которому он призван чувством гражданского долга и которому он полностью профессионально соответствует.

Сборник избранных «Религиоведческих трудов» издается в год 80-летнего юбилея автора. Пожелаем Анатолию Лецинскому крепкого здоровья и дальнейших успехов в научной и преподавательской деятельности.

РАЗДЕЛ I ЛАВРА НА ДРЕВНЕМ МАКОВЦЕ И АКАДЕМИЯ В НЕЙ

ИДЕЯ ЕДИНСТВА ПРЕП. СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН. [97]*

1. Сергей Радонежский – один из крупных деятелей Русской православной церкви эпохи феодализма. Родился в 1314 г. в с. Варницы под Ростовом Великим в семье ростовского боярина Кирилла. Первоначальное имя Сергея Радонежского – Варфоломей. Когда ему не было десяти лет, семья переехала в г. Радонеж на земли Московских князей. Ещё до смерти своих родителей у Варфоломея было намерение стать монахом и жить в уединении. После их смерти он отказался от своей доли наследства и вместе со старшим братом Стефаном в 1342 в 11 км от Радонежа (в 72 от Москвы) в глухой чащобе устроил келию, а затем построил деревянную церковь, освящённую в честь св. Троицы.

2. Время ухода Варфоломея совпало с периодом начавшейся централизации русских земель вокруг Москвы. Впоследствии Варфоломей стал основателем монашеской общины, сам принял монашество с именем Сергей и члены общины избрали его игуменом.

3. Сергей выступал с идеей объединения русского народа вокруг Москвы и за освобождение от ига Золотой Орды.

* 1. Цифра в квадратной скобке совпадает с нумерацией в Списке публикаций автора (См. в конце сборника).

2. Сноски на источники в настоящем издании расставлены так же как в первоначальных публикациях.

Идею единства он стал воплощать сперва в самом монастыре среди появившейся братии. Он сумел создать и развить новый для русских земель XIV в. тип монастырей – общежительных, опиравшихся не на подаяние, а на собственную хозяйственную деятельность. В монастыре никто не имеет собственности – все едино. В ту пору вопрос стоял так: каким по высоте своего жития будет монастырь – такой будет и окружающая действительность. И многое здесь зависело от самого игумена настоятеля. Сергей избрал, как пишет автор жития Сергия, Епифаний Премудрый, “высокое житие”. В него входило исполнение добродетелей: чистота душевная и телесная, молчание уст, труды телесные, смирение нелицемерное, молитва беспрестанная, рассудок добрый, любовь совершенная, бедность в одежде, память о смерти, кротость с мягкостью, единомыслие с насельниками, согласие и любовь.

Таким образом, было избранно духовное и нравственное самосовершенствование. Можно с уверенностью сказать, что Сергей своей жизнью доказывал окружающим – жизнь можно устраивать только добром и любовью. Еще одно из условий “высокого жития” – и для отдельного человека, и для монастырской обители, и для общества в целом, – преподобный Сергей видел в единомыслии. Единомыслие для отдельного человека – это единство души, полностью посвященной служению Господу. Для обители – это единство помыслов и действий всех иноков, которые своим подвигом умножают Христову Любовь на земле и подают пример остальным людям. Для общества – это идея единства Руси, благодаря которому Русь только и может спастись. И совсем неслучайно то, что обитель, основанная преподобным Сергием, была посвящена Святой Троице. Сергей Радонежский видел в Троице высший христианский образ Единства и Любви, ибо ипостаси Святой Троице единосущны, не разделены отношениями старшинства и младшинства, не знают ненависти, но исполнены Любви. Выдающийся отечественный ученый, историк и философ, исследователь мировоззрения Древней Руси, мой учитель, А. И. Клибанов отмечал: “Сергий – основоположник культа Троицы как религиозной перифразы идеи народного единения”. [1]

Таким образом, Троица в глазах средневекового человека стала олицетворять идею единства, преодоления распрей русских князей перед освобождением от монгольского ига. Религиозная идея троичности Божества стала духовной основой объединения народа. В этом главное социокультурное значение деятельности Сергия. В 1374 г. Сергий стал доверенным лицом московских князей, поддержал великого князя Дмитрия Донского в борьбе против ордынского нашествия; в 1380 г. помог в подготовке Куликовской битвы. В 1385 г. ездил с дипломатической миссией в Рязань, успешно справился с предотвращением войны между Москвой и Новгородом.

4. Скончался преподобный в 1392 г. и был похоронен в основанном им монастыре. Канонизирован Русской православной церковью в 1452 г. Его житие написано Епифанием Премудрым в начале XV в. Сергий не оставил после себя письменных произведений, но стал примером любви к ближним, добродетельной жизни, добротолюбия, благотворительности и странноприимства.

5. Идеи о необходимости единства русского народа оказали большое влияние на древнерусскую культуру рубежа XIV–XV вв., в частности, на творчество св. Андрея Рублёва. Под влиянием этих идей им была создана ныне всемирно известная икона “Св. Троица”. Три ангела символизируют мир и согласие. Андрей Рублев в совершенной художественной форме воплощает эту символику нерушимого единства. Композиционно ангелы вписаны в круг, точнее слегка вытянутый кверху овал. Овал, как и круг, символизирует вечность, совершенство и завершенность творения, единое нерушимое целое.

6. К настоящему времени в России, в ближнем и дальнем зарубежье действует множество храмов, освящённых в честь преп. Сергия. В 1992 г. в России широко было отмечено 600-летие кончины Сергия Радонежского. В с. Варницы установлен поминальный крест на месте рождения Варфоломея. В Радонеже и в Сергиевом Посаде – у стен основанной Троице-Сергиевой лавры поставлены скульптурные памятники, изображающие святого. В текущем году, когда празднуется 700-летие со дня рождения Преподобного памятники будут

установлены в России, Белоруссии, Казахстане, Молдавии и на Украине. В Казахстане предполагается водрузить памятник в Астане на площади перед Духовно-культурным центром имени равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Итак, Сергей соорудил храм в честь Троицы, “дабы, – как сказано в Житии о нем, – воззрением на Святую Троицу побеждался страх ненавистой розни мира сего”. Будем помнить заветы великого подвижника, философа, трудолюбивого и добродетельного человека – пребывать в единстве, значит жить в мире и согласии.

Библиографический список

1. Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. – М., Наука, 1960.

2014 г.

*К 600-летию преставления
Преподобного Сергия Радонежского*

“СТРАННОЛЮБИЯ НЕ ЗАБЫВАЙТЕ”. [3]

Так наставлял перед смертью Сергей Радонежский своих учеников. Сей завет он и при жизни любил повторять. И не только повторять, но и сам любил принимать странников. Паломники и путешественники стали появляться в монастыре в самую раннюю пору его существования. Их монастырь принимал, им показывали, как живет братия, включались они в богослужение, пришедших издалека – кормили. Таким образом они находили здесь покровительство. Заповедь странноприимства, говорил Преподобный Сергей ученикам своим, “сохраните без роптания”. По словам Епифания Премудрого, рука Сергия была простерта к нуждающимся, как

река многоводная, тихая струями, и если кому приходилось в зимнее время, от сильного мороза, или глубоких снегов, или бурной метели, умедлить в обители долее обыкновенного, то во все время пребывания своего в ней он получал все необходимое.

В первые века монастырь непосредственно принимал у себя, а уже с XVII века начинает строить специальные странноприимные дома, а позднее – гостиницы. Но в настоящем очерке речь пойдет больше о гостях, которые приезжали и ныне приезжают в Лавру, чтобы пополнить свои знания о Русской Православной Церкви вообще, и о монашестве в частности. Своими глазами увидеть и убедиться в правоте сказаний о Лавре, ее несметных богатствах, познакомиться с бытом насельников, послушать не только древние песнопения, звон колоколов, но и застывшую музыку архитектурных шедевров. Бывали гости с различными миссиями – то ли церковными, то ли дипломатическими.

Да, из стран иных здесь люди появляются тоже рано. Слух о монастыре рано переходит границы Отечества нашего. И прежде всего о Сергии. В “Похвальном слове” ему Епифаний с гордостью произносит, что не только в стране своей, где жил Святой, но и в других городах и дальних странах, для всех народов от моря до моря он был предметом удивления – не только в Царьграде, но и в Иерусалиме, и не только православные, но и неверные, многие удивлялись добродетельной жизни Преподобного.

Во второй половине XIV века в Троицкий монастырь к его первому игумену прибыли послы от Константинопольского патриарха Филофея. Они передали Сергию золотой крест, предметы монашеского облачения – пара-манд, схиму и вручили патриаршую грамоту с благим советом ввести в монастыре общежитийный устав. Сергей еще спрашивал, а не ошиблись ли посланники адресом. Греки подтвердили, что нисколько не ошиблись. Тогда Сергей поклонился им до земли. Затем предложил им трапезу, угостив их, и велел дать им покой, чтобы они отдохнули перед дальней дорогой.

Около 1440 года в Россию прибыл с Афона монах Пахомий Серб. В литературе его еще называют Пахомий Логофет (дьяк, письмоносец). Стопы свои он направил в Троицкий

монастырь. Тот его принял – здесь любили писателей, книжников. Продолжительное время жил на Маковце Пахомий, даже был удостоен степени иеромонаха. Впоследствии стал известен как составитель житий святых и служб, посвященных им. Взяв за основу труд Епифания, он составил краткое житие Сергия.

Источники повествуют и о судьбе еще одного иностранца – Максима Грека, прожившего свои пять последних лет в Троице. Здесь он нашел и свое упокоение – захоронен в Духовской церкви.

Патриарх Иерусалимский Феофан будучи в обители Сергиевой, у его раки возложил клобук на главу знаменитого архимандрита монастыря Дионисия Зобниновского. А за несколько лет до этого перед известной смутой монастырь посещали Патриархи восточных православных церквей Иоаким и Иеремия. О приездах Патриархов пишет в своем предисловии к “Сказанию о новоявленных чудесах Преп. Сергия” троцкий келарь Симон Азарьин.

Факт их пребывания в России запечатлен и в знаменитой Посольской книге по связям России с Грецией, впервые опубликованной Институтом истории СССР к 400-летию утверждения патриаршества в России.

Уже тогда существовал подробный протокол приема людей такого ранга: в какие дни принимать, кому встречать, как принимать (“как митрополита Московского, чинно, во всем почесть чинить, со звоном”), какие службы в дни пребывания гостей совершать, и даже что дарить (“велено дати у Троицы...”), и как добираться от Москвы и обратно (“а ехать дорогою бережно”). Патриарха Иеремию одарили тогда очень щедро. Дело он сделал великое, историческое – утвердил первого патриарха на Руси. Приведу из росписи даров Патриарху: “...образ Спасов или Пречистые Богородицы чеканные с пеленою, которой чудней ис старых образов, образ Сергиево виденье, обложен серебром, венцы с сканью, кубок серебрян гривенок в чара или брата серебрена рублев в 20, бархат вишневы гладок, отлас лазорев, камка... синя... 40 соболей в 30 рублев денег, 2 полотенца троецких, 5 братин троецких...” После Иеремии были и другие патриархи, и

митрополиты с Востока. Об их посещениях монастыря сохранились, где подробные, где краткие записи.

Записи оставили и знаменитые англичане. Особенно их восхищала экономическая, в частности, торговая деятельность монастыря. В XVI веке жили в России и писали о ее жизни Ричард Ченслер, Антон Дженкинсон, Фома Рандольф, Герсей, Джильф Флетчер. На протяжении многих лет, начиная от пребывания вице-адмирала Ченслера при Иване Грозном, англичане в своих сношениях с Россией преследовали исключительно торговые цели. Сами, заслужившие известность во всем мире как торговцы, они высоко отзывались о торговых делах русских монастырей. Один из англичан, служивший в Москве в 50-х годах XVI в., говорил, что русские монахи не уступят в торговле никому из своих соотечественников. А знаменитый Мильтон в своей “Краткой истории Московии” писал именно о троицких монахах, что они суть первые торговцы в России. Другой известный англичанин составил описание облика Троицкого монастыря середины XVI в. и поделился впечатлениями о некоторых подробностях из его внутренней жизни. Монастырь, отмечает он, обнесен каменной оградой, очень прочной, наподобие замка, на стенах много бронзовых орудий. Сами монахи ему рассказывали, что до 700 братьев подвизается в монастыре, а кругом на огромном пространстве обители принадлежит большая часть земель, городов и деревень. Далее, ему показали церковь, в которой столько образов (икон), сколько только можно повесить на стенах, даже потолок был весь расписан. А главный образ Богоматери с золотою ризою (окладом) был украшен обильно рубинами, сапфирами и другими дорогими камнями.

Англичанин отмечает величайшее гостеприимство монастыря. Монахи его ввели в погреба и заставили попробовать различных напитков: вин, пива, меду и квасов, различных цветов и способов выделки. В погребах было такое множество напитков, что, по мнению гостя, “немного и государей; которые имеют больше или столько же. А здешние посудины или бочки неизмеримой величины”.

Много мне довелось читать подобных записок и почти все иностранные авторы обращают внимание на несметные

богатства монастыря. Если же они что-то включали в свои повествования из области фантазии, например, об неоскудевающих бочках с медом или котлах с пищей, то они вряд ли сами сочиняли, а им об этом рассказывали уже в России.

Подробное описание пребывания гостей в монастыре написал иеродиакон Павел Алеппский из Антиохии.

Одно из интереснейших описаний путешествия в Лавру можно найти у известного французского писателя Теофиля Готье. Он еще, как в древности, добирался по знаменитой шоссейной дороге из Москвы в Троицу.

В три часа утра он был уже на ногах, чтобы хотя бы в середине дня прибыть на место и получить в тот же день общее представление о монастыре. В московской гостинице с куском мяса и стаканом горячего чая наш путешественник расправился быстро. Долго пришлось облачаться в теплую одежду, так как окна гостиницы украшены были трескучим морозом. А ехать предстояло в кибитке, окно которой не закрывалось, дабы не остались сидящие в ней без воздуха. И вот Готье надевает на себя две рубашки, два жилета, двое брюк и тут же иронизирует: “как раз столько, сколько нужно, чтобы одеть с ног до головы еще одного смертного”. Но это, конечно, еще не все: на ноги были одеты шерстяные чулки, белые фетровые валенки, на них еще меховые сапоги выше колен, на голову – бобровая шапка, утепленная ватой, на руки – настоящие самоедские варежки, у которых отделен только один палец. Поверх всего на гостя из Франции накинули огромную меховую шубу, а чтобы она не распахивалась и не проникал под нее мороз, снизу доверху по всей длине ее обмотали пять–шесть раз длинным вязаным шарфом. И это еще не все: когда он сел, на ноги положили покрышки и медвежью шкуру.

Тронулась кибитка около четырех часов утра. Проехали Москву, пересекли крепостной вал и съехали с улицы на проселочную дорогу. Не один час ехали по безлюдной дороге в кошмарной темноте. Разные были разговоры еще с двумя спутниками писателя. Не преминули в такой местности среди бесконечных снегов вспомнить о проделках волков. Со страхом подумали, что от их погони можно было только

надеяться на быстроту лошадей и на соседство какого-либо жилища.

Где-то посередине дороги в одном из постоянных дворов сменили лошадей и позавтракали. При приближении к Лавре чаще стали встречаться жилища и паломники. И вот Готье впервые увидел золотые шпили и купола, которые снег расписал серебряными мазками. Они возвышались как бы перекладывая иллюзию восточного города.

За свою жизнь Готье видел очень много, был заядлым путешественником, думается, его уже ничем не удивишь, однако, он с восторгом замечает, что трудно представить себе нечто более прекрасное.

Остановился гость из Франции в здании монастырской гостиницы, которое расположено на площади около восточной стены Лавры и Белого пруда (здание сохранилось до нашего времени). Короткий отдых, и он уже у ворот монастыря. Здесь его заинтересовали многочисленные ларьки с мелким товаром, игрушками, эмалевыми медальонами с образом св. Сергия, пряниками, выпеченными в монастырской поварне... В Троицкий собор он уже входил, когда день начинал склоняться к ночи. Его поразила рака Сергия чеканного серебра и такой же балдахин над нею. “Скромный отшельник, – отметит после в своих заметках Готье, – лежал здесь, окруженный большим богатством, чем император”. День закончился осмотром Успенского собора, фрески его вызвали такое впечатление, что будто бы вся церковь покрыта ковром, ибо ни один выступ не прерывает росписи.

На другой день состоялась встреча с архимандритом Антонием. По словам Готье, это был красивый человек с длинной бородой и длинными волосами, очень величественный.

После встречи гостю показали ризницу. Все шкафы ему были открыты, и он смог увидеть Библии, Евангелия, литургические книги в обложках из позолоченного серебра, инкрустированного твердыми породами камней: ониксами, сердоликами, агатами, лазуритами, малахитами, бирюзой. Книги были с золотыми и серебряными застежками, с древними камнями, вделанными в переплет. Здесь были и чаши из золота, обрамленные бриллиантами, кресты, усеянные изумрудами и рубинами, перстни с сапфирами, вазы и

подсвечники из серебра, далмацкие парчи с вышитыми на них цветами.

Не меньший интерес, чем эти груды золота, бриллиантов и жемчуга, вызвал осмотр живописных мастерских. Готье провели по широким коридорам и лестницам в зал, где работали монахи-художники и их ученики. Потом гость отметит, что они так писали иконы, что, если бы старые мастера из Салоник вернулись в наш мир, они остались бы довольны своими последователями из Троицы. Но в то же время был замечен в иконописном искусстве новый дух: некоторые иконы писались маслом с отступлениями от традиций, лики в них менее суровы и по-человечески красивы. “Удастся ли защитить старый стиль Афона с его древнерелигиозным характером?” – с таким вопросом вышел Готье из мастерской. Ему показали фотографическую мастерскую. Монахи репродуцировали здесь прекрасно удавшиеся снимки.

Примерно полчаса писатель пробыл в монастырской библиотеке. С трепетом и восхищением он осматривал корешки прекрасно переплетенных книг, стоящих по порядку на полках в шкафах. Кроме работ по теологии, Библий, произведений отцов церкви, схоластических трактатов, Евангелий, литургических книг на греческом, латинском и старославянском языках, он заметил там много французских книг, предшествующего и великого столетия.

По приезде во Францию Готье своим друзьям говорил, как только речь заходила о России, что путешествие в Троице-Сергиевскую Лавру стоит совершить и, если его кто-то проделает, то никогда не будет в том раскаиваться.

А вот посланник от вашингтонского конгресса Североамериканских Соединенных Штатов (товарищ государственного секретаря по морскому министерству США) капитан Фокс добирался уже по железной дороге. Происходила поездка 16 августа 1866 года. Поезд отправился в 10 утра и прибыл в Сергиев Посад в 11 часов 40 минут, Фокс, не теряя времени, всю дорогу знакомился с историческими описаниями Троицко-Сергиевой Лавры, специально для него переведенными.

И вот конечная станция. Здание вокзала по фасаду и внутри убрано русскими и американскими гербами и флага-

ми. Здесь же толпа народа, ожидавшая гостей, представители местных властей и посадских сословий в мундирах. Массы людей с криками “Ура” встретили и проводили делегацию до гостиницы.

Осмотр достопримечательностей после краткого отдыха начался с Гефсиманского скита. Здесь путешественников в своей келье изъявил принять митрополит Московский Филарет.

Далее я воспользуюсь некоторыми подробностями, опубликованными в книге “Американцы в России и русские в Америке” (СПб., 1866).

В скиту гости остановились у деревянной церкви, к коей примыкает келья архипастыря, знаменитого не только в России, но и за ее пределами. С благоговением вошли посетители в эту маленькую келью. Преклонив голову, посланник американского конгресса выслушал приветы старца. Преосвященный заметил, что ему приятно видеть дружественные отношения между двумя народами, и как желательно, чтобы и вообще между христианскими народами водворилось согласие. Владыка присовокупил, что в России возрадовались торжеству законного правительства в Америке, где при полной веротерпимости господствует страх Божий. При этом он передал посланнику, в память о посещении, виды Лавры и скита. Владыка припомнил при этом, что имел случай познакомиться с американским духовным лицом Йонгом, посещавшим Москву.

Из кельи митрополита посетители пошли осматривать деревянную церковь, стены которой выложены кипарисом. Высокопреосвященный владыка совершенно неожиданно для посетителей последовал за ними и сам рассказал им через контрадмирала Лесовского о достопримечательностях церкви.

Из церкви путешественники отправились осматривать пещеры, входя и в те подземные кельи, где прежде спасались инок. Затем посольство вернулось в Лавру.

На американских гостей, по-видимому, произвело сильное впечатление свидание со знаменитым архипастырем, и разговоры их были полны им.

Лаврский наместник Антоний встретил их в Троицком соборе. Он объяснил им значение храма, и затем пригласил посмотреть ту часовню, где прежде была келья Преподобного Сергия. Из часовни гости отправились в знаменитую ризницу, которую осматривали весьма подробно и с большим вниманием. После ризницы посетители были на могиле Бориса Годунова и в Успенском соборе, где заканчивались работы по реставрации стенной живописи.

Затем посетили трапезную, где монастырь кормил не только свою братию, но и пришлых богомольцев. Гостям рассказали, между прочим, что накануне их приезда, в день Успения Богородицы, Лавра приняла 8 тысяч человек. Наместник пригласил гостей осмотреть школу рисования и иконописания, где этим искусствам Лавра обучает за свой счет бедных людей. При этом наместник поднес Фоксу на память неосвященный образ Преподобного Сергия, писанный в византийском стиле с золотом. Многие американцы приобрели себе на память образа на финифти и перламутре. Затем посетители отправились в Московскую духовную академию, где, сопровождаемые ректором, осматривали классные комнаты студентов, библиотеку, древние рукописи. Через квартиру ректора гости прошли в конференц-зал Академии, на потолке которого в барельефах изображены подвиги Петра Великого. Секретарь американского посольства Куртин, бывший в Лавре в прошлом году, встречался со многими иноками как старинный знакомец, и своей бойкой русской речью как бы сближал их с заатлантическими гостями.

После Академии гости посетили кухню монастыря, осматривали площадку, где Лавра предлагает стол нищей братии, и затем сели в экипажи. При тех же приветственных криках многочисленной толпы доехали они до станции железной дороги и прибыли в Москву в 5 часов 10 минут пополудни.

В настоящее время Лавру посещает большое количество гостей из многих стран мира. Как и прежде, много из Великобритании. Чаще всего приезжали представители дипломатических кругов и торговли, ныне больше стало приезжать и представителей от церковных кругов. Наиболее характерны последние десятилетия, когда, как никогда ранее, очень ак-

тивизировались внешние церковные отношения. Так, с 1943 года до конца 80-х годов произошло более 25 значительных встреч между представителями Русской Православной и Англиканской Церквей. В Троице-Сергиеву Лавру стремятся попасть представители самых различных кругов Великобритании. Только в 1986 г. их побывало по официальным каналам более 150 человек, в 1987 году – около 200. Каждому из них было оказано внимание со стороны руководства Лавры и Духовных школ.

Среди известных деятелей общественных, политических и религиозных кругов необходимо упомянуть такие имена. В 1977 году – президент Королевской академии искусств сэр Хью Кассом, архиепископ Кентерберийский Дональд Коган, почетный член Московской духовной академии. В 1985 г. – министр иностранных дел Малькольм Рифкинд, который в книге посетителей Лавры записал: “Наш визит в Загорск был для нас незабываемым духовным и эмоциональным событием. Красота, спокойствие и мирная атмосфера вашего монастыря, а также неустанная работа в борьбе за мир, послужат обогащением нашей жизни. Визит помог всем нам вспомнить те ценности, которые мы разделяем и которые помогут нам в обсуждении того, чтобы мир и свобода всегда возобладали в жизни”. В том же году был лауреат Нобелевской премии (1969 г.). проф. Дерек Бартон. Генерал, директор Лондонского центра по строительству международного мира Майкл Харботл, посетив Лавру, оставил следующую запись: “Наш визит явился событием огромной красоты и духовности. Сегодня мы живем под угрозой ядерной войны. Лавра создала памятник миру. Загорск посылает послание миру. Сергей Радонежский был миротворцем, и мы нуждаемся в таких людях” (1985 г.). Через год Лавру посетили председатель Британского Совета церквей, представители организации “Кампания за разоружение”.

Более подробно расскажу о пребывании в Лавре в 1987 году Маргарет Тэтчер, так как будучи работником одной из структур при Совете Министров СССР участвовал в подготовке визита и был очевидцем этого события.

Печать нашей страны и телевизионная программа “Время” сообщили о нем в нескольких скупых словах: “20 марта

премьер–министр Великобритании М. Тэтчер совершила поездку в подмосковный Загорск, где посетила Троице–Сергиеву Лавру”.

Встречающие ожидали гостей на Красногорской площади. И вот с центральной магистрали слышны усиленные репродукторами голоса сотрудников ГАИ. Кorteж правительственных машин подъезжает к Святым вратам. Гостью из страны Альбиона встречает с собором наместник архимандрит Алексей. Держа в руке черный, блестящий посох, он обращается со словами приветствия: “Ваше Превосходительство, мы приветствуем Вас и досточтимых спутников Ваших. Вы совершаете паломничество в самое сердце русского Православия...” Приветствие закончилось пожеланиями: “Да благословит Бог Ваш приезд в это святое место. Да ниспослет Вам силу и крепость в служении благу народа Великобритании, да увенчает успехом Ваш визит в нашу страну, который, мы верим, послужит дальнейшему укреплению и развитию взаимоотношений между государствами и народами”.

Встречающих так много, что на пути шествия по Лавре создавались трудности в прохождении. Людей приходилось сдерживать. Они с теплотой встречали Маргарет Тэтчер, которая часто останавливалась перед собравшимися, по–русски: “Здравствуйте!” – приветствовала их, беседовала с ними. Посетила самый древний храм – Троицкий собор, построенный над захоронением Сергия Радонежского. Поставила здесь свечу. Из собора делегация последовала в Трапезную – уникальное бесстолпное сооружение конца XVII века с храмом, слушала песнопения литургии Василия Великого. Далее направилась в Московские духовные школы – Академию и Семинарию. Встречал ее ректор архиепископ Дмитровский Александр (Тимофеев), проректор профессор М. С. Иванов, инспектор Академии архимандрит Георгий, инспектор Семинарии архимандрит Венедикт, секретарь совета Академии архимандрит Платон, профессора и преподаватели Московских духовных школ. Приветствуя госпожу Тэтчер в древних стенах Московских духовных школ, архиепископ Александр предложил программу посещения Академии

начать с осмотра академического музея (Церковно-археологического кабинета – ЦАКа).

С экспозицией музея английскую гостью на языке ее страны познакомил доцент Академии по кафедре Церковной археологии протоиерей Владимир Иванов. Госпожа Тэтчер проявила высокий уровень компетенции в различных областях церковного искусства, с восхищением отзывалась о древних иконах XIII–XVII веков, проявила интерес к особенностям различных древнерусских иконописных школ. Приятное впечатление на гостью произвело факсимильное издание Бrevиария XVII века – Молитвослова английской королевы Анны (дочери английского короля Иакова II). Объектами особого интереса госпожи Тэтчер явились образцы ростовской эмали, Острожская Библия, металлические складни и кресты, картины русских художников Нестерова, Сурикова, Васнецова и других. В мемориальных комнатах, посвященных Святейшему Патриарху Алексию (Симанскому), премьер-министр ознакомилась с жизнью его, патриаршим служением и с миротворческой деятельностью, что подтверждено представленными в экспозиции его наградами – четырьмя орденами Трудового Красного Знамени, многочисленными орденами и медалями различных стран и церквей. Среди наград премьер-министр увидела и орден Англиканской Церкви, которым был награжден Патриарх Алексей во время его визита в Великобританию в 1964 году.

После осмотра госпожой Тэтчер экспонатов ЦАКа в актовом зале состоялась официальная и торжественная встреча ее с руководством и учащимися Духовных школ. Здесь же присутствовало около ста журналистов и корреспондентов из разных стран мира, освещающих визит премьер-министра.

Ректор Академии и Семинарии архиепископ Дмитровский Александр от имени Духовных школ приветствовал госпожу Тэтчер и выразил добрые чувства в связи с ее визитом в древние Духовные школы. В своем слове он указал на установившиеся добрые контакты между Русской Православной и Англиканской Церквями. Эти контакты, сказал он, своими корнями уходят вглубь веков и в настоящее время еще более укрепляются, и становятся нормой в отношениях между Церквями. Подтверждением этому служат взаимные

(в 70–х годах) визиты представителей Церквей в Москву и Лондон, участие Русской Православной Церкви в богословском диалоге с Англиканской Церковью. В 1977 году глава Англиканской Церкви архиепископ Кентерберийский Фредерик Дональд Коган посетил Московскую духовную академию и был избран почетным ее членом. Архиепископ Александр выразил надежду, что визит госпожи Маргарет Тэтчер послужит дальнейшему развитию контактов между Церквами и углублению взаимопонимания между народами.

Хор учащихся Московских духовных школ под управлением преподавателя М. Трофимчука дал небольшой концерт в честь Маргарет Тэтчер. Исполнялись произведения духовных композиторов Кастальского, Чеснокова, Архангельского. После завершения концерта ректор Академии вручил госпоже Тэтчер сувениры – икону св. Троицы, юбилейную медаль, буклет о трехсотлетию Московской духовной академии. Госпожа Тэтчер сердечно поблагодарила ректора Академии за устроенный ей прием. Персонально выразила благодарность руководителю хора, его участникам, солистам.

Через несколько минут делегацию уже встречал в Митрополичьих покоях от имени Патриарха Пимена митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий (Лавра расположена в епархии, которой он управляет) – постоянный член Синода Русской Православной Церкви. В те годы он являлся членом Советского комитета защиты мира, Советского комитета за европейскую безопасность и сотрудничество, Совета Союза Советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Вел большую миротворческую деятельность. Награжден орденом “Дружбы народов”, медалями и грамотами Всемирного совета мира, Советского комитета защиты мира и Советского фонда мира. При встрече он сказал: “Мы принимаем сегодня наших дорогих гостей в духе традиций монастыря и его основателя Преподобного Сергия... Мы можем свидетельствовать перед Вами, что десятки миллионов наших сограждан являются горячими и убежденными приверженцами Церкви... Готовясь в 1988 году отметить 1000–летие Крещения Руси, Русская Православная Церковь год тому назад обнародовала Послание Священного Синода “О войне и мире в ядерный век”. Суть послания

очень ясна. Мы считаем, что ядерное оружие – это современное зло, против которого должны бороться и Церковь, и все человечество, – продолжал митрополит Ювеналий, – церковным людям очень близок призыв Советского правительства, чтобы к 2000 году освободить Землю от ядерного оружия и других видов смертоносного оружия, построить мир на Земле, приблизить эпоху мира”.

Упомянутое митрополитом Послание (утверждено 7 февраля 1986 г.), имело сильный резонанс как в церковных кругах, так и у всех, кто ведет активную борьбу за мир. Документ этот, прежде всего предостережение. Его подписали члены Синода Русской православной церкви. Исходили они из того, что в случае ядерной войны не будет ни победителей, ни побежденных. Существующее представление об ограниченной ядерной войне они считали ошибкой. В документе также подчеркивается греховность политики устрашения. Само по себе устрашение, согласно христианской морали и традиции, является допустимой моральной категорией как, к примеру, богобоязненность или страх перед законным возмездием за содеянный грех. Однако, по мнению авторов Послания, ядерное устрашение носит качественно иной характер, ибо оно допускает возможность ядерной войны и тем самым подлежит осуждению как грех. К тому же политика устрашения сеет недоверие между народами. Оно способствует также гонке вооружений, последствием которой является бессмысленное негуманное расточительство естественных и материальных ресурсов. При этом в документе особо упоминается вред, наносимый гонкой вооружений окружающей среде. Для преодоления устрашения Синод Русской православной церкви предложил в качестве первого шага военный паритет, замораживание вооружений на нынешнем уровне с последующим постепенным снижением уровня вооружений, далее Синод выступает за предотвращение космического вооружения, прекращение ядерных испытаний, образование безъядерных зон, гарантию надежного контроля за процессом разоружения.

Заканчивая прием, митрополит Ювеналий пожелал гостям успешного визита в страну и просил г-жу Тэтчер передать добрые пожелания Церкви и верующим Великобритании.

нии. В ответном слове премьер–министр, в частности, сказала: “Сегодня я встречалась здесь с молящимися и прихожанами вашей конгрегации. Они мне говорили о своем желании, чтобы наши две страны жили в мире. Я, конечно, всей душой разделяю их желание. Мне хочется видеть, чтобы отношения между нашими странами развивались в духе дружбы и сотрудничества. Ваше продолжающееся смелое свидетельство о своем исповедании служит вдохновением не только здесь, в стенах монастыря, но и повсюду. Ваше Послание относится ко всем людям, ко всему человечеству и на все времена”.

В то время, когда в покоях проходил прием, в Академии по случаю посещения Лавры М. Тэтчер состоялась пресс–конференция для корреспондентов. Более ста журналистов из Великобритании и других стран задали многочисленные вопросы представителям Церкви.

Журналисты интересовались количеством верующих в Русской православной церкви и числом священнослужителей в ней, числом учащихся Духовных школ, источником денежных средств Церкви, в том числе, поступают ли они от государства, о существовании подпольных церквей. Конечно же, интересовались отношением представителей Церкви к перестройке, происходящей в стране, и коснется ли она каким–либо образом и Церкви, особенно процессами углубляющейся демократизации. Действительно, в то время ни одна подобная пресс–конференция не обходилась без этих вопросов. Некоторые зарубежные представители придавали им такое течение, что считали процесс демократизации в сфере отношений к церкви государства главным. Именно в этом процессе, по их мнению, и будет подтверждаться истинность и вероятность всей демократизации нашего общества. Многие вопросы сводились в основном к двум главным: “Будут ли верующие пользоваться большими правами?” и “Отразится ли на церкви атмосфера гласности?”

Да, законодательство о религиозных культах было крайне несовершенным. Много в нем статей запретительного характера. К тому же статьи представителями государственных органов часто нарушались. Естественно, не могло в условиях перестройки оставаться без изменений и законодательство о

религиозных культах. А что касается гласности, то по последним публикациям того времени в “Московских новостях”, “Известиях”, в журналах “Новый мир”, “Огонек” можно убедиться, что уже в 1987 году она затронула вопросы, связанные с удовлетворением просьб верующих некоторых религиозных Обществ.

В то же время мне приходилось неоднократно участвовать в пресс-конференциях, на которых зарубежные корреспонденты поднимали вопросы, связанные с отношениям Советского государства к религии, церкви и верующим. На них обязательно спрашивали представителей государства и церкви о подготовке к 1000-летию введения христианства на Руси, которая тогда уже активно началась.

Не обошлась и данная пресс-конференция без этих вопросов. Кстати, дата тоже упоминалась во время посещения Лавры г-жой М. Тэтчер.

К тому времени произошла передача Московской патриархии зданий Данилова монастыря и началось непосредственное участие государственных организаций в ремонтно-строительных и реставрационных работах на его территории. Началось проведение в Киеве и Москве трех историко-церковных и богословских конференций с приглашением богословов и ученых из-за рубежа и нашей страны, также издание впервые за время деятельности церкви в новых условиях таких фундаментальных книг, как “Русская Православная Церковь”, “Крещение Руси”, “Симфония”, “Миней”, начало выпуска нового периодического издания “Московский церковный вестник”, альбома “Троице-Сергиева Лавра”, “Мстиславова Евангелия”, юбилейного издания Библии и др., представилась возможность церковным деятелям (иерархам, священникам и богословам) для своих выступлений использовать светские средства массовой информации – радио, телевидение, периодические издания (“Московские новости”, “Голос Родины”, “Советская женщина”, “Советская Россия”, “Социологические исследования”, телепрограммы “Время”, “Резонанс”, “До и после полуночи”, телемост “Москва – Сиэтл – Москва” и др). Наконец, готовилась к дате Троице-Сергиева Лавра и Московские духовные школы в ней. После произошедшего осенью 1986 года на терри-

тории школ пожара, государство приняло большое участие в ремонтно-восстановительных работах и передало для нужд Московской Патриархии бывший больничный комплекс, примыкающий к западной монастырской стене. Под знаком подготовки к 1000-летию в Академии прошел юбилей – 300-летия ее основания, а в Лавре – 650-летия.

В заключение отмечу следующую любопытную подробность. В тот же день корреспонденты ЮПИ, АП, ДПА отравили сообщения о посещении премьер-министром Великобритании Троице-Сергиевой Лавры. В них ярко было выражено стремление показать данное посещение как выражение “поддержки верующих всех религий в СССР”. Одна публикация (“Таймс”, 30 марта 1987 г.) так и называлась: “Тэтчер полна решимости добиться соблюдения прав советских граждан”. Однако она уже сама убеждалась и об этом говорила на приеме, что верующие здесь смело свидетельствуют “о своем православном вероисповедании”. В своих обращениях к премьер-министру Великобритании они выражали одно – чаяние всех советских людей “мира и дружбы”.

После часового посещения г-жа Тэтчер покидано древнюю обитель. Уже от Успенских ворот, откуда выезжали машины, собравшиеся горожане провожали ее теми же словами: “Мир и дружба”.

В очерке о гостях Лавры никак нельзя не упомянуть событие на ее территории, в котором они принимали участие одновременно в большом количестве. Имеется в виду Поместный Собор Русской православной церкви 1988 года. В Лавре он был вторым после событий 1917 года. А первым – Собор 1971 года, на котором избрали Патриарха Пимена после скончавшегося и 1970 году Патриарха Алексия.

Собор 1988 года примечателен тем, что он состоялся в дни, когда проходили в стране торжества по случаю 1000-летия Крещения Руси, а подготовка к ним началась здесь, в стенах древней русской обители. 24 июля 1981 года в Митрополичьих покоях (сейчас их чаще называют Патриаршие) на свое первое заседание собралась юбилейная комиссия под председательством Патриарха Пимена. Он же выступил с программной речью, в которой дал оценку предстоящей дате

и наметил основные этапы подготовки к ней. Таким образом, все текущее десятилетие в Русской Православной Церкви прошло по пути выполнения задач, сформулированных на заседании в Лавре. И еще было одно заседание в тех же покоех 29 июня 1986 года. На нем члены комиссии утвердили программу самих торжеств.

И вот наступили дни их проведения. В Лавре – Собор 1–9 июня. Сама обитель как бы обновилась. Стояли солнечные жаркие дни. На храмы невозможно было смотреть – так они сверкали на солнце своей белизной после ремонта. Все приготовлено для встречи гостей. Кого же принимала в эти знаменательные дни Лавра? Членов Собора – архиереев, священноцерковнослужителей и мирян, представителей Духовных школ, монастырей и других учреждений Московской Патриархии; гостей из-за рубежа, которые на Собор приглашены были на первый и последний дни его прохождения. А прибыло 451 человек из 89 стран мира: 11 глав Автокефальных Православных Церквей, 8 глав церквей Востока, руководящие деятели всемирных, международных и региональных религиозных организаций, международных и национальных общественных организаций, руководителей госведомств по делам религий.

Среди почетных гостей Патриархи Православных Церквей – Антиохийский Игнатий IV, Иерусалимский Диодор, Румынский Феохист, Болгарский Максим; Патриархи древних восточных церквей – Иерусалимский (Армянской Апостольской) Егише Дердерян, Коптский Шенуда II, Антиохийский (Сиро-Православная) Мар Игнатий Закка I Ивас. От Римско-Католической Церкви папа Иоанн Павел II направил в числе большой делегации десять кардиналов, среди которых известные церковные и общественные деятели – Агостино Казароли, Иоанн Виллебрандс, Франц Кениг, Карло Марио Мартини, Юзеф Глемп, Фридрих Веттер. Прибыл глава Англиканской Церкви Роберт Ранси, архиепископ Кейптауна Десмонд Туту, лауреат Нобелевской премии. Многие гости впервые познакомились с Троицкой обителью.

Шестое июня. Раннее утро. Архиереи, клирики и миряне – члены Собора у раки Преподобного Сергия в Троицком храме. После богослужения под звон колоколов все направи-

лись в Трапезный храм. В 11 часов началось первое заседание Собора. На нем, по существу, собрались представители почти всех религий мира. В конфессиональных одеждах, которые имели и национальный колорит, собравшиеся выражали единство религиозных и общественно–политических устремлений. Собрались они в Трапезном храме, освященном в честь Сергия Радонежского, заняв места согласно протоколу. Конечно, это было и зрелище. Как тут не запечатлеть его на пленку. В общей сложности на все мероприятия торжеств аккредитацию получили 1103 представителя средств массовой информации: советских – 657, иностранных – 446. На Соборе, конечно, они далеко не все были, но все равно пришло много фото–, кино–, телерепортеров. И когда патриарх Пимен встал, чтобы провозгласить открытие Собора, одновременно застрекотали кинокамеры, защелкнули затворы фотоаппаратов, заглушая слова первоиерарха. А освещение от софитов стало таким, что невозможно было смотреть, так все вокруг сверкало.

В своем первом выступлении патриарх Пимен, священноархимандрит Троице-Сергиевой Лавры, призвал верующих быть “активными участниками происходящего в нашей стране здорового процесса совершенствования нашего общества, обновления всех сторон жизни Родины... утверждать высокие христианские нормы человеческого бытия, являть честное отношение к труду...”.

За четыре дня работы Собор утвердил ряд документов, наметивших пути движения Церкви в меняющемся мире.

Одно из деяний Собора – канонизация святых Русской православной церкви. Среди девяти новых святых и люди, непосредственно имевшие в прошлом отношение к Троице–Сергиеву монастырю, – великий князь Московский Димитрий Донской, художник–иконописец Андрей Рублев, а также богослов, писатель–публицист, инок Афонского Ватопедского монастыря Максим Грек.

На Соборе гости выступали с приветствиями в адрес Русской Православной Церкви. Очень точно охарактеризовал значение переживаемых участниками Собора событий архиепископ Кипрский Хризостом: “Мы присутствуем на прекрасном празднике поистине процветающей Русской Право-

славной Церкви. Это – радостное торжество всех христиан на земле, и потому без преувеличения можно сказать, весь мир принимает в нем участие”.

В приеме гостей, в подготовке к Собору, в отдельных мероприятиях торжеств принимала участие и Московская духовная академия. В рассказе о Лавре мне неминуемо пришлось уже несколько раз упомянуть ее. И это естественно. А сейчас речь о ней пойдет отдельно, ибо несмотря на то, что у нее с Лаврой много общего, но много и особенного. Но прежде расскажу об отношении к Преп. Сергию Радонежскому очень известного церковного деятеля, богослова и философа – митрополита Платона (Левшина).

1993 г.

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ И СВЯТЫЕ МЕСТА РОССИИ. [35]

Мест, которые связаны на века с именем Преподобного Сергия, много. Одни нерасторжимы с самыми ранними годами жизни святого и к ним относятся с. Варницы под Ростовом Великим, по преданию бывший Григорьевский затвор в Ростове, село Радонеж и Хотьковский монастырь в Московской области. Другие – освящены, пусть иногда недолгим, пребыванием в них игумена Троицкого монастыря. Это Нагорный Борисоглебский Переславльский монастырь, Стефано-Махрищский монастырь на земле Владимирской, Нижний Новгород, Рязань, Москва. Сохранились основанные Преподобным монастыри: Высоцкий под Серпуховом, Киржачский в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, бывший Богоявленский монастырь в Московском Кремле.

Нескольким ученикам своим он дал благословение на строительство новых монастырей и указал места будущих обителей. Так были основаны Спасский Андроником, Николо-Пешношский Мефодием, Симонов Феодором. Наконец, множество монастырских и приходских храмов, освященных во имя святого Сергия, есть и в России, и за ее рубежами.

В центре подмосковного Сергиева Посада, обрамленная высокими крепкими стенами, стоит Троице-Сергиева Лавра. Возведена она на земле, которую исходил своими стопами святой Сергий. На ней он трудился и орошал ее слезами, вознося молитвы к Господу. Здесь ему явилась Пречистая Богородица, было видение птиц, здесь же с рук он кормил лесного пришельца – медведя, принимал первых насельников обители. Вплоть до конца XIX века сохранялась воссозданная после пожаров деревянная келья основателя. В середине XVII века ее видел путешественник из Антиохии иеродиакон Павел Алеппский, неоднократно вспоминал о ней в своих проповедях великий святитель Московский митрополит Филарет (Дроздов). Келья не сохранилась, но главной святыней Лавры был и остается белокаменный Троицкий собор – один из самых замечательных памятников Игумену земли Русской. С него-то и начну рассказ о местах, связанных с жизнью, деяниями и почитанием Преподобного. И именно о тех, в которых весной этого года мне довелось побывать вместе с фотокорреспондентом Николаем Соловьевым.

ТРОИЦКИЙ СОБОР В ЛАВРЕ

Троицкий храм был воздвигнут в первой четверти XV века учеником Преподобного Сергия и его преемником по игуменству преподобным Никоном. Этот период нередко называют русским предвозрождением, или золотым веком русской культуры. Именно тогда было создано немало шедевров иконописи, фрески, зодчества, шитья, золотого и серебряного дела. Среди них по праву одно из первых мест по красоте и духовной значимости занимает храм Святой Троицы на Маковце.

Если подняться на несколько десятков метров над Лаврой, то можно увидеть удивительную картину. Взгляд ваш будет следить за внутренними дорогами от ворот Лавры и непременно остановится на Троицком соборе – он виден прежде всего, хотя и расположен не в центре. К нему ведут все дороги: внутри Лавры от святых и Успенских врат, ныне

открытых, и от других, открывавшихся в старину, Каличьих и Водяных. Дороги ведут туда, где начинался монастырь, где начиналось величание Живоначальной Троицы. Дороги ведут туда, где поселился Преподобный, ибо там стояла им построенная хижина, здесь же он, обратившись к братии, произнес последние свои заветы. Дороги ведут туда, где впервые на Руси было сознательно и полновесно произнесено Преподобным Сергием слово, в котором он выразил, по замечанию священника Павла Флоренского, самую суть исканий и стремлений русского народа.

Многое в соборе напоминало о Преподобном. Строили храм над его захоронением. Благочестивые люди стремились украсить святое место, окружить его священными предметами и драгоценностями. Первая дубовая рака Преподобного находится сейчас внутри Успенского собора, у южной его стены. А в Троицком соборе изнесенные из нее мощи в 1585 году по указу царя Ивана Грозного были переложены в другую, серебряную и позолоченную. Впоследствии она оказалась внутренней, так как императрицей Анной Иоанновной в 1737 году (в год 400-летия основания Лавры) установлена была и наружная рака – серебряная, чеканная, с той же сенью на четырех столпах. Над гробницей горят лампы, пожертвованные известными почитателями Преподобного.

Таким образом, в юго-восточной части храма начал устраиваться, выражаясь современным языком, мемориальный комплекс. С правой стороны над ракой приходящие в храм могли увидеть принадлежавшие Преподобному вещи, представленные для всеобщего обозрения: деревянный посох, фелонь, аналав от схимы, две деревянные тарели. Рядом находились келейные иконы Преподобного – “Богоматерь Одигитрия” и “Св. Николай Мирликийский”. А в иконостасе в местном ряду – знаменитая икона “Троица”, написанная преподобным Андреем Рублевым “в похвалу Сергию”. Поклоняясь мощам Преподобного, многочисленные паломники поклонялись и этим священным предметам. Упомянутый Павел Алеппский заметил: “Церковь Святой Троицы невелика, четырехугольной формы, с большим куполом под хоромом и так прекрасна, что не хочется уйти из нее”. Замечательный русский писатель Иван Шмелев в начале XX века с

грустью вспоминал: “Не хочется уходить от святостей... Тянет... под тихие огоньки лампад, к Святому”.

Однако после октября 1917 года в храме из всего перечисленного осталась только рака с мощами Преподобного. Многие предметы были изъяты. Немногие из них ныне находятся в церковно-археологическом собрании Московской Духовной Академии, другие – в государственных музеях.

Нам довелось беседовать по поводу восстановления всего мемориального комплекса в Троицком соборе с насельниками Лавры, учениками и преподавателями Московской Духовной Академии, с прихожанами. Мнения их разошлись: одни – за полное восстановление утраченного, другие, ссылаясь на перемены в России, происшедшие за последние годы в области государственно–церковных отношений, считают необходимым собрать реликвии (кроме раки Преподобного) в музее. Мне подумалось, а не может ли быть это началом того, о чем мечтал священник Павел Флоренский, – созданием “Музея Лавры”.

ВАРНИЦЫ

От лаврских врат дороги расходятся в разные стороны нашей необъятной России. Одна из них ведет на северо-восток в сторону Ярославля – в древнюю Ростовскую землю. Туда, под Ростов, электропоездом через Александров, мы и направились на поклонение к месту, где родился и провел юные годы Преподобный, – в Варницы. Память о великом земляке здесь сохранялась веками. Именно на месте рождения будущего печальника за Русскую землю и ее народ построен был монастырь в честь Святой Троицы, идею которой глубоко воспринял и всю жизнь проповедовал Святой Сергий.

Еще в начале XX века монастырь поражал своим величием. В цветущем состоянии нам довелось его увидеть лишь на хромофотографии XIX века, представленной этим летом на выставке в Российской государственной библиотеке. На ней воспроизведен весь ансамбль монастыря с юго-западной стороны: в центре – Троицкий собор с двумя при-

делами, один из которых, правый, освящен в честь преподобных Сергия и Никона, Радонежских чудотворцев; около церкви возвышается трехъярусная колокольня; за святыми воротами виден Введенский храм; по углам стен прямоугольные шатрового завершения башни. Монастырь отражается в водах реки Ишни, медленно на лодках плывут монахи. Спокойная, умиротворенная картина, не предвещавшая драматических событий в этом святом месте.

Став игуменом, Сергей приходил поклониться ростовским чудотворцам и посетил Варницы. В нескольких километрах от Ростова он указал своему племяннику Феодору место строительства Борисоглебского монастыря.

Никогда не забывали здесь своего великого земляка. В Троицком храме был устроен Сергиевский придел. Здесь же находилась в отдельно располагавшемся киоте икона Преподобного Сергия, принесенная из Троице-Сергиевой Лавры. А в нескольких метрах от храма стояла часовня, построенная в память о месте, где родился Преподобный.

Сегодня этой часовни нет, только один из старожилов современного села, Сергей Евстигнеевич Рожков, точно показал, где она находилась. Помнит он и то место, где в окрестностях монастыря рос древний огромный дуб, под которым отрок Варфоломей увидел ангела, давшего ему разумение грамоты. Опять сошлюсь на литографии XIX века: на них в сюжете явления ангела Варфоломею непременно изображалось дерево.

На месте Троицко-Варницкого, монастыря тот же старожил помнит, как разрушали монастырь и приходские церкви Воскресения и Святителя Николая, построенные в XIX веке. Разруха ныне здесь страшная. Мы долго выясняли, что и где находилось. Впрочем, сравнивая то, что изображено на упомянутой хромофотографии с современным состоянием монастыря, только три здания удалось опознать. Совершенно не похожа на прежнюю Введенская церковь, лишившаяся очень многих архитектурных деталей. Ныне располагается в ней инкубатор местного племптицесовхоза.

И еще сохранились два двухэтажных дома – настоятельские и братские кельи. Мы были поражены тем, насколько обезображена местность. От прежнего благолепия, приличе-

ствующего сему месту святому, ничего не осталось. Через село проходит дорога, по которой снуют обильно обдающие путников пылью машины. Там, где протекала река, торчит высохшая осока. Хотели мы отойти подальше от бывшей Введенской церкви, чтобы лучше сфотографировать ее, но не тут—то было. Ноги наши чуть не увязли. Потом нам рассказали, что преднамеренным взрывом русло реки было изменено, и там, где поселяне и монахи плавали на лодках, удили рыбу, ныне болото.

Ничто здесь с 20–30-х годов уже не напоминало о Преподобном Сергии. Лишь в конце апреля 1992 года пришли люди, насыпали около Введенской церкви невысокий холм земли и водрузили православный деревянный крест. На нем мы прочитали: “Сей крест поставлен на земле Сергия Радонежского в лето 1992 года в год 600-летия Преподобного”. Вот и все, что довелось нам увидеть. Не смогли мы выяснить и то, что будет дальше с местом некогда столь знаменитым и почитаемым, куда на день Сергия, 25 сентября (по ст. стилю), из Ростовского собора устраивались крестные ходы.

С установкой поминального креста появилась надежда на то, что почитание Сергия здесь возродится. Затеплилась свеча и в приходской Никольской церкви. Она опять открылась для православных верующих. Трудami ее настоятеля, отца Сергия, и его помощников восстанавливается и храм Воскресения. О предстоящем возрождении настоятель говорил без оптимизма – нетрудно его понять, так как храмы претерпели сильнейшее разорение. Еще несколько лет, и они вообще могли быть снесены, как некогда здания Троице–Варницкого монастыря.

В Сергиев Посад мы возвращались через Переславль. Давно мне хотелось побывать на том месте, где Сергия поставлял епископ Волынский Афанасий в иподиакона и иеродиакона, потом в иеромонаха, а затем и в игумена. В то время здесь был Борисоглебский на Горе, или Нагорный, монастырь. Историки предполагают, что он существовал уже в XII столетии. В XVIII веке он служил загородным домом Переяславских архиереев, а во второй половине века часть территории его была превращена в кладбище. Его история завершается в XIX веке. Во всяком случае “Владимирские

губернские ведомости” в 1854 году писали о нем как о бывшем монастыре. Однако вплоть до второй трети XX века его постройки сохранялись. Известно, что в память о посещении монастыря Преподобным Сергием и поставления его в игумены Маковецкой обители построена часовня.

Еще до приезда в Переславль автор этих строк попытался по источникам восстановить место монастыря. Однако по дореволюционным изданиям сделать это не удалось. В современных же исследованиях о Переславле он даже не упомянут.

Местные жители указали нам на местечко в окрестностях города под названием Борисоглебская слобода. Радуюсь, что уже у цели, мы вошли в слободу, ныне похожую на сельскую улицу. Однако, ходя по высокому берегу Плещеева озера, мы не встретили ничего похожего ни на монастырские постройки, ни на прежде устроенное кладбище. Лишь увидели лопухи, крапиву, одуванчики и пасущихся коз. В недоумении мы остановили одного из сельчан. Он оказался местным старожилом. На наш вопрос о том, где же бывший монастырь, он ответил: “Монастырь был там, где только что вы стояли”. Потом он рассказал, как в 40-х годах взрывали монастырские здания, а кирпич и надгробия использовали селяне на жилые постройки. Спросили и про часовню. “А, помню, помню, – ответил он, – была она. Вон там и стояла, где сейчас моя банька”. И еще он заметил, что несколько недель тому назад приходил один из местных священников, говорил с жителями о восстановлении часовни.

Потрясенные увиденным, с чувством горечи мы покидали Переславль.

Возвращались в Сергиев Посад примерно по той же дороге, по которой в один из дней 1327 года ехал небольшой обоз из-под Ростова Ярославского. Вез он семью боярина Кирилла: жену Марию и сыновей Степана, Варфоломея и Петра. Достигнув подмосковных земель, они остановились в Радонеже. Как и многие в ту пору, семья Кирилла пострадала от притеснений ордынских ханов, княжеских междоусобиц, разорилась и пришлось ей перебираться поближе к Москве.

Удобнее всего в Радонеж идти пешком от платформы “Абрамцево”. На этой пешей дороге остро чувствуешь пре-

лесть подмосковного пейзажа, не искаженного современными стройками и автострадами. Первой вдалеке покажется церковь Рождества Христова с колокольной. Построена она в середине XIX века. Церковь да древние валы долгое время напоминали, что здесь некогда было поселение с многовековым прошлым. До недавнего времени храм не действовал, и в нем Загорский государственный музей разместил фотовыставку, в коей упоминался и Преподобный Сергей. После празднования 1000-летнего юбилея принятия христианства на Руси около церкви поставлен памятник Преподобному, созданный скульптором В. М. Клыковым.

В Варницах прошло детство Варфоломея, а в Радонеже – юность. Семья получила надел и начала обустраиваться. Тут и проявилось трудолюбие сыновей, воспитанное родителями. Сам Кирилл и Мария вряд ли могли, как прежде, вести хозяйство. Так прожили они около десяти лет. За это время женился сын Степан, а затем и младший Петр.

Варфоломей при жизни родителей часто приходил к отцу с просьбой благословить его на подвиг монашеской жизни. Но отец, обращаясь с любовью к сыну, просил его помедлить с исполнением такого решения, обращая его внимание на старость и немощь свою и матери. Родители рады были желанию сына, но просили послужить им, покуда не возьмет их Господь в мир иной. И сын не воспротивился и не покинул слабых родителей. Даже когда они ушли в Хотьков, в Покровский монастырь, и приняли постриг, Варфоломей непрестанно навещал их. По смерти родителей Покровский монастырь стал родовой усыпальницей семьи.

Вплоть до обретения мощей Преподобного Сергия Покровская обитель не была примечательной. Состояла она из небольшого деревянного храма да нескольких келий. С почитанием же Преподобного Сергия началось и почитание схимонаха Кирилла и схимонахини Марии. Можно предположить, что уже с середины XV века среди паломников вошло в традицию, прежде чем идти к Преподобному, заходить на поклонение к его родителям. А тропу к ним проторил сам Сергей. Из своей обители он нередко приходил к их могиле в Хотьков монастырь. Впоследствии имели широкое распространение иконы, на которых изображен в рост Преподоб-

ный у гроба своих родителей с кадильницей в правой руке; над ними парящий в облаке образ Покрова Богоматери. Порой весь сюжет изображался на фоне самого Покровского монастыря. Но это изображения конца XIX века.

Пошли и мы на поклонение преподобным Кириллу и Марии. 40 лет назад здесь была мерзость запустения. Около монастыря находилось здание Абрамцевской художественной школы, где мне довелось учиться на столяра–краснодеревщика.

Порой приходилось быть и на территории монастыря. В монастырские здания вселились многочисленные государственные конторы, и хозяйственные службы. Покровский храм превращен был в складское помещение, а в величественном Никольском соборе – ремонтные мастерские сельхозтехники. Как ни войдешь – смрад, шум и грохот.

Совсем недавно, после того как в апреле 1992 года Собор епископов Русской Православной Церкви причислил к общероссийскому почитанию преподобных схимонаха Кирилла и схимонахиню Марию, их мощи опять выставлены были на поклонение в восстановленном Покровском храме. Служил здесь Святейший Патриарх Алексий II, беседовал с народом. “Православная Церковь,– сказал он,– будет восстанавливать Покровский девичий монастырь на Хотькове. К сожалению, мы не можем начать это благое дело немедленно, потому что на территории монастыря много различных организаций – арендаторов. В отношениях с ними мы не хотели бы вступать в какую–бы то ни было конфронтацию, а исходим из принципа доброго и разумного согласия. Думаю, со временем уладятся все эти непростые проблемы”.

По истечении 40 дней после кончины родителей Варфоломеем вместе с братом Стефаном (овдовев к тому времени, он стал монахом одного из Московских монастырей) идет искать место для пустынножительства. Находят братья его на холме Маковец. После водружения креста ставят келью и строят Троицкую церковь. Стефан через некоторое время, не выдержав тягот отшельнической жизни, покинул брата. Сергей удалился от мира, но мир находил его и взывал к нему о помощи. Много раз ему доводилось по самым разным при-

чинам покидать свою обитель. В некоторые места мы прошли по его стопам.

В МАХРЕ

Был эпизод в жизни Преподобного, о котором повествует Епифаний Премудрый: брат Преподобного Сергия, повившись в Радонежской обители, настроил нескольких насельников против своего игумена. Преподобный Сергей, не желая вступать в распрю, ушел в Махрицкий монастырь. Игумен Стефан, узнав о прибытии Сергия, ударил в колокол, собрал братию и вышел ему навстречу. Поклонились они друг другу до земли, испрашивая молитв и благословения. После трапезы долго беседовали о спасении души. Несколько дней провел Сергей в монастыре, радуясь процветанию обители. Потом обратился к Стефану с изложением мечты своей – удалиться в уединенное место и в нем безмолствовать. Стефан проводил Сергия версты за три от своего монастыря. Они отдохнули у источника и простились.

Впоследствии в память о двух святых земли Русской здесь построена была часовня. Сейчас трудно восстановить путь, по которому шел к Махре Преподобный. Мы попали туда электропоездом из Сергиева Посада через г. Александров, доехав до Карабанова, а затем добирались на автобусе. Он остановился около южной стены монастыря перед святыми воротами. Но, судя по всему, через них уже давно не ходят: они закрыты, как и закрыт с 20-х годов полуразрушенный ныне монастырь. Мы долго искали место, с какого можно было бы запечатлеть панораму монастыря. Только с западной стороны, с противоположного от монастыря берега озера, удалось сделать снимок. Фотография получилась, но вряд ли по ней можно опознать прежнюю обитель: так она обезображена. Стена сохранилась на одну треть, да и сохранившаяся местами полуразрушена. Внутри, у восточной стены, руины храма, очевидно Троицкого. Стены, с зияющими оконными проемами, в трещинах. Чудом сохранился купол храма, но на месте креста растут деревья, другая церковь приспособлена под котельную. Жители рассказывали, как

взрывали одну из церквей, находившуюся в нескольких метрах от монастырской ограды: поселян вывели из домов на одно из возвышенных мест села, откуда было видно, как взрывом была снесена вся церковь, но трапезная и нижние ярусы колокольни уцелели. В них сейчас местная библиотека, а в трапезной – клуб, который называют Домом культуры.

Старожилы вспоминают Махру как цветущее село, одно из красивейших мест Владимирщины. Украшал его монастырь.

Насельники обители занимались широкой благотворительностью, вплоть до бесплатной раздачи хлеба по большим праздникам.

В нескольких десятках метров от монастыря – столовая, построенная на бывшем монастырском порушенном кладбище.

Лишь одна надгробная плита сохранилась в центре монастыря под высоким раскидистым вязом. Имя, увековеченное на памятнике, говорит о человеке, который в трудное время не позволил довести монастырь до запустения, что дало возможность и далее почитать здесь Преподобных Сергия и Стефана Махрицкого. Имя его Варлаам – игумен монастыря, впоследствии епископ Суздальский.

В середине XVI века обитель сгорела и пришла в запустение. Но Варлаам возобновил ее собственными и добродетельными вкладами. Ради восстановления святыни он оставил святительский престол. Всю историю эту мы узнали из надписи на плите, не обращаясь к письменным источникам. А если бы сохранились и другие надгробия? Сколько можно было бы почерпнуть бесценных сведений...

Источник в пяти километрах от монастыря, около которого расстались преподобные, журчит так же, как и шесть веков назад. Но часовня разрушена.

Долгое время монастырь был приписным к Троице-Сергиевой Лавре. Его священноархимандрит митрополит Московский Платон, один из знаменитых иерархов Русской Церкви, любил посещать махрицкую обитель – следил за состоянием монастыря. Был он здесь и в последний год своей жизни, осенью 1812 года.

И вот уже в наше время, несмотря на разруху, сюда на Пасху в год 600-летия преставления Преподобного Сергия пришла небольшая группа монахов из Троице–Сергиевой Лавры и других монастырей. Они совершили молебен и пропели акафист Преподобному Сергию.

МОНАСТЫРЬ НА КИРЖАЧЕ

После того как Стефан и Сергий расстались, Преподобный прошел еще верст десять. Продираясь через зеленые заросли, он остановился на возвышенном берегу реки Киржач. Место понравилось ему, и здесь он решил основать новую обитель.

В Киржач мы добрались на рейсовом автобусе из Сергиева Посада. Чуть более часа ехали по местам, которыми не раз проходил Преподобный. Главную улицу города пересекает извилистая река Киржач. Издалека видны два креста Благовещенского собора и Спасской церкви. Справа от них церковь Всех святых с колокольной. Благовещенский монастырь был упразднен до 1917 года, но еще несколько лет здесь сохранялись монастырские здания и высокая кирпичная, покрытая жесью ограда, с башнями в трех углах. А потом и здесь начались разрушения, монастырская стена была разобрана. Стали неузнаваемы Святые врата. Сколько через них прошло почитателей Преподобного Сергия! Все читали над створами врат краткую историю, связанную с его именем: “Киржачский Благовещенский монастырь основал в XIV веке, от 1354-1358 года, Преподобный Сергий, игумен Свято–Троицкого монастыря, по благословию митрополита Алексия, Московского чудотворца; по основании сего паки возвратился в Свято–Троицкий монастырь, по увещанию и умолению двух архимандритов, посланных Святителем Алексием; вместо же себя оставил в Киржачском монастыре настоятелем первого ученика своего, Преподобного иеромонаха Романа”.

Мы вспомнили эту надпись, подойдя к прежним святым вратам, но дорога от врат уже давно не ведет в монастырь. Во Всехсвятской церкви разместился хлебокомбинат. Из

церкви торчат вентиляционные трубы, стены почти черные, закопченные. Шестиярусная колокольня постепенно разрушается. А между тем в ней угадывается красота прежней постройки XIX века. Удивляет оригинальность архитектуры Спасской церкви. Она под звонницей и уже действует. Именно под ней располагалась фамильная усыпальница бояр Мстиславских. Во второй половине XVII века Иваном и Богданом сделаны были большие денежные вклады, на них построена сама усыпальница и церковь над ней. Пятнадцать надгробий располагалось в помещении под храмом. В наше время все они исчезли. Говорят, некоторые можно обнаружить в фундаментах домов горожан.

По прежним описаниям монастыря нам известно было, что находился здесь и храм, освященный во имя Преподобного Сергия Радонежского. Вяз, листва которого шумела над алтарным выступом Сергиевской церкви, сейчас в одиночестве – самой церкви нет.

В монастыре хранилось большое собрание икон – не одна сотня. Что с ними стало, неизвестно. Была в монастыре и чудотворная икона Преподобного Сергия в серебряном позолоченном окладе. Преподобный изображен со свитком в левой руке, развернутым на словах: “Внимайте себе, братие, всех молю: прежде имейте страх Божий и чистоту душевную и телесную”.

Чтили здесь и второго игумена монастыря преподобного Романа. Мы подошли к месту, где под Благовещенским собором была его усыпальница. Некогда над погребением была устроена резная сень, на верхней доске надгробия – изображение преподобного. Ему служились здесь панихиды. При входе же в усыпальницу, в притворе, всегда стояла посеребренная чаша с водою из колодца, выкопанного Преподобным Сергием. Источник был за оградой с северной стороны монастыря при спуске к реке. Имелась над колодцем и каменная часовня с куполом и крестом. И здесь все разрушено. Воду брать нельзя, чем-то оказалась заражена. Тропа заросла.

Благовещенский собор в лесах, идут реставрация и капитальный ремонт. Большая часть фресок XVII века осыпалась, сохранились лишь небольшие фрагменты. Медленно идет

восстановление храмов, однако отрадно, что оно началось. В святом месте затеплились свечи, опять возносятся молитвы к Господу, Преподобному Сергию и ученику его Роману: “Романе преподобне, моли о нас Христа Бога, со Учителем Своим Преподобным Сергием, спастися душам нашим”.

Мы прошли по территории бывшего монастыря и, взобравшись по узкой лестнице на звонницу церкви Спаса, с горечью смотрели на окружающую разруху.

ВЫСОЦКИЙ МОНАСТЫРЬ В СЕРПУХОВЕ

Узнав, что после долгих десятилетий в Высоцком монастыре опять собрана монашеская братия, мы поехали в Серпухов. Преодолев электропоездом расстояние километров в 100 на юг от Москвы, мы оказались в бывших владениях Серпуховского князя Владимира Андреевича. Кстати, в его управление входила и Радонежская земля. Князь Владимир нередко посещал обитель Преподобного Сергия, испрашивал совета и благословения в затруднительных случаях жизни. За помощью он обратился к Преподобному и тогда, когда решил у себя в городе построить монастырь. Как происходило само основание Зачатьевского монастыря в Серпухове на высоком берегу Нары, впадающей в Оку, гласила надпись на внешней стене, по сторонам входных дверей церкви во имя Преподобного Сергия Радонежского и святого Афанасия Афонского. К сожалению, экононом монастыря иеромонах Серафим мог лишь показать место, где находилась церковь, ведь в 60-е годы она была разобрана, и надпись эту можно найти только в печатных изданиях о монастыре.

Серпуховской князь, собираясь украсить город строительством нового монастыря, послал к Сергию гонцов. Он просил его прибыть в Серпухов и взять с собою начальником будущей обители ученика своего, Афанасия. Жаль было Сергию отпускать от себя одного из любимых учеников, но не мог он не исполнить желания боголюбивого князя.

Путь в пределы Серпухова Сергей и Афанасий совершили пешком. С великой радостью встретил Владимир святых пришельцев и передал им свое желание воздвигнуть мона-

стырь в честь зачатия Богоматери. Преподобный Сергей благословил желание князя, и, когда расчищено было для обители избранное место, поросшее лесом, святой Сергей стал на колена, возвел руки к небу и произнес молитву Всецарю Вышних. Эта молитва почти 600 лет пелась здесь за каждой службой, и с открытием монастыря традиция возобновилась. Потом он обратился к Афанасию: “Всевозлюбленный Афанасий, духовное чадо мое! Послушай меня, старца, что скажу тебе. Благодарю Господа Бога, что Он много обрадовал меня твоими богоугодными подвигами: во все время, пока ты был при мне, ты ни разу не оказал непослушания не только мне, но и братии; поистине я вижу в тебе мужа совершенного и монаха богоискусного. Умоляю любовь твою, останься здесь и живи на месте сем, ибо ты можешь устроить обитель и собрать постническую братию”.

После основания обители святой Сергей пробыл в Серпухове еще несколько дней и расстался со своим учеником, чтобы продолжать подвижнические труды в Радонежской обители. Между тем новоустроенный монастырь процветал, число братии преумножалось. Именно к Афанасию Сергей послал своего юного ученика Никона проходить начальный иноческий путь. Стали появляться в монастыре и свои святыни, связанные с именами первых подвижников и знаменитыми событиями. При князе Владимире – герое Куликовской битвы – строится дивный, на высоком подклете, Зачатьевский храм в прославление и возблагодарение Господа за дарованную победу на Куликовом поле и в память о ней. Затем воздвигается Покровская церковь – ее мы увидели в лесах, ныне она реставрируется. Братией восстанавливаются интерьеры церковей святых преподобных Сергия и Никона, расположенных у Зачатьевского собора. В Никоновской церкви уже идут службы.

По некоторым сохранившимся реликвиям и иконам видно, как началось здесь почитание Преподобного Сергия и его учеников. До революции в монастыре хранилась икона, на которой были изображены князь Владимир, преподобные Сергий и Никон и Афанасий Высоцкий, над всеми – Святая Троица. Сейчас ее в монастыре нет. Много в местном историко-художественном музее, но что именно – музейные ра-

ботники скрывают даже от руководства монастыря. С большим сожалением нам об этом рассказывали в обители.

В храме святителя Николая уже есть реликвии, связанные и с почитанием родителей Преподобного Сергия. Среди них – икона “Преподобный Сергий у гроба с телами своих родителей”, ковчеги-мощевики с мощами Кирилла и Марии. Постепенно, судя по рассказам и отца настоятеля Иосифа, и отца Серафима, восстанавливаются связи с Троице–Сергиевой Лаврой и Хотьковским монастырем.

В означенный час мы были приглашены на братскую трапезу. Шла четвертая седмица по Пасхе. Хотя насельников и немного – восемь человек, но порядок в монастыре очень строгий. Трапеза прошла при всеобщем молчании, только один из монахов, как и положено, громко читал из жития. После трапезы была совершена благодарственная молитва по монастырскому уставу с чином Панагии. В конце молитвы из панагиара достали просфору, на тарелке разрезали по числу участвовавших в трапезе и всем раздали. Частицы от просфоры преподали и нам.

С большой радостью мы покидали монастырь. Он возрождается, вновь возносятся здесь молитвы Преподобному Сергию и его святым ученикам.

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ПУСТЫНЬ ПОД САНКТ-ПЕТЕРБУРГОМ

После Высоцкого монастыря наше путешествие продолжалось и закончилось под Санкт–Петербургом. Здесь, в нескольких километрах от Петергофа, на возвышенном берегу Финского залива, с 1735 года располагается Троице–Сергиева пустынь, которая приписана к Троице–Сергиевой Лавре. Нередко подвизались в пустыни в числе братии и начальствующих насельники с Маковца, и первый из них – основатель пустыни архимандрит Лавры Варлаам. В 1708 году, будучи настоятелем переславльских монастырей, Борисоглебского и Данилова, он стал духовником государыни Екатерины, а с 1732 года – духовником императрицы Анны Иоанновны.

Освященная Варлаамом деревянная церковь во имя Преподобного Сергия стала первой церковной постройкой, основанной в Троицкой пустыни. Далее строятся кельи для монашествующих, каменный флигель для настоятеля, наконец, ограда с небольшими башнями, несколько хозяйственных зданий, и пустынь уже при Варлааме стала иметь все, что необходимо монастырю. С 1764 года пустынь стала самостоятельной и вошла в С. –Петербургское епархиальное ведомство. Однако архимандритов для управления присылали с Маковца. С 1834 до 1857 года она управлялась Игнатием Брянчаниновым. На средства Лавры в 1760 году по проекту архитектора В. В. Растрелли возведен главный собор пустыни – во имя святой Троицы. При освящении алтаря в 1763 году присутствовала императрица Екатерина II. А до главного алтаря два придела собора были освящены архимандритом Лавры знаменитым проповедником Гедеоном (Криновским).

Великолепно выполненная гравюра на меди, представленная в Сергиево-Посадском государственном музее-заповеднике, дает прекрасное представление о пустыни после посещения ее в 1764 году императрицей Екатериной II. Во всяком случае, архитектурное решение оставляет неизгладимое впечатление. Главной святыней Троицкого собора, воспроизведенного на гравюре, являлась икона Преподобного Сергия, по преданию принесенная сюда основателем пустыни Варлаамом из Троице-Сергиевой Лавры. Около иконы находился крест с частицей святых мощей Преподобного. Посетители собора не могли не обратить внимание и на картину “Святая Троица”, выполненную Карлом Брюлловым.

В середине XIX века на месте прежней церкви Сергия Радонежского была построена пятиглавая каменная. В церкви, судя по описаниям, был примечателен разноцветный мраморный иконостас, напоминавший иконостас храма во имя Преображения Господня, что в монастыре на Синайской горе. Всего же построено было семь храмов и четыре часовни. На земле пустыни, в которой так почиталось имя Преподобного Сергия, находили последнее пристанище представители царственного семейства, известные государственные деятели. С 1737 года, то есть почти со времени ос-

нования, обитель вела подробные списки погребенных. Пустынь имела почти такую же известность, как и некрополь Александро-Невской Лавры.

Пустынь всегда привлекала к себе множество богомольцев и усердных жертвователей.

Сегодня она почти забыта. Даже в епархиальном управлении нам не могли назвать точного ее адреса. Наконец, удалось узнать, что пустынь в городских органах МВД числится как “Школа милиции” (по названию трамвайной остановки). Школа милиции заняла место детской колонии, существовавшей здесь после Великой Отечественной войны.

В пустыни сохранилось много построек, в том числе и стена, но здания перестроены и трудно их узнать, сравнивая с прежними. Перестроена и церковь Сергия Радонежского, в ней разместили клуб. К одной из самых значительных утрат, несомненно, относится Троицкий собор, взорванный в 50-х годах. На его месте – плац, по которому маршируют ныне учащиеся школы милиции. Попираются здесь и захоронения. На поверхности земли не осталось ни одного надгробия. Лишь одинокий крест возвышается – над могилою архитектора Сергиевской церкви А. М. Горностаева. Чудом сохранилась и одна из часовен. По некоторым предположениям, в ней был захоронен основатель пустыни архимандрит Варлаам.

Только когда мы будем по-человечески относиться к нашему прошлому – нашим святым местам и отеческим гробам, мы будем иметь право на будущее. Хочется верить, что и эта пустынь, как и многие другие места, связанные с именем Преподобного Сергия Радонежского, возродится, и ее храмы и кладбище услышат не грохот кованых сапог, а молитвенное пение. Невозможно поведать о всех местах, связанных с именем Преподобного. К сожалению, на сегодня нет даже исчерпывающего перечня таких мест. Не зарастала тропа к ним на протяжении сотен лет. Лишь в наше время, в последние семь–десять лет, наше беспамятство и борьба с религией, ставшая государственной политикой, привели к запустению святынь и разрушению построенных нашими предками монастырей, храмов и часовен. Забвение святынь, святых имен – вот один из страшных итогов борьбы с право-

славием. Впрочем, не все забыто, и многое из того, что разрушено, возрождается.

1992 г.

БОЛЬШАЯ КЕЛЬЯ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ – МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ. [3]

Вот уже в который раз мне предстояло идти в Московскую духовную академию. Был я в ней по самым разным обстоятельствам: занимался в ее богатейшей библиотеке, неоднократно присутствовал на ежегодных академических актах, проходящих 14 октября, когда Русская православная церковь празднует день Покрова Богоматери, посещал Церковно-археологический кабинет. С историей Академии познакомился давно и уже мог бы о ней рассказать читателям. Знал в некоторой степени и современную жизнь. Но не дерзнул о ней писать, предварительно не встретившись с ее сотрудниками. Были у меня встречи и с теми, кого нет сейчас в живых. Но след о себе в жизни Академии они оставили заметный.

Пока же, собираясь в Академию и подходя к ней, вспоминал исторические повествования о столь знаменитом в нашей истории богословском и учебном заведении.

Начало его уходит во времена, когда на Руси царствовали братья Иоанн и Петр с сестрой Софьей, а патриархом был Иоаким.

В декабре 1985 г. Академия отмечала свое 300-летие. На юбилейных заседаниях и конференции, посвященных этому событию, выступавшие часто называли имена двух греческих монахов-братьев Иоанникия и Софрония Лихудов. Помнится, даже был специальный доклад: “Предыстория создания Московской Академии и ее первоначальный период, связанный с деятельностью братьев Лихудов”.

Они прибыли из Италии в Москву в конце XVII века и основали Славяно-греко-латинскую Академию. После образования Российской академии наук и Московского универси-

тета она была переименована в Московскую духовную академию. Ее история претерпела много событий, связанных с церковной и государственной жизнью страны. Здесь следует упомянуть пока два: дважды Академия переезжала из Москвы в Троице–Сергиеву Лавру. Первый раз – в 1814 году, а второй – в 1948 году. Однако же более всего в подробностях известен первый переезд. До него она располагалась в московском Заиконоспасском монастыре. Место там было выбрано не случайно.

На Руси издавна существовала традиция при монастырях организовывать школы. Когда дошло дело до высших богословских школ, то их тоже стали устраивать в монастырях. Так было и в Киеве, и в Петербурге. Однако в Заиконоспасском монастыре Академия ощущала постоянные неудобства, так как около находился центр торговли с его шумом и суетой. Более того, в 1737 году от пожара в Кремле и Китай–городе пострадали здания Академии.

Вопрос о ее переводе обсуждался не одно десятилетие, но из–за нехватки средств перевод не мог быть осуществлен. Когда деньги, наконец–то, были накоплены, епископ Московский Августин и предложил Троице–Сергиеву Лавру для дальнейшего пребывания в ней Академии. Тем более, что место здесь для нее было давно готово.

Издrevле Троицкому монастырю принадлежало большое количество вотчин с находившимися на них крестьянами. В первой половине XVII века монастырь окружало более 30 сел. В каждом селе церковь со штатом священно–церковнослужителей. Для их подготовки на территории Лавры по указу императрицы Анны Иоанновны было открыто среднее духовное учебное заведение – Троицкая семинария. Ее ученики первоначально набирались из числа детей священников лаврских вотчинных сел, позднее ~ из детей лаврских слуг и крестьян. В первые десятилетия в семинарию из года в год были недоборы. Родители с большой неохотой отдавали своих детей в духовную школу. Приходилось прибегать даже к насильственным наборам. Лишь когда учеников стали набирать не только из лаврских вотчин, но и из других мест и в виде исключения – детей дворян, чиновников, куп–

цов и иностранцев, то на некоторое время недоборов не стало.

Семинария располагалась в северо-восточной части Лавры в нескольких строениях. Были у нее учебные классы, помещения для администрации, подсобное хозяйство. Жили семинаристы в монастырской стене, между Каличьей башней и Соляной. Внутри Соляной был подвешен колокол, звоном которого учащихся оповещали о начале и конце занятий. Позднее Соляную башню переименовали в Звонковую. Семинария занимала также две комнаты под Царским дворцом. Здание это очень примечательно и своей историей, и внешним обликом. Бывший в монастыре в 1702 году голландский путешественник Корнелий де Бруин писал о нем: "... палаты его царского величества, великолепные и царские снаружи, находятся по правую сторону... все окна украшены маленькими колонками и камни расписаны различными красками". В свое время в двухэтажном дворце останавливались цари и императоры, когда приезжали на богомолье в Троицу. Нередко и сейчас, как в старину здание называют Царскими чертогами.

1 октября 1814 года в здание и перевели Московскую духовную академию. Правда, перевод повлиял на внешнее убранство дворца, вернее его архитектуру. Были утрачены галереи и два крыльца с входящими в сад широкими маршами лестниц с южной фасадной стороны. Один из мемуаристов отмечал, что "на том месте, где ныне находятся два входа в академический сад... начинались каменные всходы или лестницы, с каменным же баллюстрадом, прерываемые площадкою по середине и оканчивавшиеся также площадкою; над этою последнею площадкою, ведущую в сени, устроены были деревянные, столярные, с резною работою и со столпами, нарядные крыльца...". Очевидно, местным властям доставляло много хлопот следить за состоянием столь парадного сооружения и они дали указание разобрать крыльца, марши лестниц и галереи. Таким образом, здание, и поныне представляющее большую архитектурную и историко-художественную ценность, лишилось прежнего великолепия.

В Академии собрались учащиеся со всей России. Их учеба и быт проходили по специальному уставу и многочислен-

ным инструкциям. Режим был очень жестким и строгим, почти монашеским. Учащихся поднимали по звонку утром в 6 часов, седьмой час отводился для молитвы, совершаемой коллективно в комнатах, восьмой – на приготовление к занятиям. С девяти до двенадцати часов учащимся необходимо быть в классах. В середине дня – обед и прогулка. С трех до четырех часов – продолжение занятий в классах, после перерыва на прогулку с шести до восьми – домашние упражнения. В девять часов ужин, а в десять по звонку совершалась вечерняя молитва и ложились спать.

В то время в Академии учащимися изучался довольно широкий круг предметов – библейская история, богословие, Священное писание, библейская археология и другие предметы богословского содержания, числом более десяти, а также философия, словесность, гражданская общая история, математика. Существовало две основных формы занятий – лекции и самостоятельная работа учащихся над сочинениями. Предметы делились на основные и второстепенные. Ко вторым, например, относились языки: латинский, греческий, еврейский, немецкий и французский.

Посещение лекций было обязательным. Не было обычая записывать лекции в классах. По сложившемуся мнению студентов, в этом не было нужды. К экзаменам они получали сокращенные тексты лекций и выучивали их. А если существовало их печатное издание, то учили предмет по нему.

К самостоятельной работе студентов Академии относились подготовка к экзаменам и написание сочинений или, как в ту пору говорилось, диссертаций. Причем, большее внимание уделялось, именно сочинениям. Всего за четыре года задавалось четырнадцать работ и две проповеди. Было принято считать лучшим сочинением то, которое имело большее количество цитат из отцов церкви, из классических и современных писателей. По такой работе преподаватели делали вывод о начитанности студента, его обширной эрудиции. Намного ниже оценивалось сочинение, содержащее собственные суждения автора и имеющее незначительное количество ссылок на авторитеты.

Администрация Академии, а также монастырские власти, чтобы заинтересовать учащихся в учебе, выделить способ-

ных среди них и поддержать необеспеченных в материальном отношении, выработали систему мер и поощрений. Так, непоступивших в Академию абитуриентов монастырь брал на свое обеспечение. Но в таком случае они жили отдельно от основной массы – в Пятницкой башне. Их так и называли – студенты–башенники.

Часть студентов, еще будучи в Академии, принимала постриг. Мотивы его были самые разнообразные. Например, монашество избиралось из чисто религиозных побуждений, как лучший путь к продолжению и расширению учебных занятий, как путь к быстрому продвижению по ступеням церковно-служебной карьеры, как способ достижения высшего места в разрядном списке студентов и т. д.

При митрополите Московском Платоне была учреждена своеобразная корпорация студенческой элиты. Членов ее называли “платониками” по имени учредителя. К прежней фамилии корпоранта добавлялась – “Платонов”, которая сохранялась пожизненно. Митрополит Платон, создав для части студентов особые условия жизни и воспитания, решил готовить “наилучших и полезнейших” служителей православной церкви. Были разработаны специальные условия вхождения в корпорацию. Избрание в “платоники” проводилось митрополитом, а позднее ректором или проректором. Наконец, корпорант давал подписку в том, что он будет пребывать в духовном состоянии и ни в каком более. Изменение этому обещанию влекло за собой исключение из числа “платоников”.

Вступившие в это число, жили несколько особняком от студенческой массы. Им выделялась отдельная комната, они получали особое содержание вдвое лучшее, чем остальные. Выделялись среди остальных воспитанников даже верхней одеждой голубого цвета. В учебе и быту была также своя организация с более строгой дисциплиной. Одним словом, по заключению современника, “платоники” слыли за какого-то сверхчеловека, до которого далеко было простым смертным. Отчасти, учреждением такой корпорации цель была Платоном достигнута. Выпускники–платоники оканчивали курс по первому разрядному списку, почти всегда со степенью магистра. Это были преданные Церкви и богословской науке лю-

ди, занимавшие видные должности на церковно-общественной службе.

Из этой плеяды воспитанников вышли такие просвещенные деятели, выделявшиеся своими личными качествами и научными работами, как Ив. Вас. Платонов, епископ Макарий (Сахаров), архиепископ Алексей (Лавров), Ив. Н. Аничков, И. М. Богословский, И. И. Побединский, Н. П. Гиляров, Г. П. Смирнов, В. Д. Кудрявцев, П. И. Горский, А. М. Иванцова. Они содействовали славе и процветанию Академии. Одновременно большую лепту внесли в общественную жизнь России, а некоторые в дальнейшее развитие дела милосердия и благотворительности.

Руководство принимало самые различные меры для поднятия авторитета Академии, чтобы она всегда была центром богословской науки, защитницей православия от свободомыслия, ересей и старообрядческого раскола. По существу, она для этого и создавалась.

Основными направлениями в ученой деятельности ее преподавателей были: изучение Священного писания, творений отцов церкви с переводом их на русский язык, истории церкви и философии.

У мемуаристов и дореволюционных исследователей истории Академии мне довелось встретить и критические суждения по поводу характера преподавания и изучения отдельных дисциплин. Они приводились и на упомянутой мною конференции. Один из докладчиков, священник Александр Салтыков, обратил внимание ее участников на резкую характеристику высшей духовной школы, в том числе и Московской, и ее недостатков, данную ей в 1909 г. архиепископом Волынским Антонием (Храповицким), одно время являвшимся ректором Московской духовной академии. Тот видел недостатки системы образования в безответственности руководства, проникновении светского начала и равнодушии студентов. В результате, по его утверждению, “кандидаты и магистры часто понятия не имеют о христианском Иерусалиме, не могут перечислить Автокефальных Православных Церквей и православных народностей. Студенты Московской Академии часто не знают, где почивают мощи Св. Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, а казанские студенты – где

мощи Св. Гурия, Варсонофия и Германа и кто они были...”. Докладчик отметил, что всю эту строгую критику следует принять. Указываемые же архиепископом Антонием примеры невежества настолько примитивны, что должны быть отнесены к тем, кто духовной жизнью интересовался очень мало. Дух “либерализма” в отношении духовных ценностей в церковной среде того времени увеличивал процент равнодушных. Не случайно в Академии с конца XVIII века велась борьба со схоластикой. Дух ее, по мнению многих историков Академии, являлся препятствием к плодотворной деятельности. На этом подробно остановился в своей вступительной лекции 1915-1916 нового учебного года архимандрит Иларион (Троицкий). Прежнее образование, принесшее с собой схоластический дух, почти ушло, а схоластическое мышление, между тем, осталось. Одна из причин – отсутствие подлинного богословского интереса у студентов. Это же подтверждает в воспоминаниях С. Н. Постников. Часто для студентов большее значение имело ношение зеленой одежды (цвет университетской формы), чем монашество, участие в братствах, церковное пение и т. д. Во всех этих критических замечаниях, сетованиях ощущается забота о том, какбы не разорвалась связь Академии с церковной жизнью. Забота эта, как проблема деятельности Духовной школы, до сих пор является наиглавнейшей. Она звучала и на Поместном Соборе 1988 г. Но не буду забегать вперед, а скажу о значении Академии в русской культуре.

Как бы там ни было, обойти Академию, изучая нашу отечественную культуру, невозможно. История будет не полной, будут вырваны ее страницы. Уже на рубеже XVII – XVIII веков заметно воздействие Академии на духовную и культурную жизнь России. Когда мы говорим о подъеме просвещения (духовного и светского), то мы неминуемо должны рассматривать Академию как *Alma mater* многих знаменитых людей, впоследствии способствовавших этому подъему. Из Академии вышли поэт и дипломат Антиох Кантемир, поэты Карион Истомин и Василий Тредиаковский, выдающиеся проповедники митрополит Платон (Левшин) и архимандрит Гедeon (Криновский), знаменитый русский математик Леонтий Магницкий, первый русский доктор меди-

цины и философии Петр Постников, Дмитрий Виноградов, самостоятельно открывший рецептуру и разработавший технологию изготовления фарфора, ученые Михаил Ломоносов и исследователь Камчатки Степан Крашенинников. В последнее время – философ архимандрит Гавриил (Воскресенский), один из первых русских историков философии, родоначальник философской школы в Академии Федор Голубинский, его ученик и преемник Виктор Кудрявцев–Платонов, Алексей Введенский, Михаил Каринский, о котором говорили как о “тончайшем аналитике и критике философских систем”, наконец, крупнейший, универсально одареннейший ученый священник Павел Флоренский. Необходимо назвать и крупнейших ученых в области истории и ее вспомогательных дисциплин – митрополит Евгений (Болховитинов), архиепископ Филарет (Гумилевский), протоиерей Александр Горский, известный собиратель древнерусских рукописей Вукол Ундольский, Евгений Голубинский, Николай Каптерев, этнограф и фольклорист Николай Гальковский и многие другие, прославившие своими трудами не только Академию, но и в целом внесшие большой вклад в развитие русской науки и духовной культуры.

Тем временем, вспоминая историю, я прошел через главные ворота Академии, мимо ухоженного и благоухающего цветами сада. Справа остался библиотечный корпус, слева – великолепное здание Чертогов. Это оно называлось прежде Царским дворцом, а позже Ректорским корпусом.

В здании Учебного корпуса назвал себя дежурному и поднялся по старинной, широкой, чугунной, литой лестнице на третий этаж.

1993 г.

**В ЦАРСКИХ ЧЕРТОГАХ:
МЕМОРИАЛЬНОМ МУЗЕЕ
СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ,
В АКАДЕМИЧЕСКОМ ХРАМЕ**

В профессорской ожидал меня Константин Михайлович Комаров, один из старейших профессоров Академии, выпускник ее 1955 года. Ведет курс Ветхого Завета, одновременно является ответственным секретарем редакции “Журнала Московской Патриархии”. Некогда мы познакомились на одном из годовичных актов, а сейчас он любезно согласился еще раз встретиться. Беседу мы начали с даты первого переезда Академии в Лавру, но как-то незаметно разговор перешел на второй переезд, причем пришлось коснуться и трагических страниц современной истории знаменитого учреждения России, да и дореволюционного прошлого.

– Константин Михайлович, как явствуют источники, Академия после октябрьских событий 1917 года свое существование прекратила.

– Да, тогда было сложное время. Продолжался начатый еще до революции, Церковный Собор, на котором восстановили патриаршество. Кстати, речь на общем заседании Собора 13 октября 1917 года “Почему необходимо восстановить патриаршество?” произнес профессор Московской Духовной Академии архимандрит Иларион (Троицкий).

– Простите, в ней тогда архимандрит Иларион высказал любопытную мысль, в которой одновременно прозвучала оценка взаимоотношений церкви и государства в царской России. Позвольте, я процитирую: “Мы собрались сюда вовсе не затем, чтобы произвести в русской церкви реформу. Наша цель – освободить наше церковное управление от тех язв, которые явились печальным плодом двухвекового пленения русской церкви властью государственной”.

– Некоторое время Академия еще была связана с общецерковной жизнью. Издаваемый вплоть до 1918 года, академический сборник “Богословский вестник” давал обзоры под рубрикой “Живая жизнь” с заседаний Собора, хронику пат-

риарших служб, на его страницах шли дискуссии о предстоящих реформах Духовной школы.

– А почему Духовная школа встала перед этой реформой? В чем причина?

– Тот же “Богословский вестник” в июньско-июльском номере 1917 года сообщал о собрании профессорско-преподавательского состава Академии 14 марта того же года. После бурных дискуссий оно приняло обращение в Синод (обер-прокурору), и вот что, в частности, там говорилось “... наша Московская Духовная Академия доведена до самого печального состояния и разрухи: убита Свободная инициатива богословской мысли, академическая корпорация доведена до полного развала, профессура изнемогает под бременем абсолютизма ректорской власти, от недостатка идейной связи, единства, сплоченности, взаимного доверия”. Была и конкретная просьба о том, что в интересах академического дела студентам следует предоставить возможность самостоятельности: организаций сходов, собраний, устройства научных кружков, поскольку это не противоречит задачам Духовной Академии.

– Если я правильно понял, Константин Михайлович, корпорация выступила с требованием, как мы сейчас скажем, демократизировать организационно-управленческую часть и учебно-воспитательный процесс. Что ж, вполне естественное требование. Прошел бурный февраль, подул ветер демократизации. Он стал продувать не только учреждения светские, но и церковные. Но вот какая ирония судьбы: до демократизации в духовных заведениях не только дело не дошло, встала угроза их закрытия вообще. Причем никаких законодательных актов по поводу их закрытия не издавалось. Наоборот, школу отделили от церкви по ленинскому декрету, советским гражданам дали право обучать и обучаться религии частным образом. По постановлению Народного комиссариата юстиции от 24 августа 1918 года допускались специальные богословские учебные заведения. Однако по тому же постановлению здания духовных учебных заведений всех вероисповеданий как народное достояние “переходят в распоряжение местных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов или Народного Комиссариата Просвещения”. Таким

образом, было подведено юридическое основание началу массового закрытия Духовных школ.

Московская духовная академия закрылась не в раз, но постепенно. Сохранились воспоминания об этом периоде, как раз в 1917 году поступил в Академию Сергей Александрович Волков. Ведь Вы, Константин Михайлович, были знакомы с ним?

– Да, конечно. Это был удивительный человек. Скончался он в 1966 году, а до кончины он преподавал в наших Духовных школах. Он застал еще в Академии ее выдающихся профессоров о. Павла Флоренского, архимандрита Илариона (Троицкого), С. С. Глаголева, Е. А. Воронцова, М. М. Тареева, И. И. Серебрянского. Их лекции оставили глубокий след в душе Сергея Александровича. На его глазах прошли многие академические события. С 1920 по 1924 годов ему довелось преподавать русский язык, литературу и латинский язык в различных учебных заведениях Сергиева Посада, Потом опять работал в Академии. Часто делился с преподавателями и учащимися своими воспоминаниями. Обычно их начинал словами: “На старости я сызнова живу – прошедшее проходит предо мною. Неутомимым тружеником был и очень эрудированным человеком. В автобиографии писал: “Высшим образованием, которое я приобрел, я обязан МДА, ее наставникам и ее исключительной учебной библиотеке, которой я неуклонно пользовался с 1917 года”. Машинописный вари-ЙМГ его воспоминаний ныне хранится в академической библиотеке.

– Как Вы, кстати, обратились к его воспоминаниям. Судя по ним, на его глазах происходил разгром Академии. Он вспоминал, что к новому 1918–1919 учебному году часть помещений Академии была отобрана (весь четвертый этаж аудиторного корпуса). В нем расположились лаборатории и другие учебные помещения Военно-электротехнической академии, частично переведенной в Лавру из Петрограда. Учебный год был, по его определению, скоропостижно закончен после пятой недели Великого поста. Экзаменов не было. Студентов распустили и они разъехались. К тому же, в начавшийся голод Академия уже не в силах была содержать столовую.

– Но Вы, Анатолий Николаевич, сказали только об учебных помещениях. Очевидно, это было начало...

– Разумеется, надо сказать и о библиотеке, и об академическом Покровском храме, и о церковно-археологическом музее. Без них Академия не могла существовать. Более того, в них хранились бесценные памятники русской и мировой культуры, литературы, книгописания, иконописи, прикладного искусства.

О библиотеке и ее библиотекарях сохранились такие известия, что воспринимаются как легенды. Ведь ее история исчисляется тремя столетиями. У ее истоков стояли те же братья Лихуды, а также известные деятели культуры Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев. Они предоставили свои книжные собрания, которые и явились первоначальным фондом библиотеки Славяно-греко-латинской Академии. Он приумножался, и большая часть его переведена была вместе с Академией в Лавру. Кстати, о приумножении. У меня складывается впечатление, что росла она от многочисленных пожертвований, то есть даров, да и приобретений. К 1919 году фонд ее составлял более 500 000 единиц хранения. Из них не малое количество рукописей и первенцев типографского искусства – старопечатных книг: греческий Апостол XI века, Моисеево пятикнижие на еврейском языке 1142 года, Временник Георгия Амартола с миниатюрами XIII века, Огласительные слова Феодора Студита XIV в., Следованная псалтырь, Творения Дионисия Ареопагита и Лествица Иоанна Лествичника (все три последние написаны рукою митрополита Киприана), Триодь краковской печати 1491 года, Апостол, напечатанный во Львове в 1574 г. Иваном Федоровым, и некоторые другие старопечатные издания на латинском и немецком языках. Фонд библиотеки приобрел к началу XX века мировую известность.

– Не меньший интерес представляет и история академического храма.

– Да, действительно так, Константин Михайлович. Устроенный в Чертогах в 1870 году, он несколько раз перестраивался, реконструировался. С 1892 года над ним стал возвышаться барабан с куполом. Последнее, перед 1917 годом, обновление происходило в 1913 г. На освящение при-

глашен знаменитый на всю Россию бас протодиакон Успенского собора в Кремле Константин Васильевич Розов. Рассказывают, что в полный голос он мог петь и возглашать лишь в храме Христа Спасителя. Речь о роли Академии и храма при ней произнес инспектор архимандрит Илариан (Троицкий). В ней он говорил: "... Разве не ясно, и какой тесной связи с этим храмом стоит внутренняя жизнь нашего церковного училища?

Особая слава академического храма в том и состоит, что он самой Академией помогал оправдать ее назначение. За те четыре десятилетия, которые существовал наш прежний храм, – подумайте, сколько разных деятелей и служителей в нем воспиталось для Бога и Его святой Церкви!.. Многие здесь же вокруг священного престола венчались в Божией Церкви и вступали в ряды священнослужителей. Вот истинная слава Академии и Храма академического". В других речах отмечалось, что нигде в Академии так не живет память об ее учениках, как в академическом храме, где поминаются все в Академии учившие и учившиеся, начальствовавшие и служившие. Естественно, и отношение к нему было как к великой святыне. Все говорило об этом: и его убранство, в которое входила роспись стен, исполненная по образцу киевского Владимирского собора, то есть в стиле Василия Васнецова, роскошный трехъярусный иконостас, четыре вызолоченных паникадила, особенно центральное привлекало к себе внимание. Оно было выполнено в виде огромного широкого кольца с увенчанной стилизованной короной. Украшением являлись и деревянные набранные полы. Церковь постоянно тщательно убиралась и чистилась; полы натирали носком до блеска. Все блистало и вызывало чувство восхищения.

Нельзя не упомянуть богатейшее собрание церковно-археологического музея, более стал лет создаваемого до закрытия Академии. Уже в 1814 г. при переходе ее в Чертоги, в собственность ее отошли большие портреты Елизаветы Петровны и Екатерины II знаменитого русского портретиста А. Антропова. К ним Академия приобрела еще несколько гравюр и портретов видных иерархов Церкви, среди них – митрополита Московского Платона (Левшина). Потом начались

пожертвования. Одно из первых – ректора Костромской семинарии архимандрита Афанасия (Дроздова) около ста девятно монет, тридцати медалей и жетонов русских и иностранных. В описи значились монеты, начиная с князя Василия Васильевича Темного и кончая царем Петром Алексеевичем, монеты Джучидские, то есть ханов Золотой Орды: Узбека, Чанибека, Хидыря, Абдул хана, Тимур Кутлука, Тохтамыша и крымского хана Шагим-Гирея; древнегреческие: императоров Августа, Нерона, Антонина Пия и Александра Севера. Значились и два экземпляра медного значка 1705 года, выдававшегося при Петре I, заплатившим пошлину за ношение бороды.

Далее коллекция приумножалась и в 60–х годах XIX в. ректор Академии протоиерей Александр Горский предложил основать церковно-археологический музей. С его учреждением в 1871 году из библиотеки Синода поступило большое количество икон XV –XIX веков и старопечатных книг. Прежде коллекция размещалась в залах библиотеки, но затем в 80–х годах ее выставили в Чертогах. Она продолжала расти, стала знаменитой. Это было большое собрание древностей. Свою лепту в нее внесли многие любители искусства. И всегда работники такого своеобразного музея вели списки жертвователей. Исследователь Ближнего Востока, епископ Порфирий (Успенский) “желая показать свою живую связь с московской духовной академией”, ее почетный член, подарил двадцать фототипических снимков с греческих и славянских рукописей, в качестве, как он писал, “наилучших образчиков палеографии”, потом от него же поступили “образчики живописи книжной у латинян, греков, болгар, сербов, ириян и арабов с V века по XIX–й”. В списках тех встречаются имена многих преподавателей Академии. Знаменитый историк церкви профессор Е. Е. Голубинский передал в музей сорок меднолитых распятий, иконок и тройных складней, восходящих по своему происхождению к XVI—XVII векам, несколько древних вещей, привезенных из Иерусалима и Новгорода.

Сперва коллекция хранилась, как мы уже говорили, в библиотеке, но впоследствии ее перевели и выставили I северо-восточном отделении актового зала Академии Всего к

1919 году она включала около 3000 предметов древности – монет, медалей, икон, произведений прикладного искусства. Уже тогда они внимательно изучались и служили целям воспитательно-педагогическим.

И вот все это накопленное богатство, веками создаваемое стало развеиваться в разные стороны, растаскиваться, разрушаться. Волков вспоминает, что в первых числах мая 1920 года был разрушен иконостас в академическом храме. Все иконы были уничтожены. Роспись стен заклеена листами “Богословского вестника”, поверх которых был более чем примитивно нарисованы цветы и какие-то узоры. Вскоре помещение храма было сделано клубом, нем стали устраивать театральные постановки и показывать кинофильмы. Тогда же были захвачены архив Академии и книжный склад редакции “Богословского вестника” (1918– последний год, когда он еще издавался). Документы архива были, скорее всего, сожжены. Кто посещал в то время Академию, не мог не заметить в помещении канцелярии и возле него бумаги, измятые, изорванные, с подписями митрополитов, профессоров Академии, комплекты “Богословского вестника”, “Прибавлений и творениям святых отцов” и “Христианина”, а также “Творения святых отцов” и других академических изданий. Позднее они были пущены на оклейку помещений, на пакеты и прочие хозяйственные надобности.

Библиотека превращена в филиал Румянцевского музея (Государственная библиотека им. В. Л. Ленина), но до некоторых пор фонд ее находился в своих старых стенах. По-движнически сохранял ее в трагическое время заведующий Константин Михайлович Попов. В его личном архиве находилась страница, очевидно, из какого-то отчета Румянцевского музея. И вот что на ней типографским шрифтом отпечатано: “Был момент, когда библиотека (Московской духовной академии) оставалась вне каких-либо ведомств. Казалось, некому было о ней заботиться, и ей угрожала опасность быть расхищенной. Но ее буквально спас заведующий библиотекой К. М. Попов, который ею заведует вот уже 29 лет. С июля 1919 года К. М. Попов ни от кого не получал никакого жалованья и, несмотря на голод, не переставал об-служивать библиотеку”. Перед войной рукописи были пере-

правлены в Ленинскую библиотеку, а большинство книг – в Москву, свалены в церковь св. Климента.

Что же касается церковно-археологического музея, то до конца его судьбу мне еще не удалось выяснить. Но следует предположить, что какая-то часть его коллекции, очевидно, попала в Загорский музей-заповедник, ибо там в одном из залов ныне представлены упомянутые мною портреты кисти А. Антропова и портрет митрополита Платона.

Однако же я затянул свой монолог. Пора и Вам, Константин Михайлович, вступить в него. К какому времени Вы бы отнесли возрождение Академии?

– Некоторые связывают его с восстановлением Академии в Лавре. Но я бы назвал более раннее время, а именно 14 июня 1944 года. Тогда Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей (Симанский), в ту пору митрополит и местоблюститель патриаршего престола, открыл в бывшем Новодевичьем монастыре Богословский институт, затем богословские курсы, в 1946 году преобразованные в Академию и Семинарию.

– Уж коль мною была затронута тема государственно-церковных отношений, то в этом месте необходимо упомянуть один примечательный факт – о встрече Сталина с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем) 4 сентября 1943 г. Среди многих очень важных для Русской Православной Церкви вопросов, к примеру, таких как об избрании патриарха, проведении Собора, издании журнала, открытии мастерских по изготовлению утвари, обсуждался и вопрос о кадрах священнослужителей. Митрополит Сергей, задавший последний вопрос, говорил о трудностях их подготовки. Особенно они усугубились, когда перестали действовать Духовные школы. Сталин сообщил, что отныне Церковь может беспрепятственно открывать храмы и Духовные школы. В ходе диалога был зафиксирован любопытный сюжет. Митрополит Сергей после этих слов заметил, чтобы служить и преподавать, почти нет у Церкви ни епископов, ни священников. “А где они?” – любопытствовал бывший семинарист. Все прекрасно знали, где они (чуть позже на той же встрече говорили об освобождении архиереев, духовенства, находя-

щихся в ссылках, Лагерях и тюрьмах). Но тут нашелся Сергей: “Так бывает, мы учим семинариста, а он становится маршалом и главой государства”.

Академию церковь быстро не могла открыть. Не было еще необходимых условий. Начало было положено курсами, а потом появился Богословский институт, преобразованный, как Вы Константин Михайлович, отметили, в Академию. То есть Церковь в новой обстановке, в условиях изменения политики по отношению к ней, организационно стала крепнуть. В ее структуре начали возрождаться Духовные школы.

– Должен заметить, что, судя по выступлениям Святейшего Алексия, обращенным тогда к преподавателям и учащимся, его не покидала мысль о возвращении Академии под омофор Преподобного Сергия, то есть в стены Троице-Сергиевой Лавры. Ведь, в бывшем Новодевичьем монастыре не было много того, что необходимо было для учебного процесса. не в полной мере удовлетворяло расположение богословских школ в Москве. Правда, у руководства Академии были сомнения по поводу того, что же передадут ей в Лавре. Ведь крепко вселились туда различные светские организации. Но долгожданное время настало.

– По какому документу произошла передача помещений Академии?

– Передача произошла по постановлению Совета Министров Союза ССР от 29 ноября 1947 г. На его основании Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник начал подготовку передачи ряда зданий в Лавре, в том числе Ректорский корпус бывшей Московской Духовной Академии (Чертоги с помещениями обоих этажей). Не прошло и двух недель, как 10 декабря музей по акту передал Академии Ректорский корпус. Тогда же и Лавра (с 1919 года она тоже была закрыта) получила Митрополичьи покои, Надвратную церковь и несколько помещений в крепостной стене, примыкающей к Святым вратам.

– А кто принимал от Академии передаваемые здания?

– Ее ректор епископ Казанский Гермоген вместе с секретарем академического Совета доцентом А. В. Ведерниковым.

– В каком состоянии находились Чертоги?

– По этому вопросу сохранились документы. Один из них – Опись дефектов Ректорского корпуса. В ней зафиксирована подробная информация о тяжелом состоянии корпуса. Есть еще один документ – Опись восстановительных работ. В документе замечено, что здание Чертогов (за исключением основных конструкций), в полуразрушенном состоянии. Уже через два дня епископ Гермоген собрал Совет Академии и рассказывал о состоявшемся акте передачи и о своем докладе на заседании Священного Синода. Синод поручил ему организовать и возглавить специальную ремонтную комиссию, которой, по его словам, придется много поработать над восстановлением Ректорского корпуса. Восстановительные работы потребуют, конечно, значительных материальных затрат. Нужные средства, отметил ректор, выделит Московская Патриархия.

– С чего начались восстановительные работы?

– Была образована комиссия, возглавлял которую ректор Академии. Она незамедлительно наметила план первоначальных мероприятий по восстановлению переданного здания, имея в виду Опись восстановительных работ. Ее составил архитектор Соболев. В документе, как и в выше упомянутом отмечено, что до начала ремонтно-восстановительных работ “здание Чертогов, за исключением основных конструкций, находится в полуразрушенном состоянии”. Могут мне не поверить. Но Опись подтверждена Комитетом по делам Архитектуры при Совете Министров СССР и начальником инспекции государственной охраны памятников старины архитектором В. П. Синюковым.

Около 190 человек – квалифицированных рабочих различных специальностей приступило к работам. Необходимые строительные и отделочные материалы получались по нарядам, выдаваемым Советом по делам православной церкви при Совете Министров СССР, а также со складов Московской Патриархии. Также приобретались в магазинах Москвы и Загорска. Можно назвать цифру их наименований – 160. Вот какое разнообразие материалов понадобилось.

– А как это все доставлялось в Академию?

– Помню, была у нас одна автомашина “Форд” грузоподъемностью в 2,5 тонны. Она была в постоянных разъез-

дах. Работала по 13 –15 часов в сутки, обслуживалась двумя водителями. Бывало в день по 2 рейса от Загорска до Москвы. А вот еще несколько цифр. Они тоже говорят об объеме работ. На объект машина доставила 638 тонн груза, сделав 250 рейсов, общей протяженностью 4731 километр. Так что работа для нас стала грандиозной, Восстанавливали памятник уникальный, высокохудожественный.

– В таком случае предлагаю немного отвлечься от реставрации и поговорить о ценности Царских чертогов. Здание, действительно, имеют большое историческое и архитектурное значение.

Из профессорской комнаты проходим на этаж Царских чертогов, где располагается актовый зал и Церковно-археологический кабинет Академии.

– До постройки здания Чертогов на этом месте, – продолжает рассказ профессор Комаров, – стояли так называемые “государевы келлии”. Они представляли собой шесть отдельных двухэтажных деревянных сооружений с высокими крыльцами, ведущими в каждое из них Известны “троицкие походы” русских царей и цариц в Лавру.

– Да, дореволюционный историк русского быта Иван Забелин посвятил им целое исследование.

– Конечно, ему было что рассказать. Походы совершались ежегодно, а иногда 2–3 раза в год и были обставлены с большой торжественностью. Такой царским “поход” из Москвы в Троицкий монастырь продолжались 8-10 дней и приурочивался обычно к празднику.

– А как же появилось это здание?

– Деревянные келлии стали приходить в ветхость. На их месте и выстроены были существующие теперь Царские чертоги, в необычайно красивом и парадном стиле”. Время их строительства – рубеж XVII – XVIII веков. Во всяком случае при голландском художнике, о котором Вы вспомнили, подходя к нам, Корнелии де Бруине, посетившем Россию в 1702 году, они уже стояли, только еще не имели той внутренней отделки, уже потом появившейся. А парадный вид помещения приобрели при императрице Елизавете Петровне. Она пожелала, чтобы залы имели богатое убранство.

Особое внимание обратите на потолки, которые и поныне, как Вы видите, украшает лепная отделка. Плафон отличается тонкостью, симметричностью, выразительностью и красотой. Смотрите, здесь лепнина имеет чисто декоративный характер. Пройдемте в Елизаветинскую столовую. Здесь в 32 овальных медальонах представлена летопись замечательных петровских военных побед. Смотрите, в центре потолка трубит Виктория о победоносных подвигах русской армии и флота. Тема явно патриотическая, она созвучна была эпохе Елизаветы, дочери Петра Великого.

– Кстати, каждая сцена обозначена соответствующей датой.

– Действительно, они много дают познавательного о прошедшей истории, какие грады и когда сдавались мод натиском русского оружия.

Пройдя в следующее помещение, Константин Михайлович называет его бывшей спальней Елизаветы Петровны. Я не перестаю восхищаться высокохудожественным мастерством лепщиков. Среди завитков стилизованных листьев, многочисленных изображений амуров, архитектурных строений и пейзажей, пояснительные надписи славянскими буквами в виде виршей. Но на сей раз они прославляют заказчицу.

– Спрашиваю, можно ли выявить среди текстов нечто актуальное, созвучное нашему времени?

– Читайте, вот там, где амурчик с большим якорем в руках и грузом на спине смотрит на сияющий в лучах треугольник – символ “недремлющего Ока Божия”: “Тяжесть мне необычна, но надежда тверда, на промысел и Божие милосердие”. Вот так, в те 40-е послевоенные годы, взявшись за восстановление Чертогов, мы жили надеждой на то, что придет время и заполнят эти залы наши учащиеся и будут продолжать прежние традиции Духовных школ. Но, сами понимаете, поработать пришлось очень много.

Поговорим теперь о месте, на котором стоим. Под нами тоже произведение искусства. Обработка пола включает набор рисунка из разных пород дерева: дуба черного и серого. В центре – огромная круглая розетка с лепестками из светлых и темных линий дерева. От углов зала к розетке об-

ращены веерообразные длинные лепестки. Весь рисунок обрамлен тонкой рамкой с геометрическим орнаментом в виде ромбов.

Обращаю внимание на оконные ниши Чертогов, на их изящное и тонкое скульптурное убранство. А под конец осмотра прихожу в восторг от двух замечательных голландских печей. Одна в Актовом зале, другая – в бывшей спальне. Конечно, приковывают внимание изразцы с синей росписью по белому фону в фигурных овальных рамках с аллегорическими и историческими сценами.

– Начало XVIII века, – подсказывает Константин Михайлович. – Есть предположение, что изразцы делались в Троице-Сергиевой Лавре русскими мастерами.

– Вернемся к восстановительным работам. Когда же они были завершены?

– В конце сентября 1948 году они завершились, я имею ввиду, в главном корпусе Чертогов. Но и еще в нескольких местах – в Надвратной башне с прилегающими к ней помещениями крепостной стены. Некоторое время в них размещалось общежитие, класс пения и изолятор. В бывшей Книжной лавке разместилась библиотека.

Под Трапезной церковью устроили хозяйственные подсобные помещения. По смете сумма работ составляла 1.123.558 руб.

14 октября с оценкой “хорошо” помещения были приняты.

– Если вспомнить из современной церковной истории, в июле 1948 года в Москве закончились торжества по случаю 500-летия автокефалии Русской православной церкви.

– Да, да, там еще выступали наши профессора, а именно на съезде представителей Православных Церквей ректор архиепископ Гермоген, Вертоградов, Георгиевский, Доктусов, Муравьев. Выступления показали, что Московская Духовная Академия по-прежнему высоко стоит в научном отношении.

– А какие темы церковно-исторические и богословские начали разрабатываться в Академии?

– Тогда для нас актуальным стал вопрос “Экуменическое движение и Православная Церковь”. Наши представители вошли в комиссию для определения темы научной работы, в

связи с исполнением в 1950 г. 1900-летнего юбилея пребывания Св. Апостола Павла в Афинах, а также комиссию по вопросу соединения Церквей в связи с предполагаемыми встречами представителей православия и старокатоликов. Тогда же Святейшему Алексию была присуждена нашей Академией ученая степень доктора богословия. Еще началась работа над двумя темами – отношение к Русской Церкви Церквей Константинопольской и Армянской.

– Что бы Вы могли сказать об изменениях во внутренней жизни Академии, в быту ее учащихся, в распорядке занятий...

– Да, изменения и здесь происходили. В 1950 г. введена форма для учащихся, изготовленная в московском ателье – специальные костюмы (китель и брюки). Появились отличия в форме – у академиков воротники кителя стали бархатными, а у семинаристов простые матерчатые. Вменено обязательное посещение литургий в Великий пост и причастие, устанавливались сроки подачи кандидатских сочинений, введены уроки по истории Церковного пения в России на I курсе Академии.

Из Актового зала мы проходим через небольшой зал, в котором размещена выставка, посвященная 300-летию Академии, и попадаем в небольшую комнатку с предметами мебели и многочисленными фотографиями. Профессор Комаров продолжает рассказ, а я внимательно рассматриваю экспонаты.

– Мы попали в бывшую студенческую келью Патриарха Алексия, а сейчас здесь мемориальный музей. О его организации сами студенты испросили разрешение у его святейшества, дабы, как отмечалось в письме к нему, “видеть документы о Вашей поучительной деятельности, как пример для каждого из нас”. А оформлял ее Константин Нечаев.

– Так это ныне известный во всем мире иерарх Русской Церкви митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, Ваш непосредственный начальник по издательскому отделу.

– Да. Он начинал, а потом уже другие воспитанники и преподаватели продолжали насыщать музей необходимыми материалами. Вот перед нами на фотографии родители Святейшего Владыки. Рядом с ними он сам – студент, полный

внутренней силы, здоровья, красоты. Историки и мемуаристы отмечают, что блестящая светская Карьера ожидала юного С. В. Симанского, но он предпочел встать на “тесный” путь монашеского самоограничения, чтобы всецело отдаться служению Церкви и народу. Перед нашим взором фотографии последовательно раскрывают это ревностное служение: ректором Духовной школы, епископом, архиепископом, митрополитом Православной Церкви и, наконец, Патриархом Московским и всея Руси. Здесь явственно видно, как прошлое из жизни нашего Первоиерарха постепенно переходит в его настоящее, как история взрастила одного из виднейших деятелей нашей современности. Вы видите, что эта современность хорошо здесь представлена и в фотографиях и в документах нашей эпохи. Вот он, наш Святейший, на заседаниях в Кремле, в Духовной Академии, среди гостей иностранных церковных делегаций, на богослужении в Соборе, за рабочим столом в своем кабинете, на отдыхе в парке. И всюду и всегда неизменно спокойный и величавый, простой и мудрый, приветливый и благостный. Его образ вдохновляет нас на самоотверженное служение Матери нашей Русской Православной Церкви и Отечеству. А вот витрина, в которой представлены материалы времени Великой Отечественной войны. Святейший находился в блокадном Ленинграде.

— Константин Михайлович, а мне сразу вспомнился кабинет митрополита Алексия на третьем этаже Никольского собора. Здесь он в блокадные дни писал послания, встречался с верующими, вселял в них веру в победу над гитлеровскими оккупантами. При посещении этого кабинета служители храма рассказали мне, как в одну из бомбежек, когда митрополит работал за столом, осколки от снарядов влетели через окно. Они пролетели над его головой и вонзились в стену. После бомбежки три осколка искореженного металла были обнаружены на полу кабинета. Не они ли сейчас выставлены в этой витрине?

— Совершенно правильно. Они. Страшные времена пережили мы.

Далее, экспозиция рассказывает, как в мирное послевоенное время Святейший вел церковный корабль и на 93-м

году жизни своей скончался. Здесь, недалеко от этого места и похоронен в крипте Успенского собора.

– Помню этот день 1970 года – день похорон – весенний холодный со снегом и дождем. Мне довелось быть на похоронах Святейшего.

– При нем и по его благословению Академия продолжала развиваться.

Тогда в 1949 году, как приступил к обязанностям ректора протоирей Л. П. Смирнов, в Актовом зале периодически для всех студентов преподаватели стали читать лекции для расширения их кругозора. А начал их читать сам отец ректор. Читал изумительно о Священной Истории Ветхого и Нового Завета с показом иллюстраций. В настоящее время традиция эта продолжается. Впрочем, о сегодняшних днях лучше всего Вам расскажет проректор профессор Иванов Михаил Степанович.

В конце 1948 года нам предоставили корпуса 50 и 55 с пристройками (до этого в них находилась пекарня). Общая площадь – 1000 кв. м. Здесь мы разместили кухню, столовую, бухгалтерию, аудитории, читальню, комнату для отца ректора и инспектора.

Тогда же ввели продолжительность лекции не 40 минут, а 45, то есть как практикуется во всех учебных заведениях страны. И еще на ту пору одна новость. На 1 курс Академии был зачислен действительным студентом настоятель Антиохийского подворья в Москве архимандрит Василий (Самоха) – араб (впоследствии митрополит). Он был первым студентом иностранцем.

– Очевидно, рассказ о том, что появлялось нового в жизни Академии еще заканчивать рано.

– Разумеется, годы были такие, что новое появлялось часто.

С 1950 года стали оставлять профессорских стипендиатов. Первым был Талызин Владимир Иванович. Вторым по счету в 1951 году стал Константин Нечаев. Определили по классам количество письменных работ в Семинарии и Академии, размер стипендий (в Академии 280 руб., а в семинарии – 260), четырехразовое питание, распорядок дня: подъем в 7 часов, уроки и лекции начинались в 10 часов утра, а

оканчивались в 14 часов 20 минут; с 17 час. до 21 часа вечерняя подготовка к урокам, в 11 часов вечера отбой. В Трапезном храме Лавры и в Успенском храме Новодевичьего монастыря в Москве воспитанники принимали участие в богослужениях. Введены в послеобеденное время для желающих занятия по хоровому и регентскому делу. С марта 1950 года организован музыкальный кружок. Руководила им опытный и заслуженный педагог Ильченко Мария Николаевна (ученица Римского-Корсакова). Занятия проходили в свободное от лекций время в помещении Чертогов. Обучались воспитанники игре на скрипке, виолончели и альте.

В беседе я не заметил, как мы подошли к академическому храму.

– А как в дальнейшем происходило возвращение Академии других зданий? Ведь, на моей памяти к тому времени еще немало помещений находилось на балансе горсовета города Загорска. Помню, я еще успел посмотреть, мне тогда было лет шесть-семь, в Покровском храме, приспособленном под зрелищный зал, детский спектакль “В королевстве кривых зеркал”. Давали его артисты из Москвы.

– Вот видите, Вы не имели отношения прямого к Академии, а у Вас тоже свои воспоминания, связанные с ней. Так вот, в 1951 году Учебный комитет Патриархии и Совет Академии возбудили ходатайство об ускорении передачи Академии и Семинарии части корпуса, занимаемого “Домом культуры” (бывший храм Академии) и Учительским институтом (ныне Учебный и больничный корпуса, библиотека и лаврская гостиница). 29 октября 1955 года был составлен документ о приеме здания бывшего Загорского Дома культуры. Здание переходило в ведение Духовной Академии.

– Акт удивительный. Ведь, это уже было при Н. С. Хрущеве. Впрочем, в начале его реформаторской деятельности.

Мы переходим в Академический храм.

– Храм, – продолжает профессор, – сдавали в очень запущенном состоянии: масса переделок, пробиты стены, сбитая лепнина, обезображен пол, о росписях и иконостасе и говорить не приходится – их не было. Помещение требовало большого капитального ремонта. Надо было разобрать сцену, театральные балконы, киобудку, пристроенную к во-

сточной стороне здания на месте сгоревшего (в 20-х годах) помещения алтаря; полностью отремонтировать заложенный купол; восстановить 10 окон с восточной и южной сторон храма, заделать многочисленные пробоины в стенах и вновь оштукатурить все помещение; лестница, ведущей в храм, и нижние помещения храма требовали также капитального ремонта. Восстановление шло под руководством двух комитетов: по строительству и по устройству церкви. Кстати, председателем последнего стал наместник лавры архимандрит Пимен (Извеков) (будущий патриарх Московский и всея Руси – А. Н.). Уже в декабре начали интенсивные восстановительные работы. С редкой быстротой все кругом преображалось в этом помещении.

– Да, мне бы хотелось здесь привести наблюдения иеромонаха Пимена (Хмелевского) тогдашнего сотрудника Московской Патриархии, заведовавшего приемом поступающих из московских храмов для Покровского храма церковных предметов. В эти месяцы он часто бывал в здании и тоже отмечал изумительный темп, в котором велось восстановление. В обнаруженной мною в академической библиотеке его статье, он отмечает, что “бывало ходишь по коридорам и помещениям, смотришь как кладут кирпичный простенок, штукатурят колонны, укладывают плитку на полу и поражаешься количеством рабочих, занятых на строительстве, и умному распределению труда и прочим “инженерным премудростям”. Проходит всего лишь два-три дня... и масса новых достижений бросается в глаза: вот появилась новая колонна, там – положен паркет, здесь застеклены окна, рядом на стене – новые лепные украшения, повешены двери, сварен остов для винтовой лестницы. Уезжаешь из Академии с особым чувством удовлетворения и с любопытствующей мыслью: вот через два дня снова приеду; дал бы Бог, чтобы к этому дню закончили мраморный пол и покрасили потолок; интересно, как тогда будет выглядеть помещение?”

– Вы сделали преинтереснейшее дополнение. Уже в мае 1955 года строительные работы закончились. Иконостас был привезен из московского храма святого Харитония, что в Огородниках. Правда, несколько икон выполнено в стиле XVII в. М. Н. Соколовой и ее учениками. А расписывался

храм уже после освящения. На нем присутствовал Патриарх Алексий, который выразил надежду словами пророка Аггея, что “величие будет слава храма сего, последняя паче первая...” Роспись его заняла десятилетний период от 1955 до 1965 годов. К сожалению, во время последнего пожара храм сильно пострадал. Восстановленный за пять лет до того барабан с куполом рухнул на территорию академического сада, обгорели стены с росписью. Но, слава Богу, опять восстановили. В убранстве храма не просто благолепие, а дивная гармония древних и современных икон, а также современных настенных росписей. Храм – училище православного благочестия и церковного искусства. Помню, на одном из заседаний Совета отец ректор подчеркнул, что собственная церковь при Академии поможет практики усвоить необходимые знания и навыки для священника, диакона, чтеца и певца в области литургии и в тоже время станет продолжением богословской аудитории в делах веры и нравственности.

Мы выходим из храма. Константин Михайлович продолжает рассказывать о жизни Академии после ее возрождения.

– Вот еще начало одной традиции. Совет Академии в феврале 1951 году постановил просить Патриархию о награждении оканчивающих Академию и Семинарию Святой Библией из книжного фонда Патриархии. С тех пор доброе начинание претворяется в жизнь: каждый год выпускники на память получают духовную литературу. Первый типовый учебный план для Духовных школ был утвержден в 1946 году. А через три года специальной комиссией выработаны единые типовые программы. С осени 1951 года открылся при Академии заочный сектор по образцу Ленинградской Духовной Академии. В том же году организован кружок иконописания. Консультировать кружковцев поручили иеромонаху Сергию (Голубцову). Тогда он преподавал Церковную археологию. Кружок успешно работал. Воспитанники охотно в нем занимались. Долгое время им руководила Мария Николаевна Соколова. Ныне его преобразовывают в иконописную школу, о чем также Вам расскажут.

С 1951 года вошло в традицию ежегодно устраивать Филаретовские чтения в день памяти Филарета Милостивого. Раньше они проходили в старинном актовом зале. Ныне же в

новом. Вы в нем уже были. Большой, светлый, современно меблированный, с хорами и специальной кабиной для кино-установки, вмещающий 800 человек.

В ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КАБИНЕТЕ

– Теперь мы пройдем в современный Церковно-археологический кабинет. Даже трудно начинать говорить о нем после того, как Вы, Анатолий Николаевич, подробно рассказали о его трагической судьбе, сложившейся после закрытия Академии.

– И все-таки знания у Вас, профессор, должны быть очень обширными, так как в течение нескольких лет Вы работали помощником заведующего кабинетом.

– Да, вплоть до отъезда моего в зарубежную командировку.

При возрождении кабинета трудностей преодолеть пришлось немало. Ведь начинали с нуля. Где те разбросанные камни? Их уже невозможно было собрать. Но все же удалось собрать много. Здесь уже вещи иные, и они все необходимы для нашего учебного процесса.

– А что явилось основой для создания нового кабинета?

– Первоначально экспонатов было немного: несколько старинных икон, антиминсов, рукописных и печатных богослужебных книг. Все экспонаты располагались в одном зале в двух–трех шкафах–горках. Вначале кабинетом руководил иеромонах Сергей (Голубцов) доцент по кафедре Церковной археологии и еврейского языка (впоследствии архиепископ Новгородский), а с 18 ноября 1964 года профессор–протоиерей Алексей Данилович Остапов.

– Да, трудно поверить. Ведь сейчас кабинет – это огромное хранилище, насчитывающее тысячи экспонатов по всем разделам церковного изобразительного и прикладного искусства. И не в двух–трех витринах они располагаются, а занимают почти все залы корпуса Чертогов. А скажите, как пополняются фонды кабинета?

– Как светильник поставляется на свечницу, чтобы светить всем, так и Церковно-археологический кабинет и освещает

щает многовековую богатую жизнь церковного искусства, изучает неиссякаемые таланты его выразителей и, тем самым, свидетельствует о великом Художнике, сотворившем в мире “Все Доброе Вечно”. А зажег эту свечу, которая не угасает, а все ярче горит, Святейший Патриарх Алексий. С его богатых пожертвований все и началось. Профессор-протоиерей Алексей Остапов так говорил: “Патриаршие дары музею послужили его второму основанию и служат постоянному росту..., что останется на все времена яркой страницей в истории Академии”. Дарений и дарителей у нас много, невозможно всех перечислить. Но не могу не остановиться на вкладах Святейшего. Почти все они представлены в экспозиции. Среди них древнейшая икона, датируемая IX веком, “Богородица Оранта и святой Георгий Победоносец”. Она была подарена Патриарху Алексию за несколько месяцев до окончания Великой Отечественной войны Патриархом Александрийским Христофором. Тогда он был среди почетных гостей на Соборе Русской Православной Церкви, на котором избирали его патриарха. А потом Святейший подарил икону Академии. Я не помню, чтобы в нашей коллекции находились иконы более раннего времени, чем эта.

В первом зале есть еще несколько икон – патриарших даров: греческая “Собор св. Архистратига Михаила”, “Успение Пресвятой Богородицы” XVI в., “Св. Апостол Андрей Первозванный” того же века. Во втором зале макет Покровского собора “на рву”, или, как еще его именуют, “Храм Василия Блаженного”. В третьем зале икона аналойная “Образ Спасителя в митре” и макет “Погост Кижи”. В зале четвертом картина В. Сурикова “Исцеление слепорожденного”. Даже в период своей предсмертной болезни Патриарх Алексий не забывал о кабинете. В начале апреля 1970 г. он передал бесценный дар – подлинник В. Васнецова “Образ Божией Матери с Богомладенцем на руках”. Это всего лишь несколько предметов, он же подарил их очень много и все уникальные. К примеру, только от ноября 1955 года до апреля 1956 года им было пожертвовано 40 ценнейших экспонатов. Во время одного из визитов в Академию с очередным вкладом Святейший записал в книге почетных посетителей: “Много раз я посещал Церковно-археологический кабинет Академии. Ви-

дел как быстро умножались его художественные ценности, так что теперь он представляет собой замечательное собрание памятников церковной старины и искусства... С любовью препровождая свою лепту на это полезнейшее учреждение, являющееся украшением нашей Московской Духовной Академии”.

– Судя по коллекции, ее основное место занимает древнерусская живопись.

– Да, действительно, так. Количество икон в собрании перевалило далеко за тысячу.

– А какое их разнообразие? Здесь и зарубежного письма – греческое и афонское, итало-критское и югославянское, и отечественные школы – галичская и строгановская, иконы старообрядческого и украинского писем. А сколько иконографических сюжетов? Видимо, одной Богоматери несколько десятков.

– Да, более семидесяти. Есть, как Вы заметили, очень редко встречающиеся: “Спасительница утопающих”, “Руно орошенное”, “Плачущая”, “Величает душа моя Господа”, “Достойно есть”, “Прибавление ума”. Иконографическое разнообразие здесь представлено и образами Спасителя и св. Николая. Это еще раз указывает на то, что прежде всего в кабинете мы преследуем учебные цели.

– Мне вспоминаются беседы с гостями в кабинете, Вами упомянутого, Алексея Остапова.

– Он долгое время заведовал кабинетом, преподавал Церковную археологию, большим знатоком ее был, отдал лучшие годы жизни собиранию и систематизации памятников художественной культуры.

– Помню, излагая задачи кабинета, одну из них он формулировал как не только собирание икон XII–XVII веков, то есть только древнего периода, но образцов церковного изобразительного искусства всех времен, в том числе и новейшего, чтобы студенты смотрели и учились отличать новое от старого, хорошее от слабого, нужное от менее необходимого. В 60-е годы он очень сокрушался о том, что дело иконописания совсем угасло или угасает. Это трагическое явление. Тогда он ставил вопрос об организации иконописных мастерских. Беспокоился о том, что уйдут оставшиеся еще в живых

мастера иконы и унесут с собой иконописные традиции, чем тогда возместить утерянное. А еще он имел желание собрать иконы в одно хранилище, чтобы всякий смотрящий видел, как в разные эпохи писались священные лики, как сохранялась традиция Православия, как умели выражать веру Христову пламенеющие краски верующего духа. Многие иконы, особенно старые и потемневшие, в приходских храмах находятся в забвении, они пропадают с каждым днем. Алексей Остапов замечал, что были случаи, когда среди старых испорченных икон находили замечательные вещи, которые снова стали жить великолепием своих красок и композиций. Он же мечтал поехать по нашей “Руси великой”, походить по храмам, полазим, по хорам, колокольням и чердакам. Сколько бы несметных сокровищ можно было бы найти! Сколько бы можно было спасти ценных вещей от гибели.

– Да, многое представленное здесь: иконы, книги, литые и резные вещи, шитье – все спасено и сохранено. Что же касается традиций иконописания, то в лучших работах со временных иконописцев они сохраняются. Но об этом, Вам, Анатолий Николаевич, лучше всего расскажут в нашей Иконописной школе.

А сейчас Вам предстоит беседа с проректором по учебной работе профессором Ивановым Михаилом Степановичем.

В УЧЕБНОЙ ЧАСТИ

Из Церковно-археологического кабинета мы проходим через среднюю часть академического храма, Слева остались его звонница с шестью устроенными на ней колоколами. Стены обращают на себя внимание свежерасписанными фресками после постигшего несколько лет назад Академию пожара. Невысокий марш лестницы ведет в коридор второго этажа Учебного корпуса. Далее, поднимаемся на третий этаж. Здесь кабинеты руководства Академии: ректора, проректора, инспектора, их помощников. Открываем дверь с табличкой “Проректор по учебной работе”. “Моя задача по представлению Вас облегчается, – говорит мне профессор

Комаров, – так как я знаю, что Вы давно знакомы с М. С. Ивановым”. После приветствий мы на время прощаемся с Константином Михайловичем, который уходит на лекцию и начинаем беседу.

– Михаил Степанович, тема нашей беседы очень общая, и не предполагает каких-либо вопросов необычных. Это почти все те же вопросы, которые очень часто Вам и Вашим коллегам задают гости Академии. Одним словом, о жизни Академии. Конкретно – о приеме в Духовные школы, об учебно-воспитательном процессе, о структуре ее руководства, о научно-богословских исследованиях, о связях Академии с миром внешним.

– Согласен поговорить об этом в надежде, что после публикации таких общих вопросов будет задаваться меньше. Что же касается научной работы в Академии, то о ней расскажет ответственный секретарь Учебного комитета, доцент, протоиерей Владислав Цыпин. Но он подойдет чуть-чуть позднее.

– Кого принимают в Семинарию и каким требованиям со стороны приемной комиссии должен удовлетворять поступающий в это учебное заведение?

– В Семинарию принимаются православные христиане с 18 до 35 лет. Они должны иметь среднее образование. При поступлении в Духовную школу им необходимо сдать небольшие приемные экзамены и пройти собеседование с членами приемной комиссии. Поскольку в Семинарию поступают лица, чаще всего, не имеющие никакого систематического духовного образования, общей целью как экзаменов, так и собеседований является определение степени приобщенности поступающего к церковной жизни, что может, в частности, проявляться в знании наиболее известных молитв, в умении читать по церковно-славянски, в знакомстве с библейской историей или с историей Церкви.

Перед теми, кто проводит собеседование, стоит довольно сложная задача: определить степень серьезности и ответственности того шага, который делает в своей жизни поступающий, направляясь в Духовную школу. Его решение не должно быть не только легкомысленным, но и поспешным. Во избежание такой поспешности члены приемной комиссии

обращают внимание на целый ряд факторов, которые способствовали принятию этого решения, а также на время принятия поступающим таинства Крещения. Если период с принятием Крещения до поступления в Семинарию ввиду своей непродолжительности не позволяет человеку духовно созреть для нового, не менее ответственного, чем Крещение, шага, наставники духовной школы посоветуют поступающему не спешить с реализацией своего решения и испытать его и самим временем, и самопознанием, и личной духовной жизнью, и также задачами церковного служения, которые ему необходимо будет решать в случае получения им духовного образования. Данный пример приводится здесь не только по причине значимости для будущего семинариста отмеченного периода, но и в связи с тем, что в последнее время значительно возрос процент принимающих таинство Крещения в молодом возрасте, что, в свою очередь, привело к увеличению количества тех, кто приходит в Семинарию, будучи крещеными не в младенчестве, а в зрелом возрасте. Это замечание отнюдь не означает того, что принятие Крещения в младенчестве освобождает человека от серьезной подготовки к поступлению в Духовную школу. От такой подготовки ничто не может освободить: ни время Крещения желающего поступить в Семинарию, ни христианский уклад жизни его родителей, ни даже его происхождение из семьи духовенства, ни характер его личной духовной жизни.

Иногда поступающий мотивирует свое решение исключительно личными целями: ввиду острого дефицита церковной литературы и невозможности, в связи с этим усвоить нормы христианской жизни, которыми должен руководствоваться каждый христианин, он хотел бы получить богословское образование для своего личного духовного развития. Принимая во внимание всю серьезность таких соображений, приемная комиссия, однако не может считать их достаточными для зачисления молодого человека в Духовную школу. Хотя духовное становление, и является одной из главных целей богословского образования, не следует забывать того, что задача Семинарии готовить церковные кадры.

– Насколько учитывается членами комиссии степень интеллектуального развития абитуриента?

– Стараясь определить степень приобщенности поступающего к церковной жизни, приемная комиссия вместе с тем обращает серьезное внимание и на его общеобразовательный уровень, круг чтения, любимые занятия и увлечения, культурное воспитание, знание истории своей страны и ее духовного наследия, понимание процессов, происходящих в современном мире. Члены приемной комиссии стремятся к тому, чтобы беседы на такие темы не проходили в форме экзамена, а носили непринужденный и даже дискуссионный характер.

Могут спросить: зачем в Духовной школе проводятся такие, казалось бы, совсем не духовные беседы? Содержание вопроса предполагает, что вопрошающему уже известно, что такое “духовность”. По нашему же убеждению само возникновение такого вопроса как раз и вызвано тем, что вопрошающий не постиг этого феномена человеческой жизни. Не имея возможности подробно остановиться на проблеме духовности, ибо это увело бы нас от нашей главной темы, все же следует отметить, что духовности, изолированной от многообразия человеческой жизни, не существует. Единственное, от чего должна быть изолирована и чему противопоставлена духовность – это греховность.

– Из каких мест нашей страны учатся в Духовных школах? Можно ли назвать отдельные республики, области, откуда больше поступает учащихся по сравнению с другими республиками и областями? Каков национальный состав учащихся?

– В Московские духовные школы можно поступить из любого региона нашей страны. Основной процент поступающих падает на Россию, на втором месте по количеству поступлений стоит Украина, за ней – Беларусь и Молдова. Поступают в Духовные школы и из других республик. Из тех регионов, в которых преобладают нехристианские религии (например, из Средней Азии), естественно, количество поступающих незначительно. Что же касается областей, то первенствующее положение здесь занимает Московская область, прежде всего благодаря самой Москве. Причем, столицу и область отличает не только количество поступающих, но и их высокий общеобразовательный уровень.

В Духовные школы могут поступать лица любой национальности, исповедующие Православие. В текущем учебном году в них обучаются: русские, украинцы, белорусы, молдаване, чуваша, мордва, удмурты, коми, татары, немцы, казахи, болгары, грузины, румыны, сербы, армяне, поляки, греки, осетины.

– Кого принимают в Академию?

– Первым условием для поступления в Академию является прохождение полного курса семинарского образования. Если закончивший Семинарию имеет желание поступить в Академию, он обращается в форме прошения в академический ученый Совет. Прежде чем прошение будет рассмотрено на заседании Совета, оно проходит две предварительные стадии рассмотрения: на заседании школьной администрации и на воспитательном совещании. При этом во внимание принимается все: и поведение подавшего прошение в период его обучения в Семинарии, и его духовный и интеллектуальный уровень, и его умственные способности, и умение заниматься научно-богословской работой, и активность в церковной жизни. Большое значение придается его успеваемости во время учебы в Семинарии. Если в семинарском дипломе он имеет больше трех троек, его поступление в Академию маловероятно. По дисциплинам, по которым в его дипломе имеется бал “3”, ему необходимо сдать экзамены.

– Каков распорядок дня у учащихся (учеба, досуг)?

– Учащиеся встают в 7 утра. В 8 часов они совершают совместные молитвы, затем завтракают в школьной столовой и к 9-ти часам направляются в учебные аудитории, где студенты Академии слушают лекции, а семинаристы подвергаются опросу и получают новый учебный материал согласно программе той или иной дисциплины. После двух лекций, каждая из которых продолжается 70 минут, учащиеся обеих школ имеют получасовой перерыв, во время которого они пьют чай и отдыхают. Затем они собираются в аудитории на две последующие лекции. В 15.00 часов – обед. После обеда у воспитанников и студентов имеется около 2-х часов свободного времени, которое они используют для отдыха, занятия любимым делом, встреч по интересам, работы в библиотеке, знакомства с прессой, занятий спортом... Для того, что-

бы часы досуга учащихся были более содержательными, существующая при Академии и Семинарии комиссия по культурно-воспитательной работе регулярно разрабатывает и предлагает им соответствующие программы мероприятий, которые проводятся как в послеобеденные, так и в другие часы и дни отдыха. После отдыха в течение 3-х часов воспитанники Семинарии занимаются самостоятельно, выполняя задания к следующему учебному дню, а студенты Академии готовятся к семинарам, читают рефераты, изучают языки, пишут сочинения, приобретая навыки научно-богословской исследовательской работы, занимаются в библиотеке.

Вечерними занятиями рабочий день учащихся заканчивается. Поужинав, они в течение полутора-двух часов отдыхают, используя это время для вечерних прогулок, просмотра телепередач, чтения книг, журналов, газет. Перед сном, в 22 часа учащиеся совершают получасовую вечернюю молитву.

Накануне вечером в дни воскресные и больших церковных праздников вся школьная семья участвует в храмовом богослужении. В такие дни, также как и в наиболее значительные гражданские праздники, учащиеся отдыхают. Для них организуются выезды на природу, просмотры церковных, художественных, документальных фильмов, встречи с известными церковными деятелями, писателями, искусствоведами, учеными, вечера вопросов и ответов, поездки по памятным историческим местам, на выставки, в музеи и театры Москвы, в древние близлежащие города.

– Расскажите подробнее об учебно-педагогическом процессе в Академии и Семинарии? Какие особенности есть в нем по сравнению со светскими учебными заведениями? Круг предметов?

– Учебно-педагогические процессы в духовных и светских учебных заведениях имеют много общего. Как светские, так и Духовные школы руководствуются учебными программами и планами, имеют 5-ти балльную систему опроса, зачетные и экзаменационные сессии, выдают студентам обусловленную успеваемостью стипендию, используют в процессе обучения систему мер поощрений и взысканий.

Образование в Духовных школах имеет, однако и существенное отличие, которое определяется спецификой бого-

словия. Светские учебные заведения, как известно, призваны главным образом дать студенту сумму знаний. Если знания усвоены, то цель образования достигнута. В Духовных же школах приобретение богословских знаний не является самоцелью. Эти знания должны стать для студента жизненным началом, преобразующим его мысли, слова, поступки, его личность. Подлинное богословие – это не “багаж” знаний, а опыт духовной жизни. Без духовности богословские знания – “медь звенящая и кимвал звучащий” (I Кор. 13,1). Вот почему воспитанию в Духовных школах уделяется исключительное внимание.

Круг предметов, изучаемых в Семинарии и Академии достаточно широк. Не перечисляя всех дисциплин, остановимся лишь на главных направлениях, по которым ведется обучение. Это: библеистика, куда входят дисциплины, связанные с изучением Библии; богословие, в рамках которого изучаются основные положения христианской веры и нравственности, наследие авторитетных духовных писателей; история, включающая историю Православной, Католической, Протестантской и других христианских Церквей, а также историю нехристианских религий и гражданскую историю нашей страны; философию, в рамках которой значительное место отводится изучению русской религиозно-философской мысли; литургика, изучающая вопросы церковного устава, богослужения, текстологии церковных песнопений; церковное и гражданское законодательство; древние и современные еврейские языки, а также читается курс лекций по христианству и культуре, христианству и литературе.

– Известно, что в учебном процессе прежних Духовных школ большое место отводилось письменным работам, или сочинениям. Что они из себя представляют теперь (объем, тематика, требования к ним)? Какое значение они имеют в профессиональной подготовке учащихся?

– В системе богословского образования сочинения занимают особое место. Это подтверждается уже тем, что их пишут на протяжении всех лет обучения как в Семинарии, так и в Академии. Наблюдения показывают, что сочинения не только раздвигают познавательный горизонт студента. Они

учат его мыслить, анализировать и оценивать события, более глубоко и объективно воспринимать окружающий мир, совершенствуют его язык, прививают любовь к книге. Кроме того, студент, регулярно и серьезно работающий над сочинением, уже на школьной скамье приобретает навыки научно-исследовательской работы.

Объем сочинения может определяться темой сочинения, дисциплиной, по которой оно пишется, курсом, на котором обучается студент, указаниями преподавателя, под руководством которого пишется сочинение, и даже индивидуальными особенностями студента. Как правило, первые сочинения – небольшие, от 10 до 15 страниц ученической тетради. В процессе обучения их объем возрастает. На последних курсах Академии наиболее способные студенты пишут сочинение на соискание ученой степени кандидата богословия, объем которого может быть от 5 до 10 печатных листов (от 100 до 200 страниц машинописи), а студенты средних способностей – дипломную работу от 40 до 60 страниц машинописи. И та, и другая работы защищаются после выпускных экзаменов. Тематика сочинений разрабатывается преподавателями и выносится на обсуждение комиссий Духовных школ. При обсуждении обращается внимание на характер темы, ее актуальность, воспитательное значение работы над темой, ее полезность в духовном, интеллектуальном, культурном развитии студента.

Требования, предъявляемые к сочинениям, определяются, главным образом, значением последних в учебно-воспитательном процессе. Основные достоинства сочинения: соответствие теме содержания и плана; объективность, вдумчивость, осмотрительность и беспристрастность исследования; использование автором необходимой по данной теме литературы; самостоятельный творческий характер сочинения; наличие правильных обобщений и выводов; последовательность изложения; современный научно-богословский язык; сочинение написано грамотно, разборчиво и аккуратно.

– Какие предметы непосредственно связаны с практической подготовкой будущих священноцерковнослужителей и как эта подготовка осуществляется?

– С учетом того, что ранее было сказано об особенностях богословских знаний, трудно выделить специальные предметы, связанные с практической подготовкой будущих священно-церковнослужителей, ибо, повторим еще раз, у служителей Церкви не должно быть теории, не реализованной в практике. Это замечание относится ко всем сторонам жизни священнослужителя, в особенности же к той, где он являет себя как духовный наставник возглавляемой им церковной общины. Что же касается литургической практики, опытного постижения церковного устава, богослужебных книг, навыков в совершении различных видов богослужения и в проповедническом деле, понимания канонических норм и правил и умения соотносить их с современной церковной жизнью и т. п., то их помогают приобрести такие дисциплины, как “Практическое руководство для пастырей”, “Литургика”, “Церковное право”, “Гомилетика”, недавно введенная “Риторика” и другие.

– Какими учебными пособиями пользуются учащиеся?

– Проблема учебных пособий уже давно стоит перед Духовными школами. В ее возникновении в значительной мере повинны времена застоя, сказавшиеся как на жизни Русской Православной Церкви, так и на работе ее Духовных школ. В те времена остро ощущался дефицит в преподавательских кадрах, а, следовательно, и в тех, кто мог бы писать учебные пособия. Педагоги и богословы Духовных школ были перегружены; помимо учебной и ученой работы им постоянно приходилось выполнять всевозможные поручения церковного священноначалия, ибо кадров не хватало не только в Духовных школах, но и в Церкви. Поэтому студентам нередко приходилось довольствоваться рукописными лекционными материалами, записками, конспектами лекций, дореволюционными учебными пособиями. Если же то или иное учебное пособие, тем не менее, было написано, его приходилось размножать на пишущей машинке, что отвлекало много сил и времени. И хотя застойные времена отошли в прошлое, о всем этом приходится говорить и сейчас, ибо эта проблема не может быть решена за короткий срок.

– Каковы особенности нравственного воспитания в Духовных школах и состояние воспитания учащихся как актив-

ных служителей делу милосердия, благотворительности, миротворчества, развитию межнационального общения и, в целом, Отечеству?

– Выше уже упоминалось о значимости воспитания и Духовных школах. Не имея возможности остановиться на этом вопросе подробно, отметим основные направления, по которым ведется нравственное воспитание учащихся.

Во-первых, сам учебный материал, воспринятый в процессе обучения, должным образом оказывает на студентов нравственное воздействие.

Во-вторых, в Духовных школах живет давняя традиция согласно которой каждый класс, группа или курс имеет своего наставника, которого должны отличать любовь и открытость к студентам, умение слушать и понимать, быть для них отцом, которому можно открыть свою душу и доверить свою жизнь.

В-третьих, большое воспитательное значение имеют храм Духовных школ и Троице–Сергиева Лавра.

В-четвертых, Духовными школами исключительное внимание уделяется нравственной атмосфере в студенческой среде, ибо от характера этой атмосферы в значительной мере зависит развитие и становление личности будущего служителя Церкви. Руководство, преподаватели, наставники и сотрудники Семинарии и Академии стараются делать все возможное, чтобы студенты жили единой семьей, в общности забот и интересов, в открытости друг другу, в умении сострадать и сорадоваться каждому члену этой семьи, в терпеливом перенесении недостатков друг друга.

Относительно состояния и направленности воспитания следует сказать, что Духовные школы обращают внимание на те виды церковного служения, почти все из которых в прошлые десятилетия фактически были запрещены. Поэтому воспитательная работа, проводившаяся в то время в Духовных школах, вынуждена была обходить молчанием эти исконные сферы церковной деятельности. Сейчас приходится восстанавливать утраченное. И хотя нет еще необходимого опыта в этой работе, Духовные школы начали поиск, изучение и введение необходимых воспитательных мер, которые бы помогли нашим выпускникам активно включиться в ре-

шение нравственных, социальных, экологических, мировоззренческих и других актуальных проблем, стоящих перед нашим обществом.

– Академия и Лавра. Каковы их связи, влияние Лавры на Академию, ее воспитанников?

– Не так давно Академия отметила свой юбилей – 175-летие со времени переезда из Москвы в Троице-Сергиеву Лавру. На протяжении почти двух столетий между богословским учебным заведением и монастырем постоянно развивались и укреплялись духовные традиции и братские связи, чему способствовало то, что многие студенты, желавшие стать на путь монашеской жизни, направлялись в Лавру, а иноки Лавры, имевшие духовное образование, нередко становились преподавателями Академии. Студенты всегда тянулись к Лавре с ее огромным опытом духовности, накопленным за многие века, со времени всемирно известного основателя монастыря Преподобного Сергия, игумена Радонежского, неотразимое влияние которого сказывается на многих сторонах студенческой жизни. Каждый учебный год в Академии и в Семинарии начинается торжественным шествием всей школьной семьи к великому Игумену в Троицкий собор, где покоятся его останки. Этим студенты выражают свое благоговение перед Преподобным Сергием и свое молитвенное желание получить от него благословение на предстоящие труды нового учебного года. Каждый учебный год они, как правило, так же начинают с молитвенного обращения к великому покровителю земли русской. Многие из них поддерживают с иноками монастыря духовные и братские отношения. Духовником Академии и Семинарии (то есть лицом, осуществляющим духовное окормление учащихся) традиционно является один из наиболее опытных насельников Лавры.

– Расскажите об особенностях структуры руководства Академией и Семинарией, а также других служб, не связанных непосредственно с учебным процессом (хозяйственные, медицинские и другие вспомогательные).

– Академия и Семинария возглавляется ректором, который назначается Священным Синодом Русской Православной Церкви. Эту должность в последние десятилетия зани-

мают лица в епископском сане. Заместителем ректора является первый проректор, осуществляющий наряду с ректором общее руководство Духовными школами и исполняющий обязанности ректора в случае его отсутствия.

Учебная часть находится в ведении проректора по учебной работе, а воспитательным процессом руководят инспектор Академии и инспектор Семинарии, имеющие своих помощников.

Ректор является председателем Совета Духовных школ. Обсуждает и принимает постановления практически по всем вопросам, касающимся жизни и деятельности Академии и Семинарии. В подготовке к заседаниям Совета и в содействии исполнению его постановлений непосредственное участие принимает секретарь Совета. Совету подотчетны комиссии (библейская, богословская, церковно-историческая, церковно-практическая, филологическая), рассматривающие вопросы учебного и ученого характера, воспитательное совещание, занимающееся проблемами поведения учащихся, и комиссия по вопросам культурного воспитания в Духовных школах.

Хозяйственную деятельность в Академии и Семинарии возглавляет проректор по административно-хозяйственной работе. Кроме того, ректор имеет двух помощников: по общим вопросам и по представительской деятельности, связанной с посещением Троице-Сергиевой Лавры и Московских духовных школ большим количеством отечественных и зарубежных делегаций. Кстати, советую Вам встретиться с протоиереем Владимиром Кучерявым, который является помощником ректора по представительской работе.

– Благодарю и непременно воспользуюсь Вашим советом.

– Духовные школы имеют также столовую, баню, прачечную, медицинский пункт, местную АТС и некоторые другие службы быта.

– Охарактеризуйте, хотя бы кратко, профессорско-преподавательский состав Академии и Семинарии. Как становятся преподавателями таких учебных заведений? Каков количественный состав преподавателей? Имеют ли препода-

ватели ученые звания и степени? Все ли они в сане (монашеском и белого духовенства)?

– Преподавательский состав Академии и Семинарии, к примеру, в 1989/90 учебном году насчитывал 82 человека. Большинство из них имело высшее богословское образование. 49 преподавателей – священнослужители; из них 26 носят монашеский сан. Наиболее способные выпускники Академии оставляются при Духовных школах решением Совета. Некоторые из них сразу же начинают преподавательскую деятельность; другие в течение одного–двух лет, являясь профессорскими стипендиатами, специализируются в одной из богословских областей и затем, как правило, также становятся преподавателями. В последнее время имеют место случаи приглашения для преподавательской работы лиц, являющихся преподавателями светских учебных заведений или сотрудниками научно–исследовательских учреждений. Такие преподаватели, работая в Духовных школах в тех областях знаний, в которых они являются специалистами, одновременно заканчивают Семинарию и Академию экстерном.

Преподаватели могут иметь ученые звания доцента или профессора, а также, наряду со степенью кандидата богословия – степени магистра и доктора богословия.

А вот и доцент-протоиерей Владислав Цыпин. Мы как раз в беседе с Анатолием Николаевичем подошли к теме, в которой предполагалось и Ваше участие.

– Ваше Высокопреподобие, расскажите об Академии как научно–богословском учреждении после ее возрождения. Какова система научной работы в Академии, ее специфика и главные направления? Существуют ли кафедры или что-то подобное им?

– Московская Духовная Академия была возрождена в конце Великой отечественной войны. Правда, называлась тогда эта высшая богословская школа не академией, а Православно-Богословским институтом. Но уже в 1946 году Институт был преобразован в Духовную Академию. Главной задачей возрожденных Духовных школ, в том числе и Московской Академии, стала подготовка духовенства, в котором в ту пору столь остро нуждалась Русская Православная Церковь, перенесшая тяжкие потрясения в 20–30–е годы, а после

войны получившая возможность открывать новые приходы. Но полноценный учебный процесс в высшей школе предполагает достаточно высокий уровень научной подготовки преподавателей и их постоянную научную деятельность. В первую послевоенную преподавательскую корпорацию Московской Духовной Академии вошли преподаватели и выпускники дореволюционных Духовных Академий – носители их прекрасных традиций, которые они сумели передать новому поколению церковных деятелей. А среди этих традиций – органическая связь учебного процесса с церковно-научной работой. Важнейшая особенность церковной науки – в опоре на живой молитвенный и аскетический опыт Церкви, в ее верности Священному Писанию, в ее укорененности в церковной традиции.

В Духовной Академии церковно-научные исследования ведутся, во-первых, в органической связи с процессом обучения и, во-вторых, в связи с теми задачами, которые ставит перед Духовной Академией сама жизнь Церкви.

Научно-богословские исследования публикуются в церковной периодике, объем которой крайне недостаточен, по сути дела, это только “Журнал Московской Патриархии, который носит в значительной мере информационный характер и лишь часть страниц отводится для публикации богословских статей, и “Богословские труды”, выходящие лишь один раз в год. Другой формой реализации научно-богословских изысканий преподавателей являются доклады, лекции, сообщения, с которыми выступают в самой Академии и за ее пределами: на конференциях, симпозиумах, богословских встречах. В Духовной Академии систематически защищаются кандидатские, реже – магистерские и докторские диссертации. Одой из форм научной деятельности преподавателей является подготовка ими учебных пособий, разрабатываемых на материале академических лекций.

Значительная часть исследований, выполняемых в Духовной Академии преподавателями и способными студентами, остается неопубликованной. В связи с этим одной из самых актуальных задач, стоящих перед Академией, является организация академического научного журнала. До революции Духовная Академия издавала такие журналы. В послед-

ние десятилетия перед 1917 г. это был “Богословский вестник” – один из лучших и один из многих выходивших тогда научно–богословских периодических изданий.

Главными направлениями в научной деятельности Московской Духовной Академии, если судить по тематике диссертаций и публикаций, являются история Русской Церкви, пастырское богословие, взаимоотношения между Православием и инославными Церквами. Но нельзя не признать особь актуальности и таких направлений, как библеистика и каноническое право.

В Духовной Академии имеются кафедры, которые объединяют преподавателей, читающих лекции по родственным дисциплинам, но число преподавателей, занятых на одной кафедре, незначительно. Поэтому реально работающими объединениями преподавателей являются комиссии, в которые входят преподаватели нескольких смежных кафедр. В Академии образованы: библейская, богословская, церковно-историческая, церковно-практическая и филологическая комиссии. Культурно–воспитательную работу проводит комиссия с соответствующим названием.

– На конференции, посвященной 300-летию Академии, говорилось о преобладании в старой Академии в учебном процессе и в богословских исследованиях схоластического направления. Преодолено ли это направление в настоящее время? Насколько и как связано богословие с жизнью? В чем актуальность богословских и историко-церковных исследований?

– Едва ли было бы правильно говорить о преобладании схоластического направления в богословских исследованиях старой Академии. Это имело бы, пожалуй, известный смысл, было бы достаточно объективно по отношению к Академии XVIII столетия с ее латинским языком обучения и латинским языком богословских трактатов, с ее зависимостью от западной науки и действительной схоластичностью богословской мысли, но не по отношению к Академии XIX века, если, конечно, слово “схоластика” употреблять терминологически точно. Часто же это слово употребляется с расплывчатым и трудно уловимым смыслом, смыкающимся отчасти с книжничеством, формализмом, оторванностью от жизни. Тогда

его можно прилагать к чему угодно, но оно будет характеризовать скорее отдельных ученых, чем целые школы.

Что касается наших современных богословских исследований, то их недостатком скорее является не схоластичность, а определенный дилетантизм, фрагментарность изложения, то есть качества, противоположные схоластике, им как раз не хватает хорошей школьной традиции, ведь слово “схоластика” образовано от “schola” – школа). Недостаток этот является неизбежным результатом, во-первых, временного разрыва между старыми и новыми церковными школами, а во-вторых, той изоляцией, в которой находилась церковная школа в 50-70-е годы.

– Как происходит присуждение ученых степеней (кандидата, магистра, доктора)? Можно ли назвать имена почетных членов Московской Духовной Академии?

– Ученая степень кандидата богословия присваивается выпускнику Духовной Академии за диссертацию, иначе называемую курсовой работой, которую он пишет, обучаясь на 3–4-м курсах Академии. Курсовая работа выполняется под руководством одного из преподавателей, который дает на нее рецензию. Другую рецензию по ознакомлению с работой дает оппонент из числа академических преподавателей, читающих лекции по той дисциплине, по которой написана диссертация, или по смежной с ней. Защита происходит по окончании 4 курса в специально образованной комиссии. Результаты защиты рассматриваются на Совете Академии, который выносит решение о присвоении степени кандидата, подлежащее утверждению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. Ученые степени магистра или доктора присваивают за фундаментальные научные работы. Эти работы рецензируются двумя преподавателями Академии. До защиты они предлагаются для ознакомления всей академической корпорации. Диссертанты составляют авторефераты своих работ. На защите оппоненты зачитывают свои рецензии, диссертанты – свои авторефераты. Затем происходит дискуссия, в которой могут участвовать не только члены ученого Совета, но и все присутствующие при защите. Решение о присвоении степени выносится не менее, чем 2/3 голосов профессоров и доцентов ученого Совета. Решение

ученого Совета подлежит утверждению Святейшего Патриарха.

Почетными членами Академии могут быть избраны главы Церквей, наиболее известные церковные деятели как Русской Православной Церкви, так и других христианских Церквей, авторитетные богословы, лица, проявившие заботу о Духовных школах и оказывающие им разностороннюю поддержку. Назовем некоторых из почетных членов: его Святейшество, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен; его Святейшество, Святейший Димитрий I, Архиепископ Константинополя, Нового Рима Вселенский Патриарх; его Блаженство, Блаженнейший Игнатий IV, Патриарх великой Антиохии и всего Востока; его Святейшество, Святейший Герман, Архиепископ Печский, Митрополит Белград-Карловацкий, Патриарх Сербский; его Святейшество, Святейший и Блаженнейший Илия II, Католикос всея Грузии, Архиепископ Мцхетский и Тбилисский; его Святейшество, Святейший Патриарх Болгарский Максим; его высокопреосвященство, Архиепископ Дональд Когган – глава Англиканской Церкви; Генеральный секретарь Всемирного Совета Церквей, доктор Эмилио Кастро; профессор Эрлангенского университета ФРГ, доктор богословия Фери фон Лилиенфельд.

– Существует ли связь (общение, контакты, совместные публикации, собеседования, участие в конференциях) у Академии со светскими научными кругами отечественными и зарубежными? Можно ли говорить о каких-либо итогах таких контактов? Каковы их перспективы?

– В последние годы контакты преподавателей Московской Духовной Академии со светскими научными кругами в нашей стране стали несравненно более интенсивными, чем раньше. На научно-богословские конференции, которые проходят с участием преподавателей Московской Духовной Академии, приглашаются историки, философы, искусствоведы, филологи. Часто проводятся “круглые столы”, за которыми выступают церковные и светские ученые. Работы преподавателей публикуются в светских научных и общественных периодических изданиях, в разного рода сборниках. Отечественные и зарубежные ученые, занимающиеся свет-

скими науками, в последнее время принимают участие в Международных научно-церковных конференциях, организуемых Русской Церковью. В последние годы проведено 4 таких юбилейных конференции: первые три в связи с тысячелетием Крещения Руси (в Киеве, Москве и Ленинграде) и четвертая в связи с 400-летием установления патриаршества в России.

Контакты церковных ученых со светскими становятся все более регулярными и тесными; их необходимость и для науки церковной, и для светской науки, и для решения общественных проблем нашей страны очевидна. Интерес к богатому духовному наследию, которое является достоянием Русской Православной Церкви, растет в самых широких общественных кругах. Систематическое его изучение является сейчас актуальной задачей и церковных, и светских ученых. Вероятно, контакты между светскими и церковными научными кругами должны приобрести и определенные организационные формы.

– Михаил Степанович, а есть ли какие-либо связи у Академии с богословскими заведениями других конфессий (в стране и за рубежом)? Учатся ли в Московкой Духовной Академии люди из других Православных Церквей (учились ли) да и не только Православных? И, наоборот, направляются ли выпускники Академии и Семинарии в зарубежные богословские учебные заведения (направлялись ли)?

– Связи Московской Духовной Академии с учебными заведениями других Церквей и конфессий осуществляются, в основном, по линии обмена студентами. В последние десятилетия в Академии обучаются студенты Поместных Православных Церквей Восточной Европы, Ближнего Востока, Грузинской Православной Церкви, Армянской Апостольской Церкви, представителями старообрядцев. В текущем учебном году в Академию профессорским стипендиатом был зачислен священник Русской Зарубежной Церкви. С курсом богословского обучения в этом же году знакомится священник Римско-Католической Церкви.

В свою очередь, выпускники и студенты Московских духовных школ направляются в учебные заведения других Православных Церквей. В прошлые годы имели место слу-

чаи обучения наших студентов в высших богословских школах Римско-Католической Церкви и в Экуменическом институте в Швейцарии.

– Какие изменения произошли в Духовных школах в последние два десятилетия (увеличился ли количественный состав учащихся и преподавателей, введены ли новые дисциплины, расширялась ли и за счет чего, в целом, площадь учебных и служебных помещений)?

– За указанный период количество учащихся в Московской Духовной Семинарии увеличилось в 4 раза; количество преподавателей в обеих школах – в 2 раза. Введены следующие новые дисциплины: Введение в патрологию, Введение в философию, История философии, История русской религиозной мысли, Риторика, История религий, Христианство и литература, Христианство и культура.

Решению проблемы площади учебных и служебных помещений Семинарии, Академии, Регентской и Иконописной школ, вставшей перед ними в последние годы со всей остротой, в значительной мере способствует возвращение им зданий бывшей городской больницы, принадлежащей ранее Троице–Сергиевой Лавре. Сейчас часть зданий уже освоена и в аудиториях начались занятия семинаристов, в другой части продолжается реставрация.

– Произошли ли какие-либо изменения в Духовных школах в связи с социальными изменениями в нашей стране и обновлением государственно-церковных отношений?

– Ответы на некоторые предыдущие вопросы уже затрагивали целый ряд изменений, которые произошли и Московских духовных школах. К сказанному добавлю, что ныне активно развиваются контакты Семинарии и Академии с государственными учебными и научными заведениями и общественными организациями нашей страны. Наряду с ними, следует сказать, о передаче школам из Государственной библиотеки им. В. И. Ленина литературы, принадлежащей ранее библиотеке Московской Духовной Академии. Духовные школы получили также возможность осуществлять обмен богословской литературой с учебными заведениями и издательствами других стран и Церквей. Это во многом связано,

как Вы понимаете, с деятельностью нашей библиотеки. О ее современном состоянии разговор может быть особым.

– Вы правы. Мне часто доводилось встречаться с ее заведующим игуменом Феофилактом, до того, как стать ему преподавателем Киевской духовной семинарии. Я благодарю Вас, Михаил Степанович, и Вас, отец Владислав, за столь содержательную беседу.

***РЕКТОР ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ,
ТРАДИЦИЯХ, ПРЕЕМСТВЕННОСТИ
И СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ
ДУХОВНЫХ ШКОЛ***

С архиепископом Дмитровским Александром мне часто доводилось встречаться, быть в его кабинете, видеть и слышать его на различных академических и общецерковных собраниях. При встречах он всегда радушный и гостеприимный, на собраниях серьезный, придающий большое значение слову, обращенному к слушателям.

С 1987 года к его заботам академическим прибавились и учебные общецерковные. И тех и других очень много. Академия и Семинария в постоянном развитии. Перед духовным образованием жизнь выдвигает новые требования. Углубленное изучение богословских дисциплин – задача, которую ставит современная Духовная школа. Но, насколько я знаю по его выступлениям, ректор большое внимание уделяет и преемственности, традиции. Обращаясь к учащимся в день празднования 175-летия пребывания Московской Духовной Академии в древнем центре русского монашества – Троице-Сергиевой Лавре, он говорил: “Большой юбилей способен волновать мысль историческими воспоминаниями и в этом всегда состоит его самая характерная особенность. Благодаря празднованию юбилея мы узнаем о жизненной значимости всего того, что произошло до нас, что имело влияние на характер минувших событий, на судьбы людей. Но всякий юбилей обладает еще и тем преимуществом, что позволяет более пристально и внимательно всмотреться в настоящее, увидеть, как в том настоящем вмещается прошлое. Чувство

новизны и отголосков давно минувшего сопровождают вас, когда вы впервые переступаете порог Академии. Здесь открывается другой мир, и под покровом самых привычных форм школьной жизни вы заметите глубинные истоки нашего исторического прошлого. Пройдите по классам и аудиториям – и вы увидите, что их украшают портреты наших знаменитых церковных иерархов двух последних столетий. Войдите в Академическую библиотеку и поинтересуйтесь ее фондами – и вы узнаете, что ее фонды составляют труды богословов и церковных историков наших прежних православных академий. Осмотрите экспозицию комнат Святейшего Патриарха Алексия – и вы поймете, как тесно он соединял свое первосвятительское служение с заботой о нашей Академии. Итак, прошлое всегда с нами, оно неотступно от нас, оно присутствует в целом потоке церковной жизни и в отдельных ее частях.

Наше сознание укоренено в прошлом даже гораздо глубже, чем мы обыкновенно себе представляем.

С тех пор, как юный Варфоломей ушел из мира в безлюдную и дикую пустыню для уmozрения и безмолвия, в этом его высоком и доблестном подвиге уже полагалось основание лестницы богословского знания и духовного восхождения для ближайших и отдаленных его последователей. Троицкий монастырь стал не только центром русского монашества, пробудившим к духовной жизни весь северный край Древней Руси, но и школой русского религиозного просвещения. Здесь, в Троицкой обители, трудились православные писатели Московской Руси – Епифаний Премудрый, Пахомий Логофет, преподобный Максим Грек, произведения которых открывают нам глубину эстетического своеобразия древнерусской литературы и объясняют высокое и почетное место книги в системе духовных ценностей Древней Руси. В свете того значения, какое имел Свято-Троицкий монастырь в судьбах духовного просвещения Руси, уже никому не приходится сомневаться в глубокой закономерности того, что начало XIX века было ознаменовано в истории Троице-Сергиевой Лавры водворением здесь Московской Духовной Академии”.

Преемственность, сохраняющуюся в Академии, ректор видит в том, что учащие и учащиеся в ней являются духовными наследниками Преподобного Сергия и митрополита Московского Филарета. В том же выступлении он напомнил, что в 1864 году Академия праздновала свой полувековой юбилей. На юбилейное торжество прибыл приснопамятный митрополит Филарет. С глубоким благоговением встретила Академия заходящее светило Русской Церкви. А через сто лет, на филаретовском вечере 13 декабря 1963 года, в преддверии 150-летнего юбилея Академии, в том же старинном академическом зале Святейший Патриарх Алексий, как еще никто другой до него, в лаконически ясной и предельно исчерпывающей фразе выразил историческое значение для русской Церкви духовного подвига Преподобного Сергия и богословского подвига Московского митрополита Филарета: «Один спасал Россию в ее самую безотрадную эпоху, другой отлил в дивную форму все содержание православия».

«В наше время, – говорит ректор, – когда Церкви предъявляются новые и ответственные требования, одной из главных задач Духовной школы является формирование нравственного облика воспитанников и студентов, повышение уровня богословской и пастырской подготовленности ее выпускников». Об этом исключительном значении духовного образования, отмечал в одной из бесед архиеп. Александр, мы стремимся напоминать всегда нашим учащимся, что именно в настоящее, судьбоносное для нашей Церкви и нашего Отечества время, в обстановке духовного обновления общества, когда к Церкви с надеждой обращаются взоры нового поколения наших соотечественников, задача нравственного и интеллектуального формирования пастырей является жизненно важным вопросом нашей Поместной Церкви.

Что следует сделать, чтобы эти задачи выполнялись? На этот вопрос ректор отвечал как председатель Учебного Комитета в своих докладах на Поместном Соборе в июне 1988 года (мне довелось быть на нем в качестве гостя) и на Архиерейском Соборе в октябре 1989 года. В первом докладе, поскольку Собор проходил во время празднования 1000-летия Крещения Руси, архиеп. Александр сделал обзор состояния духовного образования на Руси со времени принятия ею

христианства. Но и о современном состоянии было сказано много с обозначением насущных проблем. Отмечено, что за время, прошедшее после Поместного Собора 1971 г., в деле богословского образования достигнуты заметные успехи. Благодаря архипастырскому попечению священноначалия Русской Церкви, возглавляемого Святейшим Патриархом Пименом и Священным Синодом, удалось значительно расширить прием учащихся в духовные семинарии. В результате этой меры дефицит кадров духовенства заметно уменьшился.

Тем не менее, Духовные школы удовлетворяют нужду Русской Православной Церкви в священнослужителях лишь наполовину. Во многих епархиях ситуация вызывает особую озабоченность; это касается, в первую очередь, средней полосы России, Поволжья, Урала и Сибири. Решение этой проблемы за счет заочного сектора обучения нельзя признать лучшим выходом из положения, так как полноценное богословское образование и религиозно нравственное воспитание будущий пастырь может получить только на стационаре, в стенах Духовной школы. В то же время чрезмерное расширение контингента учащихся в уже существующих семинариях имеет и свою негативную сторону, невыгодно отражается на учебно-воспитательном процессе. Оптимальным выходом является открытие новых семинарий в тех районах страны, где ныне особенно велика нужда в священнослужителях – в Сибири и Поволжье, а также на западе Украины. Нехватка преподавательских кадров вызвала в свое время соединение академических и семинарских корпораций в единые организации. Ныне церковная жизнь ставит вопрос о самостоятельном существовании Академии и Семинарий.

Религиозно–нравственный, богословский и общеобразовательный уровень учащихся обусловлен не только характером учебного процесса, но и нравственным состоянием, а также церковной подготовкой лиц, поступающих в семинарии. Ввиду постоянно углубляющейся секуляризации общеобразовательной жизни церковная подготовка абитуриентов из года в год снижается. Поэтому вопрос о планомерном и целенаправленном подборе кандидатов не должен выходить из поля зрения епархиальных архиереев. Правящие архиереи

и подведомственный им клир несут перед Богом главную ответственность за удовлетворение потребностей своих епархий в священнослужителях, за каноническое достоинство кандидатов священства. Нравственная чистота, церковное благочестие, гражданская зрелость – вот качества, которые должны характеризовать абитуриента Духовных школ. Долг архипастырей – искать и готовить таких абитуриентов.

Далее, ректор отметил, что весьма остро стоит вопрос об уровне преподавания в учебных заведениях Русской Православной Церкви, который должен отвечать высоким требованиям современности. Несмотря на несомненные положительные сдвиги последних лет, на то, что научно-богословский уровень преподавательских корпораций, в особенности Московских и Ленинградских (ныне Санкт-Петербургских – А. Л.) духовных школ, заметно вырос, проблема эта не теряет актуальности и продолжает вызывать озабоченность.

Особого внимания требует состояние учебных пособий. Обеспечение ими учащихся в должном количестве – основа нормального хода учебного процесса. В перспективе – это издание учебных пособий типографским способом.

Серьезную тревогу, согласно наблюдениям ректора, вызывает и состояние академических и семинарских библиотек, основной фонд которых составляют книги дореволюционных изданий. Эти книги изнашиваются, а реставрация их весьма затруднительна. Назрела необходимость в переиздании наиболее ценных и дефицитных богословских и церковно-исторических книг, ибо утрата их будет ничем не восполнима. Она может нанести урон не только духовному образованию и церковной науке, но и всей отечественной культуре.

Для нормальной жизни духовно-учебных заведений далеко не второстепенное значение имеет их материальное обеспечение. В этом смысле Духовные школы не менее других церковных учреждений нуждаются в отеческой заботе священноначалия Русской Православной Церкви.

Затраты на образование, убежденно говорил ректор, кандидатов священства – это обеспечение завтрашнего дня Церкви. Тут они не пропадут. Церковная жизнь требует радикального решения проблемы, связанной с острой нехват-

кой младшего звена церковных работников, а именно: регентов, псаломщиков, певчих, чтецов и алтарников. Существующие ныне при духовных учебных заведениях регентские школы не могут вполне решить эту проблему, ибо удовлетворяют огромную нужду Церкви в церковнослужителях и псаломщиках лишь в самой минимальной степени. Представляется целесообразным, настаивал председатель синодального Учебного комитета, сосредоточить подготовку церковнослужителей, регентов на специальных епархиальных курсах. Такие курсы можно организовать при монастырях и во многих епархиях, тем более, что учебные занятия могут проводиться в дневное время в одном из храмов кафедрального города. Помимо того, что лица, окончившие епархиальные курсы псаломщиков и регентов, будут восполнять существующий дефицит церковных работников младшего звена, достойные из них могут направляться на обучение в духовные семинарии для подготовки к священству. Назрел вопрос и об открытии церковной иконописной школы, которая сосредоточит в себе лучшие художественные творческие силы Церкви. Открытием такой школы Православная Церковь внесет вклад в общенациональное дело сохранения отечественного культурного наследия, которое в наше время волнует широкие общественные круги. Духовные академии сосредоточивают в себе научно богословские силы Русской Православной Церкви.

За время, прошедшее после Поместного Собора 1971 года, отмечал ректор, было написано и опубликовано в церковной печати немало серьезных богословских и церковно-исторических работ. Заметными событиями в церковной жизни явились Международные научно-церковные конференции, посвященные 1000-летию Крещения Руси. И все-таки, по убеждению ректора, состояние отечественной богословской науки вызывает глубокую озабоченность, оно нуждается о серьезном качественном сдвиге. Церкви не хватает высококвалифицированных богословов, стоящих на высоте современных требований. Некоторые богословские диссертации и публикации написаны на невысоком научном уровне. Отдельные отрасли церковной науки находятся в запущенном состоянии. Насущные потребности развития цер-

ковной науки ставят на повестку дня вопрос о создании научно–богословского центра Русской Православной Церкви, который занялся бы фундаментальной разработкой наиболее актуальных богословских, церковно-исторических и церковно-правовых проблем. Помимо квалифицированных преподавательских кадров к работе в нем можно привлечь и светских специалистов, обладающих серьезным научно–богословским потенциалом. Участие лучших студентов академий в деятельности Богословского центра на основе научной специализации поможет с большим, чем прежде, успехом готовить высококвалифицированных преподавателей Духовных школ. Вопрос этот особенно актуален в связи с большим размахом внешнепредставительской деятельности Русской Православной Церкви, полноценное участие в которой могут принимать лишь вполне компетентные профессиональные богословы.

Успешное развитие церковной науки неосуществимо без печатных органов при каждой духовной академии. Издание богословских журналов откроет путь к регулярной публикации трудов преподавателей духовных школ и наиболее талантливых студентов.

Через полтора года в докладе на Архиерейском Соборе архиепископ сформулировал к прежде высказанным новые задачи в духовном образовании. За это время начало действовать в Русской Православной Церкви еще 3000 зарегистрированных обществ, возрождено более двух десятков монастырей. Как отметил ректор, с успехом решаются ныне проблемы, которые десятилетиями дожидались своего решения. Он имел в виду и открытие новых духовных семинарий – Киевской, Минской и Тобольской, из четырех, о которых шла речь на Поместном Соборе. Появились новые типы церковных школ – духовные училища в Кишиневе, Новосибирске, Смоленске, Ставрополе и Чернигове. В этой связи он говорил о создании единой системы духовного образования, определении четкого профиля каждого типа духовных учебных заведений, введении некоторых дисциплин гуманитарного цикла: философии, истории, литературы, языков. По его мнению, Семинария должна давать высшее образование, а Академия должна сосредоточить внимание на подготовке

педагогических кадров. В ее учебный процесс необходимо ввести предметы педагогического цикла: основы педагогики, психологии, дидактики.

Обращаясь к членам Архиерейского Собора, архиепископ Александр отметил, что самого серьезного отношения заслуживает, получивший актуальность в результате благотворных изменений в обществе, и вопрос о религиозном обучении вне рамок духовно-учебных заведений.

В наше время, говорил ректор, в широких кругах ответственности растет понимание благотворности влияния церковного учительства на нравственный климат в стране. Помимо традиционной храмовой проповеди, создаются новые, или, уточняет ректор, забытые старые формы такого учительства в виде внебогослужебных катехизических собеседований при храме, приходских воскресных школ для взрослых и детей, чтения лекций и других выступлений священнослужителей перед учащимися общеобразовательных высших и средних школ; и, наконец, уже многие годы наблюдается стихийное объединение верующий христиан и религиозно ищущих людей во всякого рода религиозно-философские группы, в которых самостоятельно изучаются богословие, религиозная философия, история Церкви. В некоторых из этих групп, с сожалением говорил архиепископ, тон задают лица, недостаточно понимающие православное учение, с сомнительным религиозным мировоззрением. Между тем, в эти религиозные группы охотно идут многие религиозно ищущие люди.

Поэтому встает задача овладения ситуацией, связанной с религиозным подъемом в обществе; в эту стихию необходимо внести строго православное, церковное начало. С этой целью, предлагал председатель Учебного комитета, необходимо создание православных культурных центров на епархиальном уровне.

В таких центрах квалифицированные богословы, церковные историки, специалисты по религиозной философии, церковно-общественные деятели как из духовных школ, так и из светских научных учреждений могли бы читать циклы лекций, доступные всем желающим посещать их. Эти лекции, естественно, должны быть строго церковными, основанными

на учении святых отцов. Они должны знакомить слушателей этих центров с основами Православия, с церковной историей и жизнью Церкви и содействовать духовному оздоровлению общества. Он напомнил, что еще священным Собором Российской Православной Церкви в 1917 – 1918 годах было установлено, что миряне вправе быть приходскими проповедниками. Поэтому вполне законной является подготовка мирян (как мужчин, так и женщин) для учительства в церковных воскресных школах для детей и взрослых. Более того, некоторое время в середине XIX века в семинариях преподавался курс катехизических собеседований, на этих занятиях семинаристы обучались проведению катехизических бесед с прихожанами. Возобновление преподавания этого курса в семинариях ныне вполне актуально. Вероятно, речь должна идти не о включении нового самостоятельного предмета в без того перенапряженные семинарские планы, а о перепрофилировании учебной программы преподаваемого ныне Катехизиса. Наконец, появление различных форм начального религиозного образования детей и взрослых ставит перед научно-педагогическими кадрами Церкви неотложную задачу создания учебных пособий для воскресных школ, разработки методик и занятий в них.

Судя по выступлениям архиепископа Александра, подход к решению современных проблем весьма серьезный. В нем заметна та академическая мысль, которая всегда пламенела в стенах одного из старейших российских учебных заведений. Причем мысль эта не ограничивалась стенами Академии, а выходила за ее пределы и включалась в решение проблем общецерковных, да и касающихся в целом нашего Отечества.

Об академической же мысли проникновенно говорил архиепископ Александр на упомянутом мною 175-летнем юбилее пребывания Академии в Троице-Сергиевой Лавре: “Обозревая путь, пройденный Академией, каждый исследователь найдет много нового, еще не открытого и не изученного, много оригинального и ценного, памятного или забытого. Но главное, что должен заметить каждый исследователь, это то, что академическая мысль не стояла на месте. Она была полна исканий и обретений, творческого вдохно-

вения и возвышенных откровений, она выражала себя в классических определениях и логических формулах, в исторических построениях и догматических концепциях. Но при этом она сохраняла одно неотъемлемое и очень важное качество – она всегда оставалась соотносительной запросам своего времени, она всегда оставалась современной”.

**“НЕ УГАШАЙТЕ ДУХА”
(К СОБЫТИЯМ В ЛАВРЕ И АКАДЕМИИ
В 80–90–Х ГОДАХ XX ВЕКА). [4]**

В обозначенные годы много нового появилось на Маковце и в окрестностях его. Произошло и много значительных событий. Расскажу о главных, на которых мне довелось быть.

По истечении 36 дней после смерти (3 мая 1990 г.) Патриарха Пимена в Лавре проходил Поместный Собор Русской Православной Церкви. На нем должно было свершиться событие, которое бы определило дальнейшую жизнь Церкви. А событием этим – стало избрание нового патриарха.

7 июня в 22 часа 20 минут после тайного голосования, в котором участвовало 317 членов Собора, колокол Троице-Сергиевой Лавры возвестил об избрании пятнадцатого Всероссийского Патриарха. Им стал митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Ридигер). Почти до полуночи в Сергиевском трапезном храме участники Собора подходили к избранному Патриарху, принося свои поздравления.

Знаменательный день этот в Лавре завершился благодарственным молебном. Далее Собор продолжался, но уже под председательством нового предстоятеля Русской Православной Церкви, одновременно ставшим и новым священноархимандритом Лавры.

А менее чем через полтора месяца (18 июля) Лавра отмечала летний Сергей. Так называют в народе день обретения честных мощей Преподобного Сергия (5 июля 1422 года по старому стилю гробницу основателя Троицкого монастыря изнесли из земли и установили для поклонения в храме).

Празднику была придана особая значимость – впервые после интронизации в Троице–Сергиеву Лавру прибыл ее священноархимандрит, Патриарх Московской и всея Руси Алексей II. В Святых вратах под колокольный звон его встретили ректор Духовных школ архиепископ Дмитровский Александр и лаврская братия с наместником о. Феогностом.

Ко дню праздника прибыло много архиереев, наместников монастырей, представителей духовенства и большое количество верующих. В службах принимал участие и гость Русской Православной Церкви, прибывший из США – глава Автокефальной Православной Церкви в Америке, митрополит Феодосий.

А еще чуть менее трех месяцев спустя Алексей впервые прибыл в патриаршем достоинстве в Московские Духовные школы на отмечаемый ими годичный акт.

Акт проводится по сложившейся традиции со дня начала работы Академии в стенах Троице–Сергиевой Лавры. По старому стилю день этот – 1 октября. Он совпадает с праздником Покрова Богоматери. Как сказано было на первом годичном акте, в этот день Академию поручили “покрову и заступничеству Богоматери, обетовавшей быть неотступною от обители иноческой, вместившей в себе обитель учения”. Вот почему и престол академического храма был освящен в честь богородичного праздника и сам праздник для Духовных школ стал престольным.

Последование годичного акта утвердилось в основных моментах также 1 октября 1814 года. Тогда, в 9 часов утра наставники и студенты собрались в Троицкий собор к литургии. После литургии совершено молебствие перед началом занятий. Учащие и учащиеся приложились к мощам Преподобного Сергия и по два человека в ряд направились в Царские чертоги. В конференции (зале, где они собрались) совершено водоосвящение и студенты спели кант. В нем среди других были и такие слова, посвященные Богоматери:

...дщерь небес,
Свой храм пришедшим отверзает;
Храм света, истины, чудес,
Красотой и высотой сияет.

После канта ректор архимандрит Симеон произнес речь. Бакалавр богословских наук, магистр Григорий Левитский сказал слово: “О свойствах духовного просвещения и нравственных качествах ищущих”.

Окончился акт пением еще одного канта и кратким наставлением студентам, прибывшего из Москвы архиепископа Августина.

Впоследствии день годовичного акта стал днем подведения итогов минувшего учебного года, наполненного важными событиями церковной и академической жизни, в нем осмысления пройденного пути, вклада Духовных школ в отечественную богословскую науку и в пастырство.

В настоящее время в академическом храме совершается панихида по всем начальствовавшим, учившим и учившимся и лития в академическом саду у памятника почившим наставникам. Некоторые имена, высеченные на памятнике, мною были упомянуты во вступлении к очерку об Академии.

На академический акт съезжается обычно много гостей, управляющие епархий, представители от государственных и научных организаций, от монастырей и Духовных школ. Ныне таких школ в Русской Православной Церкви стало гораздо больше, по сравнению с предыдущими годами. Они появились в Киеве и Тобольске, Чернигове и Ставрополе, Новосибирске и Подмоскowie, Ташкенте и под Минском и в других местах. Не случайно большинство выпускников Академии направляются преподавателями и наставниками во вновь открывшиеся Духовные школы.

Торжественное собрание в большом актовом зале началось с пения тропаря. Затем со словами приветствия к Патриарху Алексию II обратился ректор Академии архиепископ Александр. Он зачитал адрес, в котором есть такие слова: “Весть о Вашем избрании облетела нашу страну и весь христианский мир, она наполнила светлой трепетной радостью сердца всех, кому близки и дороги судьбы Русской Церкви и Святого Православия. С искренними чувствами миллионов верующих людей, приветствовавших Ваше избрание, Московские духовные школы соединяют свое единодушное “Акиос!”

Мне же, после этих приветственных слов ректора вспомнилось, как многожды возглашалось, усиленное многотысячными голосами слово “Аксиос” 10 июня в Богоявленском патриаршем соборе во время интронизации Патриарха. Его поочередно повторяли духовенство, хоры, верующие.

Затем, по традиции, был зачитан отчетный доклад ректором по учебной работе профессором М. С. Ивановым. В докладе показана и общественная значимость Духовных школ. К примеру, руководством, преподавателями и учащимися Академии и Семинарии было осуществлено более 100 встреч со студентами высших и средних учебных заведений, со школьниками и их родителями, с работниками библиотек, с представителями общественных молодежных, благотворительных организаций, с журналистами центрального радио и телевидения. В рамках программы общеобразовательного и общекультурного характера в учебном году читались новые курсы: “Христианство и культура”, “Христианство и литература”, 14 лекций из жизни нашего государства. Доктор Дмитрий Поспеловский из Канады, прочитал 6 лекций о церковных событиях XX века. В Академии учащиеся встречались с вдовой выдающегося отечественного мыслителя А. Ф. Лосева. Так же, по традиции, была произнесена профессором архимандритом Платоном актовая речь на тему “Церковь и русское историческое развитие”.

С большим вниманием собравшиеся выслушали слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия. Слово его было обращено, прежде всего, к тем, кто пришел в Духовные школы, чтобы получить духовное образование и духовное воспитание. Приведу лишь один абзац, в котором, как мне представляется, выражена квинтэссенция речи: “В нелегкое время Господь призывает вас к пастырству, к проповеди Евангелия. Чтобы преодолеть испытания и искушения, которые мир воздвигает перед вами сегодня, надо знать Православие, любить Церковь и строить ее жизни. А кроме того, надо любить людей. Эта двуединая любовь к Богу и людям вразумит вас и подскажет вашей пастырской совести то, что потребно для спасения вашего и вверенных вам душ. Только не угашайте духа, который привел вас сюда, овладейте искусством находить во всем духовную пользу и

учиться творчеству духовного делания, донесите это умение до людей, изголодавшихся по истине, будьте для верных образцом в слове, деле, житии, духе, вере, любви и чистоте”. В своем слове Патриарх Алексий также обратил внимание слушателей на новые, открывающиеся перед Церковью перспективы служения обществу, на ее широкие возможности, права и свободы, гарантированные новым Законом “О свободе совести и религиозных организациях”. Что же касается непосредственно Духовных школ, то по Закону их учащиеся, как и учащиеся в государственных учебных заведениях, будут пользоваться правами и льготами по отсрочке прохождения воинской службы, налогообложению, включению времени обучения в трудовой стаж.

Годичный акт оканчивался поздравлениями в адрес Московских школ посланцев других Духовных школ. Они зачитывали приветственные адреса и вручали ректору памятные подарки – редкие книги, иконы и картины. А хор под управление профессора-архимандрита Матфея исполнил духовные песнопения.

Традиционное, идущее из глубины веков, академическое торжество завершилось. А через два года прошли дни празднования по случаю 600-летия преставления Преподобного Сергия. О подготовке мне довелось беседовать с архимандритом Панкратием. К ним готовились несколько лет. А начались они в Москве. В Даниловом монастыре со 2 октября в течение трех дней работала международная научная конференция. Открыл ее Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Богословы, философы, историки, археологи, археографы, искусствоведы рассказали об итогах своих исследований по теме конференции “Преподобный Сергей Радонежский и традиции русской духовности”. Значение Преподобного в русской истории и культуре – вот, пожалуй, главный вопрос, на котором более всего сосредоточивали внимание выступающие.

Уточнялись датировки, связанные с жизнью и деяниями Сергия, отдельных древних рукописных произведений о нем. Звучали и имена его учеников, продолжавших уже во время жизни Преподобного и после преставления его основание новых православных обителей как центров русской культу-

ры. Говорилось и о славе Преподобного за рубежами нашего Отечества.

После закончившихся дискуссий 5 октября открылась небывалая доселе выставка в залах Центрального Дома художника. Участники ее – более 30 музеев, архивов, библиотек, учреждений Московской Патриархии – представили высокохудожественные и рукописные произведения из своих хранилищ. Здесь и иконопись, и книги, и шитье, и прикладное искусство. Многие из них показываются впервые, а многие впервые в Москве. Они привезены из Тотьмы и Архангельска, Череповца и Вологды, Санкт-Петербурга и Звенигорода... Есть экспонаты и из Сергиево-Посадского историко-художественного музея и Церковно-археологического кабинета Московской Духовной Академии.

В последующие дни в Москве прошли торжественные богослужения и открылось еще несколько выставок. На торжественном собрании в Колонном зале Дома Союзов присутствовали иерархи Русской Православной Церкви, члены правительства, гости из-за рубежа, представители обществности.

7 октября торжества продолжались на земле Радонежской. Гостей принимали в Хотькове, в возрождающемся Покровском монастыре, где покоятся мощи преподобных родителей Сергия Кирилла и Марии. Состоялась встреча Патриарха с участниками празднования в Радонеже, где Преподобный Сергий провел юные годы в родительском доме и оттуда направился на место будущей Лавры – холм Маковец.

Знаменательным стал день 11 октября. Впервые за многие десятилетия из стен Лавры после торжественной литургии вышел крестный ход. Его участники подошли к месту на Красногорской площади в Сергиевом Посаде, где находился большой камень с выбитой на нем надписью: “Здесь будет воздвигнут памятник Преподобному Сергию Радонежскому”. На этом месте состоялся чин освящения закладного камня. К многочисленным собравшимся жителям Сергиева Посада и его гостям обратился Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Он отметил, что в Троице-Сергиевой Лавре завершаются торжества, посвященные печальнику, молитвеннику и заступнику земли Русской Преподобному Сергию

Радонежскому. Памятник на этом месте будет установлен великому сыну нашего народа и земли нашей, человеку, который много сделал для государства российского, для его объединения и просвещения. Памятник будет создан на конкурсной основе. Проекты должны обсуждаться соборным разумом. В нем, в будущем памятнике, прежде всего должна найти отражение любовь народная к великому подвижнику. Совершившееся торжество непременно будет способствовать возрождению памяти об историческом пути нашего Отечества, возрождению имен, с которыми связан этот путь. С помощью молитвенного предстательства Преподобного Сергия мы будем строить новую жизнь, жизнь на духовно-нравственных основах, завещанных им. Его образ, воплощенный в памятнике, будет напоминать о его служении народному единству. “Мы должны продолжить служение Преподобного Сергия”, – сказал в заключении Патриарх Алексий. Троекратным окроплением святой водой завершился чин освящения закладного камня. И вот, после пасмурных, холодных, ветреных с дождем и снегом часов вдруг Лавра озарилась солнечным светом. То же было и сразу после молебна на Соборной лаврской площади 8 октября. Все это – и молитвенное обращение к памяти Преподобного, и появлявшийся свет солнечный – вселяли радость и надежду в сердца людей. Как в десятилетия XIV века, когда жил Преподобный, устояла Русь, преодолела разорение и разобщение, так и в наше время Россия преодолееет трудности и испытания, возвратит свое величие.

Проходят дни, годы, века... Живет в самом сердце России Маковец древний, обжитый с середины XIV века первыми насельниками, и современный. И впрямь он стал на перепутье великих событий. Только бы сохранились на века: его историко-художественные шедевры и в памяти человеческой его люди, которые так много сделали для возрастания русской культуры. Вспомним же еще раз слова из глубины веков, написанные для нас иноком Епифанием Премудрым, “Да не забвенно будет...” и будем следовать им.

1993 г.

*Посвящается 700-летию
Преп. Сергия Радонежского и
650-летию его посольства в
Нижний Новгород.*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ПЕРИОДЫ КОРЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И ЗНАЧИТЕЛЬНЫХ СОБЫТИЙ. [99]

Начиная с середины XIV в. на пространстве, получившем название Троице–Сергиева лавра, были заложены идеи и основы жизнедеятельности, которые вошли в систему исторической памяти, из века в век передавались и распространялись по всей России. У их истоков стоял, пожалуй, самый знаменитый из русских святых в России и за ее рубежами – Сергей Радонежский. В изменяющемся социуме не просто было тянуть ленту памяти. Даже были годы, когда она надорвалась.

Есть несколько периодизаций истории лавры. Некоторые совпадают с общероссийской, некоторые с периодами правлений князей, царей и императоров, другие – с церковной историей и правлением в ней, а именно митрополичьим, патриаршим и синодальным.

В контексте изучения поставленной проблемы будет уместно предложить следующую периодизацию:

I. Дореволюционный период – с XIV в. до века XX, т. е. 1917 г.

II. Советский период, который разделяется на два подпериода – с 1920 г. до окончания Великой Отечественной войны и с 1946 г. до “перестройки”.

III. Постсоветский период.

Каждый из них имел свои особенности в сохранении исторической памяти.

Итак, I период.

Сергий Радонежский – один из выдающихся церковных деятелей православной церкви и Московского государства эпохи феодализма.

Родился в 1314 г. в с. Варницы под Ростовом Великим в семье ростовского боярина Кирилла. Первоначальное имя Сергия Радонежского – Варфоломей. Когда ему не было десяти лет, семья переехала в г. Радонеж на земли Московских князей.

Ещё до смерти своих родителей у Варфоломея было намерение стать монахом и жить в уединении. После их смерти он отказался от своей доли наследства и вместе со старшим братом Стефаном в 1337 г. в 11 км от Радонежа (в 72 от Москвы) в глухой чащобе устроил келлию, а затем построил деревянную церковь, освящённую в честь св. Троицы.

Время ухода Варфоломея совпало с периодом начавшейся централизации русских земель вокруг Москвы. Впоследствии Варфоломей стал основателем монашеской общины, сам принял монашество с именем Сергий и члены общины избрали его игуменом.

Самое наиглавнейшее с чем выступил Сергий и что вошло в последующие времена в коллективную память – это идея единения русского народа вокруг Москвы для освобождения от ордынских завоевателей. Идею единства он стал воплощать сперва в самом монастыре среди появившейся братии. Он сумел воссоздать и развить новый для русских земель XIV в. тип монастырей – общежительных, опиравшихся не на подавание, а на собственную хозяйственную деятельность. В монастыре никто не имеет собственности – все едино.

В ту пору вопрос стоял так: каким по высоте своего жития будет монастырь – такой будет и окружающая действительность. И многое здесь зависело от самого игумена настоятеля. Сергий избрал, как пишет автор жития Сергия, Епифаний Премудрый, “высокое житие”. В него входило исполнение добродетелей: чистота душевная и телесная, молчание уст, труды телесные, бедность в одежде, смирение нелицемерное, молитва беспрестанная, рассудок добрый, память о смерти, кротость с мягкостью,, согласие и любовь.

Таким образом, было избранно духовное и нравственное самосовершенствование.

Можно с уверенностью сказать, что Сергей своей жизнью доказывал окружающим – жизнь можно устраивать только добром и любовью.

Еще одно из условий “высокого жития” – и для отдельного человека, и для монастырской обители, и для церкви, и для общества в целом, – преподобный Сергей видел в единомыслии. Единомыслие для отдельного человека – это единство души, полностью посвященной служению Господу. Для обители – это единство помыслов и действий всех иноков, которые своим подвигом умножают Христову любовь на земле и подают пример остальным людям. Для церкви – продолжать сохранять ее как единый организм, установившуюся ее иерархию, соблюдать принцип соборности.

Для общества – это идея единства Руси, благодаря которому Русь только и может спастись. И совсем не случайно то, что обитель, основанная преп. Сергием, была посвящена Святой Троице. Сергей Радонежский видел в Троице высший христианский образ Единства и Любви, ибо ипостаси Святой Троицы единосущны, не разделены никакими отношениями, не знают ненависти, но исполнены Любви.

Известный отечественный ученый, историк и философ, исследователь мировоззрения Древней Руси, один из первых научных руководителей автора настоящей публикации, А. И. Клибанов отмечал: “Сергий – основоположник культа Троицы как религиозной перифразы идеи народного единения”.¹

Таким образом, Троица в глазах средневекового человека стала олицетворять идею единства, преодоления распрей русских князей перед освобождением от ордынского ига. Религиозная идея троичности Божества стала духовной основой объединения народа. Св. Сергей не был политиком, но политическую деятельность троичной идеей одухотворил. В этом главное социальное значение деятельности Сергия.

Начиная с 60-х годов, он стал доверенным лицом митрополита Алексия и московских князей в деле примирения

¹ Клибанов А. И. К характеристике мировоззрения Андрея Рублева // Андрей Рублев и его эпоха. М., 1971, с. 99.

удельных князей, их консолидации с целью умножения сил для победы над ордынцами. Известны путешествия или посольства с этими целями Сергия в Рязань, Ростов Великий и в 1365 году в Нижний Новгород к непокорному князю Борису.

В конце 70-х годов, тогда уже известный далеко за пределами своего монастыря игумен, как его стали величать “игумен земли Русской”, поддержал великого князя Дмитрия Донского в борьбе против ордынских полчищ; в 1380 г. помог в подготовке Куликовской битвы, благословил на неё, вселив надежду князя и всего воинства на помощь Троицы.

Скончался преподобный в 1392 г. и был похоронен в основанном им монастыре. В память о нем строится в 20-х гг. XV в. белокаменный собор и в нем хранится главная реликвия лавры, да и всей Русской православной церкви – св. мощи преподобного Сергия.

Сергий не оставил после себя письменных произведений, но стал примером любви к ближним, добродетельной жизни, добротолубия, благотворительности и странноприимства.

Идеи о необходимости единства русского народа оказали большое влияние на древнерусскую культуру рубежа XIV–XV вв., в частности, на творчество преп. Андрея Рублёва. Под влиянием этих идей им была создана ныне всемирно известная икона “Св. Троица”. Три ангела символизируют мир и согласие. Андрей Рублев в совершенной художественной форме воплощает символику нерушимого единства. Композиционно ангелы вписаны в круг, точнее слегка вытянутый кверху овал. Овал, как и круг, символизирует вечность, совершенство и завершенность творения, единое нерушимое целое. Икона была установлена в иконостасе собора около раки с мощами основателя лавры. Так что в гармоничном триединстве находились Троицкий собор, гробница и икона “Св. Троица”. Таким образом, в синтезе сакральных предметов сосредоточилась историко–культурная коллективная память о великой личности.

В лавре продолжалась византийская традиция строить храмы в честь тех или иных личностей и значительных событий. Успенский собор построен в память взятия Казани при Иване Грозном и присоединения к Московскому госу-

дарству Казанского и Астраханского ханств. С конца XVIII в. в лавре начинают устанавливать памятные знаки, форма которых идет из светской среды. К ним относятся четырехгранный обелиск из дикого камня. В надписях увековечены исторические события, в которых участвовала лавра. Они суть следующие:

1. На южной стороне – “Было Татарское иго, кое не один век угнетало Россию. Великий князь Дмитрий Иоаннович Донской сражался с Татарами под предводительством Мамая. Св. Сергей тому содействовал и молитвами, и советом, и посланием на поле сражения двух иноков Пересвета и Осляби, и писанием ободрительным при самом в бой вступлении, обнадеживая известною победою, одержанием которой положено основание к свержению ига”.

2. На восточной стороне – “Злоключение было от Поляков. По злокозненному коварству Римскаго Папы с Езуитами, вымыслив они лже-Дмитрия, и под его именем, довели было Россию до края бедствий. Обитель сия ко избавлению всеми образы не токмо спомоществовала, но всех сынов Отечества действия, предприятия, ревнования, совершения духом своим оживляла. И хлебом во время глада снабдевала, и многими деньгами нуждам Отечества служила. Даже жертвовала и самыми церковными драгоценными утварями. Но и долговременную выдержала осаду; и тем северныя страны, а чрез них и самую Столицу и всю Россию предохранила”.

3. На северной стороне – “Притом и во все грады из сея же обители летали увещательныя грамоты, возбуждающия на помощь Столицы, кои и воздействовали в нижних градах, особливо же в достопамятном Нижегородском гражданине, Козьме Минине. Но и самому по бури возсиявшему ведру, единодушным избранием царя Михаила Феодоровича, и совершенному мятежей успокоению, сия же обитель соучествовала. Ибо и самому миру промысл благоволил заключену быть под стенами сея обители в селе Деулине. Во всех же оных славных деяниях отличил себя Троицкий Келарь Авраамий Палицын, и Архимандриты сея обители: Иоасаф и Дионисий”.

4. На западной стороне – “Во время стрелецких мятежей, Петр I, сей муж, толико собою славный, и толико Россию

прославивший, для сохранения своей жизни двукратно находил убежище внутри сея священные ограды.

В прославление сея обители и в вечную память великих мужей, Св. Сергия, Архимандритов: Иоасафа и Дионисия, и Келаря Аврамия, поставил и посвятил сей памятник... митрополит Платон (Левшин).

За семь лет до начала революции, в Святых вратах лавры установлены мемориальные чугунные плиты, они отлиты в 1910 году в ознаменование 300-летия снятия 16-ти месячной осады крепости во время польско-литовской интервенции. На одной можно прочесть текст, рассказывающий о численности защитников, и имена руководителей обороны. На другой – о главных событиях “троицкого сидения”.

Память о Сергии находит выражение и в основанной в XVIII в. Духовной семинарии и переведенной на территорию лавры в 1814 г. Московской духовной академии. Уже с XV в. Сергей на Руси почитается покровителем учеников и различных уровней образования учащихся. В лавре академия и семинария получили второе наименование – “Большая келья Преподобного Сергия”.

Историческая память выражается в многочисленных вкладах и пожертвований лавре от отдельных лиц, семей и сообществ. Так и обозначались они: “на помин души”. Чаще всего это были не просто предметы, а произведения искусства из драгоценных материалов: золота, серебра, драгоценных камней. Более чем за шесть веков существования монастыря в нем скопилось собрание ценнейших памятников архитектуры и искусства. Многие из них имеют мировое значение. Созданные руками зодчих, художников, рукописных дел мастеров они активно использовались в культовой практике монастыря и постепенно приходили в ветхость. К моменту образования музея почти все уникальные здания были перестроены, имели многочисленные пристройки, в их стенах образовались трещины и осыпи. Восстановление древних архитектурных построек, как и предметов прикладного искусства, осуществлялось без учета их первоначального облика. Крепостные сооружения до Октябрьской революции долго использовались монастырскими властями в хозяйственных целях: в них располагались склады, мастерские,

подсобные помещения и т. д. В конце XIX века под Успенским собором по распоряжению руководства лавры львиная часть центрального фундамента была вынута и устроена церковь. Конечно, эти работы не могли не ослабить фундамента собора: они были одной из причин нарушения устойчивости его конструкций. Прежде многие художественные ценности, принадлежавшие Троицкому монастырю, были недоступны для всеобщего обозрения, тем более для изучения. Например, в ризницу, где хранились наиболее дорогие произведения – вещи из драгоценных металлов, с драгоценными камнями, – почти никто не допускался. Такое их состояние можно охарактеризовать, выражаясь языком Петра I, “тунегибельным”. Лишь изредка именитые гости удостаивались такой чести. В своих записках о путешествии в Троицу известный французский писатель Теофиль Готье вспоминал, как его в золотую кладовую проводил монах–ризничий, увешанный ключами, как он открывал бесчисленные сундуки и шкафы, показывая монастырские сокровища.

В дореволюционную бытность здесь на эти вещи смотрели в основном как на предметы культа и как на эквивалент большой материальной ценности. Церковный историк Е. Е. Голубинский писал, что это были груды золота и серебра, масса драгоценных камней и жемчуга, дорогих материй, перед которыми “невольно разбегаются глаза... и при созерцании чего вырываются невольные восклицания удивления. Предметы научно не изучались, не систематизировались как явления культуры, не имели научных описаний.

Если прибавить к скопившимся драгоценным предметам земли с крестьянами, места полезных ископаемых, доходные дома, различные производства, то можно сказать, что лавра владела перед начавшейся эпохой перемен несметными богатствами. Так появилось одно из противоречий, из века в век углублявшееся между заветом св. Сергия жить скромно, просто и не стяжать богатств материальных и накоплением таких богатств в лавре. Однако главные заслуги лавры и ее основателя не умалялись, а, напротив, по справедливости возвеличивались.

II-ой период – советский в сохранении исторической памяти о социокультурных ценностях лавры самый трудный. А первый подпериод без сомнения можно назвать трагическим.

С началом строительства нового общества на основах марксистско-ленинской идеологии, порой её ещё называют пролетарской или большевистской, начинается переоценка ценностей, создававшихся в России на протяжении ее тысячелетней истории.

В этом периоде можно выделить три акта или три рода действий партийно-государственных органов. Действия эти вели к забвению значения в русской истории и самого Сергия Радонежского и созданной им лавры. В результате произросла бы, по выражению известного писателя Валентина Катаева “травма забвения”.

Акт первый–начавшиеся вскрытия и ликвидации святых мощей в 1919 году. Вскрыли и раку Сергия, хотя народ был против. Но разве можно было противостоять конным отрядам, подтянутым в тот мрачный апрельский вечер к стенам святой обители. Началась тогда целая полоса антирелигиозной борьбы против святынь и памяти о них. Даже было принято 29 августа 1920 года Народным комиссариатом юстиции постановление, которое так и называлось “О ликвидации мощей”. В нем культ мертвых тел назван “варварским пережитком старины”. И начались тотальные вскрытия мощей, изъятие их и уничтожение. Это было самое настоящее разорение гробниц да и целых кладбищ. То же самое происходило и в монастырях. Итак, вскрытие мощей Сергия – это акт первый, который мог бы привести к забвению имени великого подвижника.

Акт второй. После Октябрьской социалистической революции ценности, находящиеся в лавре, были национализированы Советским правительством и переданы музею. Непосредственное участие в его основании принимал В. И. Ленин. 20 апреля 1920 года им был подписан декрет “Об обращении в музей историко-художественных ценностей Троице-Сергиевой лавры”. Деятельность лавры как церковного учреждения по указу большевиков была прекращена. Вновь образованный музей был передан в ведение Народного комиссариата просвещения, в частности отдела по делам музе-

ев и охраны памятников старины и искусства. По последнему пункту декрета, ценности (а их насчитывалось около 20 тысяч предметов) необходимо было выделить из всего национализированного имущества и составить инвентаризационную опись. Памятники и произведения искусства брались под охрану государства и на музейный учет. Для их передачи при Наркомпросе была создана комиссия по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой лавры с правом приглашения экспертов. В нее вошли Т. Н. Александрова-Дольник, М. В. Боскин, В. Д. Дervиз, Ю. А. Олсуфьев, А. Н. Сви́рин, В. И. Соколов, священник, профессор Московской духовной академии Павел Флоренский, представители от госорганов.

На первоначальном этапе комиссии пришлось заниматься с совершенно не разобранной коллекцией. В одном из своих докладов члены комиссии следующим образом характеризовали состояние, в котором находились экспонаты, ныне представленные в музее: “В богатейшую сокровищницу русского и всемирного искусства мы, члены комиссии, вступили как в темный лес, ибо она была не только не изучена, но даже и не расставлена удобообозримо; мы хорошо помним, как приходилось лазить по приставным лестницам, чтобы рассмотреть ту или другую икону, рыться в тряпье, чтобы извлечь иногда первоклассное шитье, отыскивать в старом ломе любопытные памятники, из пыльных чердаков, заплесневелых чуланов и темных закоулков лавры вытаскивать портреты, иконы, шитье, посуду и т. п.”.² Ныне же исследователи находят в нем сильное влияние искусства Андрея Рублева. Все эти факты еще раз указывают на отношение церкви к произведениям древнерусского искусства. Для монастыря главное заключалось в том, чтобы у него было как можно больше дорогих вещей и чтобы они являлись неотъемлемой частью монастырского хозяйства. В документах, а порой прямо на предметах можно встретить предупреждающее: “А не отдати никому”.

² Архив Загорского музея, д. 3 и 7, л. 18). Долгое время не могли отыскать значившийся в монастырских описях покров (работы начала XV в.).

Первостепенной задачей комиссии являлись прием, учет и определение художественных ценностей. Однако без изучения вещей это невозможно было осуществить. Комиссия разработала обширный план по изучению коллекции, который включал, во-первых, публикацию отдельных рукописных памятников – лаврского Синодика XVI века, Описи 1641 года, Вкладной книги 1673 года; во-вторых, составление описей икон, лицевых и орнаментированных книг, шитья, утвари, вещей “Митрополичьего дома”, рукописей; в-третьих, исследования об отдельных сторонах и частностях лавры и об окрестностях Сергиева посада; в-четвертых, издание популярной литературы, путеводителя, серии художественных открыток. За небольшой период времени членам комиссии удалось проделать большую научно-исследовательскую работу. Была определена художественная ценность памятников лавры, составлено научное описание произведений искусства, опубликованы статьи-исследования. Хотя описи и отличаются от современных научных каталогов, но они несут в себе ценную информацию, и ныне мимо них не проходит ни один исследователь, изучающий лаврское собрание. Составление описей наметило одно из главных направлений в изучении коллекции – ее каталогизацию. Одновременно с ней в музее началась экспозиционная и собирательская работа.

Следует заметить, что деятельность комиссии проходила не без разногласий между ее членами, причем мировоззренческих. Это неудивительно, так как в состав комиссии вошли и те люди, которые в прошлом занимались церковной деятельностью. Таким был П. А. Флоренский. На одном из заседаний он выступил с докладом “Храмовое действо как синтез искусств”. В нем проводилась мысль о том, что эстетическое восприятие древнерусских памятников может полностью раскрыться только в связи с богослужением. Следовательно, по логике богослова, в иных условиях, в отрыве от культа, вещь эстетически восприниматься не может. Более того, в его докладе говорилось, что “музей, самостоятельно существующий, есть дело ложное и, в сущности, вредное для искусства”. Предлагался так называемый “живой музей” – музей лавры. Например, упомянутая ризница должна была

иметь два отдела – древлехранилище и собственно ризницу, где хранился бы инвентарь для действующих храмов.

Однако такой план, в котором в центре внимания находилась только лавра с сохранением ее культовой деятельности как “синтеза искусств”, воспроизведением литургии в качестве объекта музейного показа, был неприемлем.

Созданием музеев молодое советское государство преследовало совсем иные цели. Музей, пусть даже в лавре, прежде всего светское учреждение, начавшееся существовать в новой модели государственно–церковных отношений, т. е. при отделенности церкви от государства. Национализированным историко-художественным памятникам в нем отводилось важное место в воспитании трудящихся масс. Уже в первой редакции декрета, составленного наркомом просвещения А. В. Луначарским, указывалось, что монастырский комплекс с его историко-художественной коллекцией имеет значение, “исключительное для дела исторического просвещения и художественного развития масс”.³ А в подписанном В. И. Лениным декрете об образовании музея указывается на необходимость демократизации историко-художественных памятников. Демократизировать историко-художественный памятник – это значит передать его в руки народа, сделать доступным для понимания широких масс трудящихся, на его примере показать, какие произведения могли создавать мастера прошлого, приобщить людей к прекрасному, включить памятник в систему коммунистического воспитания. Отвечая на вопрос, что значит усвоить культуру прошлого, А. В. Луначарский изложил целую программу. Он писал: “Это, прежде всего, значит сохранить ее, это значит бережно относиться к ее памятникам; во–вторых, это значит и изучить художественные памятники, идеологические построения различных эпох в их связи с этой эпохой, т. е. научно–исторически; в–третьих, это значит использовать все те их положительные черты идеологического, тематического и в особенности технического порядка, которые могут пригодиться при создании новых творений; это значит, наконец, непосредственно использовать в качестве источника высокой

³ Луначарский А. В. Об атеизме и религии. М., 1972, с. 450.

эстетической эволюции то, что в сознании прошлого является действительно прекрасным и может найти отклик и в современном сознании”.⁴ Именно по этой программе, имеющей как методологическое, так и методическое значение, и строилась отчасти работа музеев. Выделенное слово отчасти указывает на то, что далеко не просто было осуществить начертанную наркомом просвещения программу и именно в части просветительской. В условиях утверждающейся моноидеологии просвещение подменили пропагандой и прежде всего пропагандой антирелигиозной впоследствии переименованной в научно – атеистическую.

Комиссия, заложив основы будущего музея, в 1925 г. завершила свою работу. В стране началась разнузданная антирелигиозная деятельность, в которую были активно включены и музеи. На территории не действующей лавры музей стал единственным учреждением, которому переданы зримые достояния Лавры и со стороны партийно-государственных органов вменена обязанность соответствующими средствами выступать с критикой и идеологическим ниспровержением высокого духовного значения Лавры и ее основателя. О многих перипетиях, которые претерпели в советский период лавра и Сергиево-Посадский музей можно узнать из публикаций отечественных историков. В частности, в этом отношении представляет интерес статья Т. В. Смирновой.⁵

Приведу лишь названия отделов, экспозиций и темы некоторых лекций. Первая экспозиция была устроена в Троицком соборе. Он и стал первоначальным музеем под названием “антирелигиозный”. Сохранявшаяся гармония представленных в нем святынь была разрушена. Мощи перенесены в Успенский собор, икона “Св. Троица” вывезена в Москву. Один из главных отделов по истории Лавры в XIX–XX вв., получил название “Лавра – очаг мракобесия”. Готовился план выставки “Контрреволюционная борьба церковников

⁴ Луначарский А. В. Религия и просвещение. М., 1985, с. 443.

⁵ Смирнова Т. В. Музей. Церковь. Власть (По материалам Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника) // Кадашевские чтения. Сборник докладов конференции. XIV. М., 2014. С. 164– 176.

против советской власти”. Некоторое время существовал “Отдел соцстроительства и задач антирелигиозной пропаганды”. Сотрудники выступали с лекциями на темы: “Происхождение религии”, “Происхождение христианства”, “Жил ли Иисус Христос?”, “Наука и религия”, “Коммунизм и религия” и т. п.

После открытия лавры антирелигиозная пропаганда не затихала. В годы хрущевских гонений на церковь, поднялась последняя волна так называемой научно–атеистической пропаганды. На совещании научных работников даны были указания “разоблачать мертвящую роль церковного канона, мешавшего развернуть мастерам свои дарования”, на примере покровов Сергия вскрывать борьбу реалистических тенденций в русском искусстве, разоблачать легенду о монашеском аскетизме, “усилить моменты народности в искусстве” и т. д. Было откровенно решено обратиться к довоенным материалам, дополнить ими экспозицию, чтобы усилить разоблачение монастыря как феодала–эксплуататора”.⁶ Показ памятников без должного историзма разрывал связь времен и затмевал славу предков.

Такая работа на протяжении то усиливалась, то ослабевала в связи с состоянием общей идеологической атмосферы. После открытия лавры в 1946 г. музей продолжал существовать отдельно от восстановленного церковного учреждения. Имеется ввиду – не налаживалось творческого взаимодействия. Хотя, конечно, по необходимости надо было совместно решать хозяйственные и ремонтно-реставрационные работы.

В характеризуемый первый подпериод памятники, многие из которых использовались не по их первоначальному назначению, продолжали разрушаться.

Акт третий – переименование города. Оно также вошло в общественно–политическую программу – покончить со всем прошлым каким–то образом связанным с религией и церковью. Как следствие и было исключение из исторической коллективной памяти имен и событий, сыгравших положительную роль в отечественной истории. Произошло пере-

⁶ Смирнова Т. В. Там же, с. 170.

именование г. Сергиева в Загорск в 1930 году. Дали городу имя человека, который почти не связан был с городом. (Загорский псевдоним В. М. Лубоцкого, секретаря Московского областного комитета партии большевиков. Погиб в 1919 г.

III период – постсоветский, которому предшествовало несколько перестроечных, но судьбоносных для страны лет. Конечно же главное в этом периоде начавшиеся коренные перемены в отношении государства к религии и церкви. Государство объявило свою мировоззренческую нейтральность. Из понятия научно–атеистическая пропаганда исключительно “атеистическая”. Музей становится в полном смысле учреждением просветительским, в котором, действительно, продолжается сохранение исторической памяти. Возвращено и прежнее имя городу – Сергиев Посад и прежнее название музея – Сергиево-Посадский. Совсем недавно одна из улиц города переименована в Сергиевскую (бывшая Вокзальная).

Начавшиеся и длившиеся несколько лет раздоры между музеем и лаврой, по поводу решения вопросов кому должны принадлежать фонды древней ризницы, как вести экскурсионную работу на территории лавры, наконец, насколько правомерно нахождение музея на ее территории решились выводом многих музейных отделов и экспозиций за пределы лавры, созданием объединенного музея и назначением в 2010 г. наместника лавры его генеральным директором. Насколько рациональным будет такое решение время покажет. Возможно будет воплощаться концепция “живого музея”, предлагаемая о. Павлом Флоренским.

В завершение настоящей публикации вернусь к тому, с чего она начиналась, а именно с представления деятельности преп. Сергия.

В октябре 1989 г. прошла в г. Сергиевом Посаде (тогда еще Загорске), научно–практическая конференция. А называлась она так: “Забытые имена. Сергей Радонежский”. Посмотрев на пригласительный билет и прочитав такое название, я сразу засомневался – неужто и впрямь имя забыто. В самом деле, у нас, да и за рубежом много храмов, престолы которых освящены в его честь. Существует множество фресок и икон с его иконографией, два праздника в его честь отмечают летом и осенью, каждое воскресенье вечером про-

водится служба ему с акафистом. В Троицком соборе лавры около его гробницы с утра и до вечера монастырский в сане иеромонаха гробовой читает акафист, верующие помогают ему песнопениями. А что касается зарубежья, то еще Николай Рерих отмечал: “В Париже Сергиева Обитель, в Лондоне группа учащихся. В Южной Америке имя Святого Сергия; под Нью-Йорком, в доме-музее, комната-часовня Преподобного. По Азии раскинуты зачатки часовен и храмов во имя этого непобедимого Воителя ко Благу”. Есть и художественные произведения, посвященные преподобному. К примеру, работы того же Рериха хранятся в Нью-Йорке и Белграде.

Своими сомнениями мне довелось поделиться с насельником лавры архимандритом Панкратием (Жердевым) (ныне епископ Троицкий, наместник Валаамского монастыря). Он заметил: “Ваши наблюдения отражают реальность. Единственно, от чего хотелось предостеречь – не смешивать почитание памяти преподобного Сергия Церковью с памятью о нем в современном обществе. Православный человек не только не забыл преподобного Сергия, но, напротив, он просит св. Сергия не забывать его. “И не забуди посещати чад своих...” – словами молитвы обращаемся мы к преподобному. Для этого и служатся молитвы, поются акафисты, освящаются престолы и храмы в честь святого Сергия. Мы, в согласии с учением Церкви, верим, что преподобный по смерти своей, точнее по преставлении своему ко Господу, участвует в судьбах наших даже более, чем при жизни, о чем свидетельствуют многочисленные посмертные его чудеса. Что же касается людей от православия далеких, а приезжающих в лавру, то они не знают зачастую ничего о Преподобном Сергии, кроме имени, не знают. В данном случае они не виноваты... Выросли поколения людей, изучавших историю по учебникам, в которых если и упоминались выдающиеся религиозные деятели, то лишь как реакционеры и мракобесы. Приходится, к сожалению, констатировать, что и сейчас эта явная предубежденность, глухая неприязнь и заведомая ложь о Русском Православии все еще посещает страницы иных изданий, наряду с невежеством и приторно-рекламным описанием Церкви, воспринимаемой как нечто реликтовое и эк-

зотическое. Так что приходится говорить не только о забвении, об умолчании, но и об искажении реалий исторического пути и современного положения Церкви”. Во многом следует согласиться с оценкой архимандрита. В некоторой степени они подтверждаются социологическими исследованиями. Приведу результаты исследований, которые получили название “Сергий Радонежский в зеркале социологии” и проведены Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Социологический центр представил данные о том, что знают граждане России о Сергии Радонежском.⁷

Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведён 10–11 мая 2014 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4 %. “Имя Сергия Радонежского знакомо большинству россиян (72 %), при этом четверть респондентов (24 %) хорошо осведомлена о том, кто он такой, а половина опрошенных (48 %) слышала о нём, но подробностей биографии не знает”. На ответы “Впервые слышу это имя” и “Затрудняюсь ответить” приходится 27 % и 1 % соответственно. Таким образом, имеющие смутное представление о преподобном Сергии составляют 76 % населения.

Особенно интересна информация о том, чем известен Сергий Радонежский нашим современникам: Сергий Радонежский известен, в первую очередь, как святой, почитаемый Православной Церковью, – об этом сказали 38 % тех, кому знакома его личность. Часть респондентов вспомнила о том, что он был монахом (18 %). Кроме того, Сергия Радонежского называли основателем монастырей (6 %), религиозным деятелем (5 %), православным (3 %), священником (2 %). Также некоторые участники опроса считают его защитником людей (1 %), великой исторической личностью (1 %), человеком, способствовавшим сохранению государства (1 %) и прочее. Такие характеристики, как “воин (богатырь)”, “великомученик”, “иконописец”, набрали по 1%. В более кратком виде результаты опроса таковы: Никогда не слышали

⁷ См.: Святого Сергия знает большинство опрошенных россиян. [Электронный ресурс] – режим доступа <http://religiopolis.org/> – свободный.

имени этого святого 27% опрошенных соотечественников; слышали имя, но не знают о том, кому оно принадлежало 48%. Оставшиеся 24% респондентов, знающих о том, что это “святой”, не сумели ответить, чем именно он известен. В результате становится очевидным, что три четверти опрошенных россиян о Сергии Радонежском имеют очень скудную фактическую и оценочную информацию. Результаты огорчительные. Причины – превратности процесса сохранения исторической памяти в меняющемся социуме.

В заключении отмечу. Мне представляется, что нашему симпозиуму можно предпослать девиз: “Забвению не подлежит”. Относительно содержания моего доклада на вопрос: “Что не подлежит забвению?” можно ответить так.

Во–первых, в исторической памяти необходимо сохранять и приумножать нравственный запас, доставшийся нам от Сергия Радонежского – великого подвижника, философа, трудолюбивого и добродетельного человека, призывавшего жить в мире и согласии.

Во–вторых, сохранять в неповерженности лаврские памятники культуры – гармоничный архитектурный ансамбль и произведения искусства.

В–третьих, как все это сделать? Конечно же, в благотворном взаимодействии общества, государства и церкви.

2016 г.

РАЗДЕЛ II ПРАВОСЛАВИЕ: ОТ ЕДИНОЙ ЦЕРКВИ К МНОГООБРАЗИЮ РАЗДЕЛЕНИЙ

КЛАССИФИКАЦИЯ РЕЛИГИЙ В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА-ПРОТОИЕРЕЯ А. В. СМЕРНОВА (1857-1933). [118]

В современной России знакомство с трудами Александра Васильевича Смирнова – богослова, исследователя истории религий, трудившегося в Казанской духовной академии, Казанском Императорском университете и в учебных заведениях Санкт-Петербурга, церковно-общественного деятеля началось лишь в 2007 году. Тогда в одном из московских издательств был опубликован его «Курс истории религий» [4]. Впервые же книга вышла в свет за 100 лет до этого в Казани в 1908 году и не переиздавалась. На рубеже XIX-XX веков, когда наше отечественное религиоведение получило новый импульс в своём развитии, когда появилась необходимость разрабатывать вузовские предметы "Религиоведение" и "История и теория религии", вспомнили отечественных исследователей, которые внесли ощутимый вклад в изучение истории религии и её преподавание. Достойное место в ряду таких исследователей занимает профессор из Казани А. В. Смирнов. Во-первых, его труды имели и ныне имеют большое значение в составлении учебных курсов по различным религиоведческим направлениям. Во-вторых, имеет актуальное научное значение отношение Смирнова к истории религии как к науке и его обращение к классификации религиозных разделений. Обращение к трудам Смирнова оказалось чрезвычайно необходимым. К указанному времени в России появилось большое число нетрадиционных религий и новых религиозных движений. Встала проблема изучения всего

этого многообразия, которая и поныне остается актуальной. Без типолого-классификационной работы невозможно постичь и их происхождение, и вероучительные особенности и религиозную практику. В-третьих, знание типолого-классификационных особенностей религий помогает проведению межрелигиозных и межцерковных диалогов, одной из целей которых является предотвращение конфликтов, возникающих на религиозной почве.

Трудясь в Казани А. В. Смирнов вплоть до конца 90-х годов, занимался исследованиями ветхозаветной истории, переводом литературы, включая и апокрифическую. К примеру, те произведения, в которых нашли отражение апокалиптические и мессианские настроения перед пришествием Иисуса Христа. В 1888 году за сочинение "Книга Еноха" был удостоен степени магистра богословия. В 1900 году за диссертацию "Мессианские ожидания и верования иудеев во времена И. Христа" получил степень доктора богословия [5]. Затем приступает к подготовке систематического изложения общей истории религии.

На основе его опубликованных текстов, можно судить о том, что им были глубоко изучены труды по истории религии многих зарубежных и отечественных авторов. К ним и мы до сих пор обращаемся.

После долгого сбора эмпирических материалов и их обобщений встал вопрос как систематически изложить всю многотысячелетнюю историю религии во всём её многообразии, какие применить методы для изучения. Именно с середины XIX в. представители различных отраслей знаний: истории, лингвистики, этнографии, филологии, философии начинают заниматься классификацией и типологизацией религий. К рубежу XIX-XX вв., когда о. Александр приступил к глубокому изучению истории религии, западными и отечественными учеными, а также богословами и церковными историками духовных академий Православной российской церкви уже были составлены общие классификации религий или сделаны предложения по их составлению: Гегель Г. Ф., Мюллер М., Тиле К., Фейербах Л., Шантепи де ла Соссе, Глаголев С. С., епископ Хрисанф (Ретивцев) и др. [2]

В 1908 г. по постановлению Совета Казанской духовной академии издаётся «Курс истории религий» А. В. Смирнова.

Изложению истории религий он предпослал теоретико-методологическую часть, в которой отдельный параграф (13) [6, с. 60-71] посвятил классификации религий. В самом его начале он отмечает, насколько трудна типолого-классификационная работа: "Если принять, – отмечает автор, – во внимание значительное и не поддающееся более или менее точному подсчету число разнообразных религий, исповедовавшихся и донныне исповедуемых разными народами и племенами, то не трудно будет понять, как трудно разобратся в этом дремучем лесу" [6, с. 60]. Только к XXI веку утвердилась классификация религий, которую признаёт во всяком случае большинство наших отечественных исследователей и преподавателей науки о религии. Но как выясняется путь к ней был долог и не прост. Можно так сказать – в изучении истории религии есть и история её классификации. На её не простой путь указывает множество появившихся за последние полтора века классификаций религий. Наиболее выдающиеся приводит в своём труде А. В. Смирнов. Причём, не просто даёт их описание, но анализируя, выявляет их положительные стороны и недостатки. Вскрываются и причины, по которым те или иные классификации не выдерживают критики.

Во всём многообразии религий, применяя диалектический принцип всеобщей связи и единства противоположностей и сравнительный метод, исследователям не трудно было заметить их сходство и различие. Но сразу вставал вопрос, и он один из главных в типолого-классификационной работе – на основе каких принципов или как в наше время мы говорим, критериев выявляются сходства и различия? Смирнов им уделяет большое внимание, анализируя до него составленные классификации. Часть исследователей классифицировали религии на основании этнографического принципа, относя к одному классу те религии, которые исповедовались народами, родственными по происхождению и языку. Однако, как отмечает Смирнов, при таком принципе христианство и буддизм должны остаться вне классификации, как религии не национальные, а универсальные; они имеют исповедников

в среде всех рас и народов. Таким образом, указанный критерий этнографического родства является совершенно случайным и мало характерным для религий. [6, с. 61].

В то время был популярен принцип деления религий по способу их происхождения. К ним относили естественно разывшиеся в известном народе и основанные (их ещё называли пророческими) отдельными лицами или как мы скажем, духовными лидерами. Однако, по мнению Смирнова, "и этот принцип не может лечь в основу научной классификации религий, так как о происхождении многих религий мы ничего не знаем" [6, с. 62]. Правда, имея ввиду нашу современность – особенно век XX, когда в мире появилось много создателей с пророческими наклонностями нетрадиционных религий, этот принцип активно используется современными религиоведами.

Своё суждение Смирнов высказывает и по делению религий на монотеистические и политеистические. При всём установившемся распределении религий по вере в то или иное количество божеств о. Александр задаётся вопросом: "...куда отнести, например, дуализм персов, атеизм первоначального буддизма, катенотеизм некоторых натуралистических религий и т.д.?" [6, с. 64]

Положительные оценки историк религий даёт уже давно применяемому учёными морфологическому принципу, т.е. постепенного роста и развития. На его основе все группы религий могут быть представлены как ступени лестницы, начиная с низших и грубейших и кончая самыми возвышенными. Однако, имея ввиду данную классификацию, Смирнов предупреждает, что и при её осуществлении исследователь может встретиться с самыми неустранимыми затруднениями. Возникнет проблема аксиологического содержания. Прилагаемое к религиям понятие развитие неминуемо вызывает такие оценочные характеристики как выше и ниже. "Выше ли, – задаётся вопросом Смирнов, – например, греко-римская религия ведаизма и браманизма и, если выше, то почему?" [6, с. 64]. Всплывает и другой вопрос в связи с построением морфологической классификации: прямолинеен ли путь развития религии? Сама идея постепенного и прямолинейного

развития религий, по убеждению Смирнова, подлежит большому сомнению.

Историк религии уделяет внимание классификации Г. Ф. Гегеля, которая завершается у него абсолютной религией и, которая примиряет обе идеи, – Бога, как объект, и субъект (христианство); немецкого философа Германа Зибекка – с заложенной в ней идеей спасения; голландского философа и теолога Корнелия Тиле – с его делением религий на натуралистические и этические. В каждой из них Смирнов находит те или иные недостатки и противоречия.

Долгое время существовало деление религий на истинные и ложные. Следует отметить, что оно решительно сдерживало исследование религии с научных позиций. В европейской среде первенствующей религией считалось христианство как религия истинная. Превалировала нетерпимость ко всем нехристианским религиям. К примеру, язычество относили к самому грубому суеверию и к нечто недостойному для изучения. Профессор-протоиерей соглашается с тем, что такое деление имеет глубокое значение для людей искренней веры, для которых оно является самым естественным. "Но, – по убеждению составителя "Курса...", – научное беспристрастие требует, чтобы ученый исследователь занимал совершенно объективное положение по отношению ко всем формам религии" [6, с. 63-64]. Для человека науки, далее пишет Смирнов, ссылаясь на классика мирового религиоведения (К. Тиле) "все религиозные формы суть просто лишь объекты исследования, различные языки, в которых выражается религиозный дух, пути и средства, которые дают ему возможность дойти до познания самой религии, стоящей выше всех этих форм". И далее, объясняя такое отношение учёного к религиям пишет, что вовсе это не есть выражение религиозного скептицизма, отсутствие собственных твердых и серьезных религиозных убеждений. "Можно оставаться глубоко религиозным человеком и в тоже время относиться с полным научным спокойствием и беспристрастием к другим формам религиозной веры. От такого беспристрастия религиозная истина может только выиграть в своей ясности, глубине и очевидности" – заключает, преодолевая свою конфессиональную принадлежность, православный богослов. [6, с. 64]

Наконец, одной из самых удачных классификаций, по мнению Смирнова, может быть признана та, которая была составлена немецким учёным Иоганном Себастьяном Дреем, который предложил деление религий на национальные и всемирные. Не принимая в полном виде ни одной из предложенных классификаций, Смирнов дополнил классификацию, Дрея, и разделил религии на племенные, национальные и мировые. Знакомясь с отечественными современными исследованиями, учебниками и учебными пособиями, можно заметить, что они строятся именно на классификации религий, так и назовём «Дрея – Смирнова». Именно на эту типологизацию ссылались участники научно-практической конференции "Классификация религий и типология религиозных организаций", состоявшейся в Москве в МГУ им. М. В. Ломоносова 20 марта 2008 года [3]. Правда, в отличие от казанского историка современные отечественные религиоведы не включают иудаизм в тип "мировые". Терминологически первые два типа определяются как родоплеменные и народно-национальные.

Таким образом, протоиерей Александр Смирнов, профессор Казанской духовной академии и Казанского Императорского университета на рубеже XIX-XX веков проанализировал и обобщил до него предложенные классификации религий. В итоге была составлена классификация, на основе которой исследуется процесс религиозного творчества и излагаются современные религиоведческие систематические курсы истории религии. Вот такая связь времён – века XXI с XIX и преемственность.

Библиографический список

1. Выпускники Казанской духовной академии 1846-1920 гг./ [Электронный ресурс]. URL: <https://petergen.com/bovkalo/duhov/kazda.html>] (Дата обращения 06.06.20 г.).
2. Гегель Г. В. Ф. Философия религии. В 2-х тт. М.: "Мысль", 1975; Мюллер М. Введение в науку о религии. М.: 2002; Тиле К.

Основные принципы науки о религии // Классики мирового Религиоведения. М., 1996; Фейербах Л. Лекции о сущности религии // Избранные философские произведения в 2-х тт. М.: 1955; Шантепи де ла Соссе Иллюстрированная история религий в 2-х тт. 2-е изд. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1992; Глаголев С. С. Очерки по истории религий. – Сергиев Посад: Св.-Троиц. Сергиева лавра, собств. тип., 1902; Хрисанф (Ретивцев), еп. Религии древнего мира и их отношение к христианству. СПб., 1873. Т.1.

3. Классификация религий и типология религиозных организаций / ред. И. Я. Кантеров [и др.]. – М.: АТиСО, 2008. – 214 с.

4. Смирнов А. В. Курс истории религий. М.: "ФОНДИВ", 2007. – 468 с.

5. Смирнов А. В. Книга Еноха. Вып. I, Казань, 1888); его же: Нагорная проповедь Иисуса Христа. Вып. I, Вольск, 1888); его же: Мессианские ожидания и верования иудеев около времен Иисуса Христа. Казань, 1899; и др.).

6. Смирнов А. В. Курс истории религий. Казань: Типо-Литография Императорского Университета, 1908.

2021 г.

ГЕОГРАФИЯ ПРАВОСЛАВИЯ В МИРЕ. [8]

При всех трудностях, которые испытывал мир в период XX–нач. XXI веков, православие продолжало свое распространение в нем. В настоящей публикации, учитывая концептуальные положения и изучение религиозной ситуации, на большом эмпирическом материале дается обзор особенностей распространения православия в современном мире. Выявляются регионы, которые отличаются широким распространением православия и те, где его не было до новейшего времени. Рассматриваются особенности деятельности православия в окружении иных религий и конфессий, определяются проблемы, возникающие в связи с сохранением и упрочением единства церкви.

Начнем с государства Израиль, на территории которого возникло христианство. Исторически сложилось так, что

здесь присутствуют приверженцы трёх авраамических религий – иудаизма, христианства и ислама. Особенность религиозной ситуации состоит также в том, что здесь находятся величайшие святыни христиан, то есть места, связанные с земной жизнью Иисуса Христа. Вызванный к ним интерес стал причиной утверждения здесь нескольких христианских конфессий и православных юрисдикций, однако среди всех выделяется Иерусалимская поместная православная церковь. Традиционно она является хранительницей святынь, имеющих мировое значение. В структуре церкви образовано Святотробское братство, которое призывает христианские святыни и среди них главную – храм Гроба Господня.

На Св. Земле присутствуют также многочисленные структуры других христианских церквей: Римско-католической, древних восточных (эфиопской, коптской, армянской), а также ряда Поместных церквей, например, Константинопольского патриархата. Хотя Иерусалимская церковь большей частью состоит из арабов, но священноначалие и клирики – греки, в том числе и члены Святотробского братства (в нем лишь несколько представителей из арабов).

В Иерусалимской церкви имеет свои особенности празднование Пасхи. Десятки тысяч паломников и представителей христианских церквей собираются у храма Гроба Господня для того, чтобы присутствовать во время сошествия благодатного огня.

Религиозная ситуация Израиля временами становится очень беспокойной, но израильские власти стремятся поддерживать порядок.

В Израиле, в частности, в самом Иерусалиме, на протяжении двухсот последних лет всегда было заметным русское православное присутствие, особенно во второй половине XIX века после утверждения Императорского палестинского общества. До него здесь существовала Русская духовная миссия, было построено много русских православных храмов, основаны монастыри. После октября 1917 года некоторое имущество Русской православной церкви было утрачено: часть отошла в пользу Русской православной церкви за рубежом и частично в пользу государства. Ныне возрождается деятельность Палестинского общества, как прежде, действу-

ет Русская духовная миссия. Если в советское время Святую Землю посещало небольшое число христиан из СССР, то теперь ежегодно тысячи россиян имеют возможность совершать паломничество и экскурсии.

У Иерусалимской церкви по-прежнему сложные отношения с государственной властью. Достаточно заметить, что гражданская власть Израиля и король Иордании взяли на себя функцию утверждения вновь избранного патриарха.

На Ближнем Востоке во времена раннего христианства многие народы входили в состав Византийской империи. Именно здесь сформировались поместные церкви: Антиохийская, Константинопольская (а ранее и та, о которой шла речь – Иерусалимская). С сер. VII в. в этом регионе начинается арабо-мусульманская экспансия. Православие оказалось в очень трудном положении. И до сих пор эти трудности заявляют о себе во многих странах, где православие и его приверженцы находятся в арабской среде. И все же при всех ограничениях христианской миссии, небольшая часть арабского населения перешла в христианство, в том числе и в православие. Более того, Антиохийская церковь (с центром в Дамаске, Сирия), как и Иерусалимская, состоит большей частью из арабов. Таким образом, одна из особенностей существования Антиохийской церкви в современной Сирии – это ее деятельность в арабо-мусульманской среде.

Несколько иное положение религий складывается в Ливане. Ливан – это редкое объявленное светским государство, с населением, преимущественно исповедующим ислам.

Его глава – президент, и он непременно должен быть избран из христиан, а премьер-министр – из мусульман. В стране издается православная литература на арабском языке, в том числе Священное писание и сборники богослужебных текстов, которые распространяются в другие страны Ближнего Востока.

Антиохийская православная церковь на Ближнем Востоке имеет большое значение в христианской миссии и в объединении всех православных, живущих на ее канонической территории и вне ее. Несмотря на возникающие сложности в политических отношениях между государствами, которые являются канонической территорией церкви, а это, прежде

всего, Сирия, Ливан, Ирак, Иран, церковь укрепила свое положение, и даже улучшила материальное состояние, особенно в последние десятилетия управления патриархом Игнатием IV с 1979 (ум. 2012 г.). Построены новые храмы и учреждены монастыри, открылись духовные школы и Баламандский университет. Общины церкви существуют во всех крупных городах Сирии и Ливана.

Деятельность церкви имеет положительное значение в налаживании нормальных отношений между религиями и конфессиями в регионе. Во время Ливано-израильских конфликтов (в 2006 г. Израиль подверг бомбардировкам южные территории Ливана) и развязанной США с союзниками войны против Ирака церковь помогала беженцам и выступала с миротворческими призывами.

Издавна здесь было русское православное присутствие, открыты арабские школы, в которых вели преподавание русские учителя. В XX в. здесь нашли прибежище русские эмигранты. Во второй половине века активно поддерживались взаимоотношения между СССР и странами Ближнего Востока, оказывалась помощь в строительстве объектов. Прибывающие сюда из России окормляются клириками Русской православной церкви, которая имеет представительство при Антиохийской церкви. Оно находится уже много десятилетий в Дамаске. При нем действует храм во имя св. Игнатия. Клирики представительства выезжают для совершения богослужений и таинств в русские общины. При храме в Дамаске прихожане разделены на верующих арабов и русскоязычных. На кладбищах в странах Ближнего Востока есть немало и русских захоронений. Заботу о них проявляют служители представительства и Антиохийской церкви.

Если точно охарактеризовать отношение к христианским юрисдикциям в Израиле и в мусульманских государствах Ближнего Востока, надо назвать его терпимым со стороны этих государств. В связи с тем, что их миссия во многом ограничена, активного распространения православия здесь не происходит. Некоторые представители арабского населения из мусульман стремятся стать православными, но для этого им приходится выезжать в другую, чаще всего европейскую страну, чтобы там принять крещение. А в послед-

ние три года в связи с происходящими в некоторых арабских странах и в северном Египте так называемыми «арабскими революциями» со стороны представителей некоторых политических исламских группировок усилилась нетерпимость к живущим там христианам. Подверглись взрывам их храмы, многие христиане покидали места своего проживания, эмигрировали в другие государства. В числе их были и православные.

Своеобразная история и современное состояние православия сложились в Турции. Некогда Малоазийский полуостров, особенно его прибрежная часть, был освоен греками. Ими были построены античные города Эфес, Милет, Кесария Каппадокийская и многие другие. Уже в I–II вв. здесь начало распространяться христианство. В городах проповедовали апостолы, основывались богословские школы, а впоследствии был образован центр Византийской империи – ее столица Константинополь. Из него руководили своей паствой архиепископы, позже получившие сан патриарха. В связи с тем, что патриарх находился в столице империи, он стал именоваться Вселенским патриархом, «первым среди равных предстоятелей других православных церквей» или «первым по чести». Он являлся гарантом единства православного мира.

Однако Византийская империя, некогда великая и богатая, руководившая многими народами, входившими в ее состав, пала под гнетом турок–османов. Начала формироваться новая империя, получившая название Османской. Ее руководители своеобразно определили статус Константинопольского патриарха. За патриархом оставили церковное руководство над православными, попавшими под власть турок, а также вменили государственные функции по гражданскому управлению православными Османской империи. Хотя Константинопольский патриархат, как и все остальные православные юрисдикции, находился в униженном положении, Константинопольский патриарх оставался влиятельным лицом по отношению к православному населению и продолжал вести церковную объединительную политику.

После 20–х гг. XIX в., когда начинает возрождаться самосознание балканских народов, активизировался процесс

их освобождения от турецкого владычества. Империя начинает распадаться. Константинопольский патриарх стал терять прежнее влияние в православном мире. Каноническую территорию Константинопольской церкви (Малоазийский полуостров со Стамбулом) по причине изменений в социально–политической ситуации стали покидать греки. На протяжении XX в. прокатилось несколько волн их эмиграции в саму Грецию и европейские государства, на Американский континент и даже в Австралию и Новую Зеландию. Константинопольская церковь, насчитывавшая на Малоазийском полуострове миллионы приверженцев, к исходу прошлого века осталась с их несколькими десятками тысяч.

В наши дни русских, постоянно проживающих в Турции, уже больше, чем греков. Есть в Турции и небольшое число общин, которые находятся в юрисдикциях иных Поместных церквей: Болгарской, Антиохийской. В Стамбуле – районе Фанар находится кафедральный храм во имя св. Георгия, рядом, в одном из зданий располагается и Руководящий центр Константинопольского патриарха – здесь заседает Священный Синод. Из-за неприязни некоторых представителей властных структур Турции и общественных организаций возник вопрос о перемещении центра руководства патриархатом за пределы Турции. Начиная с 20–х гг. прошлого столетия, Константинопольские патриархи с тем, чтобы восполнить убывающую паству, претендуют на юрисдикционное руководство над православными, которые в силу различных обстоятельств живут в диаспорах, то есть вне канонических территорий своих Поместных церквей. Эти претензии Вселенского патриарха усугубляют религиозную ситуацию, вызывают трудности в межконфессиональных отношениях и неблагоприятно влияют на сохранение церковного единства во Вселенском православии. По этой причине между Константинопольским патриархом и предстоятелями других Поместных церквей даже происходили разрывы отношений.

Большие изменения за последние десятилетия произошли и в такой древней церкви, как Александрийская, с центром в северной части Африки – Египте. К исходу XIX в. церковь находилась в упадке и крайне сложном материальном положении. Значительные изменения в ней происходят в начале

прошлого века. В это время здесь появилось большое количество технических специалистов, торговцев и предпринимателей, среди которых было много христиан, греков и сирийцев. Это привело к тому, что представители православных народов стали играть в экономике и культуре Египта все более значительную роль. К началу XX в. православная община состояла из 100 тыс. чел., под властью патриарха находились 2 митрополита и 50 клириков. При патриархе Фотии строились храмы, учебные и благотворительные заведения, открыты Патриарший музей и Александрийская библиотека. При нем территория патриархата была разделена на 7 епархий. Патриарх Мелетий II был одним из наиболее выдающихся патриархов своего времени. Именно ему церковь обязана своим возрождением. Была сформирована синодальная система управления, учреждены церковно-административные структуры во многих местах африканского континента, созданы кафедры в Йоханнесбурге, Бенгази, Триполи, Тунисе, Судане и Эфиопии, основано Свято-Афанасьевское духовное училище, ставшее позже семинарией. При патриархе Мелетии II были построены новые храмы и благотворительные учреждения (школы, больницы, детские дома, приюты и т. д.). При следующем патриархе, Николае V, утвердился новый способ избрания главы церкви, когда претенденты–сирийцы получили равные права наряду с другими кандидатами. После окончания Второй мировой войны и изменения политического положения региона греческая диаспора и Александрийский патриархат притеснялись. Это привело к увеличению потока эмиграции греков в другие страны, в результате чего греческая паства в Египте сильно сократилась. Однако патриарх Христофор II сумел преодолеть возникшие трудности. Он заложил основы современной православной миссионерской деятельности на африканском континенте. Ядром нового миссионерского движения стала Уганда, где был создан постоянно действующий миссионерский центр. Последовали хиротонии в епископы и священники достойных кандидатов из коренных жителей. В 1946 г. православные Уганды и Кении были приняты в полное каноническое общение с Патриаршим престолом, позднее присоединены к церкви. В 1958 г. были учреждены 3 новые епар-

хии в Тропической Африке: Восточноафриканская, Центральноафриканская, Западноафриканская. В 1968 г. образованы епархии Родезийская и Мыса Доброй Надежды.

Первое десятилетие правления патриарха Николая VI называют «золотой эпохой» церкви. При нем было заложено новое здание монастыря Св. Саввы, он освятил его соборный храм, привел в порядок здание богословской школы и расширил фонды библиотеки и музея школы. А в 1971 г. состоялось торжественное открытие новой патриаршей резиденции в Александрии. При нем также были учреждены 4 новые епископии: Мадагаскарская (Антананариву), Нигерийская (Лагос), Ганская (Аккра), Букобская (Танзания). В настоящее время церковь включает в себя Александрийскую Архиепископию и 20 епархий (4 из них – в Египте, по 2 – в ЮАР и Танзании, по 1 епархии – в Конго, Эфиопии, Тунисе, Камеруне, Уганде, Кении, Судане, Зимбабве, Мадагаскаре, Нигерии, Гане и Замбии). В последние десятилетия по несколько тысяч местных жителей ежегодно принимают крещение в православных церквях Африки.

Нынешний патриарх Петр VII в своих выступлениях отмечает, что «на Африканском континенте насчитывается свыше тысячи православных храмов и проживает 5 миллионов православных христиан, большая часть которых – представители коренного населения. Они есть и среди епископата Александрийского патриархата».

Помимо существующего представительства Русской православной церкви, в Каире в 2003 году был открыт храм преп. Сергия. Некоторые богослужения для русскоязычных православных проводятся на церковно-славянском языке в греческих храмах.

В православном мире миссию Александрийской церкви оценивают как наиболее успешную, но ограниченную в государствах северной Африки, особенно в Ливии, Тунисе, Алжире, Западной Сахаре, Мавритании и Марокко.

В некоторых государствах есть православные общины, история которых начиналась с русской эмиграции в 20-е годы, часть их храмов отошла под юрисдикцию Московской патриархии. Так, в столице Марокко – Рабате автор побывал

в местах, где эмигрантами был построен храм, а на Русском кладбище – часовня.

В некоторых частях Европы христианство получило распространение до его крупного разделения на западное и восточное, которое и называется православием. Таким оно пришло в Англию, Польшу и в другие страны. Однако во многих странах Европы, особенно центральной и северной части, происходило крушение православия и начинало преобладать католичество. Но частично православие кое-где сохранялось и возрождалось.

В обозреваемое время православные граждане эмигрировали из этих стран в другие, но в то же время в течение столетия здесь возникали диаспоры эмигрантов из других регионов, и они создавали православные общины. Коренные жители стран Европы знакомились с православными обрядами, с архитектурой храмов, и иконописными произведениями. Представители православных общин переводили произведения христианско-православной литературы, в том числе и богослужебной, на иностранные языки, прежде всего на английский, французский и немецкий. Литература издавалась и распространялась. Осуществлялись переходы из других христианских конфессий в православие, хотя они не были частыми, но такие переходы продолжаются. Они заметны в Англии, Бельгии, Венгрии, Германии, Италии и Франции. За последнее десятилетие православные общины пополнились коренными жителями этих стран, правда, ненамного.

Из новых храмов, построенных в последнее время, надо назвать православный храм в Исландии, начинается строительство храмов Московской патриархии в Париже и в Риме.

Издавна существовавшие Православные юрисдикции в прибалтийских республиках за последние десятилетия увеличили число своих приверженцев незначительно. Как на особенность активного распространения православия в Европе, обращает внимание митрополит Каллист (Уэр). Он отмечает: «Если они действительно верят, что православие является истинной католической верой, то они должны не отгораживаться от окружающего неправославного большинства, но считать своим долгом и привилегией разделить собственную православную веру с другими людьми. Разумеется,

неслучайно Бог попустил православным рассеяться в XX в. по всему Западу»⁸.

О своей миссионерской деятельности рассказывал в одной из бесед священник Артемий Бондаренко, который является в течение последних семи лет клириком Берлинской епархии Московского патриархата. Его миссия осуществляется в Германии, в северной части федеративной земли Баварии. Здесь к началу его миссионерской деятельности совершенно не были представлены какие-либо православные юрисдикции, которые действуют в других частях Европы. В северной Баварии немногочисленное, в основном, сельское население. о. Артемий приезжал в эти маленькие городки и деревни, знакомился с местными жителями. В основном это были переселенцы из России: русские и немцы из Поволжья, Сибири, Дальнего Востока и других национальностей, других культур и языков, которые проявляют интерес к православию, а часть из них стремится сохранить веру. Некоторых, как впоследствии выяснилось, в чем-то не устраивала деятельность тех или иных христианских конфессий. В настоящее время уже действуют три прихода в городах Кобург, Байройт и Хоф, а среди прихожан встречаются греки, румыны, болгары, сербы, арабы, православные сирийцы, а также немцы, которые приняли православие. В Кобурге удалось переоборудовать под храм нижний этаж торгового предприятия. За помещение взимается арендная плата. Приходы испытывают большую нужду в простых вещах, необходимых для жизнедеятельности общины. Не хватает облачений, других культовых предметов. До образования приходов отцу Артемию приходилось с чемоданом, в котором были антиминс, облачения и другие богослужебные предметы, путешествовать по Баварской земле, службы проводить в частных домах, совершать ритуал в больницах и на кладбищах. Даже приходилось по договоренности проводить службы в молитвенных помещениях других конфессий.

Можно представить, что в начале нашего века в условиях развитой цивилизации в современной европейской стране

⁸ Каллист (Уэр), еп. Диоклийский. Православная церковь. – М.: Библейско-Богословский Институт св. Апостола Андрея, 2001. – С. 194.

православное миссионерство напоминает деятельность ранних христианских апостолов. В беседе о. Артемий указывает на несколько отличный менталитет западных европейцев от духовного менталитета русских, которые, не задумываясь, жертвуют средства на существование прихода. В этническом разнообразии о. Артемию приходится в какой-то степени быть полиглотом. Богослужения он совершает, кроме русского, для немцев – на немецком, болгар – на болгарском, сербов – на сербском, для греков – также на их языке. Своеобразие духовной ситуации здесь состоит еще и в том, что некогда христианская страна, по мнению о. Артемия, теряет свои прежние христианские корни⁹. На фоне изменений в католицизме и продолжающейся реформации в протестантизме многие отходят от веры конфессий, в которых они пребывали, другие становятся безразличными к вере, атеистами, а иных начинает привлекать христианство, которое в свое время св. Тихон Задонский называл истинным христианством, а именно Православием.

К странам Европы с большинством православного населения относятся Греция, Болгария, Сербия, Македония, Черногория, Румыния, Молдова, Украина, Белоруссия и Россия. Многие из них являются каноническими территориями таких поместных православных церквей как Элладская, Кипрская, Сербская, Румынская, Болгарская и Русская.

В этих же государствах на втором месте по числу приверженцев находится католицизм, ислам, протестантизм, и появившиеся за последние два–три десятилетия новые религиозные движения. Отдельно следует сказать о Польше, где православные находятся в католическом окружении. Это одна из особенностей положения православия в этой стране.

Россия – самая громадная территория, на просторах которой распространилось православие. Здесь ни на минуту не останавливается богослужение, только завершается вечерня в Калининграде, в Петропавловске на Камчатке начинается заутреня. После долгих десятилетий то усиливающихся, то ослабевающих гонений граждан за веру, Русская православ-

⁹ Бондаренко Артемий. Беседа с иереем
URL: <http://www.radonezh.ru/radio/> 10.10.11 г.

ная церковь перед перестройкой имела по сравнению с дореволюционным периодом незначительное число действующих храмов – ок. 7000, духовных учебных заведений – 5 и монастырей – 18. В последние годы начавшееся возрождение церкви продолжается. Согласно данным, приведенным патриархом Кириллом на Архиерейском соборе (Москва, 2–5 февраля 2013 г.), в Русской православной церкви 25 митрополичьих округов, 164 епархии, 217 правящих и викарных архиереев. В Церкви 3775 приходов (в России около 13 тысяч, остальные в ближнем и дальнем зарубежье), 805 монастырей, из них 395 мужских и 407 женских.

Система духовного образования Русской православной церкви в настоящее время включает 5 академий (обсуждается вопрос о возрождении Казанской духовной академии – А. Л.), 2 православных университета, 47 семинарий, 37 духовных училищ. При нескольких академиях и семинариях действуют регентские и иконописные школы. Всего насчитывается 92 учебных заведения. Во многих приходах работают воскресные школы. В некоторых регионах России действуют православные гимназии. В ряде светских университетов открыты кафедры теологии.

Одна из главных особенностей современной Русской православной церкви состоит в том, что после распада СССР более половины ее общин оказались в образовавшихся самостоятельных государствах. Но в них сохраняется каноническая территория церкви. А одной из важнейших ее проблем является сохранение единства. К нему постоянно призывает священноначалие. Созываются архиерейские соборы, на которых обсуждается насущная проблема. Наконец, один из важных аспектов ее состояния – это налаживание отношений с государством и его федеральными и региональными структурами. Отношения эти после долгих лет конфронтации перешли в недолгие годы перестройки к диалогу, а затем к взаимодействию.

Чрезвычайно сложная религиозная ситуация на протяжении многих последних десятилетий наблюдалась в Албании. Здесь одной из особенностей существования православия является его возрождение, так как в период коммунистического режима все религии в государстве были запрещены, но

сейчас они, в том числе православие, восстанавливают свое прежнее положение. Православная церковь, некогда запрещенная, восстанавливает свою нормальную жизнедеятельность. По некоторым оценкам в Албании сейчас насчитывается до 40% православных. До установления коммунистического режима в стране их было намного меньше, так как Церковь находилась в исламском окружении.

Трагическое состояние церкви берет свое начало со второй половины 40-х годов прошлого века. Государство запрещало исповедание всякой религии, а в 70-е годы оно объявлено атеистическим.

Начиная с 1967 г., после призыва главы государства, Генерального секретаря Албанской партии труда Э. Ходжа к упразднению «всех религиозных обычаев и учреждений» и издания документа «Против мифов и религиозных предубеждений», церковь подверглась жестокому преследованию. В это время были закрыты все храмы. Вся иерархия, так же, как и значительная часть духовенства, подверглась самым жестким репрессиям. Со второй половины 60-х годов в мировые средства массовой информации не поступали сведения о религиозной жизни в Албании.

Только в октябре 1970 г. в Послании Второго Всеамериканского Поместного Собора Русской Зарубежной церкви было заявлено о том, что в Албании закрыты все храмы и упразднены все церковные общины. Для церкви начался катакомбный период.

В конце 80-х гг., в связи с наступившими политическими изменениями в бывших социалистических странах, церковь стала выходить из подполья. Большую помощь в воссоздании управленческой структуры церкви оказал Вселенский патриарх. В 90-е годы Патриаршим экзархом Албании был назначен епископ Андрусский Анастасий (из Элладской православной церкви). Назначение из-за рубежа связано с тем, что в Албании в живых не осталось ни одного епископа. Благодаря деятельности Экзарха в Албанской православной церкви были восстановлены канонические структуры – возрождены приходы, рукоположены священники. На сегодняшний день в Албании насчитывается 4 епархии. Числен-

ность приверженцев Албанской православной церкви составляет 300 тысяч человек.

Очень напряженно религиозная ситуация складывалась на территориях государств Балканского полуострова. Здесь, как выше отмечалось, существует немало стран, отличающихся большим числом приверженцев православия.

Существовавшая несколько десятилетий Югославия в 90-е годы распадается, но в образованных государствах православные остаются в юрисдикции Сербской поместной православной церкви. Таким образом, церковь стремится сохранить свое единство и связь с другими Поместными церквями. Однако единство Поместных церквей в данном регионе нарушается, и появляются расколы.

Чехословакия также претерпела распад государства на 2 части: Чехию и Словакию. Однако здесь сохранилось единство церкви, которая получила новое название – Поместная церковь Чешских земель и Словакии. Церковь также претерпела трудности в государственно-конфессиональных отношениях, она находится в окружении большего числа верующих протестантов и католиков. Начиная с 20-х до конца 40-х гг. в ней было много нестроений. Но она смогла преодолеть их и сохранить единство. Помимо стран, в которых живет большинство православных, есть приходы и в других государствах, где православные составляют меньшинство – Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина.

В некоторых странах сохранилась прежняя модель государственно-церковных отношений. В Румынии продолжают сохраняться в прошлом отношения между церковью и государством. Хотя с приходом к власти коммунистов в Румынии после Второй мировой войны отношения претерпели некоторые изменения, Румынская православная церковь стремилась проводить политику тесного взаимодействия с правительством. Несмотря на все издержки этого решения, церковь сумела продолжить свою активную деятельность при новом режиме. В конце 1950-х гг. возникло мощное движение духовного обновления. Многие церкви и монастыри оставались открытыми, хотя деятельность церкви находилась под надзором государства.

После распада СССР утверждается независимое государство Молдова. Здесь к православным относят себя 93 % населения. Румынское правительство и представители националистических общественных организаций стали оказывать влияние на Молдову, что отдаляло ее от отношений сотрудничества с Россией. Руководство Румынской церкви заняло позицию, согласно которой оно было бы не прочь включить в состав Румынской церкви епархии, находящиеся на молдавской территории, но юрисдикционно относящиеся к Русской православной церкви. И, действительно, появляется церковная структура, которая начинает выходить из-под юрисдикции Русской церкви.

В Закавказье православие представлено в Грузии и Азербайджане – в местах, где оно получило распространение еще в период раннего христианства.

Грузинская православная церковь имеет предстоятеля в сане католикоса-патриарха. По сложившейся традиции все грузины, живущие за пределами их исторической родины, находятся в юрисдикции католикоса. В самой Грузии церковь имеет большое число приверженцев – до 90% православных. В связи с изменившейся общественно-политической ситуацией, с созданием самостоятельного грузинского государства в нем наблюдаются тенденции к выходу отдельных частей из его состава. Эти тенденции оказывают свое воздействие на усугубление религиозной ситуации в стране и способствуют появлению расколов в православии.

Продолжают действовать епархии и приходы в независимых государствах, образованных после распада СССР. Почти все приходы Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана входят в юрисдикцию Русской православной церкви. Здесь они находятся в мусульманской среде, но мирно уживаются и существуют без конфликтов. В этих республиках не увеличивается количество православных верующих, за исключением Казахстана, где много семей русских и православных. Есть тенденция, которая может привести к уменьшению числа православных в перечисленных республиках. На развитие данной тенденции оказывают влияние и активно начавшиеся миграционные процессы, и демографические изменения.

По всей вероятности, в названных республиках будет снижаться количество православных, ибо заметна миграция русских прежде всего в Россию и другие страны.

В Индии православие начинает распространяться в конце XVIII в. в Западной Бенгалии. В настоящее время, благодаря деятельности греческих миссионеров, были созданы несколько приходов, около 5 тысяч бенгальцев считают себя православными, богослужения и таинства совершают несколько священников и дьяконов. В Дели строится храм Русской православной церкви.

В Кандагаре (Афганистан) на летном поле в конце XX века был построен первый православный храм. Прихожан этого храма окормляют капелланы Румынской православной церкви.

В Юго-Восточной Азии в XX веке знакомится с православием Индонезия. В настоящее время здесь действуют представители двух юрисдикций: Константинопольской церкви и Русской зарубежной церкви. Уже во многих частях Индонезии есть приходы, членами которых являются в основном индонезийцы. Есть священники из местного населения. Всего в Индонезии насчитывается до 2,5 тысяч православных. На местных языках издаются богослужебные книги и литература для чтения.

Таким образом, в Индонезии, несмотря на все трудности иноверного окружения, православие утверждается. В приходах Русской зарубежной церкви совершает службу священник, происхождением из местной народности.

В Малайзии небольшая группа православных самостоятельно образовала общину, которую изредка навещают священники из соседних стран.

В 20-е гг. прошлого века на Филиппины прибыли русские эмигранты. Они в 1935 г. открыли первую православную церковь. В 90-е годы активизируются православные миссии со стороны других юрисдикций. Здесь возникает группа филиппинцев, которая вошла под управление Константинопольской церкви. В настоящее время в этой юрисдикции действуют четыре храма и женский монастырь. Причем его основали сестры, перешедшие из католического ордена. Совсем недавно, в 2008 году представители Антиохий-

ской церкви приняли в свою юрисдикцию две христианские общины. Одна из Восточной католической церкви, другая – протестанты–евангелики. Община была включена в состав Новозеландской епархии Антиохийского патриархата. Всего на Филиппинах действует шесть миссий, а приходы посещают 600 филиппинцев.

В прошлом веке с православием начали знакомиться и вьетнамцы. Православие во Вьетнаме представлено приходом Русской православной церкви в честь Казанской иконы Божьей Матери в городе Вунгтау, где живут и работают несколько сотен русскоязычных сотрудников СП “Вьетсовпетро”. Благословение на открытие прихода было дано 17 июля 2002 года в Троице–Сергиевой лавре на заседании Синода Русской православной церкви. Вьетнам регулярно посещают представители Владивостокской епархии и Отдела внешних церковных связей Русской православной церкви. Обсуждается вопрос о сооружении часовни в г. Камрани на территории мемориала российско-вьетнамского военного братства.

В Северной Корее в 2006 г. после нескольких десятилетий перерыва возрождается деятельность русской православной миссии. По указанию Ким Чен Ира в Пхеньяне, заботами Православного комитета в КНДР был построен и освящен храм в честь Св. Троицы. Освящение происходило под руководством председателя ОВЦС митрополита Кирилла (ныне патриарха Московского). До этого ускоренным темпом в Московской духовной академии и семинарии обучились несколько студентов из числа корейцев, ныне они продолжают служить в качестве православных священников. Пока число православных корейцев не велико, православные церковнослужители осуществляют свою духовную деятельность большей частью среди русскоязычных, живущих в Корее.

В Южной Корее вплоть до конца 40–х гг. прошлого века действовала русская православная миссия, однако она была запрещена. С 70–х гг. здесь активную миссию начинает вести Сеульский митрополит Сотерия (Трамбаса) из Константинопольского патриархата. Было открыто несколько храмов: в Инчхоне, Чонджу, Паланри, монастырь Преображения Господня в Капьюнге, часовня в Ильсане и открыта семина-

рия в Сеуле. В настоящее время учреждена местная митрополия под юрисдикцией Константинопольской церкви. Она воцерковляет до 2 тысяч православных южнокорейцев. Есть здесь и русское православное присутствие в г. Сеуле, где есть храм, находящийся в юрисдикции московского патриархата и в г. Самчоче в юрисдикции Русской зарубежной церкви. Правда, не хватает средств для активного ведения православной миссии.

В Монголии уже с середины XIX в. было три православных прихода. В 90-е годы прошлого века здесь возрождается работа, связанная с миссионерской деятельностью Русской православной церкви. В Улан-Баторе строится православный храм. Издается книга на монгольском языке по истории православия в Монголии, переводится молитвослов. Более десяти человек из числа монголов принимают крещение. Заметим, что в Монголии нет таких политических ограничений в религиозной сфере, как в некоторых азиатских странах, однако из-за нехватки людей, которые вели бы православную миссию, она не столь активно развивается в настоящее время. В 2001 г. В Улан-Баторе был освящен закладной камень будущего храма. После строительства он был освящен в честь Св. Троицы. Трудность православной миссии заключается в том, что она действует в буддийской среде. Хотя монголы к православию относятся благожелательно, но все-таки из христианских конфессий более сильными и богатыми являются католические приходы, а также активно развивающиеся протестантские общины. Здесь получают распространение и новые религиозные движения, в том числе мормонов.

В Таиланде в Бангкоке и еще двух провинциях с конца 90-х гг. прошлого века открыты приходы Русской православной церкви, ее представители переводят и издают небольшими тиражами литературу, в том числе и богослужебную, на тайском языке. Православие приняли несколько десятков тайцев. Московская патриархия планирует открыть еще несколько приходов на этой территории.

Есть и в Лаосе православная община Московского патриархата. Несколько лаосцев приняли крещение. Миссия не получила еще активного развития, так как не хватает мисси-

онеров, которые могли бы вести проповедь православия на местных языках.

В Сингапуре живут эмигранты из числа греков, русских и болгар. Их окормление осуществляется в двух приходах. Один находится в юрисдикции Константинопольского патриархата, а другой – Московского. Русский храм Успения Богоматери располагается на первом этаже жилого дома, богослужения начались в 2007 г. Он относится к Уссурийской епархии Московской патриархии. Клирики храма помимо проведения служб в Сингапуре регулярно выезжают в Малайзию для проведения богослужений и совершения треб по просьбам живущих там православных.

В Камбодже в Пномпене при посольстве Болгарии действует храм, построенный на деньги россиян, в память о погибших двенадцати болгарских миротворцах в период гражданской войны в Камбодже. Для удовлетворения религиозных потребностей работников посольства и других православных изредка приезжает священник, находящийся в юрисдикции Московской патриархии.

За обозреваемый период в тех государствах Азии, где были православные общины, произошли также большие изменения в таких странах, как Китай, где некогда существовавшие православные структуры подверглись гонениям и почти прекратили свою деятельность. Однако на рубеже XX–XXI вв. возрождается религиозная жизнь среди тех, кто исповедовал православие, и появляются новые современные православные верующие. Настоящее правительство Китая разрешает ограниченную деятельность православных структур в Пекине на территории Российского посольства и в Шанхае в Российском консульстве. В Урумчи, Кульдже, Харбине и Лабдарине есть официально открытые православные храмы, но из-за отсутствия священников службы в них совершаются мирянским чином. Также открыты и действуют приходы в Гуанчжоу, Шэньчжэне и Гонконге. Переводится и издается на китайском языке православная богослужебная и катехизическая литература, действует гонконгское Православное братство святых апостолов Петра и Павла (Московский патриархат). Оно также занимается изданием литературы на китайском языке. В последние годы студенты из Китая

обучаются в духовных учебных заведениях Русской православной церкви. Распространение православия испытывает трудности, связанные с ограничениями в его распространении со стороны государства и из-за недостатка материальных средств для обеспечения деятельности миссии. Пока не столь много людей посвящают свою жизнь проповеди православия в этом регионе.

В Китае также была утверждена автономная православная церковь. Ныне она возрождается и находится под непосредственной ставропигией патриарха Московского.

На Дальнем Востоке в некоторых странах, преимущественно в Японии, утверждается православие благодаря миссионерской деятельности митрополита Николая (Касаткина). Позднее создаются епархии, к настоящему времени их 3, и образуется автономная православная церковь в юрисдикции Московской патриархии. В нескольких десятках приходов насчитывается около десяти тысяч православных верующих. Япония, таким образом, является канонической территорией Русской православной церкви.

Большое распространение православие получило на Американском континенте. Здесь после того, как в конце XVIII в. начала и продолжала в дальнейшем свою миссионерскую деятельность Русская православная церковь, появились православные общины и епархии многих других юрисдикций, в частности, церковные структуры Антиохийской, Константинопольской, Сербской, Болгарской и в последние годы Грузинской церквей. По некоторым оценкам здесь проживает около 2,5 млн. православных христиан.

На Американском континенте православие является одним из растущих направлений. Одна из главных особенностей существования православия – это нахождение его в так называемой плюралистической религиозной среде. В Америке представлены почти все религии мира, и наблюдаются переходы из той или иной религии, конфессии в другие. В православие переходят порой целыми общинами представители протестантских церквей, а также Римско-католической церкви. Упомянутый рост наблюдается в США и Канаде. К югу от США православные общины редки, но за последнее время

и в Мексике появилось несколько православных общин. Недавно устроены храмы на Кубе, Багамах, Белизе.

В Южной Америке существуют национальные диаспоры, в которых живут православные, и они окормляются представителями разных юрисдикций, в частности, в Бразилии и Аргентине действуют православные епархии Антиохийской, Константинопольской и Русской церквей. В 2008 году открылся первый православный храм в Боливии при посольстве России.

С конца XIX века православие получило большое распространение на австралийском континенте. Еще в 20-е годы XIX века здесь появились первые православные миссионеры, но только в 1898 году построен первый храм в честь Св. Троицы в Сиднее. Из Иерусалимского патриархата прибыли клирики для освящения и исполнения треб для членов православных общин. В 1925 году строится первая русская церковь в Брисбене, а через 40 с небольшим лет устроен первый русский монастырь.

Активизация эмигрантских процессов в мире докатывалась и до Австралии и Новой Зеландии, прокатилось несколько волн миграций, причинами которых были войны и гонения на христиан на Ближнем Востоке и в других регионах мира. В конце XIX века антихристианская резня в Османской империи вынудила многих православных греков и сирийцев переехать в Австралию, после 1917 года – волна русских иммигрантов, после 1922 года – вторая волна греков, изгнанных из Турции, а после Второй мировой войны и прихода на Балканы коммунистов добавились десятки тысяч сербов, сотни румын и болгар. Наконец, падение «железного занавеса» привело к еще одной волне иммигрантов из православных стран.

Огромный приток иммигрантов в Австралию за прошлые несколько десятилетий увеличил православное население приблизительно в 70 раз. В течение последних 30 лет православие по численности выросло в этой стране гораздо больше, чем любая другая христианская конфессия. Подавляющую часть православного населения составляют четыре этнические общины: греки, сербы, русские, арабы. Все общины имеют свои епархии:

- Австралийская архиепископия Константинопольского патриархата, имеет 118 церквей и приходов и 7 монастырей;

- Австралийско-Новозеландская епархия Сербской православной церкви, имеет 38 церквей и приходов, 2 монастыря и 2 скита;

- Австралийская и Новозеландская епархия Русской православной церкви за границей, имеет 31 церковь и приход, 5 монастырей и 2 скита;

- архиепископия Австралии и Новой Зеландии Антиохийского патриархата, имеет 25 церквей и приходов и 1 женский монастырь.

Кроме того, 7 приходов имеет Румынская православная церковь, 3 прихода – Русская православная церковь Московского патриархата, 3 прихода – Болгарская православная церковь, 2 прихода – Православная церковь в Америке, 1 приход – Польская православная церковь.

Итого в Австралии 228 православных церквей и приходов разных юрисдикций, 15 монастырей и 4 скита. Монастыри здесь небольшие: редко, где число насельников превышает 2–3 человека, а общее число монашествующих – около 50 человек. В греческие монастыри регулярно приезжают опытные монахи со Святой горы Афон для духовного руководства.

Есть здесь церковные структуры, которые находятся в расколе по отношению к Поместным церквам. Но о них будет сказано ниже.

В стране действуют православные школы и высшие учебные духовные заведения, издательства, общественные центры, выходят книги о православии, а также периодика (например, журнал «The Voice of Orthodoxy»), существуют православные радиопередачи, созываются конференции. В Мельбурне работает Институт православно-христианских исследований, в котором учатся студенты разных юрисдикций.

Все крупные юрисдикции в большей или меньшей степени ведут миссионерскую работу на континенте, наблюдаются процессы перехода представителей одной конфессии в другую, происходят и обращения аборигенов. Есть австралийцы англосаксонского происхождения, которые переходят

в православие из англиканства или баптизма и даже становятся священниками или монахами, но их число пока невелико.

С недавнего времени появились особые миссионерские приходы, ориентированные на австралийцев: там богослужения ведутся на английском языке. Несмотря на свое распространение, православие так и не стало частью австралийской культуры, прежде всего потому, что существует языковой барьер. В общинах разных юрисдикций чаще всего богослужения совершаются на их языках, непонятных аборигенам, а отсюда некая замкнутость существования на континенте как христианских общин вообще, так и православных в частности.

Многие австралийцы имеют высокий уровень материальной жизни, достаток и пребывают в благополучии, отсюда, как отмечал в одной из бесед представитель Русской православной церкви за рубежом архиепископ Австралийский и Новозеландский Иларион, большому успеху миссии препятствует высокий уровень жизни общества, способствующий секуляризации и самодостаточности многих австралийцев. Однако миссию православных церквей нельзя оценивать как безуспешную. Более того, она будет продолжать свое развитие.

В контексте развития единства православных юрисдикций на рубеже 70–80-х гг. прошлого века организована Конференция Канонических Православных Церквей Австралии (ССОСА), которая позволяет представителям разных православных юрисдикций вместе решать общие вопросы церковной жизни на Австралийском континенте. Таким образом, в Австралии за последнее десятилетие, благодаря иммиграционным процессам, православие получает большое распространение.

Исследование особенностей современного состояния православия приводит к следующим выводам.

Во-первых, православие продолжало свое распространение в мире, что явилось следствием миграционных процессов и активизации миссионерской деятельности православных церквей. На исходе века можно выделить регионы, в которых в той или иной мере распространилось православие:

Ближний Восток и Малая Азия, Закавказье, Африка, Европа, включая Россию, Американский континент, Центральная и Юго-Восточная Азия и, наконец, Дальний Восток. В двенадцати государствах мира Православные составляют большинство: в Белоруссии, Болгарии, Греции, Грузии, Кипре, Македонии, Молдавии, России, Румынии, Сербии, Украине, Черногории. В остальных странах православные находятся в меньшинстве. Есть государства, в которых насчитывается всего несколько православных общин. В других государствах православие появилось лишь в обозреваемый период.

Во-вторых, некоторые православные церкви в XX в. утратили прежнее влияние, особенно в тех государствах, где установились коммунистические режимы и началось искоренение религии, включая и православие. Однако после падения упомянутых режимов, церкви стремятся занять достойное место в обществе.

В-третьих, произошли большие юрисдикционные изменения – увеличилось число регионов, в которых одновременно стали существовать юрисдикции разных Поместных церквей. Такое состояние оценивается как нарушение канонических правил Вселенского православия, вызывает противоречия в межюрисдикционных отношениях и неблагоприятно влияет на упрочение единства православия в целом. С одной стороны, эти отношения усложняются, усугубляя разделения между православными юрисдикциями, с другой стороны, есть регионы, в которых ставится проблема объединения юрисдикций в одну – или автономную, или автокефальную (самовозглавляемую) церковь, которая находилась бы в единстве со всеми остальными Поместными церквями.

2015 г.

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ И ЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЕ. [8]

До XX в. уже много было церковных юрисдикций, не подчиняющихся какой-либо поместной церкви. Часть из них дошла до нашего времени. Многие из них исчезли с конфессионального пространства. Однако сохраняется их идеология, ведущая к разделению и к конфронтации с Поместными церквями Вселенского православия. Она перешла и в XX в. За век прокатилось несколько волн возникновения новых расколов в православии. Процесс их появления начался со второго десятилетия XX в. и продолжается до настоящего времени, а динамика их распространения выражается и количественно, и качественно. В мире их число увеличивается, а географически они распространяются во многих странах. Те, которые дошли до нашего времени – трансформировались, перейдя в новое качественное состояние.

Как было выяснено в предыдущей публикации, во многих регионах мира, в России и в образовавшихся странах СНГ и Балтии, в государствах бывшего социалистического лагеря и в некоторых странах юго-восточной Азии происходят большие изменения в религиозной ситуации. Наибольшее распространение появившиеся расколы получили в России, во многих европейских странах. Также их большое распространение заметно на Американском континенте, Австралии и в последние годы в Закавказье.

Однако есть большая группа формирований, находящихся вне Вселенского православия, начало которым было положено в середине XVII в. В России к ним относятся древлеправославные церкви, согласия и толки. Они образовались в связи с утверждением церковной реформы в середине XVII в. Реформа не была ими принята. Впоследствии они стали самостоятельными. Представители официальной церкви стали называть старообрядцев раскольниками, а само явление древлеправославия – расколом.

Уже в раннее время формирования в старообрядчестве появились свои лидеры, и одним из главных был протопоп Аввакум. Этот огнепальный священник, отстаивая прежние

традиции и обряды древнерусского православия, выступал с оригинальными воззрениями на церковную жизнь официального православия. Его поддерживали другие лидеры, и постепенно в старообрядчестве образуются самостоятельные формирования. Они распространяются по всей России, переходя даже за рубеж. В наше время существует несколько церквей, согласий и толков. Наиболее заметны среди них Русская православная старообрядческая церковь, Русская православная старообрядческая церковь («Белокриницкое согласие»), Древлеправославная поморская церковь. Поскольку они сохраняют свою независимость и во многом не согласны с официальной Русской церковью, их вполне можно включить во входящее в современный научный оборот «альтернативное православие». Приверженцы древнерусского православия делятся на две основные группы. В первую входят поповцы, во вторую – беспоповцы. Первые состоят в Белокриницкой иерархии – Русская православная старообрядческая церковь. Однако она делится на окружников и неокружников. Сюда же относятся бывшие беглопоповцы (Древлеправославная церковь – патриархия Московская и всея Руси и отделившаяся от нее епископия Курская). Из этой группы вышли единоверческие структуры, которые перешли в подчинение иерархии Русской православной церкви. Наиболее крупными из группы беспоповцев толками и согласиями, которые называются или по именам лидеров или по каким-либо обрядовым характеристикам, являются: часовенные (разделены на чувственников и духовнопонимающих), поморцы, нетовцы (Спасово согласие – поющие и “глухие”), самокресты, федосеевцы (московские и казанские), бегуны (отчасти смыкаются с истинно-православными христианами странствующими), филипповцы, лужковцы.

До советского времени насчитывалось ок. 3 млн. приверженцев старообрядчества. За последний восьмидесятилетний период их число сократилось наполовину. Тем не менее, их общины широко распространены в самой России и за ее рубежами.

В России долгое время, включая дореволюционное и советское, религиозная ситуация не благоприятствовала нормальному состоянию старообрядчества. В последние два де-

сятилетия в условиях более спокойной религиозной ситуации они обрели долго ожидаемые ими свободы. Происходит постепенное возрождение старообрядчества.

В настоящее время старообрядческие общины, помимо России, имеются в Белоруссии, Латвии, Литве, Эстонии, Молдавии, Польше, Румынии, Болгарии, Украине, в США, Канаде и ряде стран Латинской Америки, а также в Австралии.

К альтернативному православию в России можно отнести неообновленческие, к ним относятся формирования, которые чаще всего имеют название «Апостольские православные церкви». Они претендуют на то, что свой институционализм строят на ранней апостольской традиции, но вносят модернизационные тенденции в культовую практику. В России до 5 таких самостоятельных формирований. Некоторые из них имеют общины и за рубежом.

В христианском мире издавна существует сильное Катакомбное движение. Представители его общин рассеяны по всему миру. Его приверженцы, не согласные с ненормальными государственно-конфессиональными отношениями в том или ином государстве, а также не согласные с какими-то положениями кириархальной церкви, начинают преследоваться и уходить в так называемые катакомбы – церковное подполье. К ним относятся места, где представители этого движения совершают религиозные богослужения и обряды тайно, тем самым, скрываясь от гонений со стороны властей. Как правило, их общины или церкви разрознены и не находятся в общении друг с другом. В России наибольшая активность катакомбного движения проявилась в первые десятилетия советского периода. Катакомбные структуры есть и за пределами России – в ближнем и дальнем зарубежье, об их количестве судить очень трудно, так как они продолжают существовать тайно. Конспирацию соблюдают их лидеры и миссионеры. Сохранение конспирации затрудняет исследование этого феномена и его классифицирование. Есть и трудности в определении числа общин, однако, по некоторым оценкам, их насчитывается около ста.

Несколько самостоятельных юрисдикций образовалось в среде приверженцев Русской православной церкви за рубе-

жом (РПЦЗ). Имеются в виду те, кто не поддержал общее объединение церкви с Русской православной церковью – Московской патриархией. К ним можно отнести следующие церкви и группы, продолжающие быть в разделении с Московской патриархией: Русская православная церковь заграницей (юрисдикция ВВЦУ РПЦЗ под руководством епископа Агафангела (Пашковского) – 1 архиерей, ок. 100 приходов и общин, распространена в Украине, Молдове, Беларуси, России, Казахстане, США, Южной Америке, Западной Европе и Австралии); Русская православная церковь заграницей – РПЦЗ(В), бывший Синод митрополита Виталия (Устинова), известная также как Русская православная церковь в изгнании – 4 архиерея, ок. 60 приходов и общин, распространена в Канаде, США, Западной Европе, Молдове, России (в последнее время, после смерти митрополита Виталия в сентябре 2006, переживает тенденцию к раздроблению на отдельные части); Российская православная церковь (Синод митрополита Антония (Орлова)), известная также как «антониевская ветвь РПЦЗ(В)» – 6 архиереев, ок. 40 приходов, распространена в США, России и Украине, в ней также произошел раскол, новую “ветвь” возглавил епископ Дамаскин (Балабанов); существует так называемая “Лазаревская ветвь РПЦЗ(В)” – 5 архиереев, ок. 200 общин, распространена в России, Украине, Западной Европе, США.

Существует тенденция к объединению всех не вошедших в состав Московской патриархии структур РПЦЗ. Кое-кто из их архиереев стремится встать в фортаторе такого объединения. Однако между этими отколами существует много разногласий, и вряд ли эта тенденция будет быстро развиваться.

Истинно православное движение, существовавшее в России с 20-х годов прошлого века, в наше время претерпело трансформацию и получило новое развитие. Причины происходящего коренятся в усложнившихся государственно-конфессиональных отношениях и в отвержении некоторых концепций Русской православной церкви – Московской патриархии со стороны представителей ИПЦ. Движение также институционально разрознено. Существует много структур, которые себя именуют истинно православной церковью. По оценкам руководителя одной из крупных ИПЦ в России,

митрополита Рафаила (Прокопьева–Мотовилова), только в его церкви насчитывается до 1 млн. приверженцев. Распространившись в России, ИПЦ имеют своих приверженцев в ближнем и дальнем зарубежье.

В России через контакты православных, не входящих в юрисдикцию Русской православной церкви, появились группы, которые вошли в юрисдикции некоторых ветвей греческого старостильского движения.

В число наиболее заметных церковных организаций альтернативного православия можно включать и Российскую православную автономную церковь. Возникшая в результате конфликта между Суздальским архимандритом Валентином (Русанцовым) (ум. 2011 г.) и его епископом, церковь получила дальнейшее развитие. Датой ее основания считается 1992 г. Общины, которые во время конфликта стали на сторону о. Валентина, создали свою, независимую от Московской патриархии, церковь. Первоначально они вошли в состав РПЦЗ. Однако через некоторое время вышли из нее. В названии сохранилось понятие «автономная». РПАЦ имеет до 100 общин на территории России. Есть у нее приходы и за пределами отчества, в частности, в США.

На рубеже 80–90-х годов началось формирование общин, которые можно включить в появившееся в России Богородичное движение. Образованная структура известна больше по первоначальному названию как Богородичный центр. Впоследствии централизованная организация этого движения получила название Православная церковь Божьей Матери Державная. Она была зарегистрирована в 1992 г., а руководителем ее стал священник Иоанн Береславский, над которым чин пострижения в монашество и хиротонию совершали церковные деятели Катакомбной Серафимо-Геннадьевской ветви. Церковь получила распространение в нескольких десятках городов России, есть у нее приверженцы и за рубежом, которые почитают в качестве пророка и наставника Иоанна Береславского.

В Европе среди государств, отличающихся многообразием и большим числом структур альтернативного православия, выделяется Украина. Здесь на протяжении последних двадцати лет сохраняется сложная религиозная ситуация, на

которую воздействуют различные государственные и общественно–политические структуры. С утверждением Украины в качестве самостоятельного государства начали муслироваться идеи утверждения здесь объединяющей всех православных автокефальной церкви.

К настоящему времени в православии существует до семи юрисдикций на самой территории Украины и до десяти в диаспоре.

В противовес Украинской православной церкви Московского патриархата (УПЦ МП) существует шесть «православных церквей», не входящих в юрисдикцию Московской патриархии: Украинская автокефальная православная церковь, Украинская апостольская православная церковь, Украинская автокефальная православная церковь (каноническая), Украинская автокефальная православная церковь (обновленная), Автономная православная община, Украинская православная церковь Киевского патриархата. Есть и несколько общин Православной церкви Божией Матери Державная.

Наиболее крупная в альтернативном православии из всех перечисленных – Украинская православная церковь Киевского патриархата (УПЦ КП). По данным ее руководства, число приходов УПЦ КП в настоящее время достигает 3672. (Для сравнения: Украинская православная церковь Московского патриархата имеет 10 875 приходов). Однако руководитель альтернативной Украинской православной церкви (Киевский патриархат) Филарет (Денисенко) ¹⁰ в начале декабря 2013 г. отметил, что по числу приверженцев его организация превосходит УПЦ МП. Созданная неканоническая структура достаточно заметна и влиятельна в Украине. Ее священноначалие ведет себя довольно активно, накаляя местную религиозную ситуацию, добиваясь объединения православных юрисдикций. Для этого уже несколько лет оно пытается прибегнуть к помощи Вселенского патриарха. Особого накала ситуация достигла летом 2008 г., когда в Украине отмечалось 1020-летие Крещения Киевской Руси. С пас-

¹⁰ Интервью главному редактору радио «Эхо Москвы» Алексею Венедиктову 3 декабря 2013 г.

URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=monitor&id=20900> 7.12.13 г.

тырским визитом в Украине пребывал патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Позднее здесь с подобными пастырскими визитами пребывал и патриарх Кирилл. Главное, к чему они призывали, – сохранить каноническое единство украинских православных с Матерью–Церковью.

В Греции на протяжении многих веков существовала крайне сложная общественно–политическая и религиозная ситуация. Особенностью греческого православия была его зависимость от государства и Константинопольской церкви или Вселенского патриарха. В 20–е годы прошлого века ситуация осложнилась по причине принятия Элладской церковью новоюлианского календаря. В церкви, таким образом, была проведена реформа, следствием которой стал раскол, приведший к формированию старостильного движения и образованию в нем ряда направлений и структур.

Инициатором реформы стал Вселенский патриархат. Он решил провести реформу, которая включала принятие в жизнь православия и в его богослужебную практику календарь, получивший название Новоюлианского, основой которого стал Григорианский. Несогласные с реформой объединились в целое движение, которое получило название старостильное. Как старообрядцы в России, так и старостильники в Греции, были причислены к раскольникам, а их общины и другие структуры стали называться раскольничьими.

По данным одного из современных расколоведов А. В. Слесарева, в результате восьмидесятилетнего исторического развития раскола на канонической территории Элладской православной церкви, существуют до 80 различных самостоятельных структур. Правда, около десяти за обозреваемые десятилетия в разные годы прекратили свою деятельность¹¹. Некоторое количество из них заявляют о себе как о Поместных православных церквях. Они получили широкое распространение в мире, обосновавшись на канонических территориях многих Поместных церквей Вселенского православия: Элладской, Румынской, Болгарской, Константинопольской,

¹¹ См.: Слесарев А. В. Старостильный раскол в истории Православной Церкви (1924–2008). – М.: Изд–во Крутицкого Патриаршего подворья, 2009.

Александрийской, Русской, Грузинской, Сербской, Кипрской, Чешских земель и Словакии. Более того, сформировалось несколько ветвей старостильных юрисдикций, которые названы именами их основоположников. Старостильничество получило большое распространение в мире. В настоящее время с его представителями и структурами можно встретиться в России, во многих странах Европы, на Американском континенте и в Австралии.

Влияние старостильников на религиозную ситуацию почти незаметно, но они своим состоянием и присутствием разнообразят ее, дополняя христианство своеобразным религиозным опытом. У этих структур были конфликты с государственными властями, особенно это было заметно в Греции. Были и конфликты, нарушающие внутрицерковные и межцерковные отношения, в частности, на св. горе Афон.

В Сербской церкви, имеющей канонические территории в некоторых государствах, возникших после распада Югославии, уже в 60-е годы возник так называемый Македонский раскол (его особенности будут проанализированы ниже). А в самой Сербии возникла Сербская истинно-православная церковь (СИПЦ). Основали ее в 1995 г. несколько монахов сербского происхождения, которые подвизались на Афоне. Будучи там, они восприняли крайне радикальные антиэкуменические настроения в среде некоторых афонских монахов, в частности монастыря Зограф. Среди них особенно выделялся как ревнитель православия монах Акакий (Станкович). Претендуя на самостоятельность, СИПЦ установила евхаристические и юрисдикционные связи с флоринитским синодом Церкви истинно-православных христиан Греции. По составу приверженцев СИПЦ немногочисленна, включает до 300 человек. Осенью 2010 года на севере Косова начинает формироваться неканоническая структура, отходящая от Сербской православной церкви. Возмутителем спокойствия стал епископ Артемий (Радосавлевич). Руководство церкви в октябре 2010 г. запретило его в служении. Однако, не подчинившись указу, он пытается сохранить под своим руководством часть монастырей и приходов официальной Сербской церкви. Таким образом, поскольку за ним следует

пусть небольшая, но часть Сербской церкви, начавшееся разделение может иметь свое продолжение.

В Румынии в настоящее время действуют церковные структуры двух ветвей старостильнического движения. Первое было образовано во второй половине 20-х годов прошлого века. В ее формировании большое значение имели некоторые святогорские монахи румынского происхождения. Еще до введения Румынской церковью новоюлианской реформы они развернули на самой горе Афон и за ее пределами, включая Румынию, работу по противодействию готовящейся реформе. Особо активно выступал иеромонах Арсений (Котеа). Впоследствии старостильное движение в Румынии оформилось в соответствующую структуру, получившую название Румынская истинно-православная церковь. В ней по причине раздоров между ее представителями в 2000 г. образовалась вторая ветвь. Большую роль в этом сыграл епископ Косьма (Лостун). Существует связь с греческими старостильниками, в частности с Каллиникитским синодом. Румынская истинная (старостильная) православная церковь юрисдикционно обозначена как экзархат этого синода в Румынии.

Истинно-православное движение получило свое распространение и в Болгарии. Здесь сформировались две структуры. К первой необходимо отнести Болгарскую православную старостильную церковь (БПСЦ), основанную в 1968 г. архимандритом Серафимом (Алексиевым). Церковь с центром в Софии была провозглашена автокефальной. Причина ее появления была та же, что и в тех странах, где проводилась календарная реформа, т. е. противодействие ей со стороны части духовенства и мирян канонической Болгарской православной церкви. Архимандрит Серафим с группой сподвижников, в противовес указу Болгарской церкви «О введении календарной реформы», направил патриарху протест с заявлением о выходе из подчинения ему, т. е. из канонической церкви. Вновь образованная структура вошла в связь с «Синодом противостоящих» Церкви истинных православных христиан (ИПХ) Греции. Церковь возглавляется одним епископом. Она имеет несколько десятков приходов, два монастыря (мужской и женский), скит. Второй структурой в упо-

мянупом движении является Истинно–православная Болгарская церковь, основанная в 2008 г. епископом Даниилом (Стобийковым). Он провозгласил себя митрополитом и, хотя у церкви не установлено евхаристическое общение с другими православными церковными юрисдикциями, он обменивается официальными посланиями с руководством старостильнического Каллиникитского синода церкви ИПХ Греции, Македонской православной церкви, Черногорской православной церкви и Православной церкви России, возглавляемой митрополитом Московским и Всероссийским Рафаилом (Прокопьевым–Мотовиловым).

Основатель БПСЦ образовал свою структуру, выйдя из альтернативной Болгарской православной церкви по причине некоторых разногласий с ее руководством. Сама же альтернативная Болгарская православная церковь была создана после падения в Болгарии коммунистического режима. Начинается новый этап развития Болгарии и ее нового общественно–политического устройства. Часть клириков стала рьяно поддерживать установившуюся новую власть и в ситуации наступивших перемен возбудила вопрос о том, что патриарх Максим (ум. 2012 г.), управлявший церковью, был связан с партийно–государственным аппаратом и его спецслужбами. Представители этого церковного направления сделали попытку сместить патриарха, но она не удалась. В 1992 году часть епископов и клириков вышли из состава традиционной Болгарской церкви и образовали свой альтернативный Синод. Его возглавил один из старейших по хиротонии митрополит Неврокопский Пимен. Группировка взяла в церковных делах верх, некоторое время управляла всей церковью. Митрополит Пимен даже участвовал в инаугурации президента. В тоже время возник тандем представителей альтернативного Синода с «Союзом демократических сил». При очередной смене власти опять был поднят авторитет традиционной Болгарской церкви и патриарха Максима, захваченные альтернативным синодом храмы с помощью властных госструктур начали возвращаться к Болгарской поместной церкви. В настоящее время альтернативным Синодом руководит митрополит Иннокентий. На начало 2009 года в самой Болгарии действовало 12 активных приходов

Синода со священниками, разделенные на три епархии, в Софии богослужения проводятся на площадях. В феврале 2010 от Синода фактически отделился епископ Гervasий, образовавший еще один альтернативный Синод. Его формирование началось в 2009 году. Епископ Гervasий принял на себя сан митрополита с титулом Неврокопский (такой титул имел основатель альтернативного Синода Пимен). Этим самым он дал понять, что руководимый митрополитом Иннокентием Синод не выполняет тех задач, которые были сформулированы в начале образования альтернативного Синода. Гervasий вышел из него, тем самым осуществив раскол в расколе. Для создания своего епископата он вошел в евхаристическое общение со “Священным Миланским Синодом”.

Следует отметить, что, по информации сайта «Антираскол»¹², еще до избрания нового патриарха канонической Болгарской церкви наместник–председатель канонического Синода Болгарской Православной Церкви митрополит Варненский и Великопреславский Кирилл (Ковачев) (ум. в 2013 г.) сообщил, что получил от главы т. н. “Альтернативного синода Болгарской православной церкви” “митрополита Софийского” Иннокентия (Петрова) письмо с выражением покаяния, сообщает Болгарское телеграфное агентство. Он также сообщил, что, по его сведениям, не менее 15 священников из Софийского округа и еще несколько священников из других областей, подчиняющихся “Альтернативному синоду”, готовы вернуться в лоно канонической Церкви. Таким образом, продолжается процесс уврачевания одного из расколов в Болгарии.

Также в Болгарии с 2005 года, основанная священником Христо Писаровым (Велиславом Алтыновым), действует Христианская вселенская апостольская церковь. Она отличается экуменической направленностью, либеральным подходом к исполнению канонических правил. Для участия в хиротониях приглашаются англиканские епископы, к евхаристии допускаются члены протестантских объединений.

В 2009 году в Хорватии была образована Хорватская православная община, объявившая о своей самостоятельности.

¹² URL: <http://www.anti-raskol.ru/pages/2257> 15.05.13 г.

сти по отношению к Сербской православной церкви, что вызвало беспокойство у священноначалия канонической церкви.¹³ В исторических материалах создаваемой общины они усмотрели ссылку на ее преемственность от печально известной Хорватской православной церкви, которая недолго просуществовала в период фашистской оккупации. Основанная в 1942 году церковь стала известна тем, что ее руководство и члены способствовали усташам¹⁴ в вытеснении сербов за пределы Хорватии и их уничтожении. Священноначалие Сербской православной церкви считает, что образованная община может стать консолидирующей организацией, которая будет продолжать деяния действовавшей Хорватской православной церкви.

В 60–е гг. прошлого века в Македонии, находившейся в составе Югославии, была провозглашена Македонская православная церковь. Организаторы считали ее возрожденной Охридской архиепископией. Впоследствии создание Македонской церкви, было поддержано представителями республиканской государственной власти. Сербская церковь вела диалог с вновь созданной структурой. Она могла бы предоставить образующейся структуре автономию. Однако и сами отделяющиеся, и гражданские власти на это не соглашались, стремясь утвердить автокефальную православную церковь в Македонии. После распада Югославии, в Македонии окончательно была утверждена Македонская православная церковь. На 2010 год она имела 10 Епархий – 7 в Македонии, остальные за рубежом, у нее имелось 2000 храмов и 500 приходов, 600 священнослужителей и 100 монашествующих. На Богословском факультете имени святителя Климента Охридского за все годы этой работы получило образование около 1200 человек. Последнее десятилетие отличается напряжен-

¹³ Письмо епископа Далматинского Фотия президенту республики Хорватия Иво Йосиповичу от 13 марта 2010 года URL: <http://www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/41631.htm/> 22.05.13 г. Письмо епископов Сербского патриархата премьер-министру Республики Хорватия Йандранке Косор от 25 декабря 2005 года URL: <http://www.anti-raskol.ru/pages/345/> 27.05.13 г.

¹⁴ Усташа – хорватское фашистское движение, основанное Анте Павеличем в 1929 году в Италии.

ными отношениями между Македонской церковью и Сербской. Они находятся в незатихающем конфликте.

Есть небольшие церкви, идентифицирующие себя с православием, в Португалии, Италии, а также во Франции. Их появление связано с деятельностью священноцерковнослужителей, которые, находясь в тех или иных юрисдикциях, основывали свои церкви там, где они жили, или в зарубежье. Некоторые юрисдикции создавались при поддержке Русской православной церкви за рубежом. Так, с РПЦЗ была связана Православная церковь Португалии, а также Франции. В последнее время за рубежом заметны союзы или консолидации юрисдикций, о которых идет речь. Такая консолидация наблюдается в деятельности некоторых структур Европы. Православная церковь Италии, основанная в 1992 году епископом Антонио (де Россо), входит в группу церквей, которые также являются неканоническими в современном православии: автокефальной Болгарской церкви, Украинской православной церкви Киевского патриархата, Черногорской и Македонской. Французская православная церковь, основанная архиепископом Вигилием Моралесом в 1996 году, имеет два монастыря, четыре прихода во Франции и по одному приходу в Бельгии, Швейцарии и Бразилии. Богослужения и таинства в ней совершаются и по византийскому, и по галликанскому обряду. В 2006 году она вошла в образованное Сообщество западных православных церквей. В нем состоит также Кельтская православная церковь и Православная церковь галлов¹⁵.

На Американском континенте в XX в. и на рубеже XXI в. возникло большое число юрисдикций, не подчиняющихся какой-либо канонической православной церкви, немалое

¹⁵ Галликанский обряд (лат. Ritus Gallicanus) – один из древних Западных литургических обрядов, практиковавшийся в IV–VIII в. в Галлии и в возникшем впоследствии на ее территории Франкском королевстве, а также в других регионах Западной Европы. При Карле Великом было принято решение об отказе от галликанского обряда и переходе на римский обряд. Отдельные элементы обряда перешли в литургическую практику римского обряда. – «Галликанский обряд». См.: Католическая энциклопедия: Т. I. – М., Изд-во францисканцев, 2002. – С. 1186; см. также: Православная энциклопедия. Т. X. – М., 2005. – С. 358–368.

число из них появлялось и распадалось, однако некоторые, существующие ныне, берут свое начало от распавшихся юрисдикций. В условиях этноконфессионального плюрализма и демократического устройства во многих государствах Америки возникало действительно много расколов – это является особенностью их возникновения на Американском континенте, и в то же время отличает ситуацию от той, которая складывалась в странах бывшего социалистического лагеря. Если в США или Канаде не было проблем легального существования расколов, то в упомянутых странах многие расколы уходили в церковное подполье и там множились. Остановимся на некоторых более заметных формированиях в Северной и Латинской Америке.

В 1964 г. протоиереем Вальтером Профетой была основана Американская православная церковь. Будучи священником Украинской греко-православной церкви, он стал совершать богослужение на английском языке. Возник конфликт со священноначалием, и о. Вальтер образовал структуру под названием «Американская православная католическая церковь». В 1965 г. он переименовал ее в Американскую православную церковь. Пик ее активности и распространения за пределами Америки (даже в Африке) пришелся на 60-70-е гг.

Еще на рубеже 20-30 гг. в Америке существовала юрисдикция, именовавшаяся «Американская православная католическая церковь», отколовшаяся от Американской митрополии Русской православной церкви. Священник Вальтер восстановил это название в своей первоначальной церковной структуре. В его епископской хиротонии принимали участие архиереи из существовавшей тогда также неканонической Автокефальной греческой православной церкви Америки (Истинно-православная церковь Греции и диаспоры) и др. подобных структур. Во время хиротонии основатель получил имя Владимир, впоследствии принял сан патриарха. Скончался в 1972 г.

Что касается распавшихся юрисдикций, следует назвать Экзархат Александрийского патриархата в Америке (1934–1945), основанный священником Христофором (Кентогиоргиосом). Часть существующих самостоятельных неканони-

ческих формирований ведет свое начало от этого экзархата. Подобное также случилось в 20-е годы с Американской православной католической церковью. Было время нестабильного состояния Американской митрополии Русской православной церкви. В ней среди священноцерковнослужителей возникают раскольнические настроения, желание создать в американской полиэтнической обстановке юрисдикции для отдельных этноконфессиональных групп. Таким образом, создается «Сирийская Греко-Православная миссия в Северной Америке», руководителем которой стал Архиепископ Евфимий (Офеш). Однако он выступил за самостоятельность миссии, ее преобразование в церковь. Такое стремление породило конфликт с юрисдикцией, в которую первоначально входила миссия. Результатом все-таки стало отделение миссии от Американской митрополии и создание неканонической Американской православной католической церкви (АПКЦ). Задачей ее было стать наднациональной церковью, ведя миссию среди неправославных. Помимо других юрисдикций в нее вошло несколько десятков украинских греко-католических приходов. Во многих общинах АПКЦ богослужения ведутся на английском языке. Некоторые общины совершали службу и по западному обряду.

В 30-е гг. АПКЦ оказались без епископского возглавления и стала распадаться, но от нее ведут свое начало другие существующие неканонические структуры.

В Америке существуют и этноконфессиональные неканонические структуры. Прежде всего, об этом говорят их названия. Наряду с существующими русскими, к ним относятся украинские, белорусские, арабские и др.

С 70-х гг. действовал «Американский всемирный патриархат» (с 1972 г), основанный белорусским эмигрантом Владиславом Рыжего-Рыжским. Он же был руководителем Американской православной католической церкви. Для изучения межконфессиональных и юрисдикционных отношений представляет интерес первоначальное епископское посвящение Владислава. В нем участвовали епископы от Албанской пра-

вославной церкви, Украинской православной церкви Америки и монофизитской Коптской православной церкви¹⁶.

В юрисдикции Американского патриархата и была учреждена Белорусская автокефальная православная церковь (другое название – Православная кафолическая Белорусская христианская церковь). Владислав надеялся на то, что она станет церковью для всей белорусской нации.

В 1978 г. Владислав умирает, главным в Американском патриархате становится его брат Юрий, однако не все архиереи, в прошлом посвященные в этом патриархате, признали его. Архиепископ Белостокский Витторио Джованни Мариа Буса вышел из патриархата и создал в 1979 г. Белорусскую автокефальную православную церковь в изгнании (БАПЦ в изгнании) ее другое название – Белорусская православная славянская церковь, есть у нее и третье название – Белорусский патриархат в изгнании. В силу того, что Буса объявил себя патриархом, в последующие годы структура получила развитие и стала иметь общины не только в Европе, но и в Африке. Богослужение совершается по православному чинопоследованию, но в некоторых общинах заметно влияние и латинской богослужбной традиции.

В БАПЦ в начале 80–х годов происходит раскол и образуется Белорусская автокефальная православная церковь в Америке (1982). К настоящему времени у церкви шестнадцать приходов в США, пять – в Канаде, один – в Италии, по одному – во Львове и Санкт–Петербурге. Несмотря на столь недолгий срок существования, ее история изобилует многочисленными конфликтами между архиереями. Одним из ее идеологов является бывший сотрудник ОВЦС МП, ныне митрополит, Александр (Сологуб). Он со своими последователями выражает надежды на установление в Белоруссии власти национального правительства. При нем и восторжествует, как считает Александр, подлинная Белорусская православная церковь. Иерархия БАПЦ в Америке устанавливает связи с представителями Константинопольского патриар-

¹⁶ Слесарев А. В. Белорусская Автокефальная Православная Церковь в изгнании URL: <http://www.anti-raskol.ru/pages/57/05.02.2011> г.

хата, надеясь в будущем на содействие в утверждении автокефалии в Белоруссии.

На Американском континенте имеется несколько юрисдикций, которые себя относят к греческой православной традиции. К ним следует причислить: Автокефальную Греческую восточную православную католическую апостольскую церковь в Северной Америке, Независимую Греческую православную церковь Соединенных Штатов, Итало-Греческую православную церковь Америки и Канады, Греческую православную миссионерскую архиепископию Америки.

Автокефальная греческая церковь, просуществовав около трех десятилетий, то есть с 30-х до начала 60-х гг., распалась после кончины ее основателя архиепископа Арсения (Салтаса). Однако ныне некоторые архиереи и общины в Америке начинали свою деятельность именно в этой неканонической структуре. Независимая Греческая православная церковь ведет свое начало от старостильного движения, возникшего в Греции. Она немногочисленна, управляет ею один архиерей – епископ Сан-Францисский Илия (Шинкевич). Он проповедует далекое от православного воззрение на современные взаимоотношения полов. Его взгляды близки к тем, которые распространяют некоторые представители протестантских объединений, а именно о разрешении однополых браков и снижении ответственности мужчины в семье. Итало-Греческую церковь в 1997 г. создал Стивен Дж. Энеа. Епископскую хиротонию над ним совершил архиепископ Тимофей (Афанасиу), руководящий «Истинно-православной церковью Греции и диаспоры». До провозглашения церкви существовали отдельные структуры итало-греческой традиции. По мнению приверженцев церкви, ее истоки уходят в первые века христианства и в дальнейшие периоды его истории. На острове Сицилия в религиозной практике поселившихся на нем греков возобладала православная традиция. В XIX в. представители некоторых общин иммигрировали в Америку и здесь обосновались, существуя независимо от какой-либо юрисдикции. Однако впоследствии они вошли в связь с греческими старостильниками. В титуле примаса этой церкви упоминаются Сиракузы, а полностью он звучит, как епископ Утики, митрополит Сиракузский, Американский

и Канадский. Более того, он наделяется с 2004 г. титулом «Местоблюстителя архиепископского престола в Сиракузах». Греческая архиепископия в Америке основывалась в 1970 г. епископом Американским Панкратием (Врионисом). При всей своей неканоничности, ее руководство претендует на преемство от Русской православной церкви, Русской православной церкви заграницей и Албанской православной церкви. К 2002 г. насчитывалось 42 прихода и 8 монастырей. При сохранении православной греческой традиции в англоязычных приходах допускается латинская традиция богослужения и совершение годичного круга по григорианскому календарю.

В Латинской Америке одной из крупнейших неканонических юрисдикций является Православная церковь в Латинской Америке. Основой ее формирования были общины, созданные Румынским патриархатом, Антиохийской церковью и отчасти Украинской автокефальной православной церковью. Ее основателем стал выходец из монашеской среды Румынской православной церкви архиепископ Хризостом (Цели). Окончательное ее утверждение произошло в сентябре 2010 г. Церковь имеет разветвленную структуру, ее общины, монастыри, учебные заведения находятся в Эквадоре, Колумбии, Венесуэле, Бразилии, Коста-Рике. Многие из них в перечисленных государствах прошли регистрацию, однако руководитель церкви имеет тяготение к возвращению под юрисдикцию Румынского патриархата.

В Закавказье, а именно в Абхазии и Южной Осетии, среди некоторых клириков уже много лет назад появилась тенденция отделиться от Грузинской православной церкви. Такое желание вызвано сложившейся общественно-политической ситуацией. Как в Южной Осетии, так и в Абхазии усугубились настроения, связанные с утверждением политической самостоятельности этих территорий, что же касается церковного вопроса об отделении от Грузинской православной церкви, то он коренится в истории. Были долгие периоды, когда и там, и там православные структуры не находились в союзе с Грузинской церковью.

В Южной Осетии существующая Аланская епархия воссоздана на исходе XX в. Еще в период раннего и средневеко-

вого христианства осетины–аланы восприняли православие из Византии и долгое время действовала Аланская епархия, получившая статус митрополии. В начале XIX в., при включении Грузии в состав Российской империи Грузинская церковь получила статус Экзархата, к нему и была присоединена Аланская епархия.

В период распада Советского Союза Грузия стала независимой. Такие территории как Южная Осетия и Абхазия, претендующие на государственную самостоятельность, продолжают считаться Грузинской церковью каноническими. Однако внутри Южной Осетии и Абхазии получила развитие тенденция, приведшая к выходу православных структур на этих территориях из–под юрисдикции ГПЦ. В итоге в Южной Осетии православная община вначале вошла в состав Русской православной церкви за границей. Но после раскола РПЦЗ(Л) и РПЦЗ(В) Южно–Осетинское благочиние порвало связи с РПЦЗ.

К тому времени благочинием руководил игумен Георгий (Пухатэ). Он начал переговоры с митрополитом Оропостским и Филийским Киприаном (Куцумбасом) – председателем «Синода Противостоящих» церкви ИПХ Греции. Благочиние после переговоров было принято в эту старостильническую структуру. Ей придали статус Аланской митрополии (таковая была некоторое время в досоветский период). В 2005 г. о. Георгий был хиротонисан в сан епископа.

В Абхазии тенденция к самостоятельности православной общины завершилась объявлением в сентябре 2009 г. Абхазской православной церкви. Руководство ею осуществляется священником Виссарионом (Аплиа).

Однако Грузинская церковь формально оставляет за собой архипастырство за православными Южной Осетии и Абхазии. Назначенные на эти кафедры архиереи остаются в штате с теми же титулами, но находятся вне этих республик, чаще всего в Тбилиси.

Есть и другая сторона разразившегося конфликта. У православного населения этих территорий есть тяготение к установлению канонических отношений с Русской православной церковью. Но верная Правилам Вселенских соборов и осознавая, что может спровоцировать конфликт с Грузин-

ской церковью, Русская церковь не идет на такое сближение с православными общинами Южной Осетии и Абхазии.

К настоящему времени в Абхазии образовались две группы православных – одной продолжает руководить священник Виссарион (Аплиа), тяготеющий к связям с Московским патриархатом. Образуется и вторая группа, которая более радикально настроена к утверждению самостоятельной церкви. Она устанавливает связь и ищет поддержки от Константинопольского патриархата. Лидерами этой группы являются заштатные клирики Московской патриархии священники Дорофей (Дбар) и Андрей (Ампар). В январе 2012 г. в средствах массовой информации появились сообщения о встрече в Фанаре патриарха Константинопольского Варфоломея с Дорофеем. После встречи Вселенский патриарх Варфоломей I заверил православных Абхазии в том, что Вселенская патриархия сделает все возможное для канонического разрешения церковного положения в Абхазии.

В Австралии один из значительных расколов произошел совсем недавно, в 2009 г. Здесь еще в конце XIX в. появились греки-иммигранты и они находились в юрисдикции Константинопольского патриархата. Была создана Федерация греческих православных общин Австралии, однако в Федерации возникло стремление получить церковно-административную независимость от патриархата.

Раскол появился не вдруг. Ему предшествовали возникавшие конфликтные ситуации между руководством Федерации и Фанаром. В 2009 г. Федерация объявила о выходе большинства общин из юрисдикции Константинопольского патриархата и переходе в юрисдикцию «авксентьевского» синода церкви ИПХ Греции (ветвь греческого старостильного раскола). Синод утвердил отдельную епархию, поименовав ее «Священной Митрополией Австралии и всея Океании». Однако местное руководство дало ей второе название «Автокефальная православная церковь Австралии и Америки».

Одна из особенностей появившейся старостильнической структуры – сохранение во многих приходах бывшей Федерации употреблявшегося ею прежде нового календарного стиля в годовом круге богослужений. Синод церкви ИПХ

Греции не противодействует этому, но со стороны других старостильнических ветвей подвергается критике.

Есть также в Австралии небольшое число общин Македонской православной церкви, которая также не признана в качестве канонической Поместными церквями Вселенского православия. Были здесь структуры и Русской православной церкви за рубежом. Поскольку произошло объединение РПЦЗ с Матерью–Церковью, пока неизвестно, объединились ли эти структуры в Австралии.

Исследование многообразия и географии распространения юрисдикций, позиционирующих себя православными, но не относящихся ни к одной из поместных церквей Вселенского православия, дает возможность отметить следующее.

Расколы распространены во многих странах мира. Можно выделить регионы и страны, в которых возникает наибольшее число структур альтернативного православия. Их численное преимущество наблюдается в России, на Балканах, на Американском континенте, в Украине. Можно также отметить многообразие причин происхождения расколов, которые кроются, прежде всего, в социально–политической обстановке государств и в изменяющейся религиозной ситуации. Многое зависит от личностных качеств руководителей общин или других структур – епископов и клириков. Социальные условия, в которых действуют расколы, вносят в богослужебную и каноническую практику новации, которые противоречат канонам православия. Примером могут служить хиротонии, для участия в которых приглашаются епископы инославных конфессий.

При всей преобладающей раскольнической идеологии в некоторых регионах и странах между юрисдикциями альтернативного православия заметно стремление к объединению отдельных юрисдикций.

2015 г.

ОТ «ФЕДЕРАЦИИ» ЦЕРКВЕЙ – К ВСЕПРАВОСЛАВНОМУ ЕДИНСТВУ. СМЫСЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕДСОБОРНЫХ СОВЕЩАНИЙ. [93]

За столетия, прошедшие со времени VII Вселенского собора (787 год), в православии накопилось много проблем, связанных с сохранением и укреплением единства Церкви: богословских, богослужебных и, особенно, канонических. Отчасти они решались на Соборах поместных Церквей, на некоторых Соборах, в которых участвовали отдельные представители Церквей, а также на редко проходивших совещаниях. И все-таки в Церквах появилось разномыслие в решении важных вопросов.

Каждая Церковь находится и действует в конкретных социально-политических, экономических и иных социальных условиях. Но когда секуляризационные процессы (а они наблюдаются во всех странах) стали заявлять о себе все громче, в православных Церквах появилось особенное стремление прийти к единству взглядов в рамках назревших проблем. Так началась подготовка к Всеправославному собору. Одним из участников этой подготовки, наряду с другими православными Церквами, является Русская православная церковь (Московский патриархат) в лице ее представителей – видных иерархов, богословов, профессоров духовных школ и сотрудников Отдела внешних церковных связей (ОВЦС).

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Одной из попыток созыва Всеправославного собора следует считать деятельность Подготовительной комиссии к Предсобору, созданной в 1930 году. Непосредственное же начало подготовки Всеправославного собора было положено на I Всеправославном совещании на о. Родос в сентябре 1961 года, созванном, согласно существующему диптиху чести, патриархом Константинопольским Афинагором (Спиру).

Представители поместных православных Церквей разработали перечень тем для предполагаемого Предсобора (более 130), объединенных в следующие разделы: вера и догмат; богослужение; управление и церковный строй; взаимоотношения между православными Церквями; взаимоотношения Православной церкви с остальным христианским миром; православие в мире; общеправославские темы; социальные проблемы.

В ходе подготовки документов имело большое значение IV Всеправославное совещание, проходившее в Шамбези в 1968 году. Подготовку решено было осуществлять путем проведения серии предсоборных всеправославных совещаний, не созывая Предсобора. Для осуществления решений по созыву Собора были созданы секретариат и комиссия, состоящая из одного иерарха и одного консультанта от каждой из Церквей.

Межправославная подготовительная комиссия должна была готовить материалы для совещаний на основе представляемых поместными Церквями проектов и докладов. Однако в 1976 году в этой деятельности не смогли принять участие автокефальная Православная церковь в Америке и автономная Японская православная церковь (о чем делегация Русской церкви выразила официально сожаление) по причине неполучения приглашений, которые рассылаются патриархом Константинопольским.

Представители церквей пересмотрели принятый I Всеправославным совещанием каталог тем и на его основе составили краткий список, включающий 10 разделов: православная диаспора; автокефалия и способ ее провозглашения; автономия и способ ее провозглашения; диптихи; вопрос об общем календаре; препятствия к браку; приспособление церковных постановлений о посте; отношение православных Церквей к прочему христианскому миру; православие и экуменическое движение; вклад поместных Церквей в торжество христианских идей мира, свободы, братства и любви между народами и устранение расовой дискриминации. Среди прочих тем было предложено обсуждение празднования Пасхи всеми христианами в один день.

Как правило, участники встреч приходили к единому мнению по всем темам, обсуждавшимся в комиссиях и на совещаниях. Каждая тема повестки дня будущего Собора готовилась путем достижения единого мнения, без применения голосования. Голосование проводится лишь по организационным и техническим вопросам.

III Всеправославное предсоборное совещание 1986 года предложило для обсуждения следующие 4 темы: диаспора, автокефалия и способ ее провозглашения, автономия и способ ее провозглашения, диптихи. По мнению участников, «эти четыре темы представляют глубокую внутреннюю связь и взаимную зависимость, потому что опираются на то же самое многовековое каноническое предание или церковную практику Православной церкви и имеют аналогичное прямое или косвенное отношение к ее современным каноническим проблемам, особенно к тем, которые связаны с единством Церкви». IV Предсоборное совещание, а затем и Собор, как свидетельствовали его подготовители, может состояться тогда, когда будет достигнут единый взгляд по всем четырем темам его повестки дня и будут приняты по ним соответствующие документы.

ПРОБЛЕМА ЦЕРКОВНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

За период подготовки к Всеправославному совещанию некоторыми поместными Церквами уже были внесены для рассмотрения предложения по вопросам о диаспоре, предоставлению автокефалии и автономии. Анализ представленных докладов показывает, что выбор канонических или исторических критериев разнообразен, так как эти критерии были по-разному истолкованы канонистами в теории для того, чтобы служить конкретным тенденциям, касающимся функционирования данного института в новейшее время, особенно же в рамках создания православными народами национальных государств. В этом смысле сформировались совпадающие и расходящиеся подходы и толкования.

Расходящиеся подходы касаются способа провозглашения автокефалии, а совпадающие – в основном каноническо-

го содержания и значения этого института для единства Православной церкви. Другими словами, доклады исходят из канонического предания и практики института автокефалии, а стороны используют в качестве герменевтических критериев или общую эkkлeзиологическую инфраструктуру, или же разнообразную интерпретацию исторического применения института в Церкви. Доклады содержат некоторые значительные различия по отношению к компетентной церковной власти в ведении процедуры и в принятии окончательного решения по поводу провозглашения или упразднения автокефалии какой-либо Церкви. Из всего вышесказанного видно, что в сознании Церквей вопрос автокефалии касался компетенции всей Церкви в целом.

В раннем Средневековье общие соборы восточных Церквей или домашние Соборы Вселенского престола в Константинополе, которые в церковной практике на Востоке заняли место Соборов со значительным количеством участвующих и стали наиболее авторитетными, получили возможность принимать решения по вопросам управления общего характера. Следовательно, под председательством Вселенского патриарха и выражая мнение патриарших престолов Востока, местные Константинопольские соборы обладали полномочием провозглашать автокефалию Церкви и поставлять святителей вплоть до патриарха.

Вся Православная церковь в своей канонической административной совокупности провозглашает какую-либо поместную Церковь автокефальной, поэтому произвольное, самовольное или одностороннее провозглашение группой автокефальных православных Церквей, не служащее единству Православной церкви и нарушающее каноническое предание, является антиканоничным.

Органом, отвечающим за провозглашение автокефалии, являлся Всеправославный собор. В исключительных случаях возможно провозглашение какой-либо Церкви автокефальной единогласным выражением воли всех Церквей, но и такое провозглашение – применением эkkлeзиологическо-икономии – завершается только решением Всеправославного собора. Самостоятельное право каждой Церкви даровать автокефалию конкретной части ее юрисдикции, если имеются

все необходимые конкретные предпосылки, выделяется в докладах Церквей России, Румынии, Болгарии и Польши, в том смысле, конечно, что и всеправославное мнение признает это одностороннее решение. Обычно нормой образования новых Церквей является воля епископата уже существующих автокефальных Церквей. При этом компетенция Собора автокефальной Церкви ограничивается ее собственной территорией. Собор епископов может как провозглашать новую автокефалию части своей Церкви, так и отказаться от независимости, решив присоединить ее к другой Церкви с согласия последней.

В докладе Румынской церкви на основе апостольских канонов 34, 35 и 37, а также канонов 2, 3 и 12 IV Вселенского собора подчеркивается: «Автокефальные Церкви, устроенные по этническому принципу, существовали как до, так и после Вселенских соборов, в то время как другие такие Церкви были созданы постановлением этих Вселенских соборов. Однако из этого не вытекает, что лишь Вселенский собор имеет право предоставить какой-либо Церкви полную и необратимую автокефалию». Наоборот, становится ясно, что каноническое установление автокефалии существовало и может существовать независимо от Вселенского собора и что такие Соборы специально не предвидят и не дают повода думать, что невозможно создать полную и необратимую автокефалию иначе, как их решением. Практика церковной жизни выработала разнообразные формы установления различных церковных единиц, а именно: некоторые создавались непосредственно, применением иерархического и соборного принципа в их становлении как независимых единиц; другие – актами провозглашения автокефалии со стороны некоторых уже существовавших Церквей. Церковь–мать, ответственная одновременно за поддержание всеправославного единства и канонического порядка, должна проконсультроваться с остальными Церквями для предварительного достижения с ними согласия об уместности положительного ответа на ходатайство о такой автокефалии. По достижении консенсуса, Церковь–мать синодальным решением, вписанным в официальный акт, обычно именуемый Синодальным томо-

сом, должна формально признать за Церковью—дочерью просимую ею автокефалию.

В случае, когда Церковь, состоящая из нескольких епархий и отвечающая условиям, необходимым для существования и действия в качестве автокефальной Церкви, ходатайствует об автокефалии и не встречает содействия со стороны Церкви, от которой она канонически зависит, она может апеллировать к всеправославному решению.

В докладе Болгарской церкви на основе апостольских канонов 34, 35, 37 и 2 канона III Вселенского собора, 12 канона IV Вселенского собора говорилось: «Не вызывает сомнений право вселенского епископата создавать автокефальные Церкви. Но Вселенские соборы, как явления чрезвычайные в повседневной жизни Церкви, не имели возможности подробно разрешить такие особые вопросы, как вопрос автокефалии. В своей законодательной деятельности они лишь выработали и провозгласили наиболее общие принципы церковного устройства. Для создания автокефальных Церквей не переменным фактором было и есть соизволение иерархии автокефальной Церкви, уже существующей и признанной. Эта иерархия имеет постоянную власть и обладает законным правом создавать новую автокефальную Церковь или соединиться с другой Церковью, действуя от имени всего вселенского епископата через свои органы – Соборы. Таким образом, автокефальная Церковь может предоставлять автокефалию лишь той своей части, которая находится в границах ее собственной юрисдикции. Действия наперекор этому основному каноническому принципу были бы нарушением неприкосновенных прав других автокефальных Церквей...»

Из вышеизложенных тезисов Церквей становится ясно, что основные расхождения относятся не к самой сути института автокефалии, а, в основном, к способу ее провозглашения, то есть к установленной процедуре и к компетентной церковной власти, начинающей эту процедуру.

В докладах некоторых других православных Церквей активизация процедуры провозглашения автокефалии какой-либо поместной Церкви представляется как привилегия Церкви-матери, которая, оценив существующие предпосылки, может, в принципе, принять ходатайство любой части ее

административной юрисдикции, или на основе права, которое гласит, что всякая Церковь может в одностороннем порядке даровать то, что она сама имеет (Московский патриархат), или же просто как само собой разумеющееся каноническое право всякой автокефальной Церкви-матери (Русская, Румынская, Болгарская и Церковь Польши).

Таким образом, обозначились два подхода к провозглашению автокефалии. Первый настаивает на абсолютной компетенции в этом Всеправославных соборов; второй настаивает на компетенции материнских Церквей.

НОВЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ МИР

С распадом СССР и некоторых государств восточной Европы предсоборные совещания были приостановлены, и возникли трудности в их возобновлении. Правда, была попытка их продолжить, однако этому обстоятельству помешали отношения между Русской православной церковью и Константинопольским патриархатом в связи с тем, что последний взял под свою юрисдикцию Эстонскую апостольскую православную церковь (ЭАПЦ). Как отмечали СМИ, с 28 февраля по 2 марта 1999 года в Шамбези должна была состояться межправославная конференция по подготовке Собора. Тема встречи звучала так: «Автокефалия и автономия в Православной церкви и способ ее получения».

На конференцию прибыли представители всех православных Церквей. Но делегация Московского патриархата отказалась принимать участие в заседаниях, на которых должны были присутствовать представители ЭАПЦ.

Стремление председателя конференции митрополита Эфесского Хризостома Константинидиса решить проблему и провести заседание не увенчалось успехом. После частных консультаций председателя и представителей Церквей, и одного общего заседания было решено перенести конференцию на другое время. Здесь же семью представителями было выражено единодушное желание как можно скорее собрать материалы для проведения Собора, который планировался на начало нового тысячелетия. Однако прошло несколько со-

вещаний. Многие из них собирались по чрезвычайно насущным вопросам, связанным с внутренней или внешней церковной деятельностью. Подобные ситуации складывались в Иерусалимской и в Румынской церквях. Болгарская православная церковь пригласила представителей поместных Церквей на совещание в связи с произошедшим расколом Церкви и отошедшей от нее группы митрополита Иннокентия (Петрова).

Только 7 июня 2009 года, в праздник Троицы, в Православном центре Константинопольского патриархата в Шамбези состоялось открытие IV Всеправославного предсоборного совещания. Темой обсуждения стал вопрос канонического обустройства православной диаспоры. Московский патриархат на данном собрании представляла официальная делегация под руководством председателя ОВЦС архиепископа (ныне митрополита) Волоколамского Илариона (Алфеева). Работа совещания проходила под председательством митрополита Пергамского Иоанна Зизиуласа (Константинопольский патриархат).

Следует заметить, что Константинопольский патриархат на основании расширенного смыслового толкования 28 канона Халкидонского собора отстаивает право своей юрисдикции над всеми православными общинами диаспоры. Под последней подразумеваются общины как самого Константинопольского патриархата, так и остальных автокефальных Церквей, существующие за пределами признанных Константинополем их канонических границ.

Решения предсоборного совещания предполагают образование епископских собраний (ассамблей) в ряде регионов мира (как было отмечено выше, они уже действуют в некоторых местах), которые будут принимать общие решения на основе консенсуса. Такого рода собрания будут возглавляться представителями Константинопольского патриархата. При этом членами епископских собраний будут все канонические епископы, признанные всеми православными Церквями и имеющие общины в данном регионе.

Принятые на IV Всеправославном предсоборном совещании документы включают в себя среди прочего регламент, определяющий основы деятельности епископских собраний

в православной диаспоре. Председательство представителей Константинопольского патриархата в этих условиях не дает реальной власти. Все полномочия остаются даже не у епископов диаспорных общин, которые представлены в епископских собраниях региона, а у Церквей, которым юридически принадлежат эти общины.

Особое внимание было уделено вопросу единения вселенского православия. Здесь необходимо обратиться к докладу Константинопольского патриарха Варфоломея на Совещании предстоятелей православных церквей 10 октября 2008 года. Долгие годы считалось очевидным, что Православная церковь едина идеально, а реально является содружеством автокефальных Церквей. Патриарх Варфоломей особо настаивал на том, что православным христианам «необходимо большее единство, чтобы мы представлялись миру не как федерация Церквей, а как одна единая Церковь». Он делает вывод о том, что необходимо и видимое проявление единства. И это единство должно проявляться в возрождении практики созыва Вселенских соборов, на которых, по мысли патриарха, должны присутствовать все православные епископы мира. В остальное время единство может являться при посредничестве Константинопольского патриархата, поскольку исторически «был сформирован определенный канонический порядок, с помощью которого координирующая роль этой патриархии гарантировала единство Православной церкви без ущерба или ущемления самостоятельности поместных автокефальных Церквей каким-либо вмешательством в их внутренние дела».

При этом патриарх Варфоломей говорит о том, что автокефальные православные Церкви не имеют прав на абсолютную самостоятельность в вопросах всеправославного взаимодействия. Он прямо заявил о недопустимости толкования автокефалии как основания для полной самостоятельности в вопросах общецерковной значимости: «Именно в этом и заключается здравый смысл института автокефалии, поскольку в то время, как он гарантирует независимость внутренней жизни и устройства каждой Церкви, то, когда вопросы касаются всей Православной церкви и ее отношений с теми, кто вне ее, каждая автокефальная Церковь не действует самосто-

тельно, а в координации с остальными православными Церквями. Если эта координация исчезнет или ослабнет, то автокефалия превращается в «автокефализм», т. е. становится фактором разделения, а не единства».

Понимание Православной церкви как федерации или конфедерации Церквей является следствием проникновения в церковное сознание преклонения перед нацией («филетизм») или государством («этатизм»). При этом патриарх Варфоломей подчеркивает, что этатизм есть явление «худшее», чем филетизм. Существуют явления и хуже этатизма – это его смесь с этнофилетизмом.

9 марта 2014 года предстоятели поместных православных Церквей, собравшиеся в Стамбуле, после длившихся более 80-ти лет совещаний, приняли решение созвать и провести Всеправославный собор в 2016 году. На недавнем совещании в январе с. г. в Шамбези было решено, что Собор состоится в июне на острове Крит. Судя по сообщениям СМИ, наиболее острые вопросы, связанные с единством православия, такие как порядок предоставления автокефалии Церквам, не будут вынесены на обсуждения и отложены на следующий Собор¹⁷.

2016 г.

¹⁷ 17-26 июня Всеправославный собор состоялся на о. Крит. Однако из-за некоторых разногласий между отдельными поместными церквями на нем присутствовали представители не всех церквей. Руководство Московской патриархии в средствах массовой информации отметило, что это был Собор предстоятелей и иерархов десяти поместных православных церквей. Отсутствовали предстоятели и представители Антиохийской, Болгарской, Грузинской, Русской церквей. Они отказались от участия в Соборе незадолго до его открытия.

ЦЕРКОВНЫЕ РАЗДЕЛЕНИЯ В ПРАВОСЛАВИИ: ИХ КЛАССИФИКАЦИИ И ТИПОЛОГИЯ. *

С целью глубокого изучения всего многообразия религий с середины XIX в. представители различных отраслей знаний: истории, лингвистики, этнографии, социальной философии начинают заниматься классификацией и типологизацией религий. К XX в. были составлены общие типологии¹. Однако ввиду того, что многие религии имеют разделение на различные направления, школы, течения, конфессии, начинается типологизация этих разделений в религиях: индуизме, иудаизме, христианстве, исламе и в др. Особо пристальное внимание представители философии и социологии религии уделяли и до сих пор уделяют классификации разделений в христианстве. Проводится в нём и типология организационных форм. За рубежом появилось много публикаций, в которых уточняются такие понятия, как церковь, секта, деноминация². Составление типологий шло одновременно с утверждением методологии изучения религий. В этом во многом преуспели зарубежные исследователи. В современной России был воспринят положительный опыт зарубежной методологии, который получил дальнейшее развитие на основе изучения отечественных материалов – эмпирических знаний о религии³.

Актуальность типологизации религий и их направлений, а также структурных формирований, помимо углубленного изучения имеет и практическое значение. Оно связано с выработкой отношений общества ко всему многообразию религий, а также с налаживанием и поддержанием нормальных межрелигиозных и государственно-конфессиональных отношений.

В данной статье сделана попытка составить типологию церковных разделений в православии.

* Основные положения настоящей статьи были изложены автором на научно-практической конференции «Классификация религий и типология религиозных организаций» (МГУ им. М. В. Ломоносова, 20.03.08 г.).

Однако, типологизация – задача очень сложная и, прежде всего, потому, что в православии существует большое многообразие разделений и расколов. В настоящее время наряду с каноническими автокефальными поместными церквями действуют около ста не подчиняющихся им независимых структур. В России их более тридцати.

Классификации и типологии можно встретить у церковных и светских авторов. Вначале необходимо остановиться на анализе типологий представителей конфессий.

Обратимся к классификации, разработанной организаторами сайта «Иерархия церквей»⁴. Их классификация представлена в разделах, в которые в систематизированном виде включены те или иные типы или группы структур православия. В разделах авторы прибегают к понятию мировое православие, включая в него автокефальные церкви и входящие в них автономные. Все они определяются как канонические. Из пятнадцати автокефальных церквей выделяются структуры Константинопольского патриархата. Среди них: Эстонская православная апостольская церковь, Украинская православная церковь Канады, Карпато-русская православная церковь. Они не включены в список автономных церквей. Видимо, они имеют особые статусы в Константинопольском патриархате. В разделах выделяется «Альтернативное» православие в мире. В него включены: Македонская православная церковь, Черногорская православная церковь, Независимая Болгарская епархия в Америке, Румынский православный епископат Америки. Выделяются также Греческие старостильные и Украинские церкви. К отдельному типу авторы относят Русские «альтернативные» православные церкви в количестве 30 независимых формирований. В обозначении некоторых православных структур вводится такое понятие, как «Внешне православные церкви», в которые включены: Турецкая православная церковь, Американский Всемирный Патриархат, Объединенная американская православная католическая церковь, Православная церковь Италии, Итало-Греческая Православная церковь в Америке и Канаде.

Далее в этой классификации существует раздел "Обновленчества", в который включены большей частью уже несуществующие обновленческие церкви. Следующий раздел –

"Околоправославные структуры", которые, по мнению авторов, сохраняют внешние признаки православия, но при этом "довольно да-леко от него отошли": Фёдоровцы, Церковь матушки Фотинии, Украинская реформаторская православная церковь, Православная Церковь Божией Матери Державная, Православно-католическая Церковь, Евангелическая Православная Церковь. Судя по содержанию сайта, с конфессиональной стороны он создан приверженцами православия. При всех основаниях и критериях, на которые опираются авторы в составленной классификации, сами разделы или типы православия не имеют точных понятийных определений. Отсюда трудно представить сами критерии, на основании которых выделяется тот или иной раздел или тип. Одно из главных достоинств сайта – наиболее полное представление православных формирований, большей частью действующих в мире в настоящее время.

Свое деление, но на основе критерия, указывающего на существование идейных направлений в православии, предлагает священник Русской православной церкви – Московской патриархии Даниил Сисоев⁵. Многообразие направлений он терминологически именует правыми и левыми. Вскрывая причины появления этих крайностей, О. Даниил обращает внимание на влияние дьявола как врага рода человеческого, который обольщает людей соблазном прогрессизма. Им это называется «искушение левизны». С другой стороны, по мнению автора, дьявол «ловит тех, кто шарахается от первого искушения на приманку мнимой ревности и фальшивого традиционализма – следования преданиям человеческим». Это – «искушением правизны». Некоторые структуры направлений имеют лишь историческое значение и ныне не существуют. Другие – появились в XX – н. XXI в. К правым он относит отпадения, которые были почти в каждом веке. В наше время число отпадений увеличилось значительно и затронуло несколько Поместных Церквей. В Греции возникло 12 «старостильных» организаций, в Сербии – зарубежная церковь (этот раскол преодолён). В России, начиная с 20-х годов, возникли Катакомбные церкви. Утвердилась Зарубежная православная церковь.

К левому крылу относит: несторианство, протестантизм, униатство, обновленчество, экуменизм. Классификация разделений в православии О. Даниила Сысоева далеко не полна, но она указывает на тенденции, которые могут привести к новым расколам.

Представляет интерес классификация Игумена Прокла (Васильева) из Российской православной автономной церкви, не подчиняющейся русской православной церкви – Московской патриархии. Его последняя публикация называется «Православная кафолическая церковь в эпоху апостасии»⁶. В этой историко-церковной и богословской работе заметно стремление к типологизации православия. В последней части работы автор делит все православные формирования на две группы, или типа: мировое православие, т. е. то, что называется Вселенским православием, куда входят пятнадцать автокефальных церквей. Им они объединяются не потому, что относятся к каноническим, а потому, что они участвуют в экуменическом движении. Они модернизируются, многие из них перешли на новый календарный стиль. Вторую группу он называет «истинным православием», т. к. его структуры не связаны с экуменизмом, держатся, как считает игумен, в выработанных в истории православия традициях, их малая часть приемлет старый календарь. Сюда же он включает русские зарубежные церкви, не объединившиеся с Московской патриархией, Истинно-православные церкви, а также Катакомбные. В особенном положении у Игумена Прокла находятся старообрядцы, которые, по мнению автора, представляют русское явление. По его замечанию, их организации достаточно замкнуты и не предпринимают усилий к умножению числа своих приверженцев, а также стоят в стороне от всех споров, терзающих православный мир. Как нечто особенное он выделяет униатов, по характеристики автора «находящиеся в полном литургическом общении с Римской церковью, более или менее латинизированные, полностью разделяющие все современные недуги своих латинских единоверцев».

Таким образом, в классификациях православных авторов заметны задачи и цели их составления. К задаче относится показ православия во всем его многообразии и в то же время

выделение канонического и неканонического православия, пребывающего в расколе. В некоторых классификациях, с одной стороны, ярко выражена негативная оценка самих расколов, в частности, у священника Даниила. С другой – у представителей, не подчиняющихся поместным церквам, заметна критичность по отношению к вселенскому православию. В этой критичности обращается внимание на несогласие с идейными положениями, существующими в среде поместных церквей, в частности, Русской православной церкви, и критика обновленческих тенденций в православии. В первом случае ставится цель преодоления расколов. Во втором, хотя может быть такая цель прямо не ставится, но воззрения ведут к усугублению расколов.

Теперь обратимся к книге «Восточные христианские церкви. Церковно-исторический справочник»⁷ Рональда Робертсона, священника Римско-Католической церкви.

Первое издание книги вышло в 1986 г., после чего она несколько раз переиздавалась на различных языках. На русском языке была опубликована за год до празднования 2000-летия христианства. В книге православие представлено в самом широком смысле. Всё православие автор обозначает общим термином «восточное христианство». Включенные в его классификацию церкви, возникшие после Халкидонского собора (556 г.), получили название нехалкедонские церкви – это ассирийские, монофизитские, несторианские. Свою классификацию он доводит до включения в неё униатских церквей. У автора есть несколько принципов, на основе которых он проводит свою классификацию. Один из них – это деление на канонические церкви, в которые включаются сама Римско-Католическая и поместные православные церкви. Нехалкедонские Робертсон относит к неканоническим. Однако следует заметить толерантное отношение к последним. В частности, такие наименования, как «монофизиты», «несториане» он не употребляет, поскольку считает, что это будет оскорбительно для них. Нередко в работе над общей типологией перед автором вставала проблема, как терминологически обозначить ту или иную религиозную организацию. Судя из текста книги, употребление слова “Церковь” носит чисто технический характер и не свидетельствует о

признании статуса той или иной “Церкви” как Церкви. Порой он вводит понятие «общность» (community), определяя им ту или иную Церковь. Таким образом, независимо от термина, обозначающего вид религиозной организации, все они включаются в Единую Соборную и Апостольскую Церковь.

Ещё один принцип, на основе которого Робертсон осуществляет классификацию, – это принцип общего происхождения или исторических корней. Но в данном случае не учитывается каноничность и неканоничность, то есть кто из разных церквей кого-либо не признаёт или признаёт. В своей классификации автор учитывает и миграционные процессы, существующие в религиозной ситуации в мире. Имеется в виду и историческое прошлое – наличие восточного христианства в Индии и процессы, происходившие в XX в., – появление восточно-христианских церквей, в частности, и православных, в Америке и в Западной Европе.

Относительно евхаристического общения выделяются группы церквей или четыре независимых восточно-христианских сообщества:

Ассирийская Церковь Востока, не находящаяся в евхаристическом общении ни с какой другой Церковью; Шесть Ориентальных Древневосточных Православных Церквей (Армянская, Маланкарская, Коптская и др.), которые, будучи полностью независимыми, находятся в евхаристическом единстве друг с другом; Православная Церковь, являющаяся сообществом национальных и региональных Церквей, признающих Вселенского (Константинопольского) Патриарха «первым среди равных» (это то, что принято называть Вселенским православием, в котором все церкви находятся в евхаристическом общении); Восточно-католические (униатские) Церкви (всего 19), находящиеся в единстве с Римской Церковью и ее епископом.

Далее в своей классификации автор выделяет тип церквей под общим названием «отделившиеся». К таковым он, например, относит отделившиеся: от Ассирийской церкви Востока, от Древних Восточных церквей, от Православных поместных церквей.

Наконец, он выделяет тип Православных церквей «неопределённого статуса»⁸: Украинская Православная церковь

(Киевский Патриархат), Русская зарубежная церковь, Белорусская автокефальная Православная церковь, Македонская Православная церковь и др.

Очевидно, главной задачей написания этой книги было разобраться, что из себя представляет в конце XX в. православие, дать общие сведения о каждой из Восточных Церквей и указать на их взаимоотношения, поместив каждую в свой исторический, географический, вероучительный и литургический контекст. Главная цель написания и публикации книги и составленная в ней типология – в нормальном русле строить взаимоотношения Римско-Католической церкви с православными церквями.

Среди отечественных авторов представляет большой интерес классификация религий⁹, составленная П. И. Пучковым. Особое место в ней он отводит христианству, в котором выделяется пять направлений¹⁰: православие, католицизм, протестантизм, монофизитство, несторианство и три маргинальных направления: маргинальный протестантизм, маргинальный католицизм и маргинальное православие. В православии, в его узком понимании, т. е., отделяя монофизитство и несторианство, на первое место ставится «собственно православие». Сюда включаются автокефальные поместные церкви с их автономными церквями. Правда, список автономных церквей далеко не полный и не включает церкви, которые в последнее время вошли в состав автокефальных церквей. Следующий раздел, или тип получил у автора название «Православные церкви, не признанные другими православными церквями». К примеру, сюда вошли: Истинно православная церковь (Россия), Истинно православные христиане (Россия и другие страны СНГ), Истинно православные христиане-молчалиники (Россия), Основное звено Христа (Украина), Украинская православная церковь Киевского патриархата, Украинская автокефальная православная церковь. Далее следует «Старообрядчество» (18 церквей, толков и согласий), затем отдельный тип, или раздел «Маргинальные секты, отколовшиеся от православия» (Духовные христиане – хлысты, малеванцы, скопцы, духоворцы, молokane и др.). Завершается этот раздел подразделом «Другие маргинальные секты, отколовшиеся от православия»

(Иоанниты, Федоровцы, Николаевцы, Имяславцы, Иннокентьевцы, Богородичный центр, Церковь Льва Толстого). Представленная типология во многом отражает наличие православных объединений в мире. Однако, отчасти некоторые названные структуры, скорее всего, канули в Лету, т. е. имеют лишь историческое значение. С другой стороны, типология неполна. В ней отсутствуют структуры, появившиеся в мире за последнюю четверть XX в. и в н. XXI в. Некоторые названия необходимо уточнить, как, например, Богородичный центр. Уже несколько последних лет он отсутствует в реестрах Министерства юстиции РФ. В них включена Православная церковь Божьей Матери Державная, которую до сих пор отождествляют с Богородничьим центром. Большие изменения произошли в группе истинно православных церквей. Они также не нашли отражения в представленной классификации или типологии. Очевидно, требует уточнения понятие «непризнанные». К примеру, таковой церковью для Константинопольской является Автокефальная православная церковь в Америке. Наконец, возникает еще два вопроса. Во-первых, по понятию «Отошедшие от православия», если имеется в виду от вселенского православия, то некоторые перечисленные структуры в нем не находились и, естественно, не отходили. Во-вторых, требует внимательного подхода интерпретация понятия «маргинальный». Четкие разграничения и объяснения критериев включения тех или иных структур в маргинальные у автора отсутствуют.

Представленная автором данной статьи типология учитывает опыт разработок классификаций религий зарубежных и отечественных светских исследователей, а также классификации, проведенные конфессиональными авторами. Типология основывается на сравнительном, системном, феноменологическом и морфологическом – структурно-функциональном методах.

Но, прежде чем перейти к типологии, задержусь на объяснении некоторых терминов, относящихся к обозначению структур, особенно на понятии «разделение», в православии. С давних пор идет попытка терминологически обозначить общности в церковных разделениях. Сюда входят такие понятия, как церковь, разделение, раскол, секта. Все они рас-

смаstrиваются с разных оценочных позиций, так как причастные к этому люди имеют разные мировоззренческие ориентации. Понятие «церковное разделение» традиционно чаще всего характеризуется как негативное. Однако оно может рассматриваться и как вполне объективно положительное явление в церкви. Здесь следует сделать некоторые уточнения, связанные с богословским объяснением «Что такое единство церкви?» С догматических позиций христианская церковь рассматривается как «мистическое тело Христа». С другой стороны, церковь «...есть от Бога установленное общество верующих во Христа»¹¹. В философии и социологии религии церковь определяется как социокультурное явление, включающее утвержденное вероисповедание, догматику, социальное учение, культовую практику и институциональные, т. е. организационные субструктуры. Церковь представляет собой единство в многообразии. Это многообразие выражено, прежде всего, в существующих крупных направлениях. Имеется в виду православие, католицизм, протестантизм. Вот это разделение оценивается как явление отрицательное. Направления уже не имеют одного центра и одного подчинения. В каждой конфессии, где больше, где меньше, существуют свои разделения, имеющие своих руководителей со своими центрами. Больше всего таких разделений в протестантизме. Меньше – в православии, и совсем мало в католицизме.

Что касается православия, то в нем существуют положительно оцениваемые юрисдикционные разделения, происхождение которых уходит в апостольские времена. Они основываются на географических или территориальных, отчасти национальных принципах. Речь идет об автокефальных поместных церквях, которые имеют своего предстоятеля. И это не противоречит единству вселенского православия. Итак, в современном православии на основе указанных подходов и принципов можно выделить четыре типа разделений.

К первому типу относится Вселенское, или Мировое православие, куда входят пятнадцать поместных автокефальных православных церквей. Их именуют также кириархальными, или Матерями-Церквами. Самая главная объединяющая их характеристика состоит в том, что все они находятся не

только в молитвенном, но и, что очень важно, евхаристическом общении. Любой представитель той или иной церкви может приобщаться к Св. Дарам в другой кириархальной церкви. Существует список всех этих церквей (диптих), который приемлет Русская православная церковь. На первом месте в нем Константинопольская церковь. На пятом – Русская православная церковь. А завершает его православная автокефальная церковь в Америке.

Юрисдикционные разделения, как было замечено, имеют свои принципы. В процессе существования православия возникали новые юрисдикции или автокефальные поместные церкви. Однако утверждения из самостоятельности – очень серьезная проблема в православии. Новые автокефалии, как правило, утверждались или на Вселенских соборах, или по определениям кириархальной церкви. Такой порядок давал возможность образуемой новой церкви продолжать находиться в единстве с остальными. В противном случае, если она без указанных определений объявляла о своей самостоятельности, то переходила в статус, по словам св. Василия Великого, «самочинного сборища» или «раскола».

В состав некоторых поместных церквей входят автономные с широкими или во многом ограниченными правами – Синайская – в состав Иерусалимской, Финляндская – Константинопольской, Японская, Украинская, Белорусская, Молдавская и ряд других – Русской православной церкви – Московского патриархата. Нередко они имеют самоуправление, Священный Синод. Но их предстоятель утверждается автокефальной церковью.

Помимо вселенского православия существуют церкви древневосточные – Ассирийская, Коптская, Сиро-Малабарская и другие, которые возникли после IV Вселенского собора, состоявшегося в Халкидоне (556 г.) Эти церкви получили название Нехалкидонских. В данную типологию они не включены и не анализируются, т. к. выпадают из Вселенского православия, церкви которого с ними не имеют евхаристического общения. По той же причине в данную типологию не включены и так называемые униатские церкви. В мире их существует несколько. На территории Российской империи одна из них получила название Греко-Католическая

церковь. Свое начало она ведет с 16 века, когда часть структур Российской православной церкви отошла от нее, заключив союз (унию) с Римско-Католической и стала подчиняться Понтифику – Папе Римскому. Таким образом, произошло первое разделение в русском православии, что усугубило отношения между ним и католицизмом. Греко-Католическая церковь долгое время сохраняла православную традицию в богослужбной и канонической практике, но в то же время она вбирает в себя многое из того, что присуще Римско-Католической церкви.

Ко второму типу можно отнести параллельные церкви и общины. Они выходят из-под юрисдикции Поместной церкви, но принимаются в состав другой. Чаще всего это параллельное состояние является временным. Однако представители кириархальной церкви начинают их называть раскольничьими. Нередки случаи, когда другой Поместной церковью они официально признаются и принимаются под ее юрисдикцию. Их еще можно назвать “переходящими”. Подобные структуры вызывают немало проблем, являясь объектом и причиной раздоров между Поместными церквами. В качестве примера можно назвать некоторые общины в Эстонии, а также часть общин Сурожской епархии (Англия), перешедших в последнее десятилетие из Московской патриархии в Константинопольскую. К этому типу вполне можно причислить Сухумо-Абхазскую епархию, которая теряет юрисдикционную связь с Грузинской православной церковью. В епархии заметна тенденция к независимости от нее. На пороге к переходу в этот тип находятся некоторые общины Латвийской православной церкви – Московской патриархии. В Латвии заметно стремление, поддерживаемое некоторыми клириками и мирянами, а также представителями националистических кругов, к возрождению Латвийской православной церкви, существовавшей в качестве независимой в период с I-ой до II-ой Мировых войн.

К третьему типу относятся структуры, которые по разным причинам, мотивам и обстоятельствам в то или иное время отошли от кириархальных церквей. Эти структуры, находящиеся также в разделении, именуют расколами, а порой и сектами. Они не имеют юрисдикционного подчинения,

т. е. существуют самостоятельно, имеют свое руководство и свой центр. В Российском государстве на основе Законодательства о свободе совести они, как и другие религиозные общества, определяются через понятие «религиозное объединение». А на основе конкретной церковной терминологии их можно определить через традиционные определения, имеющиеся в православии: церкви, епархии, общины, группы. В них могут быть и есть свои субструктуры, а именно: братства, монастыри, образовательные учебные заведения, производственные мастерские и средства массовой информации (издательства, периодика и сайты в сети Интернет). Этот тип в последнее время обозначается некоторыми социологами религии и представителями церковных кругов через понятие «альтернативное православие». Истоки альтернативности уходят в античный период христианства. В некоторой степени к ней можно отнести уже существовавшие в то время воззрения, противоречащие признаваемому многими христианству. Они получили название ереси, которые, если они имели какое-то количество приверженцев, получали название секта. Апостол Павел, сознавая социальную обусловленность и в то же время противоречивость процесса утверждения церковного учения, писал: «... ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные»¹². Альтернативность проявлялась в различных структурных образованиях, которых было большое число. Одни появлялись и продолжали существовать десятки и сотни лет, после чего исчезали; другие – дошли до нашего времени. В XX – н. XXI вв. появляются новые альтернативные объединения. Структурам альтернативного православия присущи две общие черты: признание Никео-Константинопольского Символа веры и их абсолютная самостоятельность. Опыт их существования показывает, что многие пребывают в весьма сложных отношениях с церквями Вселенского православия и государственной властью, а также и между собой.

Признавая общие черты, присущие этим объединениям, надо отметить особенности в них. Структуры альтернативного православия по отношению к Поместным церквям, т. е. легитимным, официально признанным Вселенским право-

славием, находятся в оппозиции. Их представители определяются как религиозно-диссидентствующие. Их оппозиционность заметна в отношении к некоторым утвержденным догматическим положениям, учениям, включая социальное, ритуалам (религиозным практикам) и организационным сторонам иерархии – институционализму. Итак, альтернативное православие включает церкви, общины и группы, последователи которых, по разным причинам – догматическим, церковно-каноническим, социальным, социально-политическим и дисциплинарным не находятся под юрисдикцией каких-либо автокефальных поместных церквей Вселенского православия, не имеют с ними канонического и евхаристического общения, представляют собой «альтернативу» по отношению к ним. Это один из главных критериев данного типа объединений в православии.

Общее количество приверженцев альтернативного православия в мире доходит до нескольких миллионов человек. Невелико и число последователей в их общинах – от нескольких человек до нескольких сотен.

В настоящее время церкви и общины альтернативного православия имеют распространение в России, её ближнем зарубежье – Молдове и, особенно, в Украине. Они также распространены в республиках бывшей Югославии, в Греции, на Американском континенте. В этом третьем типе православия на основе упомянутой методологии, главного критерия и таких, которые указывают на географию распространения включаемых объединений, на их отношения к изменению религиозной практики, к акцентированию внимания их на отдельных вероучительных положениях можно выделить семь подтипов. В них ярко выражены присущие каждому подтипу особенности, различны и критерии для их понятийного обозначения. Однако не следует абсолютизировать критерии некоторых подтипов. Критерий, выведенный как главный в одном подтипе, может частично проявляться в другом.

Первый подтип – дореформенные объединения. К ним можно отнести сугубо традиционные структуры, которые сохранили свое прежнее состояние после проведенных священноначалием Поместной церкви реформ. К ним относятся древлеправославные христиане России (по традиции их чаще

всего называют старообрядцами). Они не согласились с введенными патриархом Никоном реформами, выступили против них и стали придерживаться традиций русского православия, существовавшего до сер. XVII в. К этому же подтипу надо отнести старостильные церкви Греции, не принявшие календарную реформу (переход на новый стиль), осуществленную руководством Элладской православной церкви в 1924 г. Как те, так и другие оказались в своем Отечестве гонимыми, некоторые их представители были вынуждены покинуть прежние места жительства вплоть до миграции в другие страны.

В старообрядчестве есть свои подразделения, называемые церквами, согласиями и толками. Старостильники также разделились на отдельные церкви, их число доходит до 12-ти.

Второй подтип – эмигрантские объединения. К ним относятся структуры, представители которых по разным причинам вынуждены были покинуть Родину. В мире десятки подобных церквей, епархий, викариатств и общин. Причина их появления чаще всего кроется в создавшейся внутренней социально-политической ситуации того или иного государства и отчасти нестроениях и резких изменениях, возникших в Поместных церквах. К примеру, в Англии вплоть до XI века существовало православие, т. е. неразделённое христианство. Со второй половины века происходит его крушение. В середине XX века, благодаря стараниям митрополита Сурожского Антония (Блума), опять оформляются, утверждаются православные приходы. Во Франции имела значение эмигрантская волна из России после Октября 1917 г., в результате чего также появляется много православных приходов. Итак, в составлении и описании этого подтипа осуществляется культурно-цивилизационный и геополитический подход. Его также можно определить как один из критериев.

Уже до Октября 1917 г. в Европе, Америке, Канаде возникали такие общности православных из Российской империи. Впоследствии было несколько волн мигрирующих людей из России. На одной из них в 20-е годы сформировалась Русская православная церковь за рубежом, распространившаяся впоследствии в более чем тридцати странах. Эту церковь также надо отнести к сугубо традиционным объедине-

ниям русского православия. В этом смысле её даже сравнивают со старообрядческими церквами. В течение 80 лет она себя считала частью Русской православной церкви, но евхаристического общения между ними не было. Объединение произошло в мае 2007 г. До недавнего времени за рубежом в рассеянии сербов была своя церковь, но она тоже объединилась, правда, в 1990 г. Ныне к таким структурам следует отнести Независимую Болгарскую епархию в Америке, Румынский православный епископат Америки, Автономную Украинскую православную церковь в Америке, некоторые общины древлеправославных христиан в Австралии, в Америке, Румынии (здесь они получили название липоване).

Третий подтип – это истинно-православные объединения. В России они появились в 20-х годах XX века. Их возникновение связано с неприятием «сергианства», в котором нашло свое выражение новое отношение официальной церкви к нарождавшемуся советскому безбожному государству. Эту новую социальную позицию выразил в своей «Декларации» заместитель Местоблюстителя патриаршего престола митрополит Сергей (Страгородский) в 1927 г. Оппозиция в лице представителей формирующегося «истинного православия» посчитала такое отношение к новым властям недопустимым и далеким от традиционного православия. Уже в 20-е годы возникает церковное подполье. Туда впоследствии пришлось уйти от гонений и истинно-православным общинам. Таким образом, многие истинно-православные структуры получили второе название – Катакомбные церкви. В них и находились представители «истинного православия». Этих самостоятельных, порой не связанных друг с другом церквей, было несколько десятков. Они просуществовали вплоть до рубежа 80-х – 90-х годов. Некоторая часть вышла из подполья и действует легально. Некоторые церкви зарегистрированы в органах Министерства юстиции РФ, а другие сохранили прежнее катакомбное состояние. Из нескольких истинно-православных церквей выделяется Православная Российская церковь – ИПЦ. Её руководитель митрополит Рафаил (Проккофьев) стремится объединить истинно-православные церкви. Судя по всему, процесс этот идет трудно и не столь успешно, как бы этого хотел митрополит. Представители

этого подтипа также придерживаются традиций русского православия.

Четвертый подтип – катакомбные объединения. Сюда относятся церкви, общины и группы, представители которых были вынуждены по причинам гонений за веру совершать свою религиозную деятельность тайно, скрытно от посторонних глаз. В катакомбном состоянии пришлось пребывать христианам, в том числе и православным, во многих частях и государствах мира: в исламских государствах, Латинской Америке, в Болгарии и других государствах балканского пояса, в Китае.

В России после Октября 1917 г. также начинаются гонения на верующих, в православии создаются катакомбные церкви или церковное подполье. Своеобразие этих церквей состоит не только в тайном их существовании, но и в сформировавшемся мировоззрении их лидеров и простых мирян. Церковное подполье стало своеобразной формой сопротивления светским властям, боровшимся с религией, а также оппозицией официальной церкви.

С прекращением гонений верующие выходят из катакомбного состояния и осуществляют свою деятельность легально, открыто, не боясь преследований.

Пятый подтип – автокефальные объединения. К ним относятся так называющие себя церкви, существующие как в России, так и в других зарубежных странах. Некоторые из них не уточняют в своем названии автокефализма, но претендуют на него. В мире десятки таких церквей, число их прибавилось в связи с общественно-политическим состоянием государств, существовавших до начала 90-х годов XX века. Особенно это относится к распаду СССР и Югославии. В России из числа таких формирований выделяется Российская православная автономная церковь. В настоящее время она совершенно самостоятельна и имеет центр в г. Суздале Владимирской обл. Понятие «автономная» сохраняется с тех времен, когда она в некоторой степени находилась в юрисдикционных связях с Русской зарубежной церковью. Самостоятельно существует Болгарская автокефальная церковь, с давних времён – Македонская, недавно появилась Черногорская. Автокефалистские настроения давно существуют в

Украине. Здесь усугубляется тенденция к созданию общей автокефальной церкви на основе объединения существующих церквей.

Шестой подтип – апокалиптические объединения. В его формированиях ярко выражены настроения ожидания конца мира, Страшного суда. Некоторые структуры в своё название включают понятие «апокалиптическая» и имя любимого ученика Иисуса Христа апостола Иоанна Богослова, написавшего пророческую книгу Нового Завета «Откровение Иоанна Богослова, или Апокалипсис». Сюда относятся: Апокалиптическая Христова Церковь, Истинно-Православная Церковь Откровения Иоанна Богослова, Небесная восточная церковь Иоанна Богослова, Вселенская Церковь Иоанна Богослова. В этом подтипе немало общин, adeпты которых находятся под сильным воздействием лидера или харизматической фигуры. От него они заражаются апокалиптическими настроениями, напряженным ожиданием второго пришествия Иисуса Христа. Сюда же можно отнести группу, которая получила в народе название «пензенские сидельцы». В ноябре прошлого года Россию всколыхнул инцидент в деревне Погановка Пензенской области, где члены общины, именующие себя истинно-православными, укрылись в землянке в ожидании Страшного суда.

Седьмой подтип – обновленческие объединения. Если предыдущие типы характеризуются как традиционные, в которых сосредоточиваются большей частью «ревнители православия», и их относят к правому крылу, то к этому типу относятся так называемые прогрессисты, но уже левого крыла. В этих объединениях ярко выражены черты, наблюдаемые в общем течении – либеральном христианстве. В объединениях этого подтипа заметно сближение с протестантизмом, модернизированным католицизмом и многое новое, что появляется в православной традиции. Здесь необходимо говорить об обновленческих тенденциях в современном русском православии (в качестве примечания замечу: не следует путать название объединений данного подтипа с так называемым обновленчеством 20 – сер. 40-х гг. XX в. в России). Таких объединений пока не много. К ним можно отнести Православную церковь Божией Матери Державная, сформиро-

вавшуюся в 90-х гг. прошлого века. В ней, с одной стороны, заметно стремление вернуться к христианству апостольских времен, где, как представляют лидеры церкви, существовали нестяжание и простота в отношениях между членами христианской церкви. С другой стороны, в церкви получил сильное развитие культ Богоматери – почитаются не только иконы с ее изображением, но и скульптуры (как в католицизме). К священным текстам относятся Откровения Богоматери, которые, по утверждениям руководителя церкви архиепископа Иоанна (Береславского), даются ему. В церкви для мирян составлен особый катехизис, получивший название «Державный катехизис», во многом отличный от катехизисов как самого православия, так и католицизма и протестантизма. В литературе, издаваемой церковью, излагаются оригинальные воззрения на мир, человека, по-своему герменевтически истолковываются и интерпретируются некоторые тексты Священного Писания, а также догматические положения по вопросам о конце мира, об аде и рае. Отлична от традиционной православной и литургия. Церковь во многом отошла от литургических чинопоследований Св. Иоанна Златоуста и Василия Великого. Она совершается на современном русском языке и сопровождается не только песнопениями, но и электронной музыкой. Во время литургии проводится общая исповедь. В канонической практике допускается монашество в миру. Своеобразна по своей стилистике и иконопись, в которой появилось много сюжетов, не присущих традиционному православию. В этот подтип входят и общины западного обряда Апостольской православной церкви (в Санкт-Петербурге, Таганроге, Берне и Вильнюсе).

К четвертому типу можно отнести историческое сектантство, объединения которого в большей своей части уже не существуют, или в ряде мест проживают отдельные приверженцы. Это структуры, которые возникали, в частности, в России с XVIII в. и просуществовали вплоть до советского времени. К ним относятся общины духовных христиан – хлысты (шалопуты, новохлысты, мормоны духовно-христианского направления, новый союз духовного Израиля), скопцы, малеванцы; а также другие общины, отколов-

шиеся от православия – иоанниты, иннокентьевцы, имяславцы, николаевцы и др.

Таким образом, в результате изучения всего многообразия церковных разделений в православии на основе разработанных методологических принципов и с учетом прежнего опыта классификаций в трудах конфессиональных и светских исследователей, можно выделить четыре типа общностей: первый – поместные церкви Вселенского православия, по традиции называемые каноническими; второй – параллельные структуры; третий – объединения альтернативного православия, в которое входят семь подтипов – дореформенные, эмигрантские, истинно-православные, катакомбные, автокефальные, апокалиптические, обновленческие; четвертый – историческое сектантство.

Библиографический список

1 Белла Р. Социология религии // Американская социология. – М., 1972; Вебер М. Протестантская этика и «дух капитализма» // Избр. произв. – М., 1990; Вебер М. Социология религии // Работы М. Вебера по социологии религии и идеологии. – М.: ИНИОН РАН, 1985; Гегель Г. В. Ф. Философия религии. В 2-х тт. – М.: Мысль, 1975; Мюллер М. Введение в науку о религии. – М., 2002; Фейербах Л. Лекции о сущности религии // Избранные философские произведения в 2-х тт. – М., 1955; Шантепи де ла Соссе Иллюстрированная история религий в 2 т. 2-е изд. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь; Российский фонд мира, 1992.;

2 Dent O. Church – Sect Typologies in the Description of Religious Groups // The Australian and New Zealand Journal of Sociology. – 1970. – Vol. 6. – P. 10 – 27; Troeltsch E. The Social Teaching of the Christian Churches, trans. by Olive Wyon. – N. Y.: Harper & Brothers, 1960: In two volumes;

3 Забияко А. П., Трофимова З. П. Методологические принципы исследований в истории религии // Введение в общее религиоведение; Красников А. Н. Методология классического религиоведения. – Благовещенск: Библиотека журнала «Религиоведение», 2004; Митрохин Л. Н. Философия религии: опыт истолкования Марковского наследия. – М., 1993; Митрохин Л. Н. Религия и культу-

ра (философские очерки). – М., 2000; Философско-методологические проблемы изучения религии (Материалы конференции 28 – 29 октября 2003 года). – М.: РАГС, 2004; Яблоков И. Н. Методологические проблемы социологии религии. – М., 1972;

4 Иерархия церквей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hierarchy.religare.ru>, свободный;

5 Даниил Сысоев, свящ. Соблазн консервативных расколов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sysoev2.narod.ru/soblazn.htm>, свободный;

6 Прокл (Васильев), игумен. Православная кафелическая церковь в эпоху апостасии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://st-elizabet.narod.ru/raznoe/prokl_ecclesia.htm, свободный.

7 Робертсон Р. Восточные христианские церкви. Церковно-исторический справочник. – СПб., 1999;

8 Там же, с. 124;

9 Пучков П. И., Козмина О. Е. Религии современного мира. – М., 1998. Более широко с комментариями и со специальной статьей о классификациях религий представлена также на сайте «Народы и религии мира» – <http://cbook.ru/peoples/index/welcome.shtml>;

10 Пучков П. И., Козмина О. Е. Религии современного мира. – М., 1998. – С. 5;

11 Полный православный богословский энциклопедический словарь в 2-х тт. Т. II. – М., 1992. – С. 2330;

12 1 Кор. 15:41.

2008 г.

ПОЧИТАНИЕ БОЖИЙ МАТЕРИ В БОГОРОДИЧНОМ ПРАВОСЛАВИИ. [116]

Понятие “богородичное православие” часто употребляют в своих богословских трудах и проповедях представители Православной церкви Божией Матери Державная (далее – БЦ). В настоящей публикации представлены некоторые результаты религиоведческого изучения истории этой недавно появившейся в России церкви и особенности почитания в ней Божией Матери – Девы Марии.

В России за последнее тридцатилетие чрезвычайно изменилась и социально-политическая обстановка, и религиозная ситуация. Законодательство не только декларирует вероисповедные свободы, но в основном гарантирует их. При выполнении религиозными объединениями гражданских законов, власть предоставляет им возможность действовать, согласно своим внутренним уставам. В стране насчитывается несколько десятков тысяч централизованных и местных религиозных объединений, ранее существовавших и появившихся новых. Одно из них – Православная церковь Божией Матери Державная Русская православная церковь (Московская патриархия), как и другие церкви Вселенского православия считают БЦ непризнанной или неканонической. Церковь находится в разделении с ними. Религиоведческая типологизация разделений христианства БЦ относит к альтернативному православию.

После утверждения Закона РФ “О свободе совести и о религиозных объединениях” (1997) и в результате очередного рассмотрения вероучения и практики экспертами Совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, под руководством доктора философских наук профессора М. Мчедлова, БЦ прошла государственную перерегистрацию и её вероисповедание признано “православным богородичной ветви” [6].

Каковы истоки богородичного православия, основы духовного утверждения БЦ и особенности его почитания Богоматери? Для ответа на данные вопросы были изучены внутренние документы и религиозная атрибутика БЦ, проведены полевые исследования (посещения богослужений, беседы со священнослужителями и мирянами – респондентами, а также анализировалась изданная за последние годы литература о церкви, в частности труды её основоположника архиепископа Иоанна (Вениамина Яковлевича Береславского). Родился в 1946 г. в Москве. В 1980 г. был крещён в Русской православной церкви (Московской патриархии). В годы учебы получил музыкальное образование, изучая теорию музыки, фортепианное искусство. В дальнейшем прекрасно музицировал (сохранились записи на кассетах, а также доступны

видеофайлы с исполнением им произведений композиторов-классиков, в основном Бетховена и Моцарта, а также собственных сочинений и комментариями к ним). Работал учителем по теоретическим музыкальным дисциплинам и общему фортепиано в музыкальных школах Москвы. После окончания в 1970 г. Института иностранных языков им. Мориса Тореза, преподавал английский язык в высшей школе, работал переводчиком. В 1984 г. в кафедральном соборе г. Смоленска ему было дано первое откровение Богоматери около иконы с её изображением. [12]. Архиеп. Иоанн имеет глубокие знания богословской литературы, включая труды святых отцов. С увлечением штудировал произведения мировой философии, особенно русских религиозных мыслителей. Глубоко изучает опыт почитания Богоматери начавшееся ещё в древних религиях. Именно благодаря ему, существовавшее со времён Древней Руси богородичное движение с восьмидесятых годов XX века стало приобретать организационные формы.

БЦ имеет преемство от Катакомбной церкви, а точнее от Истинно-православной церкви и Украинской Автокефальной Православной церкви (УАПЦ) и их предстоятелей и архиереев: Геннадия (Секача), Феодосия (Гуменникова), Иоанна (Боднарчука). Ими Вениамин Береславский был пострижен в монахи, рукоположен в священнический сан и получил благословение на создание религиозной организации. В 1991 г. Постановлением Священного Собора вновь созданная православная структура получила наименование Церковь Божией Матери, а затем – ныне существующее.

Вероучение и деятельность Церкви, не отвергая основ Вселенского и русского православия, строится на ряде традиций: Первая – старческая, раскрывающая учение древних афонских монахов и русских старцев-нестяжателей, последователей св. Нила Сорского, глубоко почитавших Богоматерь. Их отличало почти непрерывное чтение Псалтыри, частые земные поклоны, омовения в святых источниках. Вторая традиция – соловецкая, на основе которой разработана своеобразная теология Второй Голгофы, духовного осмысления значения страстного искупительного подвига новомучеников российских. Особенности соловецкого богослуже-

ния отличает возможность крайнего упрощения обрядов, для которых необязательно наличие дорогих священных сосудов и иной подобной атрибутики.

Третья традиция – богородичная, включает в себя следование за словами Божией Матери, передаваемыми в откровениях архиеп. Иоанну и другим современным боговидцам (в течение года Богоматерь даёт во всём мире около 150 откровений), получаемые православными христианами и последователями Римско-Католической Церкви.

БЦ имеет некоторые особенности в религиозной практике. Священнослужители считают, что она не может быть окончательно введена в канон. Литургии, совершаемые в церкви, абсолютно не похожи друг на друга, хотя за основу берутся литургии Иоанна Златоуста и других христианских литургистов. Такой подход основан на том, что, по мнению представителей БЦ, на священнодействия и священнослужителей, совершающих литургии, оказывает влияние Святой Дух, а действует он всегда по-разному. В богослужебной практике помимо песнопений используется и инструментальная музыка. Церковь признает все семь христианских таинств. Литургии проводятся в основном в светских учреждениях культуры, в частных домах и на квартирах. В оформлении религиозной атрибутики – икон, крестов, настенных и скульптурных изображений – Церковь привносит необычное оригинальное – в образы, символику, цвет, перспективу и т. д. Такая особенность ярко выражена, к примеру, в религиозной атрибутике тверской общины. Беря во внимание и музыкальное творчество, можно с уверенностью определить такое своеобразие, как субкультуру в контексте общей православной культуры.

Из канонической практики, беря много от традиционного православия, Церковь не приемлет столь жёсткого институционализма, присущего церквям Вселенского православия, в том числе Русской православной церкви (Московской патриархии) и также строгого разделения в церкви на духовенство и мирян. Церковь стремится осуществлять внутреннее и обращённое к внешнему миру социальное служение. В самом социальном учении, во многом построенном на откровениях Богоматери, утверждается идея будущей Богоцивилизации.

В ней большое место будет занимать Новая Святая Русь, преображенная, имеющая новую Церковь и новые отношения между человеком и Богом.

Каковы же истоки особого почитания Богоматери в религиях мира вообще и, в частности христианстве – Девы Марии. В БЦ чрезвычайное внимание обращается на то, что почитание Богоматери в среде христиан возникло в I веке, когда она в течении 16 лет после распятия Христа продолжала земную жизнь. В одной из бесед с автором священник БЦ Илья, говоря о миссии Девы Марии в раннехристианский период и её роли в просвещении народов, в том числе и славян, ссылаясь на Священное писание, св. отцов и православных авторов дореволюционной России, заметил, что “Иисус Христос до крестного свидетельства на Голгофе три года наставлял своих учеников в учении и вере. А со своей Матерью Марией он провел – тридцать. В эти годы она записывала его сокровенное от мира учение в своем Сердце (Лк. 2:19). Апостолы обрели дар живой веры, в отсутствии которой их неоднократно упрекал Христос (Мф. 17:20 и др.). Только после наставления от Марии в Сионской горнице, просвещенные от самой Божией Матери, они смогли принять огненные языки Святого Духа в Пятидесятницу” [2]. Следовательно, заключил мой собеседник, «традиционно в христианстве с первых веков Дева Мария прославляется как Наставница апостолов, учителей церкви, подвижников, Путеводительница и Хранительница церкви, Первоигуменья монастырей”.

Действительно, в восточной церкви изначально существовали многочисленные обители, братства, храмы, посвященные Деве Марии, событиям из её жизни, почитались её родители Иоаким и Анна, почитаются более несколько сотен разных по иконографии чудотворных икон. В их числе и икона Казанской Божией Матери.

В западном христианстве особое почитание Марии было выражено в светских и монашеских конгрегациях, орденах и т. п. объединениях. В XX веке оно стало широко известно, как всемирное “марианское движение”, особенно распространившееся при св. Папе Иоанне Павле II (годы понтификата 1978 – 2005), который в нем участвовал и активно поддерживал.

В обеих конфессиях до наших дней дошли многочисленные богослужебные тексты, песнопения, акафисты и богословские трактаты, раскрывающие миссию Девы Марии в земной жизни и в ипостаси Небесной Царицы, Матери-Премудрости. До сих пор исполняются в храмах богородичные песнопения св. Иоанна Дамаскина (ок. 675-753 гг.) – гимнографа, богослова, религиозного философа. А в таких древневосточных православных церквях как Коптская и Эфиопская, в календаре отмечено более 30 праздничных дней, посвященных Богоматери.

Следует также заметить, что на особое почитание Богородицы обращали внимание многие исследователи русского православия. Историк и богослов иеромонах Иоанн (Кологривов) (1895-1955) отмечает: “Вся русская духовность... – носит богородичный характер; культ Божией Матери имеет в ней настолько центральное значение, что, глядя со стороны, русское христианство можно принять за религию не Христа, а Марии. Во всяком случае, рассматривая жития русских святых и разыскивая в них их высшие моменты, те, которые говорят о их мистическом опыте соединения с Богом, исследователи приходят к установлению весьма удивительных обстоятельств: прежде всего, в житиях содержится очень немного указаний о таких переживаниях, а когда они есть, в центре мистического опыта оказывается обычно не Христос, а Его Мать. Эта “богородичная мистика” особенно ярко проявляется в жизни великих русских национальных святых: преподобного Сергия Радонежского и преподобного Серафима Саровского” [7, с. 150]. В проповедях священнослужителей БЦ очень популярно определение епископа русского церковного зарубежья Аверкия (Таушева) (1906-1976): “Русь – это сад или дом Приснодевы” [1, с. 4].

Судя по публикациям БЦ большой интерес их авторов для изучения почитания Богородицы представляют народные древнерусские богородичные воззрения, отраженные в молитвах и сказаниях. В этой связи они ссылаются на фундаментальные работы профессора-протоиерея Георгия Федотова, изучавшего особенности мировоззрения и веры русского народа. Согласно его выводам “божественное материнство” является “сердцем народной религиозности”. Для неё

“Богородица не только Божия Мать, но и Мать вообще, общая наша мать (“мать богов и людей”). Вот в каком смысле Мария называется просто Матерью, Матушкой Марией. И это материнство Её не только по любви, по усыновлению Ей мира, но и по прямому рождению. Иногда мы видим, что она действительно мыслится родительницей и творительницей мира: “Аще Пресвятая Богородица / Помощи своей не подаст, / Не может ничто на земле в живе родиться, / И ни скот, и ни птица, / Ни человеком бысть”. ...Которая нам сотворила / И небо, и землю, и солнце, и месяц, / И частыя звезды”. Пребывая в самом сердце мира божественного, Богородица уже не отделена от Бога. Молитва Ей и молитва Богу – одно и то же” [12, с. 56]. “О Господи, Царю небесный, / О свет пресвятая Богородица” [12, с. 54]. “Мать моя – Матушка Мария, / Пречистая Дева, Пресвятая, / Свет Мати Мария, / Пресвятая Богородица, / Солнце красное, / Пречистая голубица, / Мати Божия, Богородица, / Скорая помощница, / Теплая заступница, / Заступи, спаси и помилуй...” [12, с. 49].

В той же беседе с автором священник Илья Попов отмечал: “мы (представители богородичного православия – прим. А. Л.) даже учитываем воззрения на Божию Матерь и в других религиях. К примеру, в тексте Библии (в книге Бытия) на оригинальном языке Дух Святой и Премудрость “понимаемая как Божественная эманация, источник всего добра, которая все проникает, все движет, являясь постоянной вдохновительницей пророков и мудрецов” – женского рода [7]. Священник обратил внимание и на религиоведческие изыскания. Они показывают, что в исламе Мария также высоко чтится. В Коране её имя упоминается 33 раза (даже больше чем имя её Сына) и ей посвящена отдельная сура.

Про индуизм и буддизм было отмечено, что в них высоко чтутся женские образы небесной покровительницы, премудрости, процветания, счастья. Священные тексты отмечают три аспекта Богини-Матери: щедрость, мудрость и сила. В музеях мира хранятся многочисленные скульптурные изображения Богинь-Матерей со времени неолита и других периодов развития человеческого общества. В итоге в беседе мы пришли к выводу о том, что нет ни одной религии мира, где

не почиталось бы милосердное покровительство Небесного Отца, олицетворенное женским и богоматеринским началом.

В БЦ убеждены, что глубокое христианское почитание Девы Марии явилось продолжением всечеловеческого архетипического поклонения Матери всех живущих, покровительницы семьи, народа, государства, олицетворяющей заботливое попечение о своих детях.

Современный мистик, духовный возглавитель БЦ архиеп. Иоанн, с присущими его стилю эмоциональностью и образностью отмечает, что он “открыл русской культуре её заповедный пласт – христианство с I по X вв., несравнимо более искреннее и достоверное, аутентичное. Вернул русской культуре образ живой Богоматери... Царица Небесная ... апостолу Андрею Первозванному указала путь в Скифию (просторы будущей Руси – прим. А. Л.) со словами: “Чадо, эта страна от века посвящена и помазана в тайны Наши. Иди и учи народ Божий о премудрости Моего Божественного Сына”. Далее, по словам архиеп. Иоанна, основываясь на различных источниках и откровениях данных ему, он “Войдя в сокровищницу архетипа – вернул России изначальную солнечную идентификацию, а значит предначертал путь духовного возрождения и расцвета” [8].

Особое почитание Богоматери ярко выражено и в представленной в общинах БЦ религиозной атрибутике. В многообразных по иконографии иконах чаще всего встречаются богородичные сюжеты. Однако в общинах можно обнаружить и скульптурные изображения Божией Матери. В упомянутой тверской общине среди них выделяются образы Божией Матери “Державная”.

“Державная” икона Божией Матери является одной из наиболее чтимых икон в церкви. Пожалуй, такого её почитания нет ни в одной другой церкви Вселенского Православия. Согласно церковным повествованиям, её явление произошло 15 марта 1917 года, в день, когда император Николай II подписал отречение от российского престола. Известно, что эта икона была найдена в запаснике, чуть ли не на чердаке, храма Вознесения Господня в селе Коломенском под Москвой. В ночь перед обретением иконы крестьянке Андриановой, которая указала её местонахождение, во сне явилась Пресвя-

тая Богородица и указала, где следует искать икону. На иконе изображена Божия Мать с регалиями царской власти – скипетром и державой, с младенцем Иисусом на руках. На некоторых копиях иконы можно заметить даже то, что Младенец движением Своей руки препоручает державу Божией Матери. Такого изображения Божией Матери древняя традиция не знала. Священники БЦ говорят, что это не просто икона, когда-то забытая, а потом обретенная, а преображенный образ Божией Матери “Оранта” (Знамение), на которой Божия Мать изображена без Младенца, с распростёртыми руками. Она является уже в новой ипостаси – Богомладенец рождён, весь мир и Россия, в частности, входит в новую эпоху. Смысл её явления именно в час отречения Императора в том, что Богомать взяла в этот момент власть над Россией в свои руки. Божия Мать образует среду, в которой дьявол не может действовать. Она пришла в мир для того, чтобы помочь человечеству победить грехи и пороки, овладевшие им. Её Царство – это Царство Святого Духа. Вместе с тем, Богомать при любом подобном событии, при любом откровении просит исполнить Её волю и предупреждает о том, что будет, если не исполнить Её просьбу. Как правило, Её явления остаются замеченными только самым узким кругом людей, Её воля не исполняется, и к Её великой скорби мир преследуют многочисленные трагедии. Трагические события, последовавшие за явлением иконы “Державная” – следствие того, что преображение иконы не было духовно воспринято должным образом Россией наряду с фатимским явлением в 1917 году в Португалии, где Царица Небесная призывала о всецелом посвящении Её Непорочному Сердцу.

В общине есть много копий этой иконы, они различаются фоном, на котором изображена Богомать – это может быть синее небо, где справа и слева от Богоматери изображены ангелы, а над головой – Святой Дух в виде голубя. Иногда на небе можно увидеть изображение радуги – символа завета Бога с человеком. Есть иконы, на которых Богомать изображена на фоне Собора Василия Блаженного и Вознесенского храма в Коломенском.

Есть и ещё одна, так же наиболее чтимая икона Божией Матери “Жена облечённая в Солнце”. На этой иконе Божия

Мать стоит над Соловецким островом на фоне солнца. В одной Её руке – ковчег, в другой – огненный меч, которым Она пронзает древнего змия, как источник мирового зла. Согласно учению представителей БЦ, икона, связанная с будущими социальными преобразованиями, символизирует тайну рождения свыше, наступление Богоцивилизации. Бог желает преобразить мир, в муках и скорбях изменяет человечество. В муках рождалась Церковь на Соловках, почти через 80 лет она явилась в мире. Так и всё на земле, по теологическим утверждениям последователей БЦ, – скоро всё будет новым, останется только то, что благословляет Бог, то, что уже имеет черты Царствия.

Среди других образов выделяется по своему сюжету икона “Пресвятая Богородица, воскрешающая Русь”. По одному из преданий церкви, этот образ явился в откровении одной из верующих во время паломничества в Дивеево и воссоздан по её описанию. На этой иконе Божия Мать предстаёт в белых одеждах, держащей в руках плат с изображёнными на нём крестами. От плата разливается яркий свет, достигающий земли. Также на землю падают кресты – это малые уделы, предназначенные для каждого человека. Присутствующие на земле люди ведут себя по-разному: одни стараются подойти ближе к этому свету и взять в руки крест, исполнив этим волю Бога, другие, не готовые к этому и не желающие расстаться с грехами – разбегаются, не сумев стерпеть неземного сияния, оно их обжигает. На небе с обеих сторон Божией Матери семь Дев, символизирующих Девство. Каждая из Дев имеет свою ипостась и олицетворяет какую-либо добродетель – премудрость, чистоту, жертвенность и т. д. Вверху иконы изображены святые, обретшие великую славу у Бога, стоящие, по учению церкви, у самого Его Престола – преп. Серафим Саровский и свят. Николай Мирликийский.

Следует также сказать о далеко не присущих традиционному православию о некоторых совершаемых в БЦ формах ритуала. Прежде всего, к ним надо отнести, преимущественно посвящённые Богоматери, живые молитвы, розарии, гимнические шествия и марши, пластические молитвы, веселия, мистерии. После совершения причастий продолжаются соборания пришедших на богослужение мирян. На одном из та-

ких собраний (13.01.2018) епископ Афанасий призывал к возвращению традиций совершения поклонов, радений и хороводов, присущих в прошлом христоверам и многим народам мира. Кстати, в только что вышедшей из печати книге архиеп. Иоанн (в последние несколько лет его произведения выходят под именем Иоанн Богомил) открывает доселе далеко не изученный мир народного почитания Христа и Богородицы и приобщает к нему своих последователей [10].

Итак, БЦ на рубеже XX и XXI вв. стремится вернуть усиленное почитание Богоматери, существовавшее в первом тысячелетии христианства. Однако это усиленное почитание приобрело в деятельности Церкви своеобразное содержание и формы. Ещё раз заметим, что учение это строится, прежде всего, на откровениях Богоматери и не только архиеп. Иоанну. Немного отвлекаясь, заметим, что в последние годы богословы церкви уделяют большое внимание изучению истории этих откровений как на Западе, так и в России. Ими завершена и издана книга откровений Божией Матери с I по XX века [1].

Большое внимание уделяется Откровениям, данным преп. Серафиму Саровскому, Иоанну Кронштадтскому, старцу Силуану Афонскому, соловецкому узнику и исповеднику старцу Сампсону Сиверсу, последнему духовнику Троице-Сергиевой лавры схиархимандриту Захарию, схиигумену Савве, схиигумену Амфилохию Почаевскому и другим подвижникам Православия, что отражено в их житиях, наставлениях и свидетельствах. Не может не обратить внимания вдумчивого исследователя тот факт, что многие Откровения люди получали в периоды социального напряжения в обществе. Именно к таким временам надо отнести и середину 80-х гг. XX в., когда в России, тогда ещё мало кому известный Вениамин Береславский получил откровение Божией Матери. Само же создание Церкви, как организационной структуры, действительно, можно определить как одно из социальных явлений нашей современной жизни. Учение церкви о Богоматери связывается, прежде всего, со спасением рода Адамова “в последние времена” и рассматривается в контексте эсхатологического учения.

В завершении о том, как относиться к тому, с чего начал, т. е. к разделениям в христианстве. Они были, есть и будут. Это некая закономерность, основанная на разномыслии людей, плюрализме мнений, существующих в религиозной сфере. Особенно обеспокоены церковными разделениями священноначалие Вселенского православия и особенно к появляющимся объединениям альтернативного православия. Противостояние весьма заметно. В условиях светского государства только посредством диалога [11] можно преодолеть накал противостояния. Представителям же гражданской власти необходимо осознавать, что в России прошло время деления религий и конфессий на ранги. Все религиозные объединения перед гражданским законом равны и все имеют равные права.

Библиографический список

1. Аверкий (Таушев), еп. Россия – “Дом Пресвятыя Богородицы” Jordanville (N.Y.): Holy Trinity monastery, 1963. – 20 с;
2. Григорий Палама, св. Омилия XIV. На Благовещение Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии / Святитель Григорий Палама. Беседы (омилии) святителя Григория Паламы. Часть 1. – М.: Паломник, 1993;
3. Димитрий Ростовский, св. // Христианския песнопения пресвятей Царице небесней Приснодеве Марии Богородице: составлены по подобию Псалмов. – М.: Изд. Афонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря, 1881;
4. Поселянин Е. Богоматерь: Описание Ее земной жизни и чудотворных икон. – М.: АНО “Православный журнал “Отдых христианина”, 2002. 2 т. 1919;
5. Еврейская энциклопедия. – СПб: Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1908-1913., в 16 томах. Т. 12. – стлб. 1887;
6. Заключение Совета по проведению государственной религиозно-экспертной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации от 25.02.1999 г. / Личный архив автора. Папка “Альтернативное православие”, д. 12;
7. Иоанн (Кологровов), иеромонах. Очерки по истории русской святости. – Брюссель, 1961. – 20 с;

8. Иоанн, архиеп. Православной Церкви Божией Матери Державной: “От своих скорбных бденных ночей возвещаю на Святой Руси великую цивилизацию...”. Преодоление византизма. // Электронный ресурс: <https://svetmarii.org/preodolenie-vizantizma/> – Дата доступа 23.02.20 г.;
9. Иоанн Богомил. Явления Божией Матери I – XX век. М.: Мир Софии/МРО ОПЦБМД. 2007. – 302 с;
10. Иоанн Богомил. Народные христы. М.: Мир Софии, 2019. – 272 с;
11. Лещинский А. Н. Диалог как способ преодоления разделений в православии. (Религиоведческий аспект изучения). // “Социальное время” (журнал ВАК России). №1, 2019. С. 125-133;
12. Огненный столп покаянный. Откровение Божией Матери и Господа в России архиепископу Иоанну. Книга 1 (1984-1985 годы). “Богородичный Центр”, 1990. – 552 с;
13. Федотов Георгий. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. – М.: “Гнозис”, 1991. – 169 с. 14.

2020 г.

ТИПОЛОГО-КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ БОГОРОДИЧНОЙ ВЕТВИ В РОССИИ. [92]

К Православной церкви Божией Матери Державная с самого начала её появления, средства массовой информации, а также авторы из церковной среды и светские исследователи проявляли большой интерес. К настоящему времени можно насчитать более 200 публикаций, в том числе и зарубежных. В них представлены эмпирические материалы и оценочные характеристики. Они разнообразны: от чрезвычайно негативных, эмоционально ригористических (чаще всего конфессиональных авторов) до объективных, спокойных (исследователей религиоведов). ЦБМ определяется как секта, у иных авторов даже как тоталитарная и деструктивная секта [3], в религиоведческих публикациях – как религиозное объединение, то есть как она зарегистрирована в документах органов

юстиции РФ [6]. Терминологически более конкретно ЦБМ определяют по ее месту в общей типологии религий. Она предстает как часть новых религиозных движений [8], то, как псевдохристианская [4] или неохристианская [9] или просто новодел [6]. Есть и более конкретные определения: харизматическое православие для интеллигенции или художественное православие [7].

ЦБМ при всех ее особенностях, речь о которых пойдет ниже, следует отнести к альтернативному православию – подтипу реформированных объединений.

Итак, ЦБМ принадлежит к отечественным религиозным направлениям иудео-христианской традиции. Большое значение в церкви, как и во многих новых религиозных движениях, имеет деятельность духовного лидера, архиепископа Иоанна (Вениамина Яковлевича Береславского (Род. в 1946 г. в Москве. В 1980 г. был крещён в Русской православной церкви Московской патриархии) – личности харизматической, обладающей даром воздействия на сподвижников (учеников) и простых верующих. В годы учебы получил музыкальное образование, изучая теорию музыки, фортепианное искусство и в дальнейшем прекрасно музицировал (сохранились записи на кассетах, а также доступны видеофайлы с исполнением им произведений композиторов-классиков, в основном Бетховена и Моцарта, а также собственных сочинений и комментариями к ним). Работал учителем по теоретическим музыкальным дисциплинам и общему фортепиано в музыкальных школах Москвы, а также, после окончания в 1970 г. Института иностранных языков им. Мориса Тореза, преподавал английский язык в высшей школе, работал переводчиком.

Архиеп. Иоанн имеет глубокие знания богословской литературы, включая труды святых отцов. С увлечением штудирует произведения мировой философии, особенно русских религиозных мыслителей. Из истории религии его привлекают представители религиозно-общественных движений, которые входили в противоречия с официальными церковными структурами и их установлениями. В Европе – катары, богомилы; в России – нестяжатели, истинно-православные, катакомбники (особенно те, кто претерпел страдание и му-

ченичество в ГУЛАГе на Соловецких островах). Владеет несколькими иностранными языками. Много пишет: духовные прозаические и поэтические произведения, увлекается жанром мемуарной литературы, сочиняет духовную музыку.

Уже после окончания вуза у Вениамина проявилось сильное стремление к познанию христианства, в частности православия. В беседах вспоминает о своём становлении как христианина. Первые встречи с православием и посещения храмов вызывали у него чувство благоговения, православное искусство потрясало его своей духовностью. Сильное воздействие на него оказывали иконы, распятия, фресковая живопись, обрядовая практика.

Однако некоторые стороны деятельности православных священнослужителей: ярко выраженный строгий институционализм, дисциплинарная регламентация, четко выраженное деление членов православной церкви на духовенство и мирян, вызывали чувство негативного отношения к официальному православию. Ему было трудно принять то православие, с которым он близко стал знакомиться. На него, как на будущего духовного лидера и пророка, большое влияние оказали знакомства и встречи с современными подвижниками христианской веры в России. Он имел знакомство с тайной схимонахиней Марией Орловской. Можно предположить, что она подвигла молодого тогда ещё Вениамина к христианской вере. Но глубокую веру он обрёл не сразу. Всматриваясь в некоторых людей и наблюдая за их жизнью, он почувствовал в их сердце Христа. Однако заметил проявления внешнего христианства и формальной веры, увидел в этом нечто ложное и склонился, по его определению, к “вере живой и истинной”.

С этого времени у него начинается период более активного изучения всего того, что связано с Православием. Он не останавливается на изучении Православия по книгам, а начинает много путешествовать по святым местам. Следует упомянуть ещё об одной встрече Вениамина, а именно, с прослывшей уже в ту пору праведницей Ефросинией в Почаеве. В течение многих лет она стала духовной наставницей Вениамина (впоследствии отца Иоанна). Стремясь встать на путь святости, она постоянно совершала молитвы, часто чи-

тала Псалтырь, советовала людям класть как можно больше земных поклонов (древнеаскетическая практика, почти забытая официальным православием), окунаться в святые источники. Главное в ее подвижнической деятельности и в наставничестве – она учила о стяжании Св. Духа, как способе подвижничества, унаследованного от Святых.

Все это было глубоко воспринято Вениамином, и позднее введено в религиозную практику созданной им организации. Также им было глубоко воспринято особое отношение Евфросинии к Богородице. Это сильно повлияло на внутреннее духовное состояние Вениамина.

В конце 70-х гг. вокруг Вениамина складывается небольшая группа преимущественно молодых людей, с которой он продолжает свои паломничества. В дальнейшем изучении Православия они много внимания уделяют святоотеческой литературе, особенно участники этого кружка интересовались стяжанием Святого Духа подвижниками христианства, а также их отношением к церкви как к институту. Искания Береславского дошли до его стремления к получению сана священника. Он начал принимать участие в церковных службах, пел в хорах или помогал руководить ими в качестве регента, но на этом его церковная карьера в Московской патриархии закончилась. Одной из причин этой “неудачи” было негативное отношение к упомянутому институционализму и некая диссидентственная направленность в его духовных исканиях. Это вполне вписывается в духовные искания и в стремления отдельных представителей общества, его элиты подойти по-новому к объяснению социальных явлений, в том числе связанных с религиозной сферой.

Рубеж 70-80-х гг. и время около середины 80-х оказались, по-видимому, судьбоносными в жизни Вениамина. Во-первых, это время, когда получило развитие диссидентство в СССР, затронувшее и область отношений отдельных представителей церкви и протестантских движений к проблеме жизнедеятельности религиозных объединений в Советском государстве. Во-вторых, это время – предперестроечное, и социально-политические, экономические и религиозно-ситуационные реалии не могли не оказать влияния на сознание Вениамина. Общество и государство стояли на пороге

перемен. Все это дает право утверждать о том, что возрождение богородичной ветви (усиленное почитание Богоматери) можно характеризовать как социальный феномен. На самом раннем этапе формирования организации её представителями утверждаются крайне ригористические воззрения по отношению к современному обществу и культуре. Отвергается прежнее устройство Российского государства и выдвигается концепция о будущем общества и государства – Новая Святая Русь или Богоцивилизация III [1].

Пожалуй, главное, на чем делает акцент ЦБМ, это на том, что в официальной православной церкви пресекается традиция усиленного почитания Богоматери. Между тем, оно существовало в прошлом, и его принимали святые церкви и другие подвижники. Современная богородичная ветвь ратует за возрождение прежнего почитания. Тем более, судя по поступающей информации, откровения Богоматери продолжаются [5].

Действительно, уже в древние времена мы встречаем большое количество высказываний многих Отцов Церкви, прославленных старцев, монахов, связанных с почитанием Богоматери. Это сильное почитание заметно в литургических текстах, в акафистах, в праздниках, посвящённых Богоматери, а также в посвящении в Её честь престолов. К примеру, Древневосточная Эфиопская церковь отмечает 33 богородичных праздника. Уже в первое тысячелетие существования христианства было написано множество икон, посвящённых Богоматери немало из которых стали чудотворными. Упомянутый спад почитания Богоматери может иметь свои объяснения. Прежде всего, с началом секуляризационных процессов как в Западной Европе, так и впоследствии в России; с той несвободой церкви, подпавшей под власть государства; и, наконец, с постепенным общим упадком духовности, с наступающим ее кризисным состоянием.

Представители Богородичной ветви в России, делая акцент на возрождение прежнего почитания Божией Матери, стремятся исправить положение. Таким образом, ЦБМ считает, что она своим вероучением возвращает святоотеческое и литургическое учение о непорочном начале новой, святой, благочестивой жизни во Христе, которое несет человечеству

Пресвятая Дева, Предстательница о спасении рода человеческого или, говоря теологическим языком, “рода Адамова”. Эти идеи находят отражение также в религиозной практике, в ее способах и средствах, в частности в произведениях иконописи и прикладного искусства.

Важной вехой в становлении новой религиозной организации было откровение Богоматери Иоанну Береславскому в 1984 г., которое он продиктовал своим сподвижникам, а те записали.

Так, наряду с Библией, в ЦБМ стали утверждаться еще чрезвычайно почитаемые тексты-откровения Богоматери под общим названием “Белое Евангелие” или Третий завет. Появление таких текстов приближает ЦБМ к новым религиозным движениям.

В богослужебной практике ЦБМ, при сохранении традиционных средств (атрибутики), символики и таинств, вносит также некоторые особенности. То, что имеет церковь к настоящему времени, получило развитие в 10-летний период от середины 1991 г. до первых годов начавшегося третьего тысячелетия. В самом начале богослужения совершались в небольших общинах, но впоследствии появилась возможность арендовать Дома культуры. В новых условиях при больших стечениях приверженцев появились новые формы богослужебной практики. Вносил их, прежде всего, духовный руководитель церкви архиеп. Иоанн. Именно в богослужениях проявилось его религиозное творчество, в котором преодолевались формы утвержденного чина литургии.

За основу берется литургия Иоанна Златоуста. Но, как говорят священники, само богослужение становится их творчеством во время которого даже заметна импровизация.

Следует сказать о далеко не присущих традиционному православию формах. Прежде всего, к ним надо отнести живые молитвы, розарии, гимнические шествия и марши, пластические молитвы, веселия, мистерии. За богослужением читается не одна проповедь как в традиционном православии, но несколько, как у протестантов. Само богослужение продолжается до шести часов. Его предстоятель нередко отвлекается на объяснение отдельных произнесенных выражений, объяснение смысла тех или иных обрядовых действий.

В это же время присутствующих мирян обучают умению произносить молитвы и совершать необходимые движения. Богослужение приобретает динамичность и редкую для православия эмоциональность. Правда, они не доходят до той исступленности, которая присуща некоторым харизматическим культам.

Итак, чин богослужения претерпел значительные изменения, прежде всего ведение его преимущественно на современном русском языке, введением в него инструментальной музыки, звучащей на современных музыкальных инструментах, включая синтезатор, элементов хореографии, мануального выражения религиозной эмоциональности. Среди культовых предметов популярны скульптурные изображения Девы Марии. В иконографии разработаны и вводятся в иконопись многочисленные сюжеты из Белого евангелия. На литургии делается акцент не на чтении непосредственно евангельских текстов, а на их трактовку и толкование. Часто произносятся произвольные тексты, в которые вносятся реалии из повседневной жизни. Давая общую характеристику таким особенностям, приходится говорить о ярко выраженном синкретизме культа ЦБМ, а именно о включении форм религиозной практики из других христианских конфессий: католицизма, протестантизма и новых религиозных движений.

Однако такой творчески утверждаемый культ, по мнению священнослужителей, приближает верующих к объектам почитания, пронизывает сердечностью душу верующего и заставляет сильнее переживать свои отношения с Богом-Троицей, с Иисусом Христом, Богородицей, апостолами, святыми подвижниками.

При всем критическом отношении к церковному институционализму, ЦБМ имеет свою иерархию. Хотя ее представители настаивают на том, что в организации все-таки нет того резкого деления членов на мирян и духовенство. Со стороны религиозных отношений этот разрыв намного меньше, как утверждают представители богородичной ветви, чем в официальной церкви.

Действительно, заметно стремление к установлению братских сердечных отношений между ними, то есть к единению во Христе. К примеру, в Церкви не употребляются

некоторые формы обращений к духовенству, в которых заметно сильное выделение из церковной среды, не употребляются такие формы обращения, как Ваше Высокопреосвященство, Ваше Преосвященство, Ваше Преподобие. Даже не существует такого обращения “владыка” к епископам, а просто “отец”. Предстоятель Церкви имеет сан архиепископа. Епископы во время хиротонии (их около 10) не получают титулов, включающих географические названия. Епископ, насколько надо понимать, выполняет регулятивную и интегрирующую функции на ограниченном географическом пространстве, где имеются общины и престолы. Многие епископы и священники получили высшее светское образование и только за редким исключением богословское, которое продолжается непрерывно. Некоторые священноцерковнослужители (таких немного) перешли в ЦБМ из других религиозных формирований, преимущественно из православных, среди них есть священнослужители, вышедшие из катакомб и Русской православной Зарубежной Церкви.

Расширяя свою миссионерскую деятельность, Церковь продолжает налаживать контакты с представителями Марианского движения за рубежом. Такие контакты существуют, в частности, с марианами Римско-Католической Церкви. В некоторых местах есть общины и отдельные последователи марианского движения, которые вошли в юрисдикцию ЦБМ, считая архиеп. Иоанна своим духовным отцом. Прежде всего, можно говорить о таких странах, как Испания, Италия, Хорватия, Израиль, Япония, Украина, Австралия, Белоруссия. В некоторых странах действуют священнослужители, получившие хиротонию от священноначалия ЦБМ.

Пройдя недолгий путь эволюции и утверждения, имея к 2005 г. несколько тысяч приверженцев, около ста священнослужителей и примерно столько же общин, в наше время рост ЦБМ уже не наблюдается. При всем при том отношение к церкви немалого числа представителей общества, государственных структур и со стороны Русской православной церкви Московской патриархии граничит с негативным. Архиеп. Иоанн в своих выступлениях беспрестанно сетует на то, что голос его организации многие не слышат, он замалчивается в средствах массовой информации, и высказывает

по этому поводу свои огорчения. За последние десять лет были рецидивы нападения представителей общественно-религиозных организаций на Центр русской духовности, где располагается Московская община ЦБМ. Было заведено дело в связи с проходившей в Липецке выставкой, организаторы которой были приверженцами Богородичной церкви. Хотя никто не был привлечён к ответственности, но, очевидно, руководство церкви решило свернуть некоторые формы своей активной деятельности. В декабре 2011 г. автор имел беседу со священнослужителями церкви, которые отметили, что их организация переходит к «полукатакомбному состоянию». Сам архиеп. Иоанн уже несколько лет пребывает в эмиграции. Последний раз автор встречался с ним в 2006 г. на литературном вечере в московской гостинице «Ирбис». Однако он остаётся духовным наставником церкви, контакты осуществляются через виртуальную связь (Интернет). Туда, где он пребывает, приезжают его последователи.

Последний собор происходил в Украине. Форма и содержание соборов изменяются, они получают название фестивалей. Богородичные соборы во многом отличались от поместных соборов православных автокефальных церквей. На них не утверждались так называемые определения, цель их была собрать как можно больше последователей ЦБМ и показать образец её богослужебной практики.

Итак, Православная церковь Божией Матери Державная представляет Богородичную ветвь в русском православии. Хотя сама Церковь как организация сформировалась в 80-х гг. XX в, истоки её учения, религиозной практики и организационной структуры уходят в глубь веков – в раннее христианство. К этим истокам она призывает вернуться современное православие (а также к традиции почитания Богородицы на Руси). Почитаемый представителями современной богородичной ветви период христианства характеризовался простотой общения между учителями церкви и рядовыми верующими, не столь выраженным институционализмом, свободой в вероучительном творчестве, церковным нестяжанием и усиленным почитанием Богоматери. Причём такое почитание Богоматери продолжалось и в последующие периоды христианства. Это было наиболее выражено в католи-

честве (включая и наше время), среди некоторых вероучителей православия, представителей монашества и среди большей части православного народа. Но, судя по источникам, официальное православие не поддерживало почитания Богоматери такого, которое выходило за пределы традиционно исполняемого. Что касается её откровений, то они признавались выборочно, имея в виду отдельные личности, получающие их (Преп. Симеону Новому Богослову, Сергию Радонежскому, Серафиму Саровскому и др.). Такое отношение в официальном православии сохраняется и поныне.

Как показывает изучение, последователи ЦБМ к этому относятся по-иному. Усиленное почитание некоторых приверженцев христианства вообще и православия, в частности существовало всегда, но не всегда обретало организационные формы. Более того, к иным организационным формам тех или иных движений официальная церковь относилась всегда негативно. По другому пути пошла Римско-Католическая церковь, не борясь с так называемым марианским движением (к примеру, с “Легионом Марии”, некоторыми общинами в Германии и в др. местах).

Говоря о Богородичной ветви, представленной в России Православной Церковью Божией Матери Державная, можно сделать вывод, что в ней много традиционного, идущего от раннего периода христианства. Но в ней, как показывают вышеприведённые материалы, много того, что выделяет Церковь Божией Матери из ряда других церквей Вселенского православия и альтернативных к нему юрисдикций. Всё-таки напрашивается понятие “новое”, которое можно применить к характеристике некоторых особенностей вероучения, религиозной практики и организационной структуры.

У ЦБМ особое отношение к такому богословскому понятию как “канон”. Похоже, что она не интерпретирует его как нечто застывшее и считает, что церковь вольна (свободна) вносить в сформировавшиеся учения и религиозную практику нечто своеобразное, соответствующее современным жизненным реалиям. В тоже время она стремится возвращаться к особенностям жизни церкви, существовавшим в прошлом.

Таким образом, можно выразить сомнения по поводу безусловной классификации исследуемой организации как

нового религиозного движения. К новому здесь можно отнести, прежде всего, саму организацию ветви, то есть ЦБМ, некоторые своеобразные нововведения в культовой практике. И следует сделать вывод о том, что изучаемую церковь можно отнести к современному либеральному христианству с присущими ему реформаторскими тенденциями.

Библиографический список

1. Богоцивилизация III. М., Православная Церковь Божией Матери Державная, 2002;
2. Гордиенко Н. С. Доклад в Санкт-Петербурге IV международной конференции “Религиозная ситуация на северо-западе России и в странах Балтии: традиции и современность”. Электронный ресурс – Режим доступа: http://www.portal-credo.ru/site/?act=press&type=list&press_id=698;
3. Дворкин А. Л. Богородичный центр // Православная энциклопедия. Т. V. М., Церковно-научный центр «ПРАВОСЛАВНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ», 2002. С. 512-513;
4. Евдокимов А. Ю. «Новые религиозные движения». – М., изд. Николо-Угрешской духовной семинарии, 2011;
5. Иоанн, архиеп. Явления Божией Матери с I по XX век / Ред.-сост. Н. Б. Пилюгина. – М.: Община Православной Церкви Божией Матери Державная, 2003. – 520 с;
6. Кантеров И. Я. Православная церковь Божией Матери Державная // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М., Академпроект, 2006. – С. 787-788;
7. Лункин Р. Н., Филатов С. Б.. Богородичный центр: харизматическое православие для интеллигенции архиепископа Иоанна Береславского // Религия и российское многообразие. Научный редактор и составитель Сергей Филатов. М. -СПб., ЛЕТНИЙ САД, – 2011. – С. 603-608;
8. Новые религиозные культы, движения и организации в России. Изд. РАГС, М., 1998;
9. Писманик М. Г. Лекции по религиоведению. Пермь, Пермский гос. техн. ун-т., 2006.

2012 г.

ВРЕМЕННЫЕ АВТОКЕФАЛИИ КАК ПРЕДПОСЫЛКИ ЦЕРКОВНЫХ РАЗДЕЛЕНИЙ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ. [109]

Одной из важнейших в христианстве проблем является сохранение и поддержание единства церкви, а также отдельных поместных автокефальных (самоуправляемых) церквей. Серьезную остроту она приобрела в Русской православной церкви (РПЦ) с начала революционных событий 1917 г. В настоящей публикации выясняется, что происходило с церковной институциональностью на всех территориях бывшей Российской империи – отходящих от нее, или занятых Добровольческой армией. Исследуются такие аспекты, как влияние в целом на единство Русской православной церкви разрывов связей епархий с центральной церковной властью, география и особенности временных и перешедших в постоянные автокефалии, роль государственных структур в процессах утверждения автокефальных юрисдикций, а также историческая подоплека и социальная обусловленность современных автокефалистских тенденций. Последнее имеет чрезвычайно актуальное значение в контексте усугубляющегося конфликта между церквями Вселенского православия по поводу нового всплеска автокефалистского движения на Украине.

Только за последние два-три десятилетия представилась возможность предпринять широкий обзор автокефалистских движений в отечественном православии. В тоталитарном периоде понятие о «контрреволюционности» церкви, особенно в условиях насаждения в России советского строя, являлось аксиомой. Абсолютно недоступными для исследователей были архивные материалы (если они по каким-то причинам не были уничтожены, то находились «за семью печатями»), что отнимало возможность объективного изучения как беспрецедентных гонений на Русскую церковь, так и чисто внутрицерковных процессов, происходивших в это трагическое время. Открытого доступа были лишены многие печатные издания первых лет советского периода, хранящиеся в библиотеках, под запретом оказалась литература Русского

зарубежья. Лишь в последние годы началось издание в полном объеме свода материалов, связанных со временем работы Всероссийского церковного собора 1917-18 годов. Этому значительно способствовал столетний юбилей начала собора, ибо, к сожалению, и в настоящее время остаётся немало различных сил, не заинтересованных в диалоге с учёными в основе которого лежало бы взаимное стремление открыть и осмыслить правду о страшных событиях тех лет. В документах собора 1917-18 гг. для нашей темы представляют интерес решения по предоставлению отделяющимся частям Церкви особого статуса, а также Акты и Послания патриарха Тихона и его преемников. Для изучения избранной темы имели большое значение открытые архивные документы соборов, совещаний, заседаний, на которых обсуждались вопросы деятельности местных церковных структур с центральной церковной властью и отношения с властью гражданской. Представители последней всесторонне контролировали эти церковные мероприятия. В наше время появилась возможность изучать мемуары людей, которые своими глазами видели события тех лет, а многие в них и участвовали. Их воспоминания охотно переиздают отечественные издательства, включая и те, которые находились в архивах и у частных лиц. Без воспоминаний военных, церковных, церковно-государственных деятелей невозможно изучить и представить многие события, связанные с автокефалистскими тенденциями. Имеются ввиду, прежде всего, повествования с размышлениями над событиями тех лет генерала А. И. Деникина [3], митрополитов Евлогия (Воскресенского) [4] и Вениамина (Федченкова) [2], последнего протопресвитера Армии и Флота Российской империи Георгия Шавельского [7], историка русской философии, министра исповеданий правительства Украины, впоследствии священника Василия Зеньковского [5]. Наконец, обобщения стали возможны в данной публикации еще и потому, что автор, начиная с сер. 80-х гг. прошлого века, изучал состояние и положение Поместных церквей Вселенского православия в государствах. Уже тогда, правда, без привлечения источников, которые стали доступны позднее, обращалось внимание на то, как церкви получали автокефалии [1, с. 18-231].

Итак, еще не окончилась Первая мировая война, начинается распад Российской империи, а затем революционные события. В годы Гражданской войны Россия оказалась в кольце фронтов. По одну сторону устанавливалась советская власть большевиков – красных, по другую военных правительств – белых. Начались и церковные разделения на епархии красные и белые. Что касается территорий, на которых устанавливалась большевистская советская власть, то здесь сразу же начиналась беспрецедентная за всю историю человечества антирелигиозная борьба с ее гонениями на людей по вероисповедному признаку и в первую очередь – на духовенство. Страдали и простые верующие. Началось беженство в места не занятые большевиками. То есть в те, в которых с началом Гражданской войны действовала, как неотъемлемая и существенная часть Белого движения. Добровольческая армия, организованные в Белом движении на территории России военные формирования просуществовали недолго. Однако в тех местах, где они действовали, создавались свои административно-государственные управления. Бразды правления в них держали преимущественно генералы-главнокомандующие. Такое положение сложилось в Сибири, на Дальнем Востоке, на западной окраине России, в некоторых местах Поволжья – Казани и Нижнем Новгороде, наконец, юго-восточной части. Автокефалистские движения активизировались в среде православных, живших на окраинах России – в Закавказье, Прибалтике, Польше, Украине, отчасти в Молдавии.

Географические, социально-политические и национальные особенности перечисленных территорий повлияли на специфику автокефалистских движений. В данной публикации представлена краткая характеристика выделенных типов объединений.

1. Временные, но восстановившие канонические отношения с центральной церковной властью.

Учрежденные независимо от патриаршей власти Временные высшие церковные управления (ВВЦУ), в Сибири с декабря 1918 г. и на Юге с мая 1919 г., просуществовали недолго. Они занимались решением вопросов церковной жизни и, наряду с окормлением верующего народа, взаимодейство-

вали с властью военной и гражданской. Представители церкви поддерживали Белое движение и благословляли его на борьбу с главным своим идейным противником – большевизмом.

На изучаемых территориях, при всех неблагоприятных условиях, священно-церковнослужители могли продолжать духовное окормление вверенной им паствы. Причем религиозная деятельность ими совершалась свободно и независимо, без вмешательства какой-либо нецерковной власти – царской, синодальной, советской. Здесь, особенно на Юге России, начинает положительно пониматься и практически осуществляться принцип отделенности религиозных объединений от государства, а дискриминирующие их положения Декрета от 23 января 1918 г. не имели силы. Епархии и приходы беспрепятственно пользовались церковным имуществом, работали духовные учебные заведения, в школах изучали Закон Божий.

Следует обратить внимание еще на одну особенность. Главнокомандующие адмирал А. В. Колчак, генералы А. И. Деникин и П. Н. Врангель возродили институт военного духовенства. Причем вместо протопресвитеров руководителями стали, сначала в Сибири, а затем в Крыму, епископы. После поражения под Орлом Белого войска, А. Деникин покинул пределы Отечества. Вплоть до грандиозной по своим масштабам эмиграции Добровольческой армией командовал генерал П. А. Врангель. Он стремился активизировать взаимодействие с ВВЦУ. Из его состава ввел в правительство в качестве представителя епископа Севастопольского Вениамина (Федченкова), возглавителя военного духовенства. В Крыму председателем ВВЦУ был архиепископ Киевский Антоний (Храповицкий), впоследствии эмигрировавший и возглавивший зарубежную церковь.

После подавления большевиками Белого движения и “заката Добровольческой армии” (Г. Шавельский) начинают восстанавливаться связи епархий с центральной церковной властью.

Самоуправляемые церковные структуры создавались в нарушение установленных канонов. Чтобы придать им каноничность, позднее Постановлением № 362, принятым 7/20

ноября 1920 г. соединенным присутствием Священного Синода и Высшего Церковного Совета РПЦ под председательством Святейшего Патриарха Тихона разрешалось утверждать самоуправляемые структуры до восстановления канонических связей с центральной церковной властью [6, с. 67].

2. Существовавшие на территории России части временных автокефалий, в эмиграции создали самостоятельные юрисдикции. К этому типу необходимо отнести Русскую православную церковь за рубежом (РПЦЗ). В литературе она встречается под названиями – карловацкая церковь или карловацкий раскол. Среди ее организаторов были и некоторые руководители ВВЦУ Юга России. Созданная в 1921 г. на соборе в Сремски-Карловци (Сербия), отошедшая от РПЦ самоуправляемая структура, под свое окормление собрала многих православных верующих русского зарубежья от Европы до Американского континента и Китая. РПЦ объявила зарубежную церковь неканонической раскольничьей и на официальном уровне связей с ней не поддерживала. Да и советская власть препятствовала таким связям, объявив РПЦЗ антисоветской. Только в 2007 г. в Москве в восстановленном храме Христа Спасителя произошло воссоединение двух церквей. Правда, некоторые епархии не вошли в состав Матери-Церкви, оставаясь самоуправляемыми. В среде альтернативного православия их именуют “осколками”.

3. Части РПЦ, находившиеся преимущественно на окраинных территориях Российской империи и добившиеся автокефалии или перешедшие в юрисдикцию других Поместных церквей, преимущественно в Константинопольскую. На мировом конфессиональном ландшафте появились автокефальные поместные православные церкви – Польская и Грузинская. В Финляндии и Эстонии были образованы церкви, вошедшие в юрисдикцию Константинопольского патриархата.

4. Наконец, объединения, которые пытались добиться автокефалии, остались в РПЦ, но во время кардинальных социально-политических изменений – распада государства, активизировали автокефалистское движение. Речь может идти об Украине.

Уже в 1917 году начинается процесс автокефализации православия на Украине. Летом во время Директории утвер-

ждается Центральная рада, а за ней Церковная инициативная рада, состоявшая из националистически настроенных представителей духовенства и мирян. Они и стали требовать для отделившейся от России страны самостоятельную (по другому определению – национальную) церковь. Однако после многих перипетий Украина осталась в составе советского государства, а православные общины – в юрисдикции Русской православной церкви, получив наименование Украинская православная церковь (Московского патриархата). В наше время на Украине представителями отколовшихся от РПЦ юрисдикций (в том числе УПЦ Киевского патриархата – создана в 90-е годы XX века) и священноначалия Константинопольской церкви при непосредственном участии государственной власти поднялась новая волна требований создания независимой, самостоятельной украинской церкви. 05.01.2019 г. в Стамбуле патр. Варфоломей подписал Томос о создании Православной церкви Украины (ПЦУ) в юрисдикции Конст. патриархата. УПЦ МП продолжает свою деятельность.

Таким образом, изучение автокефалистских движений выявило большое разнообразие процессов, приводивших к временному или постоянному отделению православных от РПЦ. Разнообразие отходивших объединений стало основой для их типологизации. Выявлено до четырех типов. В качестве критерия были учтены результаты процессов автокефалистских движений, происходивших в той или иной местности.

Библиографический список

1. Бессонов М. Н. (Литературн. фамилия А. Н. Лещинского). Православие в наши дни. М.: Политиздат, 1990;
2. Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М.,: изд. Отчий дом, 2016;
3. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1-5, Париж: б/г. [1921-1926];

4. Евлогий (Георгиевский), митр. М.: Московский рабочий, 1994;

5. Зеньковский В. В. Пять месяцев у власти (воспоминания). М.: Крутицкое подворье, 1995;

6. Постановление Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего церковного совета от 7/20 ноября 1920 г. №362// Церковный вестник (Белград), 1926, № 17-18;

7. Шавельский Георгий, протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. В 2-х тт.: т. 1 – 423 с., т. 2 – 432 с. Нью-Йорк: тип. им. А. П. Чехова, 1954.

2019 г.

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В ИХ ОТНОШЕНИИ К АВТОКЕФАЛИСТСКИМ ДВИЖЕНИЯМ. [114]

С нач. XX в. во Вселенском (Мировом) православии активизировались автокефалистские движения. В них выражается стремление частей Поместных церквей получить автокефалию – самовозглавление. Нередко процесс предоставления затягивается и переходит в конфликт, в разрешение которого участвуют не только представители церквей но и государственные структуры. Для предотвращения таких рецидивов необходимо глубокое изучение автокефалистских движений, которые характеризуются многообразием и своими особенностями. В статье на основе изучения отношений Русской православной церкви и государств к автокефалистским движениям представлена типология автокефалий как результатов этих движений.

1. Восстановленные автокефалии. В истории автокефалистских движений таковые уже были. Достаточно вспомнить Элладскую и Болгарскую церкви. В исследовании речь идет о Грузинской. Ее во время присоединения Грузии к Российской империи низвели до статуса экзархата Российской православной церкви под управление государственно-церковного органа – Святейшего Правительствующего Синода. Восстановление автокефалии произошло в марте 1917

г. сразу же после отречения Николая II и замены монархического правления властью Временного правительства. Новая власть и Российская церковь (ее официальные представители) крайне отрицательно отнеслись к такому, не санкционированному с их стороны провозглашению. Они сохраняли за собой прежнее управление грузинским православием. Для урегулирования сложившейся ситуацией в Грузию был направлен ординарный профессор Петроградского университета В. Н. Бенешевич в качестве временно уполномоченного Временного правительства по делам Грузинской церкви. Следует только отметить такой факт. Инструкции данной Бенешевичу от обер-прокурора св. Синода было отмечено: “1. Католикос утверждается Верховною Властью Русского Государства”. [2] Однако миссия уполномоченного не была завершена. Грянула Октябрьская революция. Коренным образом изменились отношения с Грузией и государственно-церковные отношения. Таким образом Грузинская церковь стала независимой. С июня же 1918 г. отношения между Грузинской и Русской православными церквями прекратились до 1943 г.

2. Временные автокефалии. В России временные автокефалии стали возникать в с 1918 г., то есть с начавшейся Гражданской войны на территориях занятых белогвардейскими формированиями. Военные правительства поддерживали временные, потерявшими связи с церковным центром, структуры и даже управляли ими. [3, с. 5-10]. Во время первой волны русской эмиграции за рубежом была самостоятельно образована церковная организация впоследствии получившая название Русская православная церковь заграницей. Просуществовавшая несколько десятилетий, она в 2007 г. воссоединилась с Матерью-Церковью, причем не без участия представителей постсоветского государства, включая президента РФ.

3. Новые автокефалии. К их учреждению, в обозреваемое время, Русская православная церковь имела непосредственное отношение. В 1918 г. в Европе появилось новое унитарное государство Чехословакия. К тому времени в стране очень сложной была религиозная ситуация. Действовали объединения католиков, униатов, протестантов. Православ-

ные входили в разные юрисдикции прежде всего Сербской церкви (преимущественно чехи), Русской, Русской зарубежной и несколько приходов Константинопольской церкви. Такая чересполосица вызывала межконфессиональные споры. В создавшихся условиях со стороны чешских православных и началось автокефалистское движение. Оно проходило мирно, через встречи, переговоры, диалоги с заинтересованными сторонами. 27 июня 1945 г. делегация православных была принята президентом Э. Бенешом. На встрече обсуждался главный вопрос об организации Чешской православной церкви и получении ею автокефалии. Президент отметил, что такой вопрос не является политическим и церковь свободна в своем устройстве. При этом он предупредил, что была бы желательной “опора о великую Восточную Русскую Церковь”. [5]

Начались переговоры со священноначалием Сербской и Русской православных церквей. Уже в октябре Чехию посетила делегация Московской патриархии во главе с архиепископом Орловским и Брянским Фотием (Топиро). В произнесенном им Слове, в частности, было сказано: “В связи с тем, что некоторые указывают на желательность автокефалии для Чешской Православной Церкви, в этом вопросе я считаю своим долгом пояснить, что принципиально каждая самостоятельная страна имеет потенциальное право на автокефалию своей Церкви”. [4, с. 17]

Вопрос об автокефалии начал активно обсуждаться как в церковных, так и в светских кругах. Священноначалие взаимодействовало с Правительством, в частности с Управлением по церковным делам. На одном из его заседаний было сообщено, что идея поддержана и Советом по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР.

С 8 декабря 1951 г. Чехословацкая православная Церковь стала автокефальной. В этот день состоялся Церковный собор, на котором был зачитан Акт дарования Русской православной церковью автокефалии Чехословацкой православной церкви. Однако автокефалия некоторое время не признавалась Константинопольским патриархатом и рядом греческих церквей Вселенского православия. Она считалась автономной (с 1923 г.). И только 27 августа 1998 г. Константино-

польским патриархом Варфоломеем был издан “Патриарший и Синодальный Томос о даровании автокефалии святой Православной Церкви в Чешских землях и Словакии”.

Не просто и по-особенному проходило движение к автокефалии в Польше. Сразу замечу – оно стало чрезвычайно социально обусловленным и политизированным.

На начало отпадения от Российской империи западных территорий в Польше оказалось ок. 4 млн. православных христиан в большинстве своем русских, белорусов, украинцев, пребывавших под юрисдикцией Московского патриархата. После обретения независимости польское правительство выдвинуло идею автокефальной православной церкви в Польше, то есть выхода ее из юрисдикции Русской церкви. Если следовать канонам и традициям, к ней и надо было обращаться. Однако переговоры начались со священноначалием Константинопольского патриархата. Была предложена митрополия. Тогда по дипломатическим каналам вышли на патриарха Тихона. Святейший владыка предложил экзархат как переходный этап к автокефалии. Намекнул, что в движении к ней должен принимать участие и польский народ. Тогда были продолжены переговоры с Фанаром. В итоге представителями польского правительства автокефалия для Польской церкви была выкуплена у Константинопольских патриархов. Историк А. А. Чибисова к недавно опубликованной статье прилагает архивные финансовые документы, в которых приводятся немалые суммы, потраченные польским правительством за дарование автокефалии. [6, 64-80]

В кон. 1924 г. патриарх Константинопольский дал благословение на автокефалию Польской церкви. В следующем году ей был передан соответствующий Томос. Московский патриархат, усмотрев в этом вмешательство в его дела, признать автокефалию Польской православной церкви отказался. Другие церкви ее признали только в 1948 г. по просьбе Синода православных епископов Польши Московский патриархат объявил Константинопольское дарование автокефалии 1924 г. недействительным и издал собственную Декларацию об автокефалии.

4. Новые не всеми признанные во Вселенском православии. К настоящему времени к таковым относится Православ-

ная церковь в Америке. Уже в XIX в. на Американском континенте, особенно в США, религиозная ситуация характеризовалась ярко выраженным поликонфессионализмом. Прежде всего, благодаря объявленным государством вероисповедным свободам. С рубежа XVIII-XIX вв. на Аляске и прилегающих к ней островах начинается русская православная миссия, впоследствии дошедшая до Калифорнии. А к XX в. и в дальнейшем православие получило распространение по всему континенту, причем юрисдикций других церквей Вселенского православия, в том числе и Константинопольской. Последняя, в результате прошедшей Мировой войны и распада Османской империи, утратила на прежних территориях, особенно в Турции, большую часть приходов. В таких условиях патриархи направили свои взоры на православные диаспоры в мире, в том числе и в Америке. Туда был направлен архиепископ Мелетий (будущий патриарх Мелетий IV). Он воссоединил греческие приходы и образовал Греческую православную Архиепископию в Северной Америке. А уже после интронизации поставил задачу подчинить своей юрисдикции не только греческие, но и вообще все православные юрисдикции в Северной Америке. Однако здесь Мелетию поставленную задачу не удалось осуществить.

Объединительный процесс на своей канонической территории в Америке возглавила сама Русская православная церковь. С 20-х вплоть до 60-х годов ее юрисдикции оказались в разрозненном состоянии, а некоторые в расколе. У Матери-Церкви с Митрополичьим округом, который порой именовали Православной церковью в Америке, канонические взаимоотношения были ненормальными.

Только с избранием в 1965 г. во главе православной церкви в Америке митрополита Ириней (Бекиша) начались переговоры приведшие к восстановлению нормальных канонических отношений, правда, и к началу автокефалистского движения.

На двусторонней встрече в марте 1970 г. митрополит Ириней вручил митрополиту Никодиму (Ротову), тогдашнему председателю ОВЦС Московского патриархата прошение на имя Патриарха Алексия I о том, чтобы Русская православная церковь даровала Православной Церкви в Америке

автокефалию. 13 апреля 1970 г. патриарх Алексий I, на канонических основаниях подписал Синодальный Томос о предоставлении автокефалии Православной церкви в Америке. Однако новая автокефальная церковь, вот уже 50 лет существующая, Константинопольским патриархатом и рядом греческих церквей до сих пор не получила признания – считается автономной. В дни перед подписанием Томоса патриарх Константиновольский Афинагор и некоторые предстоятели греческих церквей в письмах и к патриарху Алексию I, а затем патриарху Пимену (Извекову) указывали на незаконность их действий. Кстати, Русская православная церковь в этом важном деле заручилась поддержкой со стороны партийно-государственного аппарата. Доктор исторических наук О. Ю. Васильева отмечает, что действия патриарха Афинагора обсуждались в Отделе Пропаганды ЦК КПСС. Приведя фрагмент из партийного документа, о том, что письмо из Фанара “не имея никакой канонической аргументации, лишь продемонстрировало еще раз намерение Константинопольского Патриарха установить в Америке православную церковь под своей юрисдикцией”, историк заключает: “Светские власти понимали ситуацию по-своему, но в том же русле, что и власти церковные”. [1, с. 71]

Далеко не всеми церквями Вселенского православия не признана и Православная церковь Украины (ПЦУ), получившая 5 января 2019 г. Томос. Без сомнения документ можно назвать порашенковско-варфоломеевским.

Главными авторами его появления были президент Украины Порошенко и Константинопольский патриарх Варфоломей. Начавшийся в кон. прошлого века межцерковный конфликт на Украине – канонической территории Русской православной церкви – продолжается.

5. Не признанные всеми церквями Вселенского православия. Таких появилось много, особенно на рубеже XX-XXI вв. Причины разные – внутренние и внешние (социально обусловленные). Объединения позиционируют себя православными, признавая Никео-Константинопольский Символ веры. Однако неканонически избрав самовозглавление, не входят в юрисдикции ни одной Поместной православной церкви. Их

география обширна: в России, на Балканах, Американском континенте.

Завершая, скажу несколько слов о будущем автокефалистских движений. Однако это один из очень трудных вопросов в решении проблемы единства церкви. Самое главное, чтобы автокефалистские движения не доходили до межцерковных конфликтов. Здесь многое зависит от решений священноначалия церквей и представителей гражданской власти, от их умения вести диалог.

Библиографический список

1. Васильева О. Ю. Православная церковь в Америке: к вопросу об автокефалии. // Альфа и Омега, № 2(46), 2006;
2. Инструкция временно уполномоченному Временного правительства по делам Грузинской церкви. // СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 3. Д. 106. Л. 97;
3. Лецинский А. Н. Временные автокефалии как предпосылки церковных разделений в Русской православной церкви. // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков. Материалы XVIII Международной научной конференции, Иваново, 3-4 апреля 2019 г. Иваново: Издательство "Ивановский государственный университет", 2019;
4. Фотий, архиеп. Слово, произнесенное на Божественной литургии. // Журнал Московской Патриархии. 1945, № 11;
5. Цит. по: Бурега В. Чехословацкая православная церковь: путь к автокефалии. // <https://pravoslavie.ru/orthodoxchurches/39938.htm>. Дата обращения 10.12.19 г.;
6. Чибисова А. А. Автокефалия "под ключ": некоторые факты из истории Польской церкви 1924 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви: М., 2018. Вып. 81.

2020 г.

ДИАЛОГ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ РАЗДЕЛЕНИЙ (РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ). [22]

Аннотация

Введение.

В статье исследуются актуальные вопросы отношения церквей Вселенского православия к отошедшим от них и без их разрешения – Томоса, юрисдикциям. В теологии – богословии они именуются расколами, в религиоведении – объединениями альтернативного православия. Большое число таких объединений появилось в мире в последнее тридцатилетие в связи с распадом ряда государств на Европейском континенте. Целью исследования является изучение отношения титульных церквей к отходящим от них без их на то санкции структурам. К задаче исследования относится изучение способов преодоления расколов, а среди них – диалог.

Материалы и методы.

Особенности церковных разделений исследуются преимущественно на фактографических материалах Русской православной церкви. Анализируется ее отношение к ним, начиная с реформационных до современных автокефалистских движений на Украине. Однако исследуются и способы преодоления расколов на материалах из ранней и средневековой истории Вселенского православия. Исследование проведено на основе методов историзма, структурно-функционального и метода исторической ретроспекции в сочетании с теорией социальной трансформации социальных явлений, к которым относится и церковь.

Результаты исследования.

Автор приходит к выводам о том, что отношения между Поместными церквами и расколами были всегда напряженными и конфликтными. Хотя конфликты происходят в сфере

религиозной, их негативные последствия находят выражение и в социальной сфере – обществе и государстве.

Обсуждение и заключения.

Проведенный в статье анализ постепенного перехода Поместных церквей от анафемы к диалогу с представителями отошедших от них юрисдикций имеет и теоретическую значимость, т. е. вносит вклад изучение эволюционных процессов, происходящих в религии и церкви. Автор считает, что в современном социуме, в его религиозной сфере необходимо развивать диалог как позитивную, в духе мира и долготерпения форму общения. Такой вывод имеет, несомненно, и практическую значимость.

Ключевые слова: диалог; межконфессиональный диалог; церковные расколы; альтернативное православие; Россия; Украина; Русская православная церковь; Русская православная церковь за рубежом; староверие.

Введение.

На рубеже XX-XXI вв. в некоторых церквях Вселенского православия возникли новые церковные разделения, по богословской терминологии – расколы. В современном религиоведении они получили название – объединения альтернативного православия. География их распространения в мире обширна. Статистика такова. Количество приверженцев в современном мире доходит до 50 млн. Общее число самостоятельных юрисдикций 50-70, а приходов и общин – от 12 до 15 тысяч [9, с. 61, 63].

Уходящие в раскол православные структуры требуют от Матерей-Церквей (титульных – говоря светским языком) предоставления им автокефалии. В этой связи чрезвычайно сложная ситуация возникла за пределами Российской Федерации, но на канонической территории Русской православной церкви (РПЦ). Именно украинский раскол наиболее беспокоит священноначалие Московской патриархии, да и местную гражданскую власть, включая законодательную и исполнительную. Возникающий конфликт и ему подобные по религиозному признаку разделяют людей на враждующие стороны. Такие ситуации в православных государствах воз-

никали на протяжении сотен лет. Проблема изучения и преодоления существующей вражды остается актуальной и в текущей четверти XXI в.

Цель настоящего исследования – изучение отношения титульных церквей к отходящим от них без их на то санкции структурам. К задаче исследования относится изучение способов преодоления расколов. Предметом исследования стало изучение диалога, по убеждению автора, как одного из главных способов преодоления расколов.

Основная часть.

Исследование проведено на основе методов историзма, структурно-функционального и метода исторической ретроспекции в сочетании с теорией социальной трансформации социальных явлений, к которым относится и церковь. Существует долгая история изучения расколов, начиная с первых веков христианства и церковными авторами [3], и светскими учеными [1].

Анализ показывает, что предшествующая литература имеет преимущественно историческое значение. В настоящем же исследовании учитываются социальные факторы наших дней, влияющие на характер современных церковных расколов и способы их преодоления. На основе чего формулируются соответствующие выводы.

В результате работа приобретает не только теоретическую, но и практическую значимость.

Уже в раннем христианстве преодоление расколов именовалось через понятие “уврачевание”. Оно существовало в разнообразных формах: спор, полемика, диспут, епитимья, отлучения (от причастия, от церкви). крайняя степень уврачевания – анафема, т. е. отлучение с проклятием отпадающих от церкви. В литургических и пастырских руководствах [5, с. 25-27] в чине Торжества Православия упоминаются те, кто предавался анафеме, в том числе еретики и раскольники. Анафемствования совершаются в первое воскресенье Великого поста в праздник Торжества Православия. Сам чин был утвержден на Вселенском Соборе 787 г., на котором было осуждено иконоборчество. Окончательно чин, который получил название “Синодик”, сложился к сер. IX в. Он состоит

из III главных частей. В I -ой части провозглашается вечная память канонизированным подвижникам благочестия; во II-ой – провозглашается многолетие нынешним труженикам на ниве церковной. В прошлом это совершалось по отношению к императорам, князьям, царям, патриархам. Затем всем тем, кто отличается в этой деятельности; в III-ей – провозглашаются анафемы противляющимся божественной и церковной истинам. Сюда включались иконоборцы, другие еретики, еретики впавшие в языческие заблуждения, враги православных государств, куда, к примеру, относились Степан Разин, Григорий Отрепьев, гетман Мазепа. С сер. XIX в. конкретные имена опускались, так как не той была уже острота противостояния. В настоящее время, как считают представители русской православной церкви, состав еретических заблуждений необходимо определять заново и включать провозглашение анафеме в современный чин православия. За последние 25 лет отлучений было мало, однако большинство из них произошло из-за непослушания церкви, священноначалию и учинения расколов. Такой процедуре подвергся священник Глеб Якунин и бывший митрополит Русской православной церкви Филарет (Денисенко). Ни долгих споров, ни тем более диалогов с ними не велось.

Истоки диалога как способа общения людей уходят в глубокую древность, в философию античного мира, когда жили Сократ и Платон. Диалог тогда стоял на одном из первых мест в культуре общения людей. Диалоги Сократа, о чем нам доносит его ученик Платон [6], пронизаны той толерантностью, о которой мы сейчас много говорим. Диалогичную форму отношений можно встретить в Священном писании, в беседах с язычниками и иудеями апостолов. Позднее – у апологетов христианства.

На православном востоке в VII-VIII вв. выделяется фигура св. Иоанна Дамаскина (ок. 680 – ок. 780). Он показал пример терпеливого ведения диалога не только с раскольниками, инославными, но и с иноверными – мусульманами [4].

Таким образом, уже сначала христианства и в раннем средневековье было воспринято античное наследие – диалог как замечательная форма отношений между людьми.

В феодальной Руси на протяжении долгого времени представители разных религиозных направлений к диалогу не прибегали. В XVI в. во время реформационных движений, которые глубоко изучил наш отечественный историк А. И. Клибанов, споры с представителями ересей: стригольников, жидовствующих, антитринитариев, нередко завершались тюрьмами и казнями отступников. У провинившихся даже вырывали языки.

Во второй половине XVII в. горячие споры за свою веру вели старообрядцы с иерархами и клириками, отстаивающими и утверждавшими реформы патриарха Никона. Известен спор с одним из лидеров старообрядческого движения Никитой Пустосвятом. Он состоялся в самом сердце России, в Московском Кремле, в Грановитой палате. Однако встреча закончилась трагично для староверов.

Вплоть до начала XX в. слова раскол, раскольник в негативистской коннотации, фигурировали в законодательных актах и документах правового содержания. И только в апреле 1905 г. царь Николай II своим Указом “Об укреплении начал веротерпимости” запретил употреблять эти понятия в такой коннотации. 7-я ст. гласила: “Присвоить наименование старообрядцев, взамен ныне употребляемого названия раскольников, всем последователям толков и согласий, которые приемлют основные догматы Церкви Православной, но не признают некоторых принятых ею обрядов и отправляют свое богослужение по старопечатным книгам” [7, с. 237-238].

В последние десятилетия в РПЦ заметна тенденция к ведению диалога выборочно с некоторыми юрисдикциями отошедшими или отходящими в раскол. Есть и удачи, в других же случаях диалог идет очень трудно.

Около 80 лет находилась в расколе Матерью-Церковью Русская православная церковь за рубежом (РПЦЗ). В церковной печати и в отдельных выступлениях порой можно было встретить выражение, характеризующее представителей русской церковной эмиграции: “самочинное сборище”, “карловацкий раскол”, “раскольники из Джорданвилля”. На официальных уровнях церковей никаких контактов не существовало. Они были у мирян, отдельных клириков, но погоды они не делали. Более того, состояние взаимоотношений усугуби-

лось, когда РПЦЗ еще при митрополите Виталии (Устинове) приняла на территории СССР и России в свою юрисдикцию священно- и церковнослужителей, а также мирян, ушедших из РПЦ в раскол. Однако постепенно создаются условия для налаживания диалога с зарубежной церковью. Результатом встреч явилось объединение церквей, которое торжественно произошло 17 мая 2007 года.

Проблемы в налаживании диалога РПЦ со староверческими объединениями наблюдаются на рубеже 60-70-х годов XX века, когда никонианская церковь (так после реформ проведенных патриархом Никоном стали называть официальную церковь старообрядцы) выразила свое отношение к старообрядческому расколу и пригласила их представителей к диалогу. Даже в официальные определения Поместного собора в мае 1971 г. вошли некоторые документы, в которых было выражено положительное отношение к налаживанию связи русской православной церкви со старообрядцами [8, с. 77]. За несколько лет до этого РПЦ разрешила своим священнослужителям в особых условиях и случаях исповедовать и причащать старообрядцев и католиков (в теологии – богословии это получило название интеркоммунион). Правда, в 1986 году РПЦ эту практику отменила. Позднее, уже в наше время, при Священном Синоде создается специальная структура по взаимодействию со старообрядческими церквями, происходят двухсторонние встречи представителей московской старообрядческой общины и Московской патриархии. Однако налаживание диалога испытывает большие трудности. Старообрядческая сторона с нескрываемой осторожностью относится к этому диалогу, дабы не потерять свою идентичность.

На Украине в 1917 г. сразу после Февральской революции начинается процесс автокефализации православия. Здесь во время правления гетмана Петра Скоропадского утверждается Центральная рада, а за ней Церковная инициативная рада, состоявшая из националистически настроенных представителей духовенства и мирян. Они и стали требовать для отделившейся от России страны самостоятельную (по другому определению – национальную) церковь. Кстати, следует отметить, что в те тревожные месяцы (до эмиграции) в Киеве

пребывал, занимая должность Министра исповеданий Василий Зеньковский – магистр философии, доктор богословских наук, профессор, впоследствии православный священник. В своих воспоминаниях он размышляет по поводу создавшейся ситуации. Ратуя за церковное единство, он выступал за автономию украинского православия, но не за автокефалию [2, с. 91-103].

После многих перипетий Украина осталась в составе советского государства, а православные общины в юрисдикции Русской православной церкви, получив наименование Украинская православная церковь (Московского патриархата). В период перехода к постсоветскому времени на Украине представителями отколовшихся от РПЦ юрисдикций (в том числе УПЦ Киевского патриархата – создана в 90-е годы XX в.) и священноначалия Константинопольской церкви поднялась новая волна требований утверждения независимой, самостоятельной украинской церкви. Правда, еще в конце 90-х годов были попытки противостоящих сторон начать диалог. Однако он так и не состоялся.

В наше время на Украине представителями отколовшихся от РПЦ юрисдикций при непосредственном участии Константинопольского патриарха Варфоломея и государственной власти поднялась новая волна требований создания независимой, самостоятельной украинской церкви. В разгоревшемся конфликте РПЦ прекратила каноническое общение с Константинопольским патриархатом. 5 января 2019 года в Стамбуле патр. Варфоломей подписал Томос о создании Православной церкви Украины (ПЦУ) в юрисдикции Константинопольского патриархата. Созданное объединение скорее всего можно назвать экзархатом. УПЦ МП как и прежде продолжает свою деятельность.

Заключение.

Изучение отношений Поместных православных церквей к церковным расколам показывает:

во-первых, существует немало препятствий для налаживания изучаемого диалога. Самое главное среди них – нарушенные каноны, ставшие причиной возникновения раскола;

во-вторых, история включает опыты у врачевания расколов или их преодолений, многое зависит от складывающейся религиозной ситуации и социальных факторов. Сами же Матери-Церкви, в частности РПЦ, имеют свою типологизацию разделений и дифференцированно подходят к ним. С одними она идет на диалог, к другим относится резко отрицательно, их представителей обвиняют в ереси, в неправильных воззрениях на утвердившиеся с давних пор еклезиологические положения, в нарушениях установленных канонов, а также в отказе от покаяния;

в-третьих, среди всех форм изучаемого преодоления на первом месте стоит все-таки диалог. Он предполагает наличие со стороны участвующих доброй воли, мирного духа, деликатно сказанного слова, долготерпения и любви;

в-четвертых, затягивание диалога или отказ от него чреватые своими последствиями. Следовательно, диалог необходим и возможен.

Итак, процесс преодоления церковных расколов чрезвычайно труден. Как показывает социальная реальность одни расколы, появившись, продолжают свое существование, другие появляются, усугубляя религиозную ситуацию. Следовательно, существует необходимость дальнейшего изучения проблемы и практического ее решения.

Библиографический список

1. Бонч-Бруевич В. Д. Материалы к изучению русского сектантства и раскола. СПб.: 1908-16; История религий в России. М.: Изд-во РАГС, 2001; Клибанов А. И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1973; Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XXв. М.: Республика, 1995; Православие и христианские разделения. Исторический очерк. М.: 1996;
2. Зеньковский В. В. Пять месяцев у власти: Воспоминания / Под редакцией М. А. Колерова. М.: Издательский дом REGNUM, 2011. 648 с;
3. Игнатий Богоносец св. Послание. – Казань, 1857; Ириней Лионский. Пять книг против ересей. / Пер. П. Преображенского. М.: 1868; Киприан Карфагенский. Книга о единстве церкви. / Тво-

рения священномученика Киприана, епископа Карфагенского. М.: Паломник, 1999; Григорий Богослов. Творения: В 2-х тт. СПб.: б. г.; Василий Великий. Творения: В 7 ч. М.: 1845-1848. Иоанн (Снычев), митр. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х гг. XX столетия. Сортавала, 1993; Однорал А. А. История церковных разделений. Россия – XX век. Пятигорск: изд-во ПГЛУ, 2003;

4. Иоанн Дамаскин. Источник знания. / Пер. с греч. и коммент. Д. Е. Афиногенова, А. А. Бронзова, А. И. Сагарды, Н. И. Сагарды. М.: Индрик, 2002. 416 с;

5. Неделя Торжества Православия. Ред. священник Михаил Асмус. М.: изд-во ПСТГУ, 2012. 58с;

6. Платон. Диалоги. (Серия «Философское наследие». Т. 98). М.: Мысль, 1986. 605 с;

7. Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е. Т. XXV: 1905. СПб.: 1908;

8. Русская Православная Церковь 988 – 1988. Вып. 2. М., Изд-во Московской патриархии, 1988. 112 с;

9. Энциклопедия религий / под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. М.: Академический Проект, 2008. 1520 с.

2019 г.

К ИТОГАМ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ЕДИНСТВА ЦЕРКВИ И ЮРИСДИКЦИОННЫХ РАЗДЕЛЕНИЙ В НЕЙ. [98]

В настоящей публикации представлены результаты весьма продолжительных теоретических и практических исследований.¹⁸

¹⁸ Некоторые сформулированные авторские положения нашли отражение в статьях по конкретным вопросам проблемы: Лещинский, А. Н. Православие: типология церковных разделений / А. Н. Лещинский // Ученые записки РГСУ. – М., 2009. – № 1. – С. 110–118; Лещинский, А. Н. Альтернативное православие: содержание понятия, история и современное состояние / А. Н. Лещинский // Новые вызовы свободе совести в современной России: материалы Междунар. науч. –практ. конф. – М.: Центральный Дом журналиста, 26 июня 2012 г. – М.: 2012. – С. 29–37; Лещинский, А. Н. Расколы в православии и отношение к ним международных правовых организаций / А. Н. Лещинский // Государство, общество,

Феномен юрисдикционных разделений в православии автор начал изучать с середины 80-х гг. XX в. В то время мне довелось работать в государственной структуре на федеральном уровне по связям с религиозными объединениями. Тогда начинался процесс больших перемен в нашем государстве и ряде государств мира, входивших в социалистический лагерь. Меняется в них и религиозная ситуация, связанная с изменениями в государственно-конфессиональных отношениях, то есть их либерализацией. В дополнение к уже собранным мною материалам стали появляться в большом количестве новые фактические данные о происходящих изменениях. Тогда же приступил к их анализу, систематизации и обобщению.

И вот среди всех собранных материалов о современном православии в центре моего внимания оказалась следующая проблема. У многих, кто каким-то образом соприкасался с православием, в сознании преимущественно бытует представление о нем как о чем-то едином. Однако оказывается, что это не так. Во-первых, существуют поместные автокефальные церкви, называемые каноническими (их 15). Во-вторых, неканонические церковные юрисдикции, отошедшие от первых.

С таким феноменом раскола в современном русском православии мне довелось познакомиться на примере Русской зарубежной церкви. У ее представителей встретились воззрения эклезиологического, канонического и религиозно-политического содержания, расходящиеся с церковью в Отечестве. Во время подготовки к празднованию 1000-летия Крещения Руси мною была опубликована статья под названием “Раскольники из Джорданвилля” (1987).

Далее познакомился со старообрядчеством, старостильниками, появившимися у нас из Греции, и с расколом в Македонии.

Русская зарубежная церковь, имевшая свои структуры вне Отечества, с 1990-х годов стала принимать в свою юрис-

церковь в истории России XX века: материалы XII Междунар. науч. конф., Иваново, 20–21 февр. 2014 г. – Иваново, Изд-во “Ивановский государственный университет”. – 2014. – Ч. 1. – С. 3–9).

дикцию общины, бывшие в России и отходящие от Московской патриархии. В это же время в православном мире появляется все больше и больше новых церковных юрисдикций, не подчиняющихся какой-либо Поместной православной церкви: в Украине, Молдове, Америке, на Балканах и других регионах. Даже возникают целые движения, одно из которых получило название “богородичное”. Так было выявлено большое разнообразие юрисдикций в православии. География их распространения обширна, а статистика такова: количество приверженцев в современном мире доходит до 50 млн. Общее число самостоятельных юрисдикций 50–70, а приходов и общин – от 12 до 15 тыс.¹⁹

Таким образом, актуальность исследования связана с беспрецедентным появлением расколов в православной среде, которые по-своему отражаются на отношениях с обществом и государством. Их изучение в рамках светских научных исследований велось, но преимущественно было обращено в историю. Отсутствовали теоретические построения для глубокого понимания причин расколов, коренящихся в изменяющемся социуме. Социум оказывает влияние на религиозность приверженцев православия, на состояние его единства и на разделения в нем.

Отсутствовала теоретическая разработка функционально-типологических особенностей современных разделений. Выяснилось, что традиционный исторический подход к их изучению, вне сомнения имеющий большую значимость, недостаточен, и в исследовании сделана попытка обратиться к новейшим теоретико-методологическим и концептуальным разработкам, включающим системно-аналитический подход.

Еще одним из методологических оснований стала социально-философская и социологическая концепция религиозной ситуации. В итоге исследование основано на системно-аналитическом и структурно-функциональном методах. Это позволило выявить морфологические и феноменологические особенности конфессиональных разделений вообще и многообразия появляющихся конкретных расколов. Последние

¹⁹ Энциклопедия религий / под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2008. – С. 61, 63.

все чаще относят к альтернативному православию. Названные методы дают возможность сформулировать и типолого-классификационные характеристики разделений.

В результате изучения проблемы единства церкви и юрисдикционных разделений можно выделить следующие основные положения и выводы. Единство – это фундаментальная, наиболее общая философская категория, выражающая состояние мира и человеческого общества. В диалектической философии рядоположенными категориями относительно единства являются еще три – тождество, противоположность, противоречие. Все они находятся в единстве.

В православном учении о единстве церкви, которое приемлет Вселенское православие, существуют особенности в понимании единства. Поскольку единство церкви в христианском учении имеет сакральный характер, отождествляется с иконой – образом нераздельной св. Троицы, то в церкви разделения, доходящие до расколов, не предполагаются. Раскол – это то, что выходит из ряда тождеств и противоположностей и с институциональной стороны не может называться церковью. Представители таких структур, по характеристике св. Киприана Карфагенского, падшие или отпавшие. Они вне канонов, утвержденных Вселенскими соборами. В них может быть тождественное, но коль они вне подчинения какой-либо кириархальной церкви, их тождество исчезает.

Учение о единстве церкви, сформированное в первом 1000-летию христианства его представителями, утверждалось в общественной реальности, но главные идеи учения так и не нашли своего воплощения в социуме вообще и в земной церкви, в частности (следует иметь в виду еще два значительных направления в христианстве – католицизм и протестантизм).

Существует много причин разделений церкви, доходящих до расколов. Из них один из главнейших – социальные детерминанты. В свою очередь из них немаловажное значение имеют социальные факторы и смены социальных парадигм.

Поскольку социальные парадигмы включают теории и концепции государственных отношений к религии, постольку они влияют на состояние единства церкви. Всякое госу-

дарство имеет модель государственно-конфессиональных отношений. Согласно той или иной модели церковь может существовать в союзе с государством, может быть конфронтация между государством и церковью, наконец, государственная власть, конфронтируя с существовавшей традиционной титульной церковью, может поддерживать и входить в союз с раскольнической церковью, выставляя ее в качестве юрисдикционной альтернативы Матери-Церкви. Правда, есть еще модель, которая получила свое начало и развитие с XVII в. Ее парадигма направлена на утверждение и установление принципа равенства всех религиозных объединений в государстве перед его законом. Расколы, или по нашей терминологии альтернативные структуры, в православии при всей социальной функциональности, ограниченной юрисдикцией относительно единого Вселенского православия имеют дезинтегрирующее значение. Расколы как субъекты религиозной ситуации имеют статус религиозных меньшинств. Они, действительно, таковыми и являются. Однако в конце XX в. начинают появляться расколы, которые объединяют несколько миллионов приверженцев и несколько тысяч общин (Украина). Это также можно отнести к беспрецедентному явлению в современном православии.

Расколы не нечто однообразное. Их социально-функциональные характеристики и религиозные практики могут различаться. В частности, отношением к традиционным и каноническим установлениям. Здесь имеются градации: одни называют себя истинно-православными или ревнителями православия, другие, наоборот, обновляют или модернизируют религиозные практики и установленный институционализм. Есть главная тенденция в православии. Она противоречива. С одной стороны, происходят объединительные явления, т. е. с кириархальной церковью объединяются формирования, которые были в расколе, с другой стороны, расколы умножаются и глобализируются.

Во Вселенском православии за последнее 1000-летие накопилось большое число проблем. Раньше они решались на Вселенских соборах, созываемых на основе догматического принципа существования церкви – соборности. В начавшихся Предсоборных совещаниях главными обсужда-

емыми вопросами являются те, решения которых ведут к утверждению и сохранению единства церкви.

Установившееся понятие “расколы в православии” не отражает все их многообразие, то есть тех объединений, которые не подчиняются кириархальным церквам и не входят в их юрисдикции. Среди них существуют не только те, которые некогда отошли от Матери–Церкви, но и были созданы вне каких–либо Поместных церквей. Поэтому в современном религиоведении вводится, определяется и обосновывается более общее понятие “альтернативное православие”.

Типологизация и классификация разделений и расколов православия показывает, что некоторые альтернативные структуры наиболее близки по своим социально–функциональным характеристикам к церквам Вселенского православия. Некоторые же далеко отошли от них, нарушая канонические установления, отсюда заметно различное отношение к ним со стороны Поместных церквей: одни – подвергаются критике, с другими же наблюдается тенденция к ведению диалога.

В осуществленном исследовании новым является то, что многие прежние богословские и научные труды преимущественно были обращены в историю, в них отсутствует теоретический анализ феномена расколов в контексте единой социально–философской парадигмы. Между тем она дает возможность изучить общественно значимый статус расколов в их историческом аспекте. Также дает возможность рассмотреть расколы во всех их многообразных связях – церковных и светских. Наконец, сделать выводы не только по современному состоянию расколов, но и основываясь на тенденциях, существующих в церковных разделениях, сделать прогностические выводы.

Многообразие разделений и расколов в православии вызывает необходимость проведения их типологизации и классификации. В них выявляются особенности типов и подтипов, которые дают возможность выражать особое отношение к ним со стороны кириархальных церквей и государства. В типологии юрисдикционных дифференциаций в православии автор выделяет четыре типа церковных разделений. Терминологически они выражаются через следующие понятия:

Вселенское православие, параллельные структуры, альтернативное православие и, наконец, историческое сектантство.

В анализе первого типа, уделяется большое внимание истокам и сущности православной концепции единства церкви и его утверждения в христианском мире. Указывается на противоречивость этого процесса. В параллельных структурах, которые относятся ко второму типу разделений, находящихся чаще всего в диаспорах, раскрываются генезис и противоречивые отношения объединений этого типа с Поместными церквями. Обращается особое внимание на третий тип, куда включены объединения альтернативного православия. Их классификация осуществляется на основе нескольких критериев: юрисдикционного, миграционного и социально-функционального. Сравнительный анализ и систематизация дали возможность выявить особенности объединений, которые не находятся в юрисдикционном подчинении какой-либо Поместной православной церкви. Отсюда выделяются 6 подтипов в проделанной классификации: дореформенные объединения, эмигрантские, катакомбные, истинно-православные, автокефалистские, апокалиптические и реформированные. Каждому подтипу дается социально-функциональная характеристика.

Кратко к главным итогам изучения проблемы единства церкви и юрисдикционных разделений в ней можно отнести следующие:

- впервые изучена проблема единства и разделения церкви на основе применяемого в последние годы структурно-функционального анализа религиозных систем как социальных феноменов и положений социально-философской и социологической концепции религиозной ситуации;
- определены этапы разделений и расколов в православии. Большое внимание уделено рассмотрению возникновения и функционирования объединений альтернативного православия в современном социуме;
- осуществлена типологизация всего многообразия юрисдикционных дифференциаций в православии и классификация альтернативного православия;
- уточнено и обосновано религиоведческое понятие “альтернативное православие”, как явление, представители

которого позиционируют себя с православием, но находятся в оппозиции к каноническим структурам Вселенского православия;

- проведен сравнительный анализ характеристик прежних расколов и современных (рубежа XX-XXI вв.), с целью выявления принципиально новых особенностей и характеристик. В существующих прежних выявлена трансформация в их структурных элементах. В появившихся новых – заметна модернизация культовой практики и организационного устройства;

- выявленные особенности объединений альтернативного православия в сравнении с церковно-каноническими образованиями, стали основой для определения их социально-функциональных характеристик. Большой акцент делается на рассмотрение единства и разделений православия в контексте изучения межрелигиозных и государственно-конфессиональных отношений. Сформулированы положения в качестве оснований для правильного понимания представителями государственно-административных и правовых инстанций причин и мотивов появляющихся в православии альтернативных структур, выработки соответствующих оценок их деятельности. Такое понимание – залог выстраивания оптимальных отношений между исследуемыми объединениями альтернативного православия и государством.

2015 г.

РАЗДЕЛ III

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ВОЗЗРЕНИЙ НА НИХ И СМЕНА МОДЕЛЕЙ

ХРИСТИАНСКИЕ ДОКТРИНЫ О СООТНОШЕНИИ РЕЛИГИИ И ГОСУДАРСТВА.

Проблема осмысления взаимоотношений церкви и государства существует с давних времен. Она привлекала теологов–богословов, философов, историков, правоведов и государственных деятелей на протяжении многих веков. Для понимания современных государственно-конфессиональных отношений в мире и в России необходимо выяснить особенности этих отношений и их осмысления в западноевропейских странах, где большое распространение, как и в России, получило христианство в его православном направлении. Прежде всего, потому, что в современных демократических и строящих демократию государствах популярна западная модель государственно-конфессиональных отношений. Однако неминуемо нам придется обращаться и к кратологическим доктринам восточного христианства.

Однако ряд исследователей обращают внимание на более ранние дохристианские периоды сложившейся религиозной ситуации и решение проблем свободы совести. Речь идет о государствах Древнего мира – античных Греции и Рима, а также Иудео-израильском царстве. Именно там формировались модели – теократическая и государственной религии, принуждение граждан к ее исповеданию. В тоже время наблюдались тенденции, ведущие к веротерпимости, религиозному эксклюзивизму (Древний Израиль). Следует заметить, что там же появляется и свободомыслие, в котором утверждаются воззрения отличные от религиозных на боже-

ственный пантеон и в целом на мир и человека. Подводя итог обзору появившихся до христианства тенденций, один из современных отечественных авторов отмечает, что религиозные системы Древнего мира, в целом далекие от законченного эксклюзивизма, сделали возможным осуществление на практике определенной религиозной терпимости. Наибольшими её масштабы были в Древнем Риме, меньшими – в Греции и ещё меньшими – в Израиле. Но некоторая свобода религиозного выбора не рассматривалась в качестве права, а лишь допускалась, исходя из прагматических соображений.²⁰

Итак, христианство, возникшее в Римской империи, в первые века своего существования было непризнанной, более того, гонимой государством религией. Еще в 303 году, согласно антихристианскому указу Диоклетиана, разрушались до основания церкви и сжигались христианские книги, христианам запрещалось создавать общины, они лишались должностей и званий, более того – гражданских прав. Нередко христианам приходилось тайно проводить свои молитвенные собрания и богослужения. И все же церковь показала свою силу, она выстояла.

Несмотря на такое репрессивное отношение Римской империи к первым христианам, они не выступали против государства. Это прослеживается в Новозаветных текстах, особенно в Деяниях апостолов и в их Посланиях. Основы такого поведения были заложены Иисусом Христом и отражены в Евангелиях. Например, известны Его слова: “Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу” (Мф. 22:21). Речь идет о подачах – налогах, которые Римская империя взимала со всех граждан завоеванных стран. Своими словами Христос указывает на то, что государство вправе требовать налоги, и ни в коей мере нельзя в этом противоречить государственным установлениям. Более пространно говорил об отношении к властям апостол Павел: “Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие

²⁰ Стецкевич М. С. – Свобода совести: Учеб. пособие / Глава 1. Религиозная толерантность и её пределы в Древнем мире. URL: <http://verigi.ru/?book=242&chapter=2#.Vsc9nsvWiWg>.

же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению; а противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее; ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести” (Рим. 13:1–5). В I послании к Тимофею апостол объясняет такое отношение к светским властям и даже призывает к молитве за них. Он говорит: “Итак, прежде всего, прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте; ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины” (I Тим. 2:1–4). Правда, только через три века после то усиливавшихся, то затихавших гонений, власти пришли к выводу о том, что христианскую церковь более целесообразно узаконить, предоставив ей легальное положение, нежели бороться с ней. В 313 г. при императоре Константине Великом (305–337) был принят Миланский эдикт “О веротерпимости”. Согласно ему христиане были наделены всеми теми же правами, что и приверженцы остальных религий. Более того, утверждается официальный союз между церковью и государством. Он и ведет свое начало от империи Константина. В 325 году император провозглашает христианство государственной религией.

С этих пор христианская церковь формируется как социально-политический институт, со своей специфической структурой и присущими ему функциями в жизни общества. Особую роль христианской церкви ее апологеты обосновывали представлениями о божественном происхождении самой церкви. Это позволяло включать им в сферу влияния церкви не только нормы нравственности, но и государственную власть, данную, на основе евангельских положений, Богом.

Сразу замечу, что новозаветные воззрения в отношении светской власти, во всяком случае, в православии – в Поместных православных церквях, не менялись на протяжении двух тысячелетий и остаются таковыми до настоящего времени. Эти воззрения впоследствии стали основой социально-политических взглядов отцов церкви на государство. Один из них, Августин Блаженный (354–430), стремится создать теологическую концепцию христианского государства, опираясь на социальную философию христианства и христианскую историософию. Он говорит, что задача государства – забота о благе всего народа, а значит, – об общем благе. Первейшей задачей государства, по убеждению Августина, является забота о мире и обеспечении гражданам внешней и внутренней безопасности и порядка. Достичь такого эффективного мира невозможно без справедливого закона, который должен быть основой любого политического устройства. Поэтому в монументальном произведении “О граде Божьем” Августин различает два типа государства: земное государство, политика которого основывается на самовосхвалении, эгоизме и стремлении к завоеваниям, и государство небесное (христианское, Божие), исходящее из принципов справедливости и христианской любви.

Особое внимание Августин придает вопросу об отношении государства к религии и церкви. Решение этого вопроса в большой мере зависит от того, считает ли себя государство абсолютной ценностью или же явлением историческим, играющим служебную роль в индивидуальных и социальных намерениях человека. Августин высказывается против абсолютизации государства и порицает стремление правителей к собственному обожествлению. Он также против деспотизма власти и подчеркивает покровительствующий характер государства. Задача государства, призванного оказывать покровительство гражданам, – это также забота о религии, так как государство должно признать, что существуют цели более высокие, чем те, что входят в круг его задач, и оно не только не может препятствовать им, но должно благоприятствовать. Государство в своей деятельности должно идти навстречу стремлениям человека к высшим целям и может облегчить ему достижение этих целей заботой о мирной общественной

жизни и соответствующими предупредительными и воспитательными мерами. Августин считает, что церковь нуждается в государстве, но и государство не может существовать без церкви.

Один из польских исследователей социального учения представителей христианской церкви Ю. Майка обращает внимание на то, что Августин Блаженный утверждал идею о том, что властитель государства должен быть христианином. Отсюда долг государства защищать церковь от опасностей, которые могут ей угрожать со стороны иноверцев и еретиков. Интерпретируя мысли Августина Блаженного, автор отмечает: "...Речь здесь не о том, чтобы призывать государство к преследованию ереси и схизмы, а о том, чтобы напомнить ему его долг беречь и охранять общественный мир".²¹ Следовательно, общественный мир зиждется еще и на том, что церковь, не одолеваемая ересями и расколами, сохраняется единой. Таким образом, между церковью и государством должна существовать взаимозависимость.

Одновременно с утверждением отцами церкви воззрений на государство в социально-политической сфере начинается длительный процесс становления взаимоотношений государства и церкви как подсистем общества. Государственная религия – христианство – стала важным средством укрепления единомыслия в обществе. Она усилила религиозно-политическое влияние монархических правлений, императорское единовластие. Церковь, следовательно, утверждала свою причастность к власти.

С рубежа IV–V вв. стал выделяться православный Восток и католический Запад. И там, и там искали мирного сосуществования церкви и государства. Однако модели в итоге стали различными.

Православный Восток предложил "симфонию" церкви и государства, то есть их согласие, сотрудничество и единомыслие в вопросах веры и политики. Вот что писал византийский император Юстиниан в Новелле 6:

²¹ Майка Ю. Социальное учение католической церкви. – Рим–Люблин, Изд-во Святого Креста, 1994. – С. 111.

“Величайшие в человецех суть дары Божии, дарованные вышним человеколюбием, священство и царство, одно служащее божественным [предметам], другое – распоряжающееся и заботящееся о человеческих, причем оба они происходят от одного и того же начала и упорядочивают человеческую жизнь. Так что ничто так не должно заботить царей, как святость [жизни] священников, поскольку те всегда умоляют Бога и о них самих. И если одно повсюду будет безукоризненно и будет иметь открытое [Богу] сердце, а другое правильно и подобающим образом будет распоряжаться доверенным ему государством, то настанет некое благое согласие, преподносящее человеческому роду все, что ему полезно”.

Итак, основные тезисы в симфонии: во–первых, церковь не может существовать без империи, а империя – без церкви; во–вторых, император политически возглавляет верующий народ и защищает его от внешних и внутренних врагов; в–третьих, патриарх является моральным и духовным наставником императора и народа.

Католический Запад настаивал на разделении церковной и государственной властей с приматом духовной над светской. На этом настаивал и Августин Блаженный. Образное объяснение таким отношениям дано в концепции или доктрине двух мечей – символов духовной и светской властей. Оба меча принадлежат церкви, так как церковь продолжается вне материального мира, глава церкви – сам Иисус Христос. Однако меч духовной власти церковь оставляет за собой, а меч светской власти – вручает государю–христианину.

А первым уже после Августина заговорил о соотношении священства и царства папа Геласий в послании императору Анастасию в 491 г. Это тот самый Геласий, который впервые был назван на Соборе в Риме в 495 г. “наместником Христа на земле”. “Ведь этим миром, Император, правят две силы – священный авторитет духовенства и царская власть, – писал в своем послании папа, – И из этих двух сил большим весом обладают священники, поскольку на суде они будут давать Господу отчет и за самих царей. Ибо известно тебе, кротчайший сын, хотя ты и вознесен над всем человеческим родом, но перед духовными руководителями и тебе надлежит

благочестиво склонять голову”. И дальше, развивая свою мысль, первосвященник писал: “Если перед всеми вообще священниками должны склоняться сердца верующих, насколько больше почет положен предстоятелю Римского престола, кого божественная власть пожелала возвысить над всеми, а впоследствии восславило благочестие всей Церкви”.

Как в той, так и в другой модели уже были заложены будущие тенденции развития государственно–церковных отношений. На православном Востоке – придание преувеличенной социальной роли государства и преклонение церкви перед государством. На католическом Западе Римский папа и прелаты церкви установили порядок вмешательства церкви в политику гражданских властей. История доносит до нас многочисленные конфликты между Римским понтификом и королями западноевропейских государств. Один из таких конфликтов породил крылатое выражение “идти в Каноссу”.

В Северной Италии есть одна из главных местных достопримечательностей – руины замка Каносса, воздвигнутого в гористой местности в 940 году.

Здесь в 1077 году произошло важное событие, связанное с церковно-государственными отношениями на христианском Западе. Это событие известно как “Хождение в Каноссу” или “Каносское унижение”. Эпизод был связан с противостоянием церкви (папы Григория VII) и императора (Генриха IV) – борьбой за инвеституру (право назначать епископов). В 1076 году папа отлучил Генриха IV от церкви, пригрозив, что через год отлучение станет необратимым. Хотя массы поддерживали императора, знать пыталась использовать отлучение как удобный предлог для неподчинения. Оба противника опасались встречаться не на своей территории. В тот период огромным влиянием пользовалась Великая графиня – маркграфиня Матильда Тосканская. Она поддерживала папу Григория. Земли графини были маркой или маркграфством, т. е. пограничным графством. Папа заперся в неприступном замке Матильды – компромисс был найден. Император, как утверждают документы того времени, проделал часть пути до замка босиком. Три дня во власянице и босой стоял он на коленях на снегу (дело было зимой) перед закрытыми воротами неприступной крепости. Наконец, папа

отменил отлучение и принял императора обратно в лоно церкви.

Уже на исходе средневековья на Западе начинается процесс секуляризации, то есть вытеснение церкви из основных областей общественной жизни, превращение религии в частное дело граждан и тем самым взаимное отдаление Церкви и государства. Правда, одновременно с Реформацией в ряду западноевропейских государств возобладала и другая доктрина почти выражающаяся афористично: “Чья власть – того и религия”.

Для понимания дальнейшей западноевропейской истории XVII–XVIII веков важно уяснить тот механизм сложного взаимодействия различных общественных укладов, который привел, в конечном счете, к утверждению капиталистических отношений. Период, начавшийся в середине XVII века, был отмечен глубокими сдвигами не только в экономической, но и политической сфере. Преобладала тенденция к усилению абсолютизма.

Начавшийся период капитализма характеризуется переменами в духовной жизни европейского народа, а также секуляризацией взглядов европейцев на природу и общество. Суть этого переворота в сознании общества отразилось в именах И. Ньютона и Дж. Локка. Нужно также отметить, что изменения в духовной жизни европейского общества происходили в условиях медленного эволюционного развития экономики, характерного для мануфактурного капитализма.

Общественные антагонизмы этого периода вызвали обострение борьбы социальных групп как в раннебуржуазных странах, так и в странах, где сохранялись устои феодализма.

2016 г.

ПЕРЕМЕНА В ВОЗЗРЕНИЯХ НА СОСТОЯНИЕ СВОБОДЫ СОВЕСТИ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ.

Настоящий краткий обзор западноевропейских воззрений на государственно-церковные отношения представлен потому, что они во многом были восприняты в России, о которой речь пойдет ниже.²²

Итак, в период Реформации в общественном сознании происходил переход от теоцентризма к секуляризованному мироощущению. В начале XVII века шли ожесточенные религиозные споры, втягивающие Европу в Тридцатилетнюю войну, существовали различные религиозные секты и ереси; человек в своих исканиях ставил отношение к Богу на первое место. Период характерен в общественном сознании проблемой личного греха, спасения.

Но уже к концу XVII– началу XVIII веков человек словно отдаляет Бога от себя, начинает больше доверять собственному разуму, достижениям науки. На смену ощущению постоянного присутствия Бога в жизни человека приходит деизм, признающий невмешательство Бога в дела человека по-

²² Подробнее см: Белогриц–Котляревский Л. С. Преступления против религии в важнейших государствах Запада. Ярославль, 1886; Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994; Борисов К. Г. Международные права религиозных конфессий мирового сообщества. М., 2001; Вульфийус А. Г. Очерки по истории идеи веротерпимости и религиозной свободы в XVIII веке: Вольтер, Монтескье, Руссо. СПб., 1911; Мамедов А. К. Философия религии Канта // Религии мира. История и современность. Ежегодник 1986. М., 1987; Познышев С. В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. М., 1906; Сеньобос Ш. Политическая история современной Европы. Эволюция партий и политических форм, 1814–1896. СПб., 1898; Соловьёва Т. С. Эмансипация католиков в Великобритании в 1829 году // Религии мира: история и современность – 2003. М., 2003; Тихонравов Ю. В. Судебное религиоведение. М., 1998. Толерантность / Общ. ред. М. П. Мчедлова. М., 2004; Хомяков М. Проблема веротерпимости в философии Дж. Локка и Р. Уильямса // “Послание о веротерпимости” Дж. Локка: точки зрения. Екатеринбург, 2002.

сле акта творения; на смену пламенной веры приходит стремление к личному рациональному благочестию.

Реформация на Западе разбудила целое народное сознание, открыв людям сокровищницу Библии, освободив его от сильного влияния церковных установлений.

Вызванный Реформацией раскол западной ветви христианства изменил религиозную ситуацию Европы. Наряду с западной (католической) и восточной (православной) церковью появилась северная (протестантская) церковь. Римско-Католическая церковь была вынуждена мстить молодым протестантским церквям.

После Тридцатилетней войны, после Вестфальских мирных договоров 1648 года новые конфессиональные границы европейского христианского мира были определены. Договор 1648 года имел большое значение для судьбы христианских церквей не только в Германии, но и в Европе. Провозглашена религиозная амнистия и реституция секуляризованного церковного имущества участвующих в войне стран на состояние 1618 года. Были подтверждены решения Аугсбургского религиозного мира, также признавалась лютеранская конфессия. Существовала возможность сохранять и исповедовать свою веру.

Католицизм отчасти стал восстанавливать свои прежние позиции при помощи реформы и контрреформации. В проведении реформы центральное место занимал Тридентский Собор 1545–1563 гг. Были подтверждены решения Аугсбургского религиозного мира, деятельность лютеранской конфессии. Участники скорректировали существующие формулировки, были приняты решения об укреплении церковной дисциплины, о регламентировании и унификации литургии, о развитии теологических исследований, о цензуре и повышении эффективной пропаганды, о евангелизации и миссионерской деятельности. Выполнение решений Собора продлились вплоть до XVIII века.

Реформирование и обновление католической церкви происходило благодаря тем, кто посвящал этому все свои силы: устанавливались злоупотребления, упорядочивались формы церковной жизни, рождались новые формы религиозной ду-

ховности. Была упорядочена благотворительная деятельность католической церкви.

В XVIII веке усилия католической церкви по обновлению религиозной жизни помогли ей выдержать атаки Просвещения. Век Просвещения способствовал новому отношению к религии. Идеалы Просвещения способствовали и позитивному изменению в католицизме. Развивается веротерпимость и диалог с протестантами. Во второй половине XVIII века прогресс, в плане достижения веротерпимости, стал характерен для многих западных стран.

В 1787 году был издан эдикт о предоставлении протестантам тех гражданских прав, которых они были лишены столетия.

Поворот же к секуляризации западного сознания произошел благодаря новым открытиям в науке. Географические достижения, теория строений Вселенной Галилея и научные открытия Ньютона сыграли в этом большую роль. Перевод Библии на европейские языки подтолкнул к ее изучению и критике. С начала XVII века появилась и новая философия с ее направлениями эмпиризмом и рационализмом. Родоначальником эмпирического направления стал Фрэнсис Бэкон. Рациональную философию формировали Дж. Локк, Рене Декарт, Барух Спиноза. Они полагали, что Бога, как и природу, можно понять только с помощью человеческого рассудка, опираясь на научный метод. Религиозным рассудком стал деизм. Он возник в XVII веке в Англии и распространился во Франции, Германии, а затем и в Америке.

В создавшейся социально–политической и религиозной ситуации и формировались воззрения западных ученых XVII–XVIII веков на политико- церковные отношения.

Большинство исследователей рассматривают взаимоотношения государства и церкви как важнейшую проблему XVII–XVIII вв. Данный период примечателен такими знаменитыми именами как Т. Гоббс, Локк, Монтескье, Ф. Вольтер и Ж-Ж. Руссо.

Английский философ Т. Гоббс (1588–1679) видел государственную власть XVII–XVIII вв. не как божественное, а как человеческое установление, но полагал её абсолютной, не подлежащей никакому земному суду и закону. По его

мнению, на государство (государственные органы) перенесены права граждан, добровольно ограничивших свою свободу в его пользу. Гоббс считал правомочным не только введение религиозного единообразия “сверху”, но и толкование правительством Духовных законов.

Локк ратовал за необходимость отделения церкви от государства. Он считал, что государство XVII–XVIII вв. не имеет божественного происхождения, оно учреждено людьми для защиты их гражданских благ – жизни, собственности, свободы. Юрисдикция правителя, опирающегося на законы, распространяется исключительно на эти гражданские блага и ни в коем случае – на спасение души. Церковь и государство по своему положению и целям, отмечал Локк, столь же различны, как небо и земля, поэтому церковь имеет право отлучать тех, кто нарушил её законы, но не лишать их человеческих и гражданских прав, ибо её власть не распространяется на земные вещи. Государство же не может навязывать никому догматы какой-либо религии, её обряды и церемонии, так как не более частного лица знает, какой именно путь ведет к спасению. Не является делом государства и вынесение наказаний за грехи. Основная заслуга Локка видится в достаточно решительном размежевании функций церкви и государства. Качества идеальной церкви он характеризовал так: “терпимость – основной критерий истинной Церкви”.²³

Религия невозможна без различия во мнениях о способе почитания Божества, но под прикрытием этого различия, по мнению английского философа, уже совершено было немало преступлений. Причину нетерпимости в XVII–XVIII вв. он видел в ненасытной жажде власти деятелей Церкви. В “Послании о веротерпимости” Локк уже очень четко разделяет не только задачи Церкви и государства, но и законы божественные и гражданские. Подобно тому, как государство является добровольным объединением граждан с целью защиты от насилия, Церковь есть “свободное сообщество людей, добровольно объединяющихся, чтобы сообща почитать бога

²³ Локк Дж. Послание о веротерпимости // Сочинения: В 3 т. М., 1985–1988. Т. 3. С. 91.

так, как это, по их убеждению, будет ему угодно и принесет им спасение души”.²⁴

Как всякое сообщество, церковь имеет законы, но это не делает ее государством. Дело в том, что законы государства и церковной организации суть разные по существу установления. Законы государства обеспечиваются насилием, законы же церкви вообще не могут быть принудительны. Ситуацию на Западе Локк характеризует как нетерпимую и по отношению к спасению. Он считал, что спасение может быть только добровольным и свободным, а значит, всякое принуждение мешает истинной церкви в выполнении ее миссии. Следовательно, только “уговоры, проповедь, наставления, поучения – вот то оружие, которое должно удержать членов сообщества в пределах их долга. Если же эти средства не могут исправить провинившихся... не остается ничего другого, кроме отлучения от общества и изгнания...”.²⁵

Философ французского просвещения Вольтер, корень существующих социальных зол, которые могут и должны быть уничтожены, видел, прежде всего, в засилье невежества, предрассудков, суеверия, в подавлении разума. Главным оплотом и виновником всего этого он считал церковь, католицизм. Вольтер говорил о нецелесообразности преследования по религиозным мотивам.

Руссо считает, что никакая религия не полезна для политического организма. Он отмечал, что религия – всего лишь политическое орудие в руках власть имущих. В целом ситуация, по мнению Руссо, выглядела так: сращение Православной церкви с властью создало ситуацию, которая наблюдалась и в иных странах (например, во Франции), где государство явно связывало себя с одним вероисповеданием, ограничивая права и свободы остальных.

С позиций деизма Монтескье боролся против схоластики; деизм был для него орудием пропаганды свободомыслия и передовых научных знаний. Монтескье принимает религию лишь как средство государственного управления. Монтескье остается верен положению, что даже если католическая ре-

²⁴ Локк Дж. Послание о веротерпимости. С. 96–97.

²⁵ Локк Дж. Послание о веротерпимости. С. 99.

лигия – “истинная религия” ее не следует утверждать огнем и мечом. Насильственное обращение в ту или иную веру и угрозы, в конечном счете, приносят только вред и никого ни в чем не убеждают. Монтескье видел на Западе различные варианты извлечения государством пользы для себя из реально существующих религий. Деятельность инквизиции, мужественно указывал Монтескье, покрывает позором Европу.

Таким образом, в эпоху Просвещения большинство просветителей придерживалось мнения о том, что христианские церкви представляют собой, может быть, и не истинный, но полезный для общества институт. В тоже время многим мыслителям эпохи, особенно французским, были свойственны представления о желательности введения светского государства, религиозного единообразия, о допустимости всевластия государства в сфере регулирования религиозной жизни.

Вопросы свободы вероисповедания и совести занимали в философской и общественной мысли Просвещения одно из важнейших мест. Высказанные идеи стали основой формирующихся законодательств, касающихся сферы отношения государств к религии и церкви.

Однако в самом подходе к проблемам и предложенных способах их решения было много региональных особенностей, в значительной степени обусловленных конкретной религиозно–политической ситуацией.

Англия наиболее далеко из западных стран продвинулась по пути законодательной фиксации основных демократических свобод, включая религиозные. В 1689 г. парламентом был принят “Акт о веротерпимости”, гарантировавший свободное отправление культа практически всем протестантам. Англиканская церковь сохранила особый статус, но многоконфессиональность общества была признана официально. В XVIII столетии вопрос здесь стоял уже не о достижении религиозных свобод, а об их закреплении и расширении.

Наиболее радикальным течением в английской религиозно философской мысли XVIII в. являлся деизм. Его наиболее крупные представители – Э. К. Шефтсбери (1671–1713), Дж. Толанд (1670–1722), Э. Коллинз (1676–1729), отводя Богу в основном функции творца, отрицали “суеверия”, под кото-

рыми они фактически понимали все формы культа. В произведениях деистов содержалась последовательная критика любых попыток осуществления религиозного принуждения. Э. Коллинз ввел термин “свободомыслие”, под которым он понимал право человека на свободный поиск истины. Ограничение этого права, по его мнению, способствует распространению зла.

Шефтсбери считал для себя главной идею “религиозной свободы и взаимной терпимости”, причем этот принцип распространялся им на представителей всех религий и на атеистов, что для XVIII столетия по-прежнему оставалось редкостью. В 1710 г. Шефтсбери, разделяя точку зрения П. Бейля относительно возможности и для атеиста быть честным и порядочным человеком, издал в Англии его “Исторический и критический словарь”.

Однако ни Шефтсбери, ни другие английские деисты не питали склонности к атеизму. Считая сущностью религии веру в Бога и любовь к ближнему, они стремились к утверждению её “истинной” формы, основанной на принципах разума. Мораль и религия в мировоззрении деистов сохраняли неразрывную связь.

Толанд называл христианство учреждением, предназначенным для совершенствования нашей нравственности, понимая под христианством не его конкретные исторические формы, а “истинную религию”, очищенную от суеверий, фанатизма и нетерпимости. Э. Коллинз вообще ставил знак равенства между “истинной религией” и добродетелью.

Взгляды английских просветителей, не разделявших в общефилософском плане позицию деистов, серьёзно варьировались в зависимости от их принадлежности к той или иной конфессии.

Мыслители-диссентеры (протестанты, не являвшиеся членами Церкви Англии) – Д. Дефо (1659–1731), Дж. Пристли (1733–1804), опираясь на Локка, отстаивали идеи не только свободы вероисповедания, но и отделения церкви от государства. Если Дефо выдвигал преимущественно прагматические аргументы, утверждая, что с установлением терпимости люди делаются более спокойными и доброжелательными, то Пристли говорил о неотъемлемом праве человека “покло-

няться Богу в любой форме” или не исповедовать “никакой религии”.²⁶

Пристли был одним из немногих английских мыслителей XVIII в., бесспорно относивших свободу совести к числу “естественных прав”. Он делал акцент на том, что религия является личным делом, и установленное государством “гражданское устройство” её (институт государственной привилегированной церкви) лишь наносит вред. Влияние любой церкви, по его мнению, должно быть ограничено исполнением духовных функций. Отделение англиканской церкви от государства является, писал Пристли, “предметом наших самых горячих желаний”.

Мыслители, принадлежавшие к господствующей церкви, как правило, не говорили о правах диссентеров, но также отрицали возможность религиозного принуждения.

Знаменитый автор “Путешествий Гулливера” Дж. Свифт (1667–1745), являясь англиканским священником, сокрушался по поводу распространения новых сект, но считал, что “использование насилия против многих заблудших людей” противоречит “делу очищения религии”.

Можно сказать, что идеи недопустимости принуждения и необходимости терпимости (к диссентерам) стали уже общим достоянием, и практически никто публично противоположную точку зрения не отстаивал.

Значительно сложнее обстояло дело с идеей равенства прав вне зависимости от вероисповедания. Даже в конце XVIII в. она еще не окончательно утвердилась в английской просветительской философии.

В дискурс о свободе совести и отношении государства к церкви включились и выдающиеся философы Германии И. Кант (1724–1804) и И. Г. Фихте (1762–1814).

По Канту, господствующие в государствах церкви (еще он их определял как статутарные или исторические) приучают людей “только к внешнему служению” и лицемерию. Нетерпимость, преследования еретиков, как католиками, так и протестантами, Кантом в равной степени порицались. Он

²⁶ Борисов К. Г. Международные права религиозных конфессий мирового сообщества. М., 2001.

призывал исторические церкви задуматься о том, каким образом они могли бы “освободиться от всего того, что может обременять и угнетать совесть”, видя также необходимость в том, чтобы “при всем различии статуарных видов веры, установить терпимость их приверженцев друг к другу на основе правил единственной религии разума”.

Характеризуя статуарную религию в целом, Кант отмечал желательность использования понятия “различные виды веры”, поскольку истинная моральная религия – одна, а разнообразные конфессии содержат лишь её элементы: “Поэтому уместнее... говорить: этот человек той или иной (иудейской, магометанской, христианской, католической, лютеранской) веры, чем говорить, что он исповедует ту или иную религию”. Таким образом, Кант не видел принципиальных различий между статуарными религиями, по сути дела провозглашая их равенство.

Рассуждая об истинной церкви, немецкий философ отмечал не только такие её черты, как всеобщность и чистоту, то есть единение на основе моральных побуждений, но и “отношение на основе принципа свободы” – как внутреннее (между её членами), так и “внешнее отношение церкви к политической власти – то и другое в свободном государстве”. Вполне правомерно отмечает Е. М. Мирошникова о том, что Кант, высказывавший в других своих работах мнение о необходимости содержания церкви верующими, а не властью, был сторонником светского государства. Осуществленная им критика статутарных религий, их нетерпимости и догматизма, а также их фактическое уравнивание в сочетании с утверждением идеи о фактической автономии морали по отношению к религии, отстаиванием права на свободу убеждений не только произвели сильное впечатление на прогрессивное общественное мнение, но и вызвали серьёзное недовольство и шок у многих традиционно настроенных читателей. Король Пруссии Фридрих Вильгельм II не только сделал философу выговор за “унижение” христианства, но и потребовал от него не выступать более публично по вопросам религии.

Фихте решительно выступал за резкое разграничение церкви и государства, их взаимную независимость и невме-

шательство в дела друг друга, за исключительно светский характер всех государственных институтов.

Мыслители американского Просвещения находились в обстановке, которая значительно отличалась от европейской. В условиях Северной Америки все попытки установления и обеспечения монополии одной церкви показали свою бесперспективность. В обществе реально существовал огромный по европейским меркам религиозный плюрализм. Поэтому важнейшим вопросом здесь был не только вопрос об утверждении права исповедовать любую религию (на практике оно уже существовало), но и о гражданском равноправии приверженцев всех вероисповеданий. Обоснованием этих прав, а затем и практическим претворением их в жизнь, в том числе на посту президента США, активно занимался Т. Джефферсон (1743–1826), являвшийся также и автором американской “Декларации независимости” (1776). Джефферсон провёл большую часть жизни в Виргинии и всегда принадлежал к Епископальной церкви. Однако все церкви подвергались им жесткой критике – прежде всего за нетерпимость к инаковерующим. Известен им высказанный афоризм: “На свете никогда бы не было ни одного еретика, если не было бы ни одного священника”. Критично он относился стремлению церковных структур к союзу с государством. По его словам, именно ненавистная комбинация церкви и государства, выражающаяся в том, что священник вступал в союз с деспотом, оправдывая его преступления в обмен на его покровительство и собственную безнаказанность, наносила в прошлом огромный вред человеческому обществу и оказывалась неизменно враждебна свободе.

Свобода значима для Джефферсона и как самостоятельная ценность, и как способ самосохранения демократического общества. Мыслитель рассматривал человека прежде всего в качестве существа социального и политического и поэтому высоко ценил христианскую этику как служащую общественному благу, в отличие от античной, которая, как он полагал, служила только благу личному. Свободная конкуренция в духовной сфере позволит, по мнению Джефферсона, выделить “истинное учение Христа”, сильно искаженное церквами. Оно, как считал сам философ, сводилось исклю-

чительно к моральным заповедям. Все остальное – первородный грех, божественность Христа, непорочное зачатие, искупление – квалифицировалось Джефферсоном как “догмы сект”.

Наилучшие возможности для свободного поиска истины, по мнению американского мыслителя, обеспечиваются в ситуации, когда между государством и каждой в отдельности взятой церковью существует “стена разделения”. Строительством данной “стены” Джефферсон занимался лично. Им был написан “Акт об установлении религиозной свободы”, принятый законодательным собранием штата Виргиния в 1786 г. Там утверждалось, что “никто не должен принуждаться посещать места богослужений или участвовать в содержании любого религиозного культа”, в равной степени как и никто “не должен нести... ущерб по причине его религиозных взглядов или убеждений; что, напротив, все люди должны быть свободны в исповедании и отстаивании в дискуссии своих религиозных взглядов и что это ни в малейшей мере не должно... сказываться на их гражданских правах”.

На идеях “Акта” основана первая поправка к Конституции США, запрещающая Конгрессу устанавливать какую-либо религию в качестве государственной или запрещать её свободное исповедание (1789). Джефферсон характеризовал поправку как “изъявление воли нашего народа в пользу прав свободы совести”. Вкратце основной тезис Джефферсона можно было бы сформулировать так: христианская мораль необходима для общества, но государство должно быть отделено от любой церкви. Европейское Просвещение в тот момент в целом находилось лишь на подступах к сформулированному таким образом положению.

Итак, в эпоху Просвещения в развитии идеи религиозной толерантности (веротерпимости) был достигнут значительный прогресс. Представления о суверенитете разума, его независимости от веры, о субъективности истины, которая может быть воспринята лишь в том случае, если её признал сам человек, – всё это закономерно приводило практически всех мыслителей Просвещения к отрицанию религиозной нетерпимости, принуждения, гонений за веру.

Однако большинство просветителей придерживалось мнения о том, что христианские церкви представляют собой, может быть, и не истинный, но полезный для общества институт. Отсюда свойственные многим мыслителям эпохи, особенно французским, представления о желательности религиозного единообразия, о допустимости всевластия государства в сфере регулирования религиозной жизни.

В то же время в просветительской мысли достаточно чётко присутствовала идея права на свободу совести как естественного, природного и неотчуждаемого. Хотя сама свобода совести в большей степени понималась как свобода вероисповедания, некоторые философы, прежде всего И. Кант и Т. Джефферсон, уже с большей последовательностью, по сравнению с Локком, сформулировали идею светского государства, в котором гражданское равноправие не зависит от религиозной принадлежности.

К настоящему времени в европейских странах сформировались три модели отношения государств к религиозным объединениям (четвертая – теократическая действовала до Иудео-израильского царства).

Итак, три модели:

- * модель официальной церкви (в литературе можно встретить и другие понятия для ее определения – конфессионная, клерикальная, идентификационная);

- * светская модель;

- * кооперационная модель или конкордат.

В отечественной научной литературе наиболее подробно названные модели были проанализированы профессором из Тулы Мирошниковой Е. М.²⁷

Итак, модель официальной церкви предполагает наделение статусом официального (или государственного) одного или нескольких религиозных объединений. Так, в Великобритании статус официальной (established church) имеет Ан-

²⁷ Мирошникова Е. М. Государственно–церковные отношения в ФРГ: философско–правовые аспекты: Дис. д–ра филос. наук. М., 1998; Мирошникова Е. М. Кооперационная модель государственно–церковных отношений: опыт и проблемы. Монография / Е. М. Мирошникова. М.: Институт Европы РАН; Тула: Изд–во Тул. гос. пед. ун–та им. Л. Н. Толстого, 2000.

гликанская церковь, а в Бельгии официально признанными считаются 6 деноминаций: католицизм, протестантизм, англиканство, православие, иудаизм и ислам. Следует подчеркнуть, что такая модель существенно отличается от теократической, так как в ее рамках не ставится под сомнение принцип свободы совести, и все граждане, вне зависимости от вероисповедания, пользуются равными правами. В отличие же от государств со светской моделью, здесь не во всей полноте реализуется принцип равноправия религий, так как религиозные объединения, имеющие статус официальных, пользуются особыми правами. Основные привилегии Англиканской церкви связаны с ее участием в деятельности государственных органов власти: англиканские епископы заседают в палате лордов, а сама церковь обладает исключительным правом сопровождать своими ритуалами важнейшие государственные церемонии и праздники. Однако эти привилегии уравниваются правом государства вмешиваться в ее внутренние дела. Король (или королева), будучи главой Англиканской церкви, по представлению премьер-министра, утверждает кандидатуры епископов и архиепископов, а наиболее важные решения, касающиеся вопросов вероучения, богослужения и церковной жизни, не могут быть приняты без одобрения парламента. В Бельгии статус официально признанной церкви дает ей право рассчитывать на государственное финансирование: оплату жалования священнослужителям, содержание культовых зданий, религиозных школ.

Светская модель, действующая в таких странах, как США и Франция, основана на последовательном проведении принципа отделения государства от религиозных объединений. Этот принцип непременно закрепляется в законодательстве посредством декларирования светского характера государства и запрета наделять какие-либо религиозные объединения статусом официальных или государственных. Светская модель предусматривает также отказ государства выборочно предоставлять религиозным объединениям привилегии или финансировать их культовую, образовательную, миссионерскую и прочую деятельность (исключение может делаться только для благотворительности). Тем самым, государство строго соблюдает принцип равноправия конфессий.

Помимо этого, не допускается фиксировать в официальных документах конфессиональную принадлежность гражданина, дабы эти сведения не были использованы как основание для правовых льгот или ограничений. Государственным органам власти запрещается вмешиваться во внутренние дела религиозных объединений, то есть в вопросы вероучения, культа, религиозного образования и воспитания, назначения священнослужителей, организации управления. Исключение делается только в тех случаях, когда их деятельность грубо нарушает права человека или законы государства. С другой стороны, и религиозным объединениям не допускается вмешиваться в работу государственных институтов, а такой аспект права, как регистрация рождения, брака, смерти, традиционно находившийся в руках церкви, становится прерогативой государства. В светском государстве из-под опеки церкви выводится государственная система образования. Существует убеждение, что светская модель государственно-конфессиональных отношений наиболее благоприятна для осуществления принципов свободы совести и конфессионального равноправия. Однако следует признать, что добиться их полной реализации чрезвычайно сложно, если вообще возможно. Ведь отдельные элементы религиозной традиции (календарь, нормы семейно-брачных отношений, праздники и проч.) глубоко проникли в культурную ткань многих народов, зачастую даже утрачивая в массовом сознании связь с религией, но составляя неотъемлемую часть общественных ценностей. Скрытая связь между культурными ценностями и религиозной традицией проявляется чаще всего тогда, когда о своих правах заявляют носители другой культурной традиции и иных ценностей. Поэтому в странах, где действует рассматриваемая модель государственно-конфессиональных отношений, острый характер приобретает полемика между сторонниками углубления процесса секуляризации культуры, исключения каких-либо религиозных элементов из политической жизни (этих взглядов придерживаются, как правило, либералы) и приверженцами традиционных общественных устоев, в том числе и религиозных (консерваторами).

Третья модель основана на заключении между государством (или отдельными государственными институтами) и религиозным объединением договора о сотрудничестве, так называемого “конкордата”. Сама практика заключения конкордатов была введена католической церковью. Первым известным договором между церковью и государством стал так называемый Вормсский конкордат, заключенный в 1122 г. между императором Генрихом V и папой Каликстом II. С тех пор католическая церковь неоднократно заключала подобные договоры со многими государствами. Сейчас такие соглашения действуют в Германии, Италии, Испании, Польше, Грузии и др. Как правило, конкордат определяет принципы и порядок сотрудничества религиозной организации и государства в сфере образования (в некоторых школах или университетах могут вводиться религиозные дисциплины и организовываться теологические факультеты), в Вооруженных силах, где государство финансирует деятельность армейских капелланов. В соответствии с таким договором, церковный брак может приравниваться к юридическому. Более того, государство может брать на себя обязательства по сбору налога в пользу церкви (конечно же, только с ее членов).

2016 г.

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ.

ЗАРОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО- ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ИХ РАЗВИТИЕ ДО СИНОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА

Формирование государственно–религиозных отношений на Руси связывают со становлением государственности в ситуации господства языческих верований. Начало развития отношений заметно в период правления князя Владимира. В 980 году он сделал попытку поставить некоторых богов на первое место среди других языческих и объявить о преиму-

щественном поклонении именно этим богам. Однако, эта попытка огосударствления именно этого пантеона языческих богов, оказалась бесперспективной.

В 988 году в масштабе всей Киевской Руси начинается принятие христианства. Терминологически это судьбоносное явление еще выражается как “крещение Руси”, а в религиоведении чаще употребляется термин “введение христианства на Руси”.

В той социально–политической обстановке и религиозной ситуации, которые были связаны с развитием государственности, княжеская власть вполне понимала необходимость принятия христианства.

Во–первых, этого требовали интересы развивающегося государства. Оставаться в христианском мире языческой окраиной означало изоляцию от всего европейского сообщества стран. Во–вторых, новая религия, с ее монотеизмом (единобожием) вполне соответствовала сущности нового формирующегося единого государства во главе с монархом. И не случайно Владимир поставил на холме наиболее чтимых в языческой среде богов во главе с Перуном, пытаясь в прежней религии найти опору государственного единства страны. В–третьих, христианство вводило новую мораль, упрочняло семью, ячейку общества, упраздняло многоженство, требовало гуманного отношения к женщине, к матери, к детям, к человеку вообще. Это не могло не содействовать прогрессу общества. В–четвертых, приобщение к христианству могло помочь в развитии культуры, духовной жизни страны: христианство уже обладало хорошо разработанной философской системой, породило богатую богословскую литературу. Постепенные контакты с христианскими странами содействовали приобщению Руси к духовности и культуре античного мира. В–пятых, вызревание на Руси новых общественных отношений, все более быстрое и глубокое социальное расслоение требовали новой идеологии. Язычество, с его равенством людей перед силами природы, не могло объяснить и оправдать происхождение и нарастание неравенства.

Церковь старалась поднять значение княжеской власти. Князей она учила, как они должны управлять. “Ты поставлен

от Бога на казнь злым, а добрым на милование”, – говорило духовенство князю Владимиру, указывая ему, что князь не может оставаться безучастным к насилию и злу в своей земле, что он должен блюсти в ней порядок. Такой взгляд духовенство основывало на убеждении, что княжеская власть, как и всякая земная власть, учинена от Бога и должна творить Божью волю. Но так как “всяка власть от Бога”, и так как князь “есть Божий слуга”, то ему надлежит повиноваться и его надлежит чтить. С другой стороны, церковь требовала от подданных князя, чтобы они “имели приязнь” к князю, не мыслили на него зла и смотрели на него как на избранника Божия. Очень грубо было воззрение языческой Руси на князей, как на дружинных конунгов, которые берут дань за свои услуги земле, и, которых можно прогонять, если они не угодны, и даже убивать (как древляне Игоря). Церковь всячески боролась с таким взглядом и поддерживала авторитет князей, смотря на них, как на прирожденных и богоданных государей. Когда князья сами роняли свое достоинство в грубых ссорах и междоусобицах, духовенство старалось мирить их и учить, чтобы они “чтили старейших” и “не переступали чужого предела”. Так духовенство проводило в жизнь идеи правильного государственного порядка, имея пред собою пример Византии, где царская власть стояла очень высоко.

Общефилософский и богословский фундамент, на котором будет строиться вся дальнейшая древнерусская общественно–политическая мысль был заложен уже в XI веке в “Слове о Законе и Благодати” митрополитом Киевской Руси Иларионом.

В сочинении впервые находят отражения древнерусские представления о государственной власти, именно в “Слове о законе и благодати” получает начало сакрализация монарха в Древней Руси. Богоданность власти, согласно концепции Илариона, подтверждает и государственную независимость Руси, подчёркивает самостоятельность древнерусского государства. Таким образом, “Слово о законе и благодати” является самым ранним памятником отечественной именно философской мысли, в котором излагается цельная концепция власти.

Таким образом, прежде всего, церковь принесла неведомую русским язычникам идею богоустановленной власти. Прочнее этого фундамента для опоры авторитета власти трудно представить что-нибудь другое. Уже в раннее время формирования государственно–церковных отношений в них первенствовала государственная власть.

Это объясняется тем, что церковь была слабее княжества и в хозяйственном, и организационном отношении. Однако, она уже пробовала оказать влияние на политическую жизнь, так, митрополиты не раз выступали против обычных для XI – XII вв. княжеских усобиц и пытались мирить враждующих князей.

Во 2-й половине XIII – XIV вв. чрезвычайно осложнились условия, в которых осуществлялись взаимоотношения церкви с гражданской властью. После монголо-татарского нашествия над древнерусскими землями утвердилось верховная власть ханов Золотой Орды; чтобы отстаивать права церкви, митрополитам приходилось многократно ездить в Орду и проводить там долгое время, подвергаясь унижениям и поборам. В 1267 г. митрополиту Кириллу удалось получить от хана Менгу-Темира жалованную грамоту (ярлык), по которой духовенство освобождалось от даней и повинностей в пользу Орды, гарантировалась неприкосновенность церковных имуществ и сохранность книг (особенно религиозного содержания). С некоторыми изменениями, этот ярлык подтверждали последующие ханы. Хотя, на практике установления ярлыков, конечно, нарушались во время опустошительных походов ордынцев на русские земли, в мирное время они давали возможность митрополитам бороться с произволом баскаков и данщиков. В отношениях с местной княжеской властью митрополиты отстаивали тот статус Церкви в обществе и государстве, который был определен в домонгольский период Уставами князей Владимира и Ярослава. Об усилиях высшей церковной власти в этом направлении, говорят сохранившиеся записи соглашений митрополита Киприана (1402) и митрополита Фотия (1419) с великим князем московским Василием Дмитриевичем о том, что великокняжеская власть в своих отношениях с церковью будет руководствоваться положениями этих Уставов. Сохранилось об-

ращение к тому же великому князю – поучение святого Фотия о неприкосновенности церковных имуществ. Как видно из посланий митрополитов Киприана и Фотия в Псков и Новгород, в отношениях с Новгородской и Псковской республиками митрополиты настаивали на подчинении всех духовных людей святительскому суду и сохранении Церковью ее собственности.

Иное положение заняла церковь в следующий период – удельного феодализма, когда после разгрома Киевской Руси татарами и ее запустения центр русской жизни переместился в Новгородскую и Ростовско – Суздальскую области.

Православная церковь не дала распасться Русской державе в период феодальной раздробленности и монголо-татарского ига. Ведь тогда Русь представляла собой скопление мелких княжеств, постоянно враждовавших между собой. Но церковь была одна, подчиняющаяся одному митрополиту всея Руси. Митрополия находилась до 1300 г. в Киеве, затем некоторое время – во Владимире, затем в Москве. Именно поддержка церкви позволила начать процесс объединения русских земель вокруг Москвы в XIV веке.

Таким образом, власть церкви постепенно усиливается, усиливается ее влияние на общество и государство. Она принимает большое участие в процессе централизации удельных княжеств вокруг Москвы. В социально – политической сфере ею активно проводятся призывы в религиозной оболочке к объединению русских людей. Такие идеи проводил игумен Троицкого монастыря под Москвой преподобный Сергей Радонежский. Он один из первых религиозных деятелей поддержал князя Дмитрия Донского перед Куликовской битвой русских воинов с золотоордынскими полчищами.

В экономической сфере в период начала централизации церковь и ее представители, особенно монашествующие, стремясь активизировать свою проповедь, идут в дальние места от Москвы. Там, особенно к северо-востоку от Москвы, одновременно осваиваются новые земли. Этот процесс в истории России был назван колонизацией земель. Вокруг монастырей начинают жить крестьяне, создаются деревни, села, а впоследствии – посады – города.

В связи с внутренними и внешнеполитическими изменениями в общественно–политическом сознании намечается курс на восприятие Московской Руси как ведущего православного государства на мировой арене, формируется и укрепляется идеология самодержавия как единственно истинного богоустановленного института власти.

Одним из основных идеологов и апологетов царской власти в Московской Руси рубежа XV -XVI вв. становится видный церковный деятель, игумен Иосиф Волоцкий. Среди прочих утверждений Иосиф настаивал на закреплении и дальнейшем накоплении материальных средств церковью.

И, действительно, церковь постепенно стяжает много земель с приписными крестьянами, развивая на них хозяйственную деятельность и богатая. Это явилось впоследствии причиной начала некой конфронтации между государственной властью, княжеской и царской и властью церковной. Уже при Иване III берет свое начало тенденция по отторжению части земель и богатств у церкви в пользу государственной власти. Тенденция получает развитие при Иване Грозном. Во время его царствования и первосвятительстве митроп. Филиппа (Колычева) разразился конфликт. Предстоятель Русской церкви выступил против создаваемой царем опричнины, за что поплатился своей жизнью.

Гармония (симфония) между двумя властями переходила в дисгармонию и усугублялась при Алексее Михайловиче. Период его правления известен стремлением патриарха Никона встать выше государственной власти. Его попытка “священства” поставить “высшее царство” не имело успеха, более того, он сильно поплатился за свои притязания. Таким образом, противостояние в государственно – церковных отношениях между гражданской властью и церковным руководством заметно усиливается в переходный период от самодержавия к абсолютной монархии.

2016 г.

СИНОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Большие изменения государственно – церковные отношения претерпели в период правления Петра I, пожалуй, самое главное, что сделал Петр – он окончательно сломил притязания церкви на то, чтобы ей стать выше государства. Петр понимал, что главной идеологической, а во многих отношениях и организационной силой, противостоящей ему, является духовенство. Давление, оказываемое на деятелей церкви, он применял активно и решительно. Но помимо того, перед ним стояли две задачи: ликвидация экономического могущества церкви и ее полное подчинение государству по организационно–административной линии. Обе эти задачи царь решил смело и радикально.

Помимо практических мер Петр разработал целую церковную реформу, по его заданию был подготовлен документ, ставший законодательным, “Духовный регламент”. Именно он явился основой реформы в духовной сфере общества. По нему в какой–то степени была подорвана структура церкви, ее строгий институционализм, а именно, в России упраздняется патриаршество и вводится коллегиальное управление церковью – Синод.

14 февраля 1721 г. совершилось открытие “Святейшего Правительствующего Синода”. Эта духовная коллегия надолго заменила собой патриаршую власть. В руководство ей был дан Духовный регламент, составленный Феофаном Прокоповичем и отредактированный самим Петром. В регламенте откровенно указывалось на несовершенство единоличного управления патриарха и на политические неудобства, проистекающие от преувеличения авторитета патриаршей власти в делах государственных. Коллегиальная форма церковного управления рекомендовалась как наилучшая во всех отношениях. Состав Синода, по регламенту, определяется так: президент, два вице–президента, четыре советника и четыре асессора (в число их входили представители черного и белого духовенства). Заметим, что состав Синода был аналогичен с составом светских коллегий. Лица, состоявшие при Синоде, были таковы же, как и при коллегиях; предста-

вителем особы государя в Синоде был оберпрокурор, при Синоде было и целое ведомство фискалов, или инквизиторов. Внешняя организация Синода была, словом, взята с общего типа организации коллегии.

Говоря о положении Синода в государстве, следует строго различать роль его в сфере церкви от роли в общей системе государственного управления. Значение Синода в церковной жизни ясно определяет Духовный регламент, по выражению которого, Синод имеет “силу и власть патриаршую”. Все сферы ведения и вся полнота церковной власти патриарха присущи Синоду (в его официальное название включили понятие “святейший”). Ему передана и епархия патриарха, бывшая под его личным управлением. Этой епархией Синод управлял через особую коллегию, получившую название дикастерии, или консистории. (По образцу этой консистории были постепенно устроены консистории и в епархиях всех архиереев). Так, в церковных делах синод вполне заменил патриарха.

Учреждением Синода Петр вышел из того затруднения, в каком стоял много лет. Его церковно-административная реформа сохранила в русской церкви авторитетную власть, но лишила эту власть того политического влияния, с каким могли действовать патриархи. Вопрос об отношении церкви и государства был решен в пользу последнего, и восточные иерархи признали смену патриарха синодом, поименовав его “братом во Христе”.

Что касается частых мероприятий по делам церкви и веры в эпоху Петра, то стоит кратко упомянуть о главнейших из них, а именно: о церковном суде и землевладении, о духовенстве черном и белом, об отношении к иноверцам и расколу.

Церковная юрисдикция была при Петре очень ограничена: масса дел от церковных судов отошла в суды светские (даже суд о преступлениях против веры и церкви не мог совершаться без участия светской власти). Для суда над церковными людьми, по искам светских лиц, в 1701 г. был восстановлен (закрытый в 1677 г.) монастырский приказ со светскими судами. В таком ограничении судебной функции

духовенства можно видеть тесную связь с мероприятиями Уложения 1649 г., в которых сказалась та же тенденция.

Такую же тесную связь с Древней Русью можно видеть и в мерах Петра относительно недвижимых церковных имуществ. Земельные вотчины духовенства при Петре сперва подверглись строгому контролю государственной власти, а впоследствии были изъяты из хозяйственного ведения духовенства. Управление ими было передано Монастырскому приказу; они обратились, как бы, в государственное имущество, часть доходов с которого шла на содержание монастырей и владык. Так пробовал Петр разрешить вековой вопрос о земельных владениях духовенства на Руси. На рубеже XV и XVI вв. право монастырей владеть вотчинами отрицалось частью самого монашества (по данному вопросу заволжский старец Нил Сорский выступал против Иосифа Волоколамского); к концу XVI в. правительство обратило внимание на быстрое отчуждение земель из рук служилых людей в руки духовенства и стремилось если не вовсе прекратить, то ограничить это отчуждение. В XVII в. земские челобитья настойчиво указывали на вред такого отчуждения для государства и дворянского класса; государство теряло земли и повинности с них; дворяне становились безземельными. В 1649 г. в Уложении явился, наконец, закон, запрещающий духовенству дальнейшее приобретение земель. Но Уложение еще не решилось возратить государству те земли, которыми владело духовенство.

Заботясь о поднятии нравственности и благосостояния в среде духовенства, Петр с особым вниманием относился к быту белого духовенства, бедного и малообразованного, “ничем от пахотных мужиков неотменного”, по выражению современника. Рядом указов Петр старался очистить среду духовенства тем, что насильно отвлекал лишних его членов к другим сословиям и занятиям и преследовал дурные его элементы (бродячее духовенство). Вместе с тем Петр старался лучше обеспечить приходское духовенство уменьшением его числа и увеличением района приходов. Нравственность духовенства он думал поднять образованием и строгим контролем. Однако все эти меры не дали больших результатов.

В эпоху Петра, отношение правительства к иным вероисповеданиям стало мягче. Хотя Петр очень строго отнесся к официальной церкви, но в его делах и некоторых указах наблюдалась тенденция к веротерпимости. В этом отношении большой интерес представляет Манифест Петра Великого “О свободе вероисповедания и об ответственности каждого человека за свое духовное состояние”. Манифест был подписан в 1702 году. К примеру, к западным европейцам относились с терпимостью. Но все-таки и при Петре к протестантам благоволили более, чем к католикам. Отношение Петра к ним обуславливалось не одними религиозными мотивами, но и политическими: на притеснения православных в Польше Петр отвечал угрозами предпринять гонение на католиков. Но в 1721 г. Синод издал важное постановление о допущении браков православных с неправославными – и с протестантами и католиками одинаково.

Политическими мотивами руководился отчасти Петр и по отношению к русскому расколу.

Во вторую половину царствования Петра репрессии шли рядом с веротерпимостью: раскольников преследовали как гражданских противников господствующей церкви; в конце же царствования и религиозная терпимость как будто бы уменьшилась, и последовало ограничение гражданских прав всех без исключения раскольников, замешанных и не замешанных в политические дела.

Петр I понимал то значение, которое имеет религиозность народа для устойчивости существующих порядков и всего дворянско-монархического государства. Поэтому царь стоял на страже неуклонного выполнения православными их религиозных обязанностей. Так, указом, изданным в 1718 г., устанавливались строгие наказания за отсутствие на исповеди, за непосещение церкви в праздничные и воскресные дни.

Царь подчинил себе церковь не только в делах, ее касавшихся. Он заставил духовенство служить себе в разных областях общественной и государственной жизни.

Так, например, исповедь была поставлена Петром I на службу сыску. Но и этим не ограничивалось выполнение государственных функций гражданско-правового характера священниками. В использовании кадров духовенства на мир-

ские цели Петр I дошел до того, что заставлял священников и монахов стоять на карауле у рогаток и шлагбаумов, действовать на пожарах в качестве охранителей порядка, дежурить на съезжих дворах и вообще “исполнять вкупе с гражданством по полицмейстерской инструкции все другие, указанные Петром, гражданские обязанности в общественно–государственной сфере”.

Итак, в эпоху правления Петра I получили дальнейшее развитие формы подчинения церкви государству. Больше церковь не имела главенствующего значения в решении государственных вопросов, но она продолжала оставаться сильным психологическим и (пока еще) экономическим институтом. Вмешательство государства во внутреннюю жизнь церкви привело к некоторым институциональным изменениям, противоречащим древним канонам. Но церковь согласилась с такими изменениями.

Церковные отношения при дальнейших правителях (Екатерина I, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна) видоизменялись не в значительной степени.

Петр III привел в исполнение указ о секуляризации церковных земель: у церкви изымались все имения и передавались в ведение специальной государственной коллегии экономики, в сами имения назначались офицеры– управители. Бывшие монастырские крестьяне освобождались от оброка в пользу церкви и облагались казенным оброком, как и государственные крестьяне.

Вообще, в период второй половины XVII и всего XVIII века явления церковной жизни тесно переплетались с явлениями политическими, ибо, как уже говорилось выше, церковь превращается в одно из средств государственного управления, утрачивая способность к каким–либо самостоятельным выступлениям, и действует, как одно из учреждений государственного правления.

Первая проба фактической секуляризации была проведена Петром III. Екатерина II, выступая против действий Петра III и защищая интересы церкви, получила полную ее поддержку и смогла свергнуть Петра III. Однако радость представителей церкви была недолгой. И вскоре последовал очередной манифест о секуляризации. В конце царствования

Екатерины началась раздача секуляризованных монастырских земель “разным вельможам и любимцам государыни”, продолжавшаяся и при Павле.

На протяжении XIX века церковь постепенно утрачивала свое самостоятельное значение и выступала, прежде всего, учреждением, поддерживающим решения государственной власти. Таким образом, на Руси и в России среди всех существовавших религий всегда отдавалось предпочтение официальному православию. Однако Россия не была моноконфессиональной страной. Со времен Киевской Руси в ней существовали и другие вероисповедания. В XVI–XVIII веках Россия прирастает многими землями с многообразным этноконфессиональным населением и постепенно становится страной поликонфессиональной. В этой связи государственным структурам и официальной церкви неминуемо приходилось выражать свое отношение к другим появляющимся религиям и конфессиям. Во второй половине XIX века в Российском законодательстве существовали сотни статей, касающихся иных исповедований. Более того, все они были классифицированы на группы, и для каждой группы было выражено особое отношение к ним государства. Прежде чем ознакомиться с этим отношением в законодательстве, обратимся к характеристике этих отношений в реальной жизни.

Старообрядчество – это одно из направлений в русском православии, в которое входят несколько церквей, течений и толков. Их последователи отказались принять церковные реформы, проведенные патриархом Никоном в середине XVII века. Суть этих реформ, против которых выступали старообрядцы, сводилась главным образом к обрядовой стороне: введение трехперстного знамения вместо двуперстного, замена земных поклонов поясными, исправление церковных книг в соответствии с греческими образцами, изменение формы креста (допущение шестиконечного наряду с восьмиконечным) и др. Противники нововведений расценили церковные реформы, как “порчу веры”, как нечто антихристианское. Староверы также были против того, как проводилась реформа. Новшества впервые вводились не Поместным собором, а единоличной властью Патриарха.

Возникновение старообрядчества явилось идеологическим выражением обострения социальных противоречий, характерных для России XVII в. Социальная неоднородность сил, поддерживавших раскол, начиная от родовитых бояр, богатых купцов и кончая крестьянством и городской беднотой, обусловила наличие в Старообрядчестве большого числа группировок.

Противники реформы были объявлены раскольниками, прокляты на церковном соборе 1666–1667 гг. и переданы суду светских властей. Указом от 1685 года старообрядцы были объявлены вне закона.

Царское самодержавие вместе с официальной Православной церковью жестоко преследовали старообрядцев вплоть до XIX века. Спасаясь от гонений, старообрядцы бежали на малозаселенные окраины России (в Поволжье, на Урал, в Сибирь) и даже за ее пределы (в Польшу, Австрию, Турцию и др.) Нередки были случаи самосожжения гонимых старообрядцев. Исключение составляют, как уже выше отмечалось, несколько лет при Петре I, когда им были разрешены свободные богослужения при согласии платить двойные налоги. К середине XVIII века роль представителей торгово-промышленного старообрядчества сильно возросла. В связи с этим государство, проводя политику поощрения торгово-промышленной деятельности, в 1762 г. издало указ, разрешавший старообрядцам вернуться на Родину и предоставлявший им при возвращении некоторые льготы. Главенствующее положение как центр старообрядчества с кон. XVIII в. заняла Москва, вторым по значению центром старообрядчества стал Петербург. В результате революции 1905 г. старообрядцы получили некоторые права: они могли строить церкви, открывать новые приходы и общины. Старообрядцы имели накануне 1917 г. 630 храмов, 3161 молитвенных домов, 99 старообрядческих школ.

Иудаизм. С представителями иудаизма люди на русской земле ознакомились до принятия христианства. Однако первая синагога была построена в 1723 г. около Смоленска, но, в связи с указом Екатерины I о высылке евреев из России, в 1727 г. была закрыта. Этот указ касался, главным образом,

евреев Украины, где оседлое еврейское население образовалось во второй половине XVII в.

Екатерина II проводила относительно либеральную политику в отношении евреев. Тем не менее, начиная с 1791 г., расселение евреев (иудеев) в Российской Империи регламентировалось положением о “черте оседлости”, согласно которому российские евреи могли проживать только в пятнадцати губерниях запада и юга России. Таким образом, возник “еврейский” вопрос.

Несмотря на то, что политика царского правительства в отношении евреев имела дискриминационный характер, еврейское население постоянно увеличивалось. Об этом свидетельствует тот факт, что если в 1818 г. в России проживало около 700 тыс. евреев, в 1845 г. – более 1,5 млн., то в 1897 г. – более 5 млн. Из них в Польше – 1 млн. 300 тыс. человек. Однако две волны еврейских погромов (в 1888-1889 и в 1903-1905 гг.), прокатившиеся по Российской Империи, а также судебные процессы с обвинением евреев в использовании крови христианских младенцев в ритуальных целях вызвали массовую еврейскую эмиграцию. В 1897–1915 гг. из России, главным образом в США, уехало 1 млн. 400 тыс. человек. С 70-х гг. XIX в. началась эмиграция в Палестину.

На рубеже XIX-XX вв. еврейский вопрос так и не был разрешен. Манифест 17 октября 1905 г., даровавший населению России гражданские свободы: свободу совести, собраний и союзов, мало что изменил в положении еврейского населения. И только с 20 марта 1917 г. постановлением Временного правительства “Об отмене вероисповедных и национальных ограничений”, была отменена “черта оседлости”, евреи независимо от вероисповедания, получили право выбора в местные и центральные органы власти.

Ислам. С мусульманством, как и с иудаизмом, русские люди познакомились издавна. Уже в Киевской Руси имели представление об этой религии. Более близкое знакомство происходило в годы золотоордынского завоевания Руси. Но отсчёт истории государственно-конфессиональных отношений в контексте состояния ислама начинается позднее. В целом историю взаимоотношений невозможно оценить одно-

значно. В этих отношениях было немало трагических страниц.

По существу, история российского ислама начинается с событий, связанных с завоеванием Иваном Грозным Казани (См. завершающую часть II-го раздела настоящего учебного пособия). Движущие силы этой истории определялись не столько проповедью мусульманских истин среди российского населения, сколько включением новых мусульманских территорий в состав Российской Империи. В период своего правления Иван Грозный приказал уничтожить все мечети Казани и запретил их строить впредь. Татары вынуждены были бежать со своей земли. Многие из них оказались в Сибирском ханстве. Это бегство положило начало исламизации Западной Сибири. Борьба Казани за независимость спровоцировала депортацию татар. В результате давления на мусульманское население, многие его представители осели в Литве и Польше, где слились с золотоордынскими татарами и караимами. Так образовалась польская, или литовская, группа татар. Дискриминация мусульман, проводившаяся в XVII–XVIII вв., привела к тому, что в пугачевском восстании принимали участие более 85 тыс. татар. Восстание Пугачева подвело черту под политикой христианизации мусульман и положило начало государственному сотрудничеству с мусульманскими общинами.

В XVIII в. политика государства по отношению к исламу и мусульманам не всегда была последовательной. По воле Петра Великого, Петр Постников в 1716 г. перевел на русский язык Коран, первый русский востоковед князь Дмитрий Кантемир в 1722 г. опубликовал исследование об исламе – “Книга Систима, или Состояние Мухамеданския религия”. В целом, однако, законодательство первых русских императоров и императриц сдерживало распространение влияния ислама.

Политика веротерпимости начала проводиться в России во времена царствования Екатерины Великой. В своем знаменитом “Наказе” в Уложенную комиссию 1767 г. царица отметила, что “весьма бы вредный для спокойства и безопасности своих граждан был порок, запрещение или не дозволение их различных вер”. Данное положение вписывалось

в рамки идеологии просвещенного абсолютизма, одной из вершин которого было екатерининское правление. После присоединения к Российскому государству Крыма и Кубани, Екатерина в своем Манифесте от 8 апреля 1783 г. провозгласила обещание мусульманам Тавриды “охранять и защищать их лица, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно”. Аналогичная политика по отношению к мусульманам проводилась и в других районах империи. Так, Манифест о присоединении к России Великого княжества Литовского 1795 г. распространял гарантию свободного исповедания веры не только на католическое население края, но и на литовских татар – мусульман.

Особое внимание было уделено организации государственного регулирования сверху религиозной жизни российского мусульманства. Как известно, ислам не имеет церковно-иерархической организации.

Главный принцип конфессиональной политики Российской империи заключался в стремлении к полному государственному контролю над всеми без исключения религиозными институтами на территории страны.

Рядом законодательных актов екатерининского времени начинается формирование органов управления мусульманами России. В 1788 г. создано Оренбургское магометанское духовное собрание, юрисдикция которого была вначале распространена на всю Россию.

В 1794 г. было объявлено о создании Таврического магометанского духовного правления, фактическое образование которого произошло позже, в 1831 г.

Хотя император Александр I не продолжил курс политики своего отца на создание охранительного союза всех христианских религий, наметившаяся в Павловское время идея централизации контроля над конфессиями империи реализовалась именно в первой четверти XIX в.

В 1810 г. наряду со Святейшим Синодом на правах особого министерства, учреждено Главное управление духовных дел разных (иностранных) исповеданий, которое контролировало “многие дела, относящиеся к духовенству раз-

ных иностранных религий и исповеданий, исключая судные дела”.

В 1824 г., по воле Александра I, оно было ликвидировано; через восемь лет, в 1832 г., управление делами иноверцев преобразовано в Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) и включено в структуру Министерства внутренних дел, где оно находилось (за исключением короткого промежутка времени в 1880-1881 гг.) вплоть до 1917 г.

Под давлением нараставшего общественного движения в стране в первые годы XX в., правящие верхи империи заявили о своей готовности пойти на известные уступки неправославным конфессиям (манифест 26 февраля 1903 г. указ 12 декабря 1904 г. и указ 17 апреля 1905 г. о веротерпимости).

К октябрю 1917 г. в России действовало 30000 мечетей.

Буддизм. Буддизм в России представлен ламаизмом (махаяна), относящимся к той ветви буддизма, которая шла из Индии через Тибет и Монголию и была распространена кроме тибетцев среди монголов, ойратов, бурят, а также тувинцев.

Около 400 лет назад появились первые буддийские монахи на территории современной Бурятии, затем в Туве, в конце XVI в. благодаря монгольским ламам, буддистами стали калмыки. Впервые буддизм проник на территорию России в конце XVI – начале XVII в. в результате переселения в низовья Волги калмыков (ойратов). Таким образом, он получил большое распространение среди монголоязычных народов России.

Продвижение границ Российской Империи в Азию и появление значительного числа подданных буддистов, религиозным главой которых оставался Далай-лама, было чревато, по мнению царского правительства, потенциальной угрозой отделения новых российских регионов, сепаратизмом. Правительство, стремясь исключить эту угрозу, вело постоянный поиск способов включения буддийских территорий в общероссийский историко-культурный процесс. Россия, по сути дела, стала первым европейским государством, давшим буд-

дизму статус официальной религии народов, населявших окраины империю.

В 1741 г. специальным указом императрицы Елизаветы Петровны буддизм был объявлен одним из официально признанных вероисповеданий Российского государства и присвоении главе бурятского буддийского титула Пандидо хамбо ламы.

К концу XIX в. буддизм в России представлял собой развитую религиозную систему. В бурятских аймаках Восточной Сибири функционировали 48 монастырей и дацанов с 15 тыс. священнослужителей, в Калмыкии было 105 храмов и монастырей с 5200 служителями культа, а в Туве находилось 34 монастыря и хурэ (крупный храмовый комплекс) с 4000 служителей. В 1915 в Санкт-Петербурге по инициативе известного бурятского деятеля и дипломата, учителя Далай-ламы XIII Агвана Доржиева был построен буддистский храм на средства, собранные дацанами и верующими из Бурятии и Монголии. В дореволюционной России государство старалось учитывать интересы и запросы народов, исповедующих буддизм: монахам позволялось отправляться на учёбу в Тибет, строились новые храмы (сумэ) и монастыри (дацаны). В них создавались богословские и медицинские школы. Развивались книгопечатание, иконопись, культовое зодчество, прикладное искусство. Работали различные мастерские по обработке металла и дерева, шитью и вышивке, аппликации для художественного оформления ламаистского культа. Учёные ламы имели возможность создавать популярную религиозную литературу дидактического и художественного характера. Буддизм прочно вошёл во все области жизни большей части монголо-язычного населения России. Он стал важным фактором формирования их нравственности, народных традиций и обычаев.

Духовные христиане. К ним относят религиозные течения и объединения, которые можно считать формами самобытного российского протестантизма. Они возникли в XVII – XVIII вв., как проявление социального недовольства и протеста против господствующей Российской Православной Церкви. Не являясь крупными религиозными объединения-

ми, они сохранили определенное влияние на Религиозную жизнь и духовно-нравственную атмосферу в обществе, особенно на народные массы.

Истоки духовных христиан уходят в глубь веков Российской истории. Уже с II века в церковной среде появляются вольнодумцы, и, по праву, их можно назвать предтечами духовного христианства. Вначале это были одиночки, несогласные с отдельными сторонами обрядовой практики и церковной организации. Они уже преследовались государственными властями. В XV веке появляется целое движение стригольников, которые высказывали свое несогласие с некоторыми церковными установлениями и проповедовали свое толкование Евангелия. Они отвергали институт священства, таинства и обряды, в иконах и крестах не видели необходимости. Известно возникшее в XV в. и существовавшее затем сто лет движение нестяжателей. Они выступили против монастырского землевладения и расправы над еретиками и инакомыслящими. Со стригольниками, а отчасти и с нестяжателями, сурово расправились.

После раскола XVII в. и появления старообрядчества религиозные искания в русском народе усиливаются. С середины XVII в. в недрах православия начинают появляться группы, впоследствии объединенные одним названием “духовные христиане” хлысты, духоборцы, молокане. История этих течений изобилует фактами об их преследованиях, негативном отношении светских и церковных властей. Членам этих общин приходилось скрываться от этих преследований. Не редки были случаи, когда их высылали на окраины империи и заточали в тюрьмы. Следовательно, между государством, властями и представителями этих течений существовали очень сложные отношения. Они усугублялись еще тем, что некоторые последователи духовных христиан, как например духоборцы, выступали против государства и церкви, считая их гонителями свободного духа и веры. Поэтому со второй половины XVIII в. общины духоборцев неоднократно подвергались высылке, направлялись на тяжелые принудительные работы, ссылались на каторгу.

По указу Александра I всех духоборцев решили переселить в одно место. Им отвели степные места в Мелитополь-

ском уезде на Молочных Водах (река Молочная). Таким образом, была создана первая духоборческая колония. Но преследования на том не закончились. Подтверждение тому указ императора Николая I, изданный им вскоре после вступления на престол: "... Кто не желает принять лоно Православия и отныне не будет служить в армии, немедленно будет сослан в специально отведенное место". Таким местом для духоборцев был избран Ахалкалацкий уезд Грузии. До сих пор в горах на высоте более 2 тысяч метров есть села с русскими названиями: Спасовка, Ефремовка, Орловка, Гореловка, Калинино.

В 1898–1899 гг. несколько тысяч духоборцев эмигрировали в Канаду. Прямое участие в их судьбе принял великий русский писатель Л. Н. Толстой, славившийся свободомыслием и веротерпимостью. На гонорар за роман "Воскресение" он зафрахтовал два парохода, на которых духоборцы отплыли за океан.

Почти аналогичную судьбу имели общины молокан. При Александре I им было дозволено селиться в Таврии, однако в 30-е годы XIX века правительство разрешило переселение сектантов только в Закавказские провинции, где им отводилась роль главной колонизационной силы. Многолюдные молоканские поселения возникли на территории нынешних Армении и Азербайджана.

Католицизм. Католицизм в России получил распространение с IX–XI вв. В это время политические и экономические контакты со странами Западной Европы привели к появлению в русских городах постоянно проживающего населения – выходцев из Западной Европы, пользовавшихся фактической религиозной свободой. В результате этого в Киеве, Переславле, Смоленске, Полоцке и других городских центрах появляются католические храмы и духовенство.

Ситуация стала меняться в XIII в., когда началось постепенное культурно-конфессиональное отчуждение русских земель от Западной Европы. Причина этого – общее ухудшение отношений между католическим Западом и православным Востоком, последовавшее за взятием Константинополя крестоносцами в 1204 г.

Монгольское нашествие на Русь, а затем захват турками в XIV–XV вв. православных государств на Балканах привели к утверждению в качестве официальной идеологической доктрины Российского государства концепции “Москва–третий Рим”, а в целом – к неевропейской культурно–политической и конфессиональной ориентации страны.

Перелом отношения к римско-католической церкви в России совпал с царствованием Петра I. Реформы царя несли с собой и определенный отказ от культурного и конфессионального изоляционизма, в связи, с чем число приверженцев католического исповедания, проживающих на территории России, неуклонно возрастало. Если в 1691 г. их было 40, то в 1698 г. – уже 400, а к концу царствования Петра в 1725 г. – 2000 человек. Значительные группы католического населения появились в России после манифеста Екатерины II от 4 декабря 1762 г., приглашавшего иностранцев на жительство, а также после трех разделов Польши, в результате которых в числе российских подданных оказалось несколько миллионов католиков.

Своеобразная национальная консервация католицизма как веры литовцев, поляков, немцев и т. д., сознательно проводившаяся в Российской империи, практически исключала попытки обращения в эту религию русских.

Официальное стремление приверженцев католицизма в России реализоваться не могло – этому препятствовали как законы империи, так и Священный синод Русской православной церкви.

Переход человека к католицизму на территории России нуждался в соответствующем обосновании. В этой связи новобращенные католики приводили самые разные аргументы. В последствии все их мысли сосредоточились вокруг проекта институционализации католической церкви в России.

Первая Русская католическая церковь – во имя Святого Духа – была открыта в Петербурге в 1909 г. Но даже после царского манифеста о веротерпимости (1905) она не смогла добиться полной легализации.

В целом, к началу XX в., католическое население Российской империи насчитывало свыше 10,5 млн. человек. В России действовало, в общей сложности, более 5 тыс. католиче-

ских храмов и часовен, в которых служило 4,3 тыс. священников. В церковно-административном отношении они были разделены на 12 диоцезов (епархий), 7 из которых охватывали территорию Царства Польского. Римско-католический епископат в России назначался непосредственно российским правительством, после чего утверждался в должности Ватиканом. Распоряжения Римской Курии относительно церковной жизни католиков в России обретали юридическую силу лишь после их утверждения Министерством внутренних дел. Католическое духовенство в России помимо платы прихожан за выполнение церковных треб получало содержание из казны.

На территории России в 1914 проживало свыше 0,5 млн. католиков и действовало около 150 католических храмов, которые обслуживали около 700 священников. Работали 2 духовные семинарии (в Санкт-Петербурге и Саратове), духовная академия в Санкт-Петербурге. Существовали частные католические школы: в Санкт-Петербурге – 72, в Москве – 28. В Москве действовали также 3 католических госпиталя.

Протестантизм. Протестантизм – одно из трёх, наряду с католицизмом и православием, главных направлений христианства. Включает в себя множество общин, объединяемых в отдельные церкви и формирования. Истоки протестантизма берут своё начало в западноевропейском общественно-религиозном движении, получившем название Реформация. Протестантизм в его различных направлениях стал распространяться в России начиная с первой четверти XVIв. Первые общества протестантов были лютеранскими. Они существовали в Москве (1559) и Нижнем Новгороде (1609). Лютеранство особенно укрепилось во времена Петра I, стремившегося привлечь в страну иностранных специалистов. Опорным пунктом лютеранства был Петербург. В XVIIIв. в нём проживало более 20 тыс. лютеран. Екатерина II тоже содействовала укреплению положения лютеранства в России, она привлекала немцев – земледельцев, исповедующих лютеранство, к колонизации России, освоению побережья Чёрного моря, Поволжья. К началу XX в. в России (исключая

Прибалтику) насчитывалось около 200 лютеранских церквей, объединявших более 1,1 млн. человек. Во второй половине XVIII века в России появились представители ещё одного направления протестантизма – меннониты. По именному указу Екатерины II была образована их колония. К 1916 во владении меннонитов находилось свыше 1 млн. десятин земли. В религиозном отношении меннонитство в России не было однородным, оно разбилось на несколько течений. Их возникновение было вызвано ростом социальной дифференциации в меннонитских колониях.

В 60 – х гг. XIX в. в России началось распространение новой разновидности протестантизма – баптизма или евангельских христиан. Он распространялся преимущественно в крестьянской среде.

В Петербурге и окружающих районах с 70 – х гг. стало распространяться евангельское христианство. К 1917 общее количество баптистов и евангельских христиан составляло примерно 150 – 200тыс. человек.

Адвентисты появились в России в 80–х гг. XIXв. Первая адвентистская община была образована в Крыму в 1886. Адвентизм получил большое распространение на Украине, Северном Кавказе, в Прибалтике, а также в Петербурге, Москве, Киеве. Адвентизм распространяется среди ремесленников, рабочих, мелких торговцев, городской бедноты. Среди адвентистов было немало выходцев из интеллигенции. В 1916 в России насчитывалось 6800 адвентистов. В этом же году среди адвентистов седьмого дня произошёл раскол, выделилось новое течение адвентистов – реформистов. Сторонники этого движения в России в 20 –х гг. считали недопустимым служить в армии, состоять в профсоюзах.

Незадолго до начала первой мировой войны в Россию стало проникать пятидесятничество. Их миссионеры начали распространение своего учения, как и другие протестанты.

Итак, в XIX веке в Своде Законов Российской Империи все религии, существующие в России, разделяли на четыре категории по отношению к ним государства. Во-первых, это Русская православная церковь, обозначалась как господствующая, официально–признанная. Руководство ее, начиная с эпохи Петра I – Святейший Правительствующий Синод,

входил в состав общего государственного правления. Церкви вменялись в обязанность осуществлять некоторые дела государственного характера.

Во-вторых, следующую ступень занимали признанные терпимые исповедания, к которым относились Католическая, протестантские, Армяно-григорианская и Армяно-католические церкви, христианские секты (меннониты, баптисты). В зависимости от интересов государства для каждого “терпимого” исповедания устанавливался отдельный правовой режим в социальном, имущественном, политическом аспектах.

В-третьих, к следующей ступени относились “терпимые непризнанные”. К ним относились согласно закону государства некоторые секты, а также раскольники (старообрядцы). Государство признавало официально церковный подход к ним, то есть к исповеданиям, которые преступили церковный закон. Со стороны государств они были гонимы, чему способствовала и официальная церковь, а на бытовом уровне считались терпимыми.

В-четвертых, к последней ступени, низшей, относились “непризнанные нетерпимые”, к которым относились “изуверы” (скопцы). Сама принадлежность к этим исповеданиям преследовалась по закону.

Скажем для XVIII–XIX вв. наличие общин иноверцев на территории Российской империи не представляло ни опасности, ни вреда, и не вызывало беспокойства у людей, так как православная вера была сильна, и вопрос о возможном переходе людей в другую религию практически не стоял. В пределах Российского государства только одна господствующая Православная церковь имела право убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения о вере. Духовным же и светским лицам прочих христианских исповеданий и иноверцам строжайше запрещалось воздействовать на убеждения тех, кто не принадлежал к их религии. В противном случае они подвергались взысканиям, определенным уголовным законом. Наряду с этим Российская православная церковь при содействии государственной власти среди инородцев и иноверцев, также раскольников, вела активную миссионерскую работу.

Одним из центров миссионерской деятельности стала Казанская духовная академия. В ней сосредоточивались научно–церковные кадры. Историки и богословы изучали верования, составляли методики ведения проповеди среди иноверцев. На их языки переводились христианские Священные и богослужебные книги. В академии работали отделения: противомусульманское, противораскольническое, противобуддистское и черемисско-чувашское.

С сер. XIX века стали появляться идеи об изменении ситуации, в которой существовала утвержденная законом религиозная “табель о рангах”.

С идеей межконфессионального равноправия в системе отношений государства и ислама выступил известный исламский богослов, религиозно– общественный и государственный деятель, мухтасиб Казани Ш. Марджани (1818–1889). Он сформулировал следующие положения своей идеи:

1. В Российской империи ислам должен перестать считаться иноверием, а должен иметь такой же статус, как у Правящей Православной Церкви, и мусульманское духовенство – обладать теми же правами, что и Российская православная церковь;

2. граждане вправе исповедовать любую религию, вступать в религиозное общество, беспрепятственно выходить из него и переходить в другое;

3. никто не может быть принуждаем к участию в религиозных обществах, актах;

4. граждане пользуются всеми гражданскими и политическими правами без каких–либо ограничений в связи с религиозным исповеданием.²⁸

Таким образом, вплоть до начала XX века официальное православие – государственная церковь – оставалась господствующей. Русская православная церковь не была отделена от государства, существовала иерархия религиозных предпочтений государства. Все остальные исповедания находились на более низших ступенях в иерархии этих предпочтений.

²⁸ Юзеев А. Татарские интеллектуалы: исторические портреты, Казань, 2005. С. 79.

Установившаяся в России модель государственной церкви начинает подвергаться критике со стороны различных представителей тогдашнего общества.

В контексте канонического права оценивал отношение государства к церкви епископ Смоленский, ректор Казанской духовной академии Иоанн (Соколов). Его ректорство в Казани совпало с началом реформ Александра II. Владыка Иоанн активно начал выступать в печати и в проповедях на церковно-общественные темы. Именно в эти годы им был написан труд под названием “О свободе совести”. Как в нем, так и в других публикациях уже выдающийся в ту пору канонист уделяет большое внимание оценке отношения государства к церкви. Нисколько не покушаясь на статус церкви в качестве первенствующей и господствующей, еп. Иоанн не мог согласиться с беспрестанными вмешательствами государства во внутреннюю, более того каноническую жизнь церкви. Владыка считал, что гражданская власть может доходить только до наружных дверей церкви, но внутрь церковь не допускает власть, чем и может обеспечить себе свободу. Однако получилось так, что, содействуя церкви во многих делах, государство внесло дух мира в церковь и, заключив ее в объятия, задушило ее. Обозревая путь такого взаимодействия, Иоанн (Соколов) заключает, что сила государства была самой враждебной для церкви. Фрагменты его труда “О свободе совести” так и не были до конца опубликованы в номерах журнала “Христианское чтение” и отдельной книгой Святейший Синод не позволил ее издать.

На рубеже XIX-XX вв. в русской философии, общественно-политической мысли и в литературе начинает обсуждаться вопрос о веротерпимости и в целом о свободе совести. Эти вопросы, прежде всего, обсуждались в контексте государственно-конфессиональных отношений. Активно включились в полемику писатели С. И. Аксаков, Л. Н. Толстой, написавший статью, впоследствии ходившую в качестве брошюры, которая так и называлась “О веротерпимости”. В этой связи необходимо сказать о толерантности великого русского философа В. С. Соловьева, который в работе “Спор о справедливости” свои мысли о веротерпимости и ее границах изложил в параграфе “Терпимость вообще и принцип

веротерпимости”. Вполне можно сделать вывод о том, что эти выступления оказали положительное влияние на разработку и утверждение последующих законодательных и нормативно-правовых актов императора Николая II и Временного правительства.

В 1917 году, еще до прихода партии большевиков к власти в России, Временным правительством были проведены существенные преобразования в области государственно-церковных отношений. В марте и июле 1917 года были приняты законодательные акты: “Об отмене вероисповедных и национальных ограничений” и “О свободе совести”, которые по-новому определяли положение церкви и религиозных организаций в России, провозглашали их равенство перед законом, представляли широкие права конфессиям в их богослужебной, миссионерской, педагогической и общественно-политической деятельности. Вместе с тем, Русская православная церковь (РПЦ) по-прежнему занимала ведущие позиции среди прочих вероисповеданий, Временное правительство оказывало ей предпочтение в сношениях с конфессиями. На исходе лета 1917 г. Святейший Синод был упразднен. Последний его обер-прокурор Антон Карташев занял пост министра исповеданий Российской империи.

Рассмотрев государственно-церковные отношения до 1917 года в разные периоды истории нашего государства, можно прийти к выводу о том, что отношения эти были сложными и противоречивыми. Но все же неизменными оставались условия, которыми характеризовались государственно-церковные отношения на протяжении этого времени, то есть социально-экономические, политические, духовные основы сохранялись.

В начале первой четверти XX века развиваются новые тенденции в вероисповедной политике государства, ведущей к ее либерализации. Однако окончательного развития она не получила, ибо с ноября 1917 года начинается этап в формировании новой модели государственно-конфессиональных отношений.

2016 г.

**ГОСУДАРСТВО И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ
ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ ПЕРЕМЕН –
1-Я ПОЛ. XX В. (В ТРУДАХ ПРОТОПРЕСВИТЕРА
ГЕОРГИЯ ШАВЕЛЬСКОГО). [96]**

Протопресвитер Георгий Шавельский – один из выдающихся церковно-государственных деятелей России 1-ой половины XX века. Он родился в Витебской губернии в 1871 г. в семье сельского дьячка, дожил до глубокой старости и скончался в 1951 г. болгарской столице – Софии. Его жизнь можно разделить на два периода. Первый – в Отечестве, где он стал священником, получил высшее духовное образование, имел степень магистра богословия, в Русско-японскую войну служил полковым священником и главным священником 1-ой Маньчжурской армии, а в 1911 г. по высочайшему повелению назначен протопресвитером военного духовенства. Георгий Шавельский состоял присутствующим в Святейшем Правительствующем Синоде, а в 1917–18 гг. был членом Церковного собора. Исполнял обязанность протопресвитера военного и морского духовенства Добровольческой армии. Затем в 1920 г. из Феодосии отплыл в Константинополь, с которого начинается жизнь о. Георгия на чужбине.

Второй период – жизнь в Русском зарубежье или церковной эмиграции с переходом в юрисдикцию Болгарской православной церкви, где продолжал священническую деятельность, преподавал богословские дисциплины и оставил большое литературное наследие.

Большинство произведений было им написано в эмиграции. Многообразные по содержанию его труды можно разделить на три группы. Первая – богословские: “Православно пастирство”. – София, 1920. – 324 с. – (на болгарском языке, на рус. яз. в 1930 г.), “Евангелие и жизнь: Притча Спасителя о богаче и Лазаре”, “О Боге и Его правде” и др. Вторая – церковно-исторические: “Военное духовенство в борьбе России с Наполеоном”, “Русская Православная Церковь пред революцией”, “Последнее воссоединение с православной церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.)”, “Священники в военное время” (написана по окончании Рус-

ско-японской войны) и др. Третья: мемуарные. Записи из воспоминаний о. Георгий нередко включал во многие свои произведения. Однако самое значительное в этом роде литературы стала книга “Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота” в 2-х томах.

Произведения Г. И. Шавельского, как и многих авторов русского зарубежья, в Отечестве не публиковались и почти не изучались. “Воспоминания последнего протопресвитера...” писались в эмиграции примерно с начала 20-х до начала 40-х годов прошлого века. Опубликованы они были уже после кончины автора впервые в США в 1954 г. в издательстве им. А. П. Чехова. В Отечестве впервые были опубликованы в 1996 г. (репринтное изд-е) и в 2010 г. с вступительной статьёй священника Ильи Соловьёва. По праву их можно поставить в один ряд с такими шедеврами мемуарной литературы как “Мемуары” кардинала Ришелье Армана Жана дю Плесси (1585–1642), “Замогильные записки” Франсуа Рене Шатобриана (1768–1848) и “Путь моей жизни” митрополита Евлогия (Георгиевского) (1868–1946). Все они повествуют о переходных периодах государств Франции и России.

К настоящему времени большой интерес к литературному наследию протопресвитера проявляют и богословы, и литературоведы, и историки, а также религиоведы и авторы исторических романов.

Чтобы перейти к характеристике произведений о. Георгия необходимо сказать о самой должности, которую он занимал в течение более десяти лет.

“В табели чинов Российской империи Протопресвитер военного и морского духовенства, – отмечал сам о. Георгий, приравнивался в духовном мире к архиепископу, в военном – к генерал-лейтенанту. Фактически он был влиятельней всякого архиепископа, так как он лишь отчасти был подчинен Св. Синоду, непосредственно же – Государю Императору; в то время, как архиепископы и даже митрополиты редко удостоивались беседовать с Царем, Протопресвитер имел возможность докладывать Царю при каждой с ним встрече, а встречался он с ним почти каждую неделю; в случае несогласия с Синодом, Протопресвитер мог апеллировать Царю и царское решение затем сообщать Синоду. Интересна была и

протопресвитерская служба: он был духовным главою и Армии, и Флота; он направлял деятельность всех военных и морских священников, которых в мирное время насчитывалось до 750 человек, а в военное время и несравненно больше; власти у него было больше, чем у любого архиерея, и служба его была гораздо интереснее архиерейской: он был участником всех, в Высочайшем присутствии, парадов и торжеств, во всех воинских и морских частях, разбросанных по всей России, он был желанным гостем, — каждый архиерей был епархиальным, а протопресвитер был всероссийским; паству протопресвитера составляли все воины, к числу которых принадлежали и Великие Князья; для поездок Протопресвитера была открыта вся Россия, он должен был объезжать части своей великой паствы, наблюдать, изучать ее нужды, контролировать, направлять работу подчиненного духовенства”.

Так случилось, что мне постепенно пришлось знакомиться с произведениями Георгия Шавельского и с фактами его биографии. В итоге могу сделать вывод о чрезвычайно большом значении и актуальности его трудов.

Итак, во-первых, с литературными произведениями протопресвитера Георгия Шавельского мне довелось знакомиться в 1996 году, когда работал в Министерстве обороны Российской Федерации. После празднования 1000-летия Крещения Руси, в государственно-церковных отношениях происходит переход от конфронтации государства с церковью к их взаимодействию. Связи налаживаются в различных общественно-государственных сферах, в том числе и военной. В военном министерстве был образован отдел по связям с религиозными объединениями. В дореволюционной России такая связь у государства существовала, особенно с Русской православной церковью. Однако она на несколько десятков лет была прервана. Опыт взаимодействия забыт. Возродить его пришлось по сохранившимся историческим документам, исследованиям и другим повествованиям. Таким источником

для нас стала и одна из книг, имеющая название: “Воспоминания последнего протопресвитера Георгия Шавельского”.²⁹

Во-вторых, в прошедшем 2014 году, когда отмечалось 100-летие Первой мировой войны мне опять довелось обратиться к книге Георгия Ивановича, но уже как к источнику, расширяющему знания о трагическом событии мирового масштаба.

Хронологически мемуары охватывают время, когда автора назначили протопресвитером военного духовенства и до распада Добровольческой армии. Однако весь этот период для Российской империи стал поистине судьбоносным. В нем произошли войны – Первая мировая и гражданская, две революции – Февральская и Октябрьская. Автор отнюдь не выступает в качестве летописца, излагая день за днем, год за годом происходившие события. Он подробно останавливается на тех, которые по его представлению являются главными в его повествовании, на тех, в которых сам принимал участие, т. е. происходивших на его глазах. Причем, о многих событиях он не просто пишет – фиксирует их, но нередко размышляет над ними, давая им свою интерпретацию. Георгий Иванович в свое повествование вносит и некоторые рассказы близких ему современников.

Итак, протопресвитер вспоминает о нескольких годах, предшествующих началу Великой войны. В это время после назначения его на должность протопресвитера Духовного управления армии и флота происходят первые встречи с высочайшими особами, в число которых входят император и императрица, члены их семьи, великие князья. Довелось о. Георгию встречаться с представителями ближайшего окружения царских особ, со многими генералами, а из церковной среды – архиереями.

Уже до войны по роду службы автору воспоминаний довелось побывать во многих местах необъятной России – Сибири, Туркестане, Кавказе, Ставрополе, Кубани. Его впечатления и наблюдения дополняют описания мирной трудовой

²⁹ Георгий Шавельский, протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера. В 2-х тт. Нью-Йорк, тип. им. А. П. Чехова, 1954 (далее “Воспоминания...”).

жизни Отечества тех лет. Мемуарист отмечает: “Стоило побывать на описанных мною выше трех окраинах и на Кубани, присмотреться к тамошним достижениям самых последних лет, чтобы убедиться, как быстро залечивались раны, нанесенные несчастной Русско-японской войной, и как быстро неслась Россия вперед, развивая и умножая свои природные богатства. Была не только надежда, но и уверенность, что вскоре наша Родина станет богатейшей и счастливейшей в мире страной.

Эта уверенность подкреплялась еще тем, что прогресс наблюдался почти во всех областях жизни и внутренней России – в торговле, промышленности, земледелии, в развитии школьного дела и, в частности, женского образования”. Далее мемуарист задается вопросом: “Кому Россия была обязана таким быстрым, всё прогрессирующим расцветом? На этот вопрос, – отмечает он, – затрудняюсь ответить. Думаю, что блестящие министры последнего царствования – Столыпин, Витте, Кривошеин, Коковцев и другие своими настойчивыми и талантливими мероприятиями способствовали всероссийскому прогрессу”.³⁰

Правда, следует отметить, что к тому времени Россия по многим показателям производства и по уровню жизни населения все-таки отставала от развитых западноевропейских государств. Такое отставание явилось одной из причин отсутствия должной боевой готовности Армии и Флота России к началу войны.

Протопресвитер уделяет внимание на страницах воспоминаний и распутинщине при царском дворе. Пишет об обстановке, сложившейся накануне войны и о состоянии русской армии в предвоенное время.

Большой интерес представляют страницы, посвященные внутренней жизни и деятельности Ставки Верховного главнокомандующего. Согласно одному из высочайших предписаний Ведомство военного духовенства должно было располагаться в столице – Санкт-Петербурге, а в военное время – в Ставке Верховного главнокомандующего. В первые годы войны таковым был Великий князь Николай Николаевич, а

³⁰ “Воспоминания...”, т. 1, с. 45.

затем сам император. Рассказывается о первых победах и первых поражениях, об обстановке на некоторых фронтах.

Конечно, не преминул мемуарист рассказать и о деятельности военного духовенства в Великой войне. Самим протопресвитером Георгием было много сделано для улучшения работы священников в войсках и на флоте. Главной задачей оставалось религиозное окормление воинства и поддержание боевого духа в нем. Большое внимание протопресвитер уделял воспитательной работе в войсках и напоминал офицерам о том, чтобы и они наряду с обучением солдат владеть оружием, вели также работу воспитательную.

Вторая половина последнего тома воспоминаний завершается названием глав, в которых нашли отражение такие события, как конец распутинщины, предреволюционное время, царь и царица в заточении, императрица на троне, царица–узница, царь–узник. Книга завершается рассказами о добровольческой армии, в которой Г. И. Шавельский продолжал руководить военным духовенством, поездкой к великому князю Николаю Николаевичу, и далее о церковных делах, а именно, о Соборе в Ставрополе, временном Высшем церковном управлении, о недугах Добровольческой армии и ее закате.

В–третьих, материалы Георгия Шавельского были очень полезны при разработке курса лекций о государственно-конфессиональных отношениях. В воспоминаниях немало страниц отводится описанию отношений между церковью и государством. Однако этой сфере жизни Российской империи посвящена специально написанная также в эмиграции книга “Русская Церковь пред революцией”, несколько лет назад опубликованная в России с разрешения Архива российской и восточно-европейской истории и культуры Университета Колумбии (США) – Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University (USA).³¹

В книге, о существовании которой историки церкви, религиоведы многие годы даже не подозревали, автор стремит-

³¹ Шавельский Георгий, протопресвитер. Русская Церковь пред революцией. М., изд-во – “Артос-Медиа”, 2005. – 510 с.

ся всесторонне рассмотреть состояние церкви в ее многогранной деятельности: вероисповедной, обрядовой, институциональной, во многом зависимой от государства, и социокультурной.

В книге Русская церковь представлена прошлым с авторскими оценками ее заслуг в отношении русского народа и всего православия. Приводятся статистические данные, касающиеся состава Церкви, ее имущества и богатства, также о ее современном положении в ряду других православных церквей.

Много страниц книги отводится не просто описанию, но анализу отношений Церкви и русской государственной власти, Синодальному строю: его особенностям и недостаткам, Святейшему Синоду в предреволюционное время. Даются яркие характеристики личностным качествам обер-прокурорам Святейшего Синода (1911–1917 гг. – сменилось шесть человек) и завершение его работы. Перечислены недостатки синодальной работы предреволюционного Синода.

Чрезвычайно интересные подробности приводятся в связи с тем, что из себя представляли: Епархиальное управление; архиерей, консистория, благочинные, приходское духовенство, духовные школы, включая академии; русские монастыри дореволюционного времени, их материальные богатства и роль в церковной, государственной и народной жизни, дана сравнительная оценка русских монастырей старого типа и монастырей нового направления, состояние приходов и их внутренней жизни. Русская православная церковь в ее отношении к инославным исповеданиям; ведомства протопресвитеров придворного, военного и морского духовенства.

Книга завершается подведением итогов прошлого и прогнозами на будущее.

Наконец, в-четвертых, для меня, как исследователя церковных разделений в православии представили большой интерес факты из жизни Георгия Шавельского в русской церковной эмиграции.³² Уже до II Мировой войны в ней сфор-

³² Лецинский А. Н. Церковные разделения в православии: социальная обусловленность и типология. Саарбрюккен, Akademikerverlag Sanktum,

мировались три юрисдикции Московской патриархии, Русской православной церкви за границей (карловчане) и общины, вошедшие в юрисдикцию Вселенского патриархата (евлогиане). Между ними и их представителями существовали очень сложные взаимоотношения. Русский православный человек, оказавшийся в эмиграции, встал перед выбором той или иной юрисдикции. Георгий Шавельский первоначально стал активным приверженцем карловацкой церкви. Однако он во многом придерживался самостоятельных воззрений и разошелся по ним со священноначалием Синода карловчан. В итоге перешел под омофор руководства Болгарской православной церкви.

В заключении замечу. Размышляя над прошлым Русской православной церкви, Протопресвитер Георгий Шавельский писал, что “бессистемность в нашей церковной жизни, как и в церковной работе, сделали наш церковный корабль устаревшим, во многих своих частях прогнившим, плившим более по течению, чем по ведущему к цели курсу”. Однако он прогнозирует: “На месте разрушенного в огне и страданиях начинает созидаться новый церковный корабль, который со временем неминуемо восстановит многие части и формы прежнего церковного корабля”.³³ Главное, что он завещает – не повторять прежних ошибок, которые станут препятствиями на пути к восстановлению церковной жизни.

Представляют интерес и размышления протопресвитера, имеющие социальный историософский характер. А размышляет он, уже будучи на чужбине, не только над прошлым России и современностью, но и о ее будущем. В последних строках воспоминаний автор отмечает, что еще не окончилась война, а в России образовались два противоборствующих лагеря – большевизма и антибольшевизма. Однако с оптимизмом смотрит на развернувшуюся борьбу: “Должен... наступить момент, когда продолжающие ныне принадлежать к разным лагерям, но одинаково честно любящие свою Ро-

2013; его же: Проблема единства церкви. М., Институт деловых коммуникаций, 2015.

³³ Шавельский Георгий, протопресвитер. Русская Церковь пред революцией. М., изд-во “Артос-Медиа”, 2005. С. 504.

дину и готовые самоотверженно служить ей, русские люди поймут друг друга, забудут прошлое, протянут друг другу руки и начнут совместными усилиями целить и восстанавливать свою измученную Родину”.³⁴

Завершая своё сообщение замечу следующее.

Рубеж XIX и XX веков стал одним из самых сложных, наполненных противоречиями периодов истории России.

Отсюда неоднозначность оценок многих явлений того периода людьми, которые были его современниками. Были оценки, причем весьма противоречивые, состояния официальной церкви и её взаимоотношений с государством. Их высказывали представители различных слоёв и групп общества – государственных структур, религиозно–философских обществ, партий, рабочих кружков, воинских подразделений и сектантских общин. Некоторые выступления имели антиклерикальную направленность. Как было отмечено, много писал о состоянии церкви и протопресвитер Георгий Шавельский. Каково место и значение его оценок во всей этой разноголосице? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо дальнейшее изучение трудов протопресвитера Георгия Шавельского.

2015 г.

ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТРУДОВ ПРОТОПРЕСВИТЕРА ГЕОРГИЯ ШАВЕЛЬСКОГО (1871-1951). [103]

В последнее время в религиозноведческих исследованиях все чаще появляются ссылки на труды историков церкви, живших в русском зарубежье. Уже хорошо известными стали имена Игоря Смолича, Антона Карташева, Павла Милюкова. Большое литературное наследие осталось и после нашего соотечественника Георгия Ивановича Шавельского,

³⁴ “Воспоминания...”, т. 2. С. 412.

которое далеко не в полной мере изучено. В настоящей публикации представлены биографические сведения о нем, дается характеристика его историко-церковных трудов, раскрываются гносеологические принципы, на основе которых они излагались и делаются выводы об их актуальном значении для современных религиоведческих исследований.

1. Выдающийся церковно-государственный деятель, богослов, историк церкви протопресвитер Георгий Шавельский родился 1871 г. в селе Дубокрай Витебской губернии (ныне Республика Беларусь) в семье дьячка. В 1891 г. Георгий окончил Витебскую духовную семинарию. Церковное служение начал с псаломщика, а затем был рукоположен в священники. В 1902 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию в степени кандидата богословия. В том же году назначен настоятелем Суворовской Кончанской церкви в Санкт-Петербурге. В период Русско-японской войны полковым священником служил в воинских подразделениях вплоть до 1906 г. В это время был возведен в сан протоиерея. До 1910 г. состоял законоучителем Смольного института. В том же году защитил магистерскую диссертацию о воссоединении униатов с православной церковью и назначен профессором императорского Санкт-Петербургского историко-филологического института. С 1911 г. о. Георгий – протопресвитер военного и морского духовенства и присутствующий в Святейшем Правительствующем Синоде. Был членом Всероссийского Поместного Собора 1917-1918 гг. и Высшего Церковного Совета. В сентябре 1918 г. Витебский совет рабочих депутатов приговорил его к смертной казни. Расстрел был назначен на 9 сентября. Предупрежденный об этом, о. Георгий был вынужден бежать. Некоторое время жил в Киеве, затем в Ялте. В конце 1918 г. прибыл в Екатеринодар и 10 декабря приказом генерала Деникина был назначен на должность протопресвитера военного и морского духовенства Добровольческой армии. В марте 1920 г. Георгий Шавельский был смещен с поста протопресвитера и в апреле командирован Деникиным в восточную часть Европы. Из Феодосии на пароходе отплыл в Константинополь. С этого времени началась его жизнь на чужбине – в церковной эмиграции в Болгарии.

Некоторое время о. Георгий служил в приходах формировавшейся тогда Русской зарубежной церкви. Но после того как она оказалась в расколе, о. Георгий перешел в Болгарскую православную церковь. Совмещая священническое служение, состоял профессором богословия в Софийском университете. У него было намерение вернуться на Родину, однако оно так и не осуществилось. Скончался Георгий Шавельский в 1951 г. в Софии.

2. Его многообразные по содержанию труды можно разделить на три группы. Первая – богословские³⁵, вторая – церковно-исторические³⁶, третья – мемуарные³⁷.

Записи из воспоминаний о. Георгий нередко включал во многие свои произведения. Однако самой значительной в этом роде литературы стала книга “Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота”.

Произведения Г. И. Шавельского, как и многих авторов русского зарубежья, в Отечестве не публиковались и почти не изучались. Воспоминания писались в эмиграции, примерно с нач. 20-х до нач. 40-х гг. прошлого века. Впервые опубликованы они были в США в 1954 г., уже после кончины автора. В Отечестве изданы в 1996 г. (репринтное изд-е) и в 2010 г. с вступительной статьёй священника Ильи Соловьева.

³⁵ Православное пастырство. София, 1930. – 679 с. (репринт, СПб., 1996).; Евангелие и жизнь: Притча Спасителя о богаче и Лазаре. СПб., тип. “Сельского вестника”, 1910. – 16 с.; О Боге и Его правде. София, 1938 и др.

³⁶ Военное духовенство в борьбе России с Наполеоном. М., Т-во И. Д. Сытина, 1912. – 32 с.; Последнее воссоединение с православной церковью униатов Белорусской епархии (1833-1839 гг.). СПб., тип. “Сельского вестника”, 1910. – 84 с.; Русская церковь пред революцией. СПб, “Артос-Медиа”. – 510 с.

³⁷ Шавельский Георгий. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. В 2-х томах. Нью-Йорк, Издательство имени А. П. Чехова, 1954. – т. 1. 414 с., т. 2. 412 с.. – (2-е издание – М., Крутицкое подворье, 1996.

Представляют большой интерес и материалы (в основном рукописи), хранящиеся в Государственном архиве РФ³⁸.

3. Так получилось, что автору настоящей публикации довелось постепенно знакомиться с произведениями Георгия Шавельского и с фактами его биографии.

Знакомство началось в 1996 году, когда работал в Министерстве обороны Российской Федерации. После празднования 1000-летия Крещения Руси, в государственно-церковных отношениях происходит переход от конфронтации государства с церковью к их взаимодействию. Связи налаживаются в различных общественно-государственных сферах, в том числе и военной. В Министерстве обороны РФ была образована группа по связям с религиозными организациями. В дореволюционной России такая связь у государства существовала, особенно с Российской православной церковью. Однако на несколько десятков лет была прервана. Опыт взаимодействия забыт. Возрождать его пришлось по сохранившимся историческим документам, исследованиям и другим повествованиям. Таким источником для нас явились труды руководителя военного духовенства протопресвитера Георгия Шавельского. Опыт стал возрождаться уже в новых социально-политических условиях развития постсоветской России. Постепенно возрождается институт военного духовенства³⁹.

В 2014 г., когда отмечалось 100-летие начала Первой мировой войны, мне опять довелось обратиться к воспоминаниям Георгия Ивановича, но уже как к источнику, расширяющему знания о трагическом событии мирового масштаба.

Согласно одному из высочайших предписаний, Ведомство военного духовенства должно было располагаться в столице – Санкт-Петербурге, а в военное время – в Ставке Верховного главнокомандующего. В годы Первой мировой войны протопресвитер руководил пятитысячным контингентом военных священников, выезжал на фронт, бывал на передовых позициях.

³⁸ Дроботушенко Е. В. Православие в малоизвестных трудах богослова и историка церкви протопресвитера Г. И. Шавельского // Гуманитарный вектор. Выпуск № 3, 2011.

³⁹ См.: Лукичев Б. М. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл и военное духовенство. М., 2015.

Для историка церкви большой интерес представляют повествования о. Георгия об особенностях деятельности военного духовенства в Великой войне. Самим протопресвитером Георгием было много сделано для улучшения работы священников в войсках и на флоте. Главной задачей оставалось религиозное окормление воинства в условиях военной обстановки и поддержание боевого духа в нем. Большое внимание протопресвитер уделял воспитательной работе в войсках и напоминал офицерам о том, чтобы и они наряду с обучением солдат владеть оружием, вели также работу воспитательную. Уже упомянутая книга воспоминаний завершается рассказами о добровольческой армии, в которой Г. И. Шавельский продолжал руководить военным духовенством, о церковных делах, а именно – о соборе в Ставрополе, временном Высшем церковном управлении, о недугах Добровольческой армии и ее закате.

Материалы Георгия Шавельского были необходимы и продолжают быть таковыми в исследованиях взаимодействия церкви с гражданской властью в Российской империи⁴⁰ и при разработке вузовской дисциплины “Государственно-конфессиональные отношения”.

Действительно, в трудах о. Георгия много страниц отводится описанию отношений между церковью и государством. Однако этой сфере жизни Российской империи посвящена специально написанная также в эмиграции книга “Русская Церковь пред революцией”, несколько лет назад опубликованная в России с разрешения Архива российской и восточно-европейской истории и культуры Университета Колумбии (США) – Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University (USA).

В книге, о существовании которой историки церкви, религиоведы многие годы даже не подозревали, автор стремится всесторонне рассмотреть состояние во многом зависимой от государства церкви в ее многогранной деятельности: вероисповедной, обрядовой, институциональной, социокульт-

⁴⁰ См.: Лецинский А. Н. Православие: о его единстве и отношениях с государством. Saarbrücken, Deutschland, LAP Lambert Academic Publishing. – 2016, 683 с.

турной. Российская церковь представлена в прошлом с авторскими оценками ее заслуг в отношении русского народа и всего православия. Приводятся статистические данные, касающиеся состава Церкви, ее имущества и богатства, также о ее современном положении в ряду других православных церквей.

Много страниц книги отводится не просто описанию, но анализу отношений церкви и русской государственной власти, синодальному строю – его особенностям и недостаткам, Святейшему Правительствующему Синоду и недостаткам в его работе предреволюционного времени. Даются яркие характеристики личностным качествам обер-прокурорам Св. Синода (1911-1917 гг. – сменилось шесть человек) и архиереям – членам Синода. Чрезвычайно интересные подробности приводятся в связи с тем, что из себя представляли епархиальные управления, священноначалие – архиереи, консистория, благочинные, приходское духовенство, духовные школы, включая академии, русские монастыри дореволюционного времени, их материальные богатства и роль в церковной, государственной и народной жизни, дана сравнительная оценка русских монастырей старого типа и монастырей нового направления, состояние приходов и их внутренней жизни. Показаны Русская церковь в ее отношении к инославным исповеданиям, ведомства протопресвитеров придворного, военного и морского духовенства.

Книга завершается подведением итогов прошлого и прогнозами на будущее.

Наконец, для меня, как исследователя церковных разделений в православии⁴¹ представили большой интерес факты из жизни Георгия Шавельского в русской церковной эмиграции.

Уже до II Мировой войны в ней сформировались три юрисдикции Московской патриархии, Русской православной

⁴¹ Лещинский А. Н. Церковные разделения в православии: социальная обусловленность и типология. Саарбрюккен, Akademikerverlag Sanktum, 2013; его же: К итогам изучения проблемы единства церкви и юрисдикционных разделений в ней. // Религия и/или повседневность: материалы XIV Междунар. науч. -практ. конф., Минск, 16-18 апр. 2015 г. – Минск: РИВШ, 2015. С. 370-376.

церкви за границей (карловчане) и общины, вошедшие в юрисдикцию Вселенского патриархата (евлогиане). Между ними и их представителями существовали очень сложные взаимоотношения. Русский православный человек, оказавшийся в эмиграции, встал перед выбором той или иной юрисдикции. Георгий Шавельский первоначально был активным приверженцем карловацкой церкви. Однако он во многом придерживался самостоятельных воззрений и разошелся по ним со священноначалием Синода карловчан. В итоге перешел под омофор руководства Болгарской православной церкви.

4. В завершении необходимо сказать о методах и подходах в изучении Георгием Ивановичем материалов, представленных в его трудах, то есть об их гносеологических основаниях и методах исследования истории, современности и предопределения будущего России и Русской церкви.

Важно заметить, Георгий Иванович отнюдь не выступает в качестве летописца, излагая день за днем, год за годом происходившие события. Он подробно останавливается на тех, которые по его представлению являются главными в его повествовании, на тех, в которых сам принимал участие, т. е. происходивших на его глазах. Причем, многие события не просто фиксирует, но нередко размышляет над ними, давая им свою интерпретацию.

Прежде всего, надо обратить внимание на отражение в трудах, без сомнения имеющих научное значение, сочетание личных качеств автора с его многогранной церковной деятельностью и жизненной позицией. Прославленный в лике святых, хорошо разбиравшийся в людях архиепископ Иоанн (Шаховской) говорил об о. Георгии, что он “умел смотреть в сущность вещей”⁴², а это значит – владел принципами диалектики. Именно на них опирался Георгий Иванович, изучая весь комплекс вопросов, связанных с историей и современным состоянием церковно-государственных отношений. В одном из своих трудов он размышляет о познавательных ос-

⁴² Еп. Иоанн. “Отец Георгий”. В кн. “Письма о временном и вечном”. Нью-Йорк, 1960, с. 205.

новах изучения истории церкви и приходит к следующим положениям.

По убеждению Георгия Ивановича, жизнь – вечное движение вперед, и кто не идет вперед, может остаться позади – за бортом жизни. Двигаться вперед можно только изучая и исправляя свои ошибки, совершенствуя и себя, и других. Он всегда помнил мудрое древнее правило “*Erroribus discimus*” (лат. – на ошибках учимся).

В тоже время он предостерегает от идеализации прошлого, которое включает в себя и историю Церкви. Идеализация не должна затмевать духовный взор, ибо это “лишит нас способности и возможности рассмотреть теневые стороны нашего прошлого, наши маленькие и большие, легко поправимые и роковые ошибки и недостатки...”⁴³.

По мнению о. Георгия, правильные оценки прожитого могут появиться в результате спокойного, благоразумного и доброжелательного критического отношения к родному прошлому. В свою очередь, такое отношение послужит только к будущему возвеличению нашей прекрасной Родины и ни в каком случае не к принижению или посрамлению ее.

Касаясь непосредственно предреволюционного состояния церкви, он различает в ней, кроме божественной-благодатной стороны, и сторону человеческую – ее земных деятелей, несвободных от человеческих недостатков и негарантированных от разных погрешностей. Отсюда он предупреждает, что будет вынужден указать на теневые стороны ее тогдашней жизни.

Исходя из диалектических принципов в изучении общества, Шавельский отмечает, что “в жизни учреждений, отдельных обществ, государств и народов бывают периоды благосостояния, расцвета, блеска, но бывают и периоды оскудения и упадка. То же и в Церкви. В ней не только моменты славы Божией, проявляющейся в жизни Церкви, но должны быть замечены и все случаи погрешностей, заблуждений и падений, от которых не бывали свободны не только

⁴³ Шавельский Георгий, протопресвитер Русская Церковь пред революцией. М., изд-во “Артос-Медиа”, 2005. – С. 51.

рядовые служители Церкви, но и высшие ее представители”⁴⁴.

Итак, можно сделать вывод об актуальности и чрезвычайно большом значении трудов протопресвитера Георгия Шавельского для изучения состояния церкви и ее взаимодействия с государством, а также практического религиозоведения.

2017 г.

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1917 Г. – РУБЕЖ 80-90-Х ГГ. XX В.)

Партия большевиков, захватив в октябре 1917 года власть в России, резко изменила прежний характер государственно-конфессиональных отношений принятым вскоре декретом “О земле” от 26.10.1917 г. Все монастырские и церковные земли были “национализированы”. Другими декретами православная церковь была отделена от государства, школы, армии, потерял юридическую силу церковный брак. Выдача государственных средств на содержание церквей и духовенства прекратилась, наоборот, большевики стали варварски грабить церковь.

Радикально-революционным шагом, ломавшим традиционные представления о государственно-церковных отношениях в России, стал Декрет от 20 января 1918 г. “Об отделении церкви от государства и школы от церкви”. В России по данным государственной статистики начала XX века более 90 процентов населения состояло из верующих людей, в том числе свыше 80 процентов являлись православными. Декрет резко обострил отношения между государством и церковью, привел их в состояние конфронтации. В известной мере, можно полагать, что государственно-церковный конфликт явился, наряду со многими другими, тоже одной из причин, приведших вскоре Россию к гражданской войне.

⁴⁴ Там же, с. 11.

Идеологи большевиков В. И. Ленин, Н. И. Бухарин, Л. Д. Троцкий весьма упрощенно подходили к таким серьезным вопросам, как причины глубокой религиозности русского народа. Л. Д. Троцкий утверждал, например, что “религиозности в русском рабочем классе нет совершенно, да ее и не было... Православная церковь была бытовым обрядом и казенной организацией. Проникнуть же глубоко в сознание и связать свои догматы с внутренними переживаниями народных масс ей не удалось”.

Органы революционной диктатуры, исходя из этих ошибочных идеологических посылок, объявили борьбу с церковью. Властью велась работа по расколу в Русской Православной Церкви, продвижению на руководящие посты в ней священнослужителей–обновленцев (обновленчество – движение в русском православии по упразднению многих канонических установлений в церкви и обрядовой практики. В 20–х годах поддерживалось и отчасти инспирировалось большевистской властью). Однако обновленцы не сыграли решающей роли. Обновленческое движение в середине 40–х гг. сошло на нет. Ортодоксальная, традиционная Русская православная церковь, пойдя на некоторые компромиссы с государством, отказавшись от прямой конфронтации с ним, сумела сохранить свое духовное влияние среди значительной части населения.

С другой стороны, сам факт установления государством контактов с церковью говорит о том, что правящая большевистская партия признала несостоятельность тех своих лозунгов и доктринальных установок, которые утверждали возможность устранения религии из жизни людей в кратчайший срок.

До 1922 года у власти не было цельной программы борьбы с церковью как духовным и политическим противником. Власть решала первостепенные задачи: окончания войны и борьбы с экономической разрухой. Но уже в 1920 г. Дзержинский отмечал, что без помощи ВЧК с представителями церкви справиться будет невозможно. Как известно, голод 1921 г. явился поводом для развязывания кампании по изъятию церковных ценностей, имевшей четкие экономические и политические задачи. В ходе кампании В. И. Ленин в своем

письме от 19 марта 1922 г. определил позицию государства по отношению к церкви как “беспощадное сражение черносотенному духовенству”. С началом кампании по изъятию ценностей церковь должна была противостоять не только власти, усиливавшей репрессивную политику, но и обновленческим группировкам духовенства, поддерживаемым и оплачиваемым той же властью, помогавшей им захватить церковное руководство и провести такие реформы, которые превратили бы церковь в новое религиозное сообщество.

Переход к середине 20-х годов к новой экономической политике (НЭПу) потребовал от власти перемен на некоторый срок в религиозной политике, ее смягчения, толерантности. В условиях экономической многоукладности возникла необходимость в религиозном плюрализме – “религиозном НЭПе”. Но “религиозный НЭП” в Советской России просуществовал примерно столько же, сколько продолжалась новая государственная экономическая политика.

В конце 20-х годов она стала сворачиваться государственными органами в одностороннем порядке. Коммунистической партией была поставлена задача начать в стране, наряду с наступлением на мелкобуржуазные элементы, еще и “антирелигиозное наступление”.

В апреле 1929 года было принято печально известное постановление ВЦИК и СНК РСФСР “О религиозных объединениях”. Оно на протяжении долгих лет стало основным нормативно-правовым актом, регламентирующим религиозную деятельность граждан и их объединений. От сегодняшнего прочтения этого документа создается впечатление о том, что в нем больше запретов, чем разрешающих норм касающихся деятельности религиозных организаций. Наряду с прочими запретами религиозным организациям воспрещалась благотворительная деятельность. На его основе религиозные объединения были лишены двух фундаментальных прав: права юридического лица и права собственности (только после Великой Отечественной войны частично разрешенное). На рубеже 20–30 годов начинается новая волна гонений во много раз сильнее прежних.

С конца 20-х гг. все было направлено на разобщение верующих и церковной жизни, а также взятию под контроль

власти любых религиозных действий. Православие с его духовно-нравственными ценностями объявляется “извращенным миропониманием”, а его носители – духовенство и верующие – “классовыми врагами” системы.

На основании ряда решений ЦК ВКП(б) в начале 1930-х годов были выдвинуты директивы о соединении политики и практики “обезбоживания народа” с процессом сплошной коллективизации в СССР, чтобы за пять лет наполовину сократить число религиозных организаций, главным образом, насильственным путем. Однако в середине 30-х годов идеологи большевиков признали, что в СССР численность верующих оставалась практически на прежнем уровне, то есть их насчитывалось примерно 100–120 миллионов человек. Неудачи в деле “массового обезбоживания” населения показали политическому и государственному руководству, что следует провести определенную ревизию в данном вопросе, пересмотреть характер государственно-церковных отношений. При этом приходилось учитывать и тот факт, что Церковь не собиралась воевать с властью, не выступала против сотрудничества с государством. Но репрессии государства против Церкви хоть и с меньшей силой, но продолжались до конца 30-х годов.

В рассматриваемом периоде еще в начале 20-х годов разрешалась деятельность, правда в определенном объеме, не только Русской православной церкви, но и других христианских конфессий и религий. Они еще организационно существовали, но к 30 годам их структуры были подорваны. После революции возникает первая волна русской эмиграции. Около 2 миллионов человек оказались за пределами своего Отечества по самым разным причинам. Среди них были и представители священноначалия и простого духовенства русской церкви. Там создаются православные общины. Более того, возникает отдельная структура от официальной церкви – Русская православная церковь за границей (РПЦЗ).

В стране появляется религиозное подполье, для немалой части верующих начинается катакомбный период их существования. Образовавшиеся расколы в религиоведении определяются как “ветви” или самостоятельные юрисдикции.

Особенно децентрализационные процессы в церкви усилились, начиная с подписания местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Сергием, ставшей печально известной “Декларации”. В ней, как в общецерковном документе, объявлялось лояльное отношение к большевистскому государству, боровшемуся с церковью. “Декларация” усугубила отношение между официальной церковью и ее ветвями. Десятки епископов, в том числе томившихся на Соловках и образовавших там свою катакомбную церковь, руководство Русской православной зарубежной церкви не приняли “Декларацию”. Именно в это время была создана руководящая структура Русской православной церкви – Московская патриархия.

Великая Отечественная война (1941–1945) внесла существенные коррективы в область государственно–церковных отношений. С ее началом они стали изменяться в более конструктивную сторону. В самый начальный период войны фактический руководитель Русской Православной Церкви митрополит Сергей (Страгородский), исполнявший обязанности Патриаршего местоблюстителя, обратился к верующим и всем гражданам страны с призывом без колебаний выступить на защиту Отечества. Более 20 раз руководитель РПЦ обращался к народу с патриотическими призывами за годы войны. С подобными обращениями выступал и митрополит Николай Ярушевич. Руководствуясь гражданскими чувствами, иерархи, священники и верующие не ограничивались только молебнами о Красной Армии, а с первых дней войны участвовали в помощи фронту и тылу. Важнейшим материальным вкладом в фонд обороны стала построенная на средства Церкви танковая колонна имени Дмитрия Донского, в состав которой входили 40 танков Т–34. Принимали участие в сборе средств и представители других конфессий, в частности мусульмане.

Все это дало повод руководству страны во главе с И. В. Сталиным пересмотреть прежний характер государственно–церковных отношений и перейти к сотрудничеству с церковью. Новый курс в государственно–церковных отношениях потребовался власти по ряду внутренних и внешних причин.

К внутренним причинам следует отнести те обстоятельства, что в условиях необходимости сплочения, консолидации общества на патриотических позициях, основе героического опыта, богатых духовных традиций народа Русская православная церковь могла и играла весьма существенную роль в этом направлении, особенно среди той части населения, которая ориентировалась на духовные ценности православия. Ко внешним – те обстоятельства, что Сталин активно добивался скорейшего открытия и эффективного функционирования “второго фронта” в годы Второй мировой войны и был очень заинтересован в установлении и поддержании нормальных, доверительных взаимоотношений с главами союзных государств, руководством и общественностью других стран, солидарных с антигитлеровской коалицией, в которых многие лидеры, видные персоны и вообще граждане являлись верующими. За рубежом в средствах массовой информации постоянно сообщалось о попрании вероисповедных прав граждан РСФСР.

Год 1943-й вносит некоторые новые аспекты во взаимоотношения государства и религиозных объединений. Этот год является той точкой отсчета, когда власть, отказавшись от публично заявляемых планов уничтожения религии и церкви, активно осуществлявших в предвоенные десятилетия, переходит к возрождению церковной жизни в стране под строгим государственным контролем. Восстановление церковной жизни проходило стремительно:

4 сентября 1943 г. – встреча Сталина с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским), Николаем (Ярушевичем) в Кремле;

8 сентября 1943 г. – начало работы Собора русских епископов (16 из 19 человек были доставлены из лагерей и ссылок). Состоялось избрание митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси;

14 сентября 1943 г. СНК СССР утвердил создание Совета по делам Русской Православной Церкви (впоследствии ставший Советом по делам религии при Совете Министров СССР), возложив на него задачу осуществления связи между правительством и Московской Патриархией (в последствии и с другими конфессиями); в сентябре 1943 г. возобновилось

издание “Журнала Московской Патриархии”, несколько лет издававшегося до войны;

В том же году Совнарком разрешил открытие в Москве богословского института и пастырских курсов, через три года они были преобразованы в духовную академию и семинарию; с февраля 1944 г. начинается передача храмов Церкви. На освобожденных от немецких захватчиков территориях продолжают действовать общины, которые были созданы в период оккупации.

Эти мероприятия власти по восстановлению религиозной жизни в стране были позитивно оценены церковным руководством. Нормализация государственно–церковных отношений дала возможность многим миллионам верующих, в т. ч. и неправославного вероисповедания, свободно, легально исповедовать религию, что наряду с другими факторами позволило в трудный послевоенный период существенно оздоровить морально–нравственную ситуацию в стране.

Таким образом, во многом принятие нового курса (1943–1953 гг.) государственно–церковных отношений было, в первую очередь, связано с внешнеполитическими планами советского государства и с привлечением Русской Православной Церкви к их осуществлению. Внутренние причины также имели место: это и участие церкви в деле снабжения страны продовольствием в условиях восстановительного периода (1945–1957 гг.), и контроль со стороны государства за возрожденной религиозной жизнью на бывших временно оккупированных территориях.

Другой очень важный вывод заключается в том, что Русская Православная Церковь оказала в этот период государству значительную помощь, поддерживая и укрепляя его международный авторитет, способствуя проведению его внешней политики в период, когда США имело монополию на ядерное оружие.

Сразу после смерти Сталина и выдвижения Н. С. Хрущева на роль руководителя СССР и КПСС по инициативе последнего, в стране начался быстрый пересмотр сложившегося к тому времени характера государственно–церковных отношений. Стал форсированно происходить откат к худшим временам наступления на религию, имевшим место в 20–30–

е годы. По инициативе Хрущева в 1954 году были приняты решения ЦК КПСС, которые требовали скорейшего “освобождения” населения страны от “религиозных предрассудков”, активизации работы по научно-атеистическому воспитанию. Речь шла, таким образом, о свертывании партнерства между государством и церковью и резком переходе к очередной конфронтации. Перед принятием такого решения В. Молотов предупреждал Хрущева о том, что оно “поссорит нас с духовенством и верующими, принесет массу ошибок”. На что последовал ответ Генерального секретаря: “Будут ошибки – исправим”.

Этот пример очень наглядно указывает на два подхода к проблемам Церкви в руководстве партии – антирелигиозный (или атеистический) и государственный (рассматривал Патриархию как своеобразную часть системы). Весь этот период между сторонниками таких подходов с переменным успехом шла борьба. Антирелигиозной группировке помогала старая гвардия “воинствующих безбожников” 30-х годов. Так, В. Д. Бонч-Бруевич положил начало изданию Институтом истории Академии наук СССР “Научно-атеистической библиотеки” и к 1963 г. вышло 16 томов из намеченных 20.

Наряду с этим процесс либерализации, развенчания сталинизма сделал возможным освобождение выживших в тюрьмах и лагерях священнослужителей, сначала по амнистии, а потом и по реабилитации. 14 июля 1954 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета об условно-досрочном освобождении отсидевших две трети срока и престарелых заключенных. Многие священники стали писать Патриарху Алексию прошения о ходатайстве перед властью по поводу их освобождения.

26 марта 1956 г. состоялась встреча архиереев с председателем Совета Министров Н. А. Булганиным, заверившим их, что наступления на религию не будет, а после XX съезда в стране появилась возможность развития демократических начал. (С весны 1956 г. ускорился процесс освобождения духовенства, свыше 290 бывших узников совести вновь стали служить в храмах).

К 1957 году количество зарегистрированных храмов в СССР составило 13 478 с численностью священнослужите-

лей 12 288. Из 70 правящих архиереев половина прошла через тюрьмы, ссылки и лагеря.

Но это благополучие было относительно. Среди окружения Хрущева были влиятельные силы, готовые начать наступление на церковь. Положение осложнялось еще и тем, что ровную линию в отношениях с церковью отстаивали ближайшие соратники Сталина. Придерживался ее и Г. Карпов – председатель Совета по делам Русской православной церкви. Первые победы Н. Хрущева над сталинистами совпали с продвижениями на антирелигиозном фронте. Число сторонников “жесткой” линии к 1958 году явно преобладало.

Время до конца 60-х гг. было наполнено драматизмом. Советское руководство в кратчайшие сроки спешило решить религиозную проблему в стране. Это было вызвано комплексом причин: желанием построить в СССР коммунистическое общество и не иметь какой-либо иной идеологической альтернативы. Определенная часть советского общества была индифферентна к масштабным антирелигиозным кампаниям, а демократически настроенные “шестидесятники” считали, что в СССР может быть построено справедливое, социально ориентированное государство, где христианству не было места. Комсомольские вожаки стремились к решительной борьбе с церковью, предлагая ликвидировать равное отношение с ней как сталинское наследие. А сам Н. Хрущев считал, что в период перехода СССР к “предкоммунистическим отношениям распространение научных знаний, изучение законов природы не оставляет места для веры в бога”.

Власть не могла не учитывать также и значительно выросшую религиозность вышедших на свободу узников ГУЛАГа. Изживание страха привело к активизации верующих. (Так, еще в 1955 г. в Совет по делам Русской православной церкви поступило 1310 ходатайств и пришло 1700 просителей об открытии храмов).

Важнейшей причиной изменения курса стала и экономическая, именно с постановлений “О монастырях в СССР” и “О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей” начинается “хрущевская антирелигиозная” кампания. Ее результаты были устрашающими. Количество храмов составило 7523, свя-

щенников 7400, а действующих монастырей на всей необъятной территории Советского Союза осталось 16 (в начале кампании их было 63). Значительно сократилось число духовных учебных заведений, имея в виду и другие конфессии. Однако некоторые политические руководители СССР оценивали борьбу как слабую и нерезультативную.

После смещения Хрущева в октябре 1964 года со всех высших постов в СССР и прихода к власти Л. И. Брежнева стал несколько видоизменяться вплоть до перестроечных лет характер государственно–церковных отношений.

На первых порах, критикуя хрущевское политическое наследство, Брежнев и его ближайшие соратники отказались от репрессивных мер по отношению к духовенству и наиболее активным верующим, освободив из заключения и ссылок практически всех, кого арестовали в конце 50–х – начале 60–х годов. Характер государственно–церковных отношений несколько улучшился, но не приобрел характера партнерства.

Налицо были попытки поиска новой доктрины в области государственно–церковных отношений, но плодотворному процессу в этом направлении мешали некоторые существенные моменты. Во–первых, в документах правящей коммунистической партии, определявшей государственную идеологию, продолжали доминировать императивы, которые подчеркивали господство в обществе атеистических установок и нацеливали на активизацию борьбы с религией. Это не позволяло религиозным объединениям стать партнерами государству. Во–вторых, к середине 60–х годов в СССР складывается правозащитное, диссидентское движение, в которое вошло немало священнослужителей и верующих, резко выступавших против гонений на религию. Правозащитники и диссиденты пользовались поддержкой общественности, религиозных кругов и некоторых государственных структур стран Запада, США и выступали за демонтаж СССР. Это заставило советские государственные органы с еще большим недоверием относиться к религиозным институтам, даже прибегать изредка к репрессивным мерам против отдельных представителей церкви.

И хотя до нового наступления на религию дело не дошло, тем не менее, о приближающихся потеплениях в государственно–церковных отношениях трудно было предполагать. Однако наблюдатели за рубежом и некоторые представители зарубежного православия уже начали говорить о грядущем духовном возрождении России. Наблюдался медленный дрейф государства в сторону мирного сожительства с религиозными организациями, происходила эволюция в парадигме “привыкания” господствующей доктрины к длительному сосуществованию с церковной идеологией в рамках одного общества. Это говорило о большем реализме режима Брежнева, нежели его предшественника. Власти осознавали, что третирование или игнорирование религиозных чувств порядка 130 миллионов граждан СССР (в том числе около 80 миллионов в России) не могло не вызвать нового напряжения в стране, крайне нежелательного для провозглашаемого Брежневым курса на стабильность.

На 1971 г. Русская Церковь имела 6234 зарегистрированных священника, четыре года спустя их число сократилось до 5994. Возраст половины из них приближался к 60 годам, около тысячи не имели богословского образования при рукоположении, и только часть клира получила его потом, учась заочно. Число монастырей после хрущевских “церковных реформ” оставалось долгое время неизменным – 18.

После смерти Л. И. Брежнева новый советский лидер Ю. В. Андропов попытался видоизменить характер государственно–церковных отношений, придав атеистической работе наступательность и бескомпромиссность. В 1982–1984 годах было ужесточено отношение к религиозным диссидентам, готовился ряд мер по ограничению роли религии в советском обществе, однако последовавшая вскоре кончина Андропова помешала выполнить намеченное.

Следующий этап в государственно–церковных отношениях связан с перестройкой советского общества во время руководства страной М. С. Горбачева. В этот период в государственно–конфессиональных отношениях начинается переход от конфронтации к диалогу. Прежде всего, соратниками Горбачева было объявлено о необходимости нового под-

хода к такой категории граждан как верующие, отказа от прежнего к ним подхода как к “гражданам второго сорта”.

Этот этап начинается с передачи прежде отобранного культового имущества (процесс передачи культового имущества продолжается и в настоящее время), с регистрации тех общин, которые государство отказывалось регистрировать. Религиозные объединения, их представители допускаются к СМИ и сами активизируют свою издательскую деятельность. Более того, упомянутый Совет по делам религии, контролировавший многие сферы религиозной и внерелигиозной деятельности религиозных объединений, ослабляет свой контроль. К примеру, постепенно отказывается от цензуры печатной продукции религиозных объединений. Вехой в формировании новых государственно–церковных отношений явился 1988 год – год празднования 1000-летия Крещения Руси. За несколько лет до юбилея патриарх Русской православной церкви Пимен (Извеков) и Священный Синод обратились к правительству с просьбой о передаче церкви одного из московских монастырей для устроения в нем административного центра по подготовке юбилейных торжеств и одной из патриарших резиденций. Церкви был передан закрытый в ту пору, арендуемый многими организациями и приходящий к запустению Данилов монастырь. К торжествам он был восстановлен и в нем было построено здание патриаршей резиденции. Весной 1988 года Горбачев встретился в Кремле с иерархами Русской церкви. Этот правильный тактический ход стал одним из первых шагов на пути оживления духовной жизни общества. У церкви появилась реальная возможность готовиться к юбилейной дате. Хотя еще в конце апреля 1988 г. власть не давала согласие на объявление юбилейных торжеств и открытие Поместного Собора. Но они все же состоялись. И с 1988 г. церковь получила возможность расширения своей деятельности в различных сферах: просветительской, издательской, миссионерской, благотворительной. Возобладал новый подход к верующим гражданам и религиозным организациям. Празднование юбилея 1000-летия Крещения Руси происходило при содействии государства и вылилось в церковно-общественное, в

котором приняли участие представители других религий и конфессий.

80-е годы двадцатого века характеризуются началом возрождения не только Русской Православной Церкви, но и других конфессий. Со многими из них так же были у советского государства очень сложные отношения. Хотя после ноября 1917 года они получили некоторые свободы как, например, протестантские объединения, мусульманские, католические общины и др. Стали укрепляться их структуры. Их представители начали осуществлять миссионерскую деятельность, как и издательскую. Однако этот период ограниченных свобод длился очень недолго. В отношении этих конфессий и их представителей начались гонения и репрессии. Они также то усиливались, то затихали. С сер. 40-х гг. начали восстанавливаться их структуры и регистрироваться общины. Но все это происходило под неослабевающим контролем партийно-государственных органов. Некоторые религиозные формирования органы вынуждали регистрироваться, а некоторые даже не регистрировались, к ним применялись запретительные меры, как это было со Свидетелями Иеговы и некоторыми другими религиозными объединениями. В годы перестройки контроль со стороны государства за этими формированиями был ослаблен, более свободной стала регистрация. Именно в этот период появляются новые религиозные движения в России. Им дается статус легального существования. А в конце перестройки были зарегистрированы Общества сознания Кришны (кришнаиты), Церковь Иисуса Христа Святых Последних дней (мормоны) и некоторые другие.

В конце 80-х гг. СССР и Россия стояли перед новыми потрясениями, завершившимися разделом СССР, но именно в начале 90-х гг. начинают закладываться основы будущего, нового законодательства о свободе совести. В 1990 г. был утвержден Закон СССР “О свободе совести и религиозных организациях”, а так же Закон РСФСР “О свободе вероисповеданий”, одновременно с этим были упразднены декрет СНК РСФСР “Об отделении церкви от государства и школы от церкви” и постановление ВЦИК и СНК РСФСР “О религиозных объединениях”. В период перестройки продолжал

осуществление связей между государством и религиозными объединениями Совет по делам религии при Совете Министров СССР. Аналогичный орган был создан при Правительстве России. Однако в условиях объявленных свобод и усиленной критики уходящего в прошлое тоталитаризма эти органы были также упразднены. Однако именно во время функционирования Совета по делам религий и были приняты первые специальные законы о свободе совести.

Как было отмечено, первым законодательным актом (и последним соответствующим актом советского периода), отразившим изменения в государственно-конфессиональных отношениях, стал закон СССР “О свободе совести и религиозных организациях”.

Этим законом гражданам и религиозным организациям были предоставлены в более полном объеме вероисповедные права. Был ослаблен государственный контроль за их деятельностью. Религиозным объединениям были предоставлены права юридического лица и было разрешено становиться собственником используемого ею или передаваемого ей имущества. Им было возвращено право заниматься благотворительностью. Принятым законом были также сняты многие ограничения на совершение богослужения, религиозных обрядов, церемоний.

Практически аналогичный закон был принят в том же октябре 1990 г. Верховным советом РСФСР.

В целом последний законодательный акт советского периода взаимоотношений церкви и государства в нашей стране был разработан на принципах плюрализма, который в годы “перестройки” утвердился в самых различных областях государственной жизни СССР, определяя во многом характер государственной внешней и внутренней политики. Реализация этого принципа практически всюду приводила к обострению имевшихся и появлению новых противоречий, причем не только политических и экономических, но и духовно-нравственных. Вероисповедное законодательство не явилось в этом плане исключением.

Результатом “религиозного плюрализма” стало распространение в нашей стране новых религиозных движений че-

рез миссионерскую деятельность приезжающих из-за рубежа проповедников.

В перестроечный этап государственно-конфессиональные отношения регулировались Конституцией СССР 1977 года, двумя основными законами, как уже было сказано выше, и различными дополнительными подзаконными актами.

Ст. 52 Конституции СССР гласит: “Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду.

Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается.

Церковь СССР отделена от государства и школа от церкви”.

Закон “О свободе совести и религиозных организациях” в СССР от 01.10.1990 г.

Ст. 1. “Настоящий Закон гарантирует права граждан на определение и выражение своего отношения к религии, на соответствующие этому убеждения, на беспрепятственное исповедание религии и исполнение религиозных обрядов, а также социальную справедливость и равенство, защиту прав и интересов граждан независимо от отношения к религии и регулирует отношения, связанные с деятельностью религиозных организаций.”

Закон “О свободе вероисповеданий РСФСР” 1990 г., который, как было отмечено, во многом повторяет положения первого закона, несколько уточняя, раскрывая либо дополняя некоторыми статьями. В ст. 1., что “задачами Закона РСФСР о свободе вероисповеданий является регулирование возникающих в этой области общественных отношений в целях соблюдения и единообразного осуществления на всей территории РСФСР принципов свободы совести, закрепленных в Конституции РСФСР, а также реализации права граждан на пользование этой свободой”.

В соответствии с новым законодательством, осуществление свободы исповедовать религию или убеждения подлежит лишь тем ограничениям, которые необходимы для охраны общественной безопасности и порядка, жизни, здоровья и морали, а также прав и свобод других граждан, установлен-

ных законом и совместимых с международными обязательствами СССР.

Провозглашается равенство граждан СССР перед законом во всех областях гражданской, политической, экономической, социальной и культурной жизни независимо от отношения к религии. Указание в официальных документах на отношение гражданина к религии не допускается, кроме случаев, когда этого желает сам гражданин.

Утверждается ответственность за любое ограничение прав или установление преимуществ в зависимости от отношения к религии.

Религиозные организации отделены от государства. Все религии и вероисповедания равны перед законом.

Государство не вмешивается в деятельность религиозных организаций, если она законна, не финансирует её (также как и политика в отношении деятельности по пропаганде атеизма, тогда как раньше государство активно содействовало распространению атеистических идей).

Религиозные организации не выполняют государственных функций. Они вправе участвовать в общественной жизни и использовать наравне с общественными объединениями СМИ, что позволит со временем значительно закрепить позицию религиозных организаций, усилить их влияние на народ, даст возможность людям сделать осознанный выбор, определяясь в своем мировоззрении.

Образование в СССР носит светский характер и не преследует цели формирования того или иного отношения к религии.

Но религиозные организации, имеющие зарегистрированные в установленном порядке уставы (положения), вправе в соответствии со своими установлениями создавать для религиозного образования детей и взрослых учебные заведения и группы, а также проводить обучение в иных формах (факультативные занятия в негосударственных учреждениях). Отменяется запрет на: "Преподавание религиозно-познавательных, религиоведческих и религиозно-философских дисциплин, не сопровождающееся совершением религиозных обрядов и имеющее информативный харак-

тер, может входить в учебную программу гос. учебных заведений”.

Разрешается создавать духовные учебные заведения для подготовки священнослужителей и служителей иных необходимых им религиозных специальностей. Причем, обучающиеся в очных высших и средних духовных учебных заведениях, пользуются всеми правами и льготами, установленными для учащихся государственных учреждений.

Ст. 10. союзного закона дает право основывать монастыри, религиозные братства и миссионерские организации (миссии). И с того времени с невероятной быстротой начинают восстанавливаться и оживать десятки и сотни монастырей, образуя своеобразные духовные, просветительские центры, возобновляются былые традиции, постепенно меняется отношение людей к религии.

В том же законе в ст. 13. п. 1. религиозные организации признаются юридическими лицами с момента регистрации их устава (положения).

Религиозные организации вправе использовать для своих нужд здания и имущество, предоставляемые им на договорных началах государственными, общественными организациями или гражданами. Культовые здания и иное имущество, находящееся в собственности государства могут быть переданы религиозным организациям в собственность или в безвозмездное пользование (то же касается памятников истории и культуры).

Согласно ст. 18. п. 1 Закона “В собственности религиозных организаций могут находиться здания, предметы культа, объекты производственного, социального и благотворительного назначения, денежные средства и иное имущество, необходимое для обеспечения их деятельности.

П. 5. гласит, что финансовые и имущественные пожертвования, а равно иные доходы религиозных организаций налогами не облагаются.

Право собственности религиозных организаций охраняется законом.

Согласно ст. 19. п. 1. того же закона религиозные организации имеют право на производственную и хозяйственную деятельность.

Доходы предприятий религиозных организаций облагаются налогами.

Религиозные организации имеют право основывать и содержать свободно доступные места богослужений или религиозных: собраний, а также места, почитаемые в той или иной религии (места паломничества), обращаться с предложениями о проведении богослужений к гражданам, находящимся в больницах, госпиталях, домах для престарелых и инвалидов, в местах лишения свободы, пользуются исключительным правом учреждения предприятий по выпуску богослужебной литературы и производству предметов религиозного назначения, могут осуществлять благотворительную деятельность и милосердие как самостоятельно, так и через общественные фонды (причем пожертвования и отчисления на эти цели исключаются из сумм, подлежащих налогообложению.)

На граждан, работающих в религиозных организациях по трудовому договору а также, работающих на всех предприятиях, учрежденных религиозными организациями, и в созданных ими благотворительных заведениях, распространяются законодательство о труде, порядок налогообложения, соц. страхования и соц. обеспечения рабочих и служащих государственных и общественных предприятий, учреждений, организаций (ст. 26,27 Закона о Свободе Совести и религиозных организаций в СССР).

Ст. 28. п. 3 того же закона гарантирует всем гражданам, работающим в религиозных организациях, государственную пенсию, которая назначается и выплачивается на общих основаниях в соответствии с законодательством (за счет регулярных отчислений выше указанными лицами в Пенсионный Фонд и Фонд гос. страхования СССР).

За нарушение принятых законов, связанных со свободой совести предусмотрена уголовная, административная и иная ответственность, установленная законодательством СССР и РСФСР. Однако никто не может быть привлечен к ответственности за убеждения, связанные с отношением к религии.

Тайна исповеди охраняется законом. Священнослужитель не может допрашиваться или давать объяснения кому бы то

ни было по обстоятельствам, которые стали известными из исповеди граждан.

Закон “О Свободе вероисповеданий” ст. 14. дает право принимать решения об объявлении дней больших религиозных праздников дополнительными нерабочими (праздничными) днями.

Ст. 31. Закона “О свободе совести...” гласит о применении правил Международного договора в случае разногласия.

Таким образом, рассмотрев положения законов, мы видим значительные перемены в политике государства по отношению к религии и церкви. Наряду с правами и обязанностями, существующими у религиозных организаций ранее, появились принципиально новые возможности и перспективы их развития. Они смогли вздохнуть свободно после долгих десятилетий притеснений.

Отличительной чертой законодательства о религиозных культах в советский период была своеобразная односторонняя обязательность. Если религиозные организации были обязаны выполнять все нормы соответствующих законодательных актов, то от государственных должностных лиц этого фактически не требовалось. В результате допускалось (а иногда и поощрялось) субъективное толкование чиновниками многих положений этого законодательства. Вплоть до конца 80-х годов под различными предлогами отклонялись, в частности, многие должным образом оформленные заявки на регистрацию новых церковных общин. Священнослужителей нередко не допускали к больным под предлогом, что в больнице отсутствует указанное в законе “отдельное изолированное помещение” (призванное “оградить других больных от обременения со стороны священнослужителей и самой религиозной церемонии”). Подобных примеров субъективного, произвольного толкования законодательства о религиозных культах было много.

Но в целом основной курс политики государства в отношении религии уже задан и обратного пути нет. В последующие годы, уже после окончательного развала СССР отношения между светскими властями и религиозными объединениями становились более доверительными, издаваемые

законы все больше и больше учитывали интересы религиозных объединений.

Этим завершается советский период и годы перестройки, т. е. движением от конфронтации государства с религиозными объединениями к диалогу и в дальнейшем к сотрудничеству и взаимодействию.

2016 г.

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Понятие “религиозная ситуация” определяется как совокупность изменяющихся структурных элементов религии; отношением к ней общества, групп и индивидуумов; уровнями их религиозного сознания; силой или слабостью влияния религии на общество; характером межрелигиозных отношений; особенностями (моделями) государственно-конфессиональных отношений.

Состояние религиозной ситуации в современной России, изменения в ней за последние 30 лет, наблюдающиеся тенденции и противоречия можно рассмотреть по четырём аспектам.

Во-первых, в России сложилась ситуация вероисповедных свобод. Вехой в этом изменении следует считать начало перестройки (1985 г.). До этого в советский период было сформировано Законодательство о религиозных культах, в котором свобода совести преимущественно декларировалась. На практике Советским государством осуществлялось преодоление религии в строящемся новом обществе. С 20-х гг. XX в. под руководством партии большевиков, как было ранее отмечено, была развёрнута антирелигиозная борьба, перешедшая в научно-атеистическое воспитание. Среди прочих религиозные организации были лишены двух фундаментальных прав: права юридического лица и права иметь соб-

ственность. В законодательстве о религиозных культах, таким образом, было больше запретов (к примеру, на благотворительную деятельность религиозных организаций), чем разрешений на свободу вероисповеданий. Достаточно внимательно ознакомиться со сборником документов “Законодательство о религиозных культах...” (М., Изд. “Юридическая литература”, 1974). В нем, действительно, мы найдем много запретов. Более того, что было разрешено по закону или инструкциями на практике подвергалось сильному контролю или вовсе не разрешалось.

В настоящее время Конституция РФ содержит главные принципы в вероисповедной политике, присущие всякому демократическому государству или строящему демократию. Уже два Закона утвержденных в 1990 г. СССР и РСФСР “О свободе совести и религиозных организациях” и “О свободе вероисповеданий” в корне начали менять религиозные ситуации в республиках, в частности и в России. Начинает формироваться в полном объеме западная модель государственно-церковных отношений. Она стала основой российского Законодательства о свободе совести, предоставив широкие права верующим гражданам, и свободную без выработанного четкого механизма регистрацию религиозных объединений, в том числе и зарубежных, усугубило ситуацию. Продолжением вероисповедной политики явился процесс доработки утвержденного закона 1990 г. Итогом этого процесса стало утверждение в накаленной атмосфере споров нового закона РФ “О свободе совести и о религиозных объединениях” 1997 г. Согласно этому Закону разработан механизм предоставления вероисповедных прав гражданам, религиозным организациям предоставляются права юридических лиц и собственности. Государство не только декларирует свободу совести, но и содействует защите вероисповедных свобод. С этой целью созданы структуры, в советское время не существовавшие: в Государственной думе РФ создан соответствующий комитет, при Президенте РФ действует Совет по взаимодействию с религиозными объединениями, при Правительстве РФ работает комиссия по вопросам религиозных объединений, в аппарате Уполномоченного по правам человека РФ работает также соответствующий отдел. В Респуб-

лике Татарстан при Кабинете Министров действует Управление по делам религий. В других субъектах федерации, при президентах, в правительствах, в мэриях, в администрациях утверждены небольшие структуры и должности в них, осуществляющие связи с религиозными объединениями. Однако многие представители этих структур выходят с предложениями о введении на федеральном уровне госоргана, который бы стал руководящим органом для этих структур методическим и информационно-аналитическим центром. В России действует сильное правозащитное движение. Немало общественных организаций занимаются защитой вероисповедных свобод. Одной из таких известных организаций пожалуй является Российское отделение Международной ассоциации религиозных свобод (МАРС), а также Российская хельсинкская группа, независимый институт свободы совести, Славянский центр и др.. По мнению многих представителей правозащитного движения, юриспруденции, некоторых представителей религиозных объединений, Закон РФ 1997 г. далеко не совершенен, более того российская Хельсинкская группа добивается отмены этого закона, однако закон функционирует, на его основе регулируются государственно-конфессиональные отношения, совершенствование его продолжается. В различные государственные инстанции поступают многочисленные письма с предложениями. В правительстве РФ работает группа по анализу и обобщению предложений с мест. Предложения самые различные, есть над которыми следует задуматься законодателям, есть которые вряд ли будут учтены, а есть вовсе противоречащие конституционным принципам по свободе совести. К примеру, из Татарстана поступило предложение убрать из закона самое начало его преамбулы. Есть предложение приравнять по статусу религиозные объединения к благотворительным организациям. Много поступает предложений по выделению традиционных религий в России, приданию им особого статуса, предоставление отдельных льгот. Идет процесс дополнений, связанных с совершенствованием Законодательства РФ о свободе совести, других специальных законов и кодексов, в частности в налоговый кодекс. По инициативе некоторых депутатов Госдумы на ее рассмотрение внесено предло-

жение о передаче необходимой земли религиозным организациям в безвозмездное и бессрочное пользование.

Одна из благоприятных тенденций в развитии религиозной ситуации – это защита прав верующих и продолжение улучшения законодательной базы. Примерами рассмотрения на федеральном уровне является рассмотрение по просьбе верующих и правозащитных организаций некоторых статей специального закона (1997 г.) с целью их или отмены или доработки. Уже несколько раз конституционный суд РФ возвращался к этому закону и выносил соответствующие решения.

В настоящее время противоречивость развития сферы предоставления вероисповедных свобод заметна в их нарушениях, преимущественно на региональном уровне. Особенно это было заметно в период доработки Закона РСФСР (1990 г.). В этот период во многих субъектах федерации стали разрабатываться и обсуждаться свои законы и нормативные акты, противоречащие федеральным: в Тульской области, в Дагестане, в Удмуртии и других. До сих пор некоторые религиозные объединения не могут пройти перерегистрацию по разным причинам. Среди них есть и явное стремление органов юстиции задержать перерегистрацию или вовсе решить этот вопрос отрицательно. Особенно такая практика заметна в отношении к религиозным меньшинствам.

Более того, наблюдаются нарушения прав верующих, их общин, на свободу вероисповедания, распространения своего учения и соответствующей литературы, и рецидивы их преследования. Только за последний год произошло несколько случаев, в которых отражено нетерпимое отношение к деятельности некоторых религиозных организаций.

Во-вторых, за последнее время в России значительно увеличилось количество верующих. На рубеже 70–80-х гг. согласно исследованиям социологов верующих было 10–24% от числа всего населения. На начало 2000 г. уже было 50–54% верующих. Среди них большее количество приверженцев православия. Значительно возросло и количество религиозных общин. В России зарегистрировано более 22 тысяч религиозных организаций и объединений. Начиная с 1997

года, когда был принят Закон РФ “О свободе совести и о религиозных объединениях”, вдвое возросло число иудаистских общин, на 23% – православных, на 29% – старообрядческих, на 14% – мусульманских. Это также говорит об общем возрастании числа верующих граждан (О росте протестантских и других общин будет отмечено ниже).

У верующих повышается уровень религиозного сознания, так как они имеют возможность свободно посещать храмы, мечети, дацаны, синагоги, молитвенные дома – они действуют, восстанавливаются, открываются и строятся там, где это необходимо. Верующие имеют возможность чаще посещать богослужения, молитвенные собрания, слушать проповеди, совершать соответствующие обряды и ритуалы, отмечать религиозные праздники, а также обучаться в воскресных школах. Религиозные объединения имеют возможность открывать духовные учебные заведения в необходимом количестве и направлять их для работы с верующими. Значительно активизировалась издательская деятельность религиозных объединений. Большими тиражами издаются Священные писания и тексты, богословская литература, периодика, аудиовизуальные средства религиозной информации. Большое место в распространении Вечной книги заняло библейское общество в России. За период с 20–х гг. по середину 80–х официально Библия русской православной церкви издавалась всего лишь 2 раза и один раз – Новый завет. Причем издания эти печатались чрезвычайно малыми тиражами. Жития святых вовсе не издавались (за исключением справок о святых в конфессиональных календарях). Чрезвычайно трудно было издавать и другим конфессиям свои священные тексты, в частности редко издавался Коран. Библейское общество активно компенсирует прошлые утраты и ежегодно полумиллионными тиражами выпускает библию доступную по цене и на языках разных народов России. Таким образом, в наше время духовную литературу верующие могут свободно приобретать и читать, повышая свой уровень религиозного сознания. Коран не только свободно издается, но и выпускаются и комментарии к нему.

В интернете к настоящему времени представлены сотни сайтов религиозных организаций и авторов, через интернет

они предлагают не только информацию, но и удовлетворение религиозных потребностей пользователей.

Руководители и члены религиозных объединений имеют большие возможности для осуществления своей миссии в больницах, школах, в местах заключения и исправительных колониях, в домах престарелых. Однако духовное возрождение и возрастание верующих происходит в весьма замедленных темпах. Процесс идет противоречиво и во многом не удовлетворяет служителей культа. На эти процессы не редко обращают внимание священноначалие, отдельные священники, представители разных конфессий. Например, что касается Русской православной Церкви, её состояние оценивается, как возрождение, но как сами её представители считают, что успехов церковь достигла в восстановлении своей структуры прибавила к прежнему числу много храмов, монастырей, духовных школ, но в возрождении духовности успехи еще незначительны.

В-третьих, в России сильно количественно претерпел прежний поликонфессионализм. В далёкое прошлое ушло деление религий на “господствующую” (Русская православная церковь), “терпимые” (ислам, буддизм, иудаизм, католичество, лютеранство и некоторые другие), “гонимые” (старобрядчество, сектантские движения). Это с одной стороны. С другой стороны, уходит в прошлое партийно-государственная практика (в советский период) – какой религии и каким направлениям в стране быть, а каким – не быть. На рубеже 70-80-х гг. XX в. существовало тринадцать зарегистрированных религиозных объединений и некоторое количество объединений, которые не регистрировались государственными органами, как, например, Свидетели Иеговы, инициативники. Существовали и разнообразные катакомбные общины (некоторые действуют до сих пор, не регистрируясь в органах юстиций). И в настоящее время по данным Министерства юстиции РФ в России существует более 60 независимых друг от друга религиозных конфессий. Постепенно меняется и география распространения религиозных объединений.

К началу 3-его тысячелетия географически и статистически поликонфессионализм в России представлен следующим

образом. Структуры Русской православной церкви составляют более 50% всех зарегистрированных религиозных объединений. Их присутствие весьма заметно в европейской части России. Однако в Дальневосточном округе лидируют уже протестантские формирования. В протестантских формированиях по их числу на первом месте – христиане веры евангельской пятидесятники, за ними следуют баптисты, далее – евангельские христиане, адвентисты седьмого дня и другие самостоятельные организации. По числу приверженцев на первых местах после православных и протестантов остаются мусульмане, буддисты и иудеи. Из общего списка конфессий (67) можно назвать религиозные течения, зарегистрированные и существующие на законных основаниях: Новоапостольская, Методистская, Реформатская, Пресвитерианская и Англиканская церкви, общины Свидетели Иеговы, Меннонитов, квакеров, толстовцев (“Духовное Единство”), “Живой этики”, молокан, духоборцев, караимов, сикхов, Коптская церковь, Армия спасения, Российская православная церковь, Православная Церковь Божией Матери Державная, Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (мормоны), Ассоциация “Церквей объединения” (Муна), Церковь последнего завета, Церковь Христа, Саентологическая и Сциентистская церкви, Общество “Сознание Кришны” (вайшнавы), “Вера Бахаи”, приверженцы тантризма, даосизма, зороастризма, шаманизма, неоязычества.

Формирующийся в новых условиях поликонфессионализм имеет свои основания в социальных переменам созданной ситуации вероисповедных свобод, однако как показывают реалии современной Российской действительности последних лет, были периоды усугубления религиозных ситуаций, это заметно было со середины 90-х г., когда параллельно возникло два движения: первое – так называемые антисектантское, антикультовые движения, которые стали связывать со спасением молодежи от новых религиозных движений и в целом с упрочением духовной безопасности России; второе – за включение изменений и дополнений в закон РСФСР “о свободе веры исповеданий”, которое вылилось в утверждение нового закона с новыми подзаконными актами. До сих пор, судя по откликам представителей традиционных рели-

гий, есть попытка не признания сформировавшегося поликонфессионализма. Более того, заметна борьба с ним, то есть с появившимися новыми религиозными движениями и организациями, хотя подавляющее большинство из них зарегистрированы в органах юстиции. А всякая такая регистрация дает право юридического лица, и организация берется под защиту государства и охрану ее прав.

Религиозная ситуация также усугубляется продолжающимся разделением русского православия на различные ветви самостоятельной юрисдикции и общины, не входящие в юрисдикцию Русской православной церкви (Московской патриархии). По оценкам автора-составителя существует более двадцати юрисдикций. Сюда входят Катакомбные церкви, в советское время о которых мало что было известно. В настоящее время некоторые общины вышли из катакомб и прошли регистрацию, некоторые – до сих пор существуют тайно, другие – организовав свои формирования и действуя открыто, свое происхождение ведут от катакомбных епископов. С начала 90-х годов XX века появилась несколько формирований церквей, общин, которые отошли по самым разным причинам из-под руководства Московской патриархии. По числу приверженцев, как нам представляется, судя по полевым исследованиям, они не многочисленны. Однако, поскольку в недавнем прошлом они входили в Русскую православную церковь, их руководители (а они в сане митрополита, архиепископа, епископа) претендуют на передачу им необходимого православного имущества. Они вызывают к содействию в этом государственные органы, напоминая, что имеют право на это имущество.

В Русской православной церкви есть проблема уврачевания расколов, но трудно утверждать о том, что официальная церковь фундаментально занимается этой проблемой. Большею частью она обращает внимание на ветвь, возникшую за границей и после обретения организационных форм, получившую название Русская Православная Зарубежная Церковь. В советское время между официальными представителями этих двух организаций существовала конфронтация, в новых условиях существование Русской православной церкви и в условиях трудного существования РПЗЦ новое руко-

водство ее приходит к мнению, что у последней нет будущего. Отсюда возникшее потепление между заграничной ветвью и Матерью-Церковью. Внутри же на новые организационные образования в православии Московская патриархия, во всяком случае, создается впечатление, почти не обращают внимание, многое отдано на откуп православных религиозно-общественных организаций, которые большей частью выступают с критикой новых юрисдикций.

Это, касается поликонфессионализма России, рассмотренного в целом и от части межконфессиональных отношений. К характеристике поликонфессионализма надо добавить, что его присутствие обнаруживается почти во всех субъектах федерации, на региональном уровне, это подтверждается некоторыми конкретными данными, касающимися той или иной региональной религиозной ситуации. Возьмём один из субъектов федерации с преобладающим русским населением и где всегда многочисленным было православное население. К настоящему времени в Костромской области, кроме 170 организаций РПЦ, зарегистрированы 5 старообрядческих организаций, 2 иудейские, 1 мусульманская, 5 евангельских христиан – баптистов, 1 евангельских христиан, 5 христиан-адвентистов седьмого дня, 12 христиан веры евангельской (пятидесятников), 2 Свидетелей Иеговы, 1 религиозная группа Новоапостольской церкви. Без регистрации действуют группы “Сахаджа-йоги”, “Хранители пламени” или “Наука изреченного слова”, религиозно-экологические общества “Единение”, и “Анастасия”. В Костроме также имеются представители Церкви сайентологии, Общества сознания Кришны, Веры Бахаи, католицизма и Церкви Объединения (Муна). Такое многообразие существует во многих регионах России. Во многом изменился и конфессиональный ландшафт и в Республике Татарстан. Вот как он выглядит к настоящему времени, а точнее к 2010 году. На 1 января 2010 г. в Республике Татарстан по данным Управления Министерства юстиции РФ по РТ зарегистрировано 1440 религиозных организаций (1413 на 01.01.2009 г.), в том числе: мусульманских – 1087; православных – 262; иудейских – 3; российская православная автономная церковь – 1; истинно-православных церквей – 4; старообрядческих – 2;

римско-католических – 2; евангельских христиан – 29; евангельских христиан баптистов – 5; христиан веры евангельской – пятидесятники – 16; адвентистов седьмого дня – 11; лютеране – 5; новоапостольская церковь – 1; свидетелей Иеговы – 5; церковь последнего завета (виссарионовцы) – 1; Сознание Кришны – 2; Веры Бахаи – 1; буддизм – 1; церковь Иисуса Христа святых последних дней (мормоны) – 1; ахмадийя – 1.

В последние годы отмечается незначительный рост количества религиозных организаций, в основном, представленных объединениями ведущих конфессий – ислама и православия.

В-четвёртых, в России по сравнению с советским периодом произошли большие изменения в государственно-церковных отношениях.

В наше время происходит переход от диалога к взаимодействию и сотрудничеству. Взаимодействие осуществляется во многих сферах от законотворческой до содействия со стороны государства религиозным объединениям в их благотворительной деятельности.

Законодательство РФ о свободе совести и религиозных объединениях формируется при участии представителей религиозных объединений. Именно так готовился к утверждению упомянутый выше специальный закон этого законодательства.

Активно развивается взаимодействие в сфере культуры. Составляются совместные проекты будущего взаимодействия, государство принимает участие в реставрации памятников культового значения. (В то время, когда спецкурс готовился к изданию на одном из государственных производств в Санкт-Петербурге отливался самый большой колокол Троице-Сергиевой лавры “Царь колокол”. В 30-е гг. прошлого века в период разрушения храмов и монастырей он был сброшен с колокольни и разбит. И в пасхальную неделю 2004 года после прибытия его из Санкт-Петербурга вновь отлитый колокол занял прежнее место на колокольне. В Троицын день его звучание слышали тысячи верующих, собравшиеся на престольный праздник Лавры).

В образовательной сфере так же осуществляются совместные программы светских школ с религиозными структурами. Более того, в средней школе вводится факультативный курс “Основы православной культуры”, в котором с богословской стороны даются знания об особенностях православия.

Государство одобрительно относится к социальному служению религиозных объединений. Некоторые программы в этой сфере выполняются через различные формы сотрудничества государственных структур с религиозными объединениями.

Причем сферы взаимодействия постоянно расширяются, к прежним добавляются новые. К примеру, восстановление архивного дела в Русской Православной Церкви происходит во взаимодействии с государственными архивными учреждениями и управлениями.

Однако в государственно-конфессиональных отношениях наблюдается тенденция некоторого отхода от конституционного принципа равенства всех религиозных объединений перед законом, предполагающего равного отношения к ним государственных структур. Уже выстраивается некая иерархическая модель предпочтений государственных организаций в отношении к религиозным объединениям (церквям и общинам) даже в содействии им в деле благотворительности и социального служения.

Примерно она выглядит следующим образом: от особого отношения к Русской православной церкви (Московской патриархии) до отношения к новым религиозным движениям. К последним отношение характеризуется как к некоему непонятному, раздражающему и деструктивному явлению, хотя подавляющее большинство из них (как уже было отмечено) зарегистрированы в органах юстиции. Контакт с ними почти не устанавливается, за исключением с теми органами, которые по профессиональной своей принадлежности должны входить с ними в связь и за исключением научного интереса к ним со стороны религиоведов и особого интереса представителей традиционных религий.

Наконец, во время избирательных кампаний, а как правило они относятся к сфере политики, некоторые представите-

ли духовенства и священнослужители не отказываются от участия в агитации отдавать голоса за того или иного кандидата.

Таким образом, социально–политические и экономические условия, идеологические предпосылки, возникшие в современной России сильное влияние оказали на состояние религиозной ситуации. Следствием многих изменений в ней являются перемены в вероисповедной политике государства. В советское время барометр этих отношений показывал на “пасмурно”. С рубежа 80–90–х годов XX века стрелка пошла на “ясно”. Однако заметны противоречивые тенденции в развитии религиозной ситуации. Они усложняют её, временами делают не спокойной, некоторые тенденции могут привести к нежелательным последствиям. Чтобы избежать их следует в этих условиях соблюдать главные принципы действующего Законодательства РФ о свободе совести – равенство всех религиозных объединений перед законом, принцип отделённости религиозных объединений от государства, недопущение господства в духовной сфере какой–либо религии и пропаганды её превосходства.

2016 г.

О НЕКОТОРЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ О СВОБОДЕ СОВЕСТИ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ РЕЛИГИОЗНОЙ СИТУАЦИИ. [67]

В докладе мне бы хотелось, во–первых, обратить внимание на то, какие существовали предпосылки формирования нового законодательства о свободе совести, в том числе и концептуальные. Остановлюсь на некоторых из них; во–вторых, хотелось бы отметить существующие оценки современной религиозной ситуации и реализации предоставляемых прав на свободу совести.

Итак, утверждению нового законодательства о свободе совести, которое мы сейчас имеем, предшествовал сложный

и трудный процесс его формирования. Он начинается с 80–х годов XX в., однако истоки надо искать раньше на 10–15 лет. Именно в это время получает развитие правозащитное движение. Кстати, оно было подробно рассмотрено в книге председателя Московской хельсинской группы Л. М. Алексеевой.⁴⁵ Она упоминает светских и религиозных правозащитников, которые в открытых письмах выступали против нарушений государством конституционных принципов свободы совести и против зачастую неправомерного контроля религиозной сферы и вмешательства в нее со стороны государства. В частности, с таким письмом выступили священники Николай Эшлиман и Глеб Якунин. К весне 2006 г. прошло 40 лет с момента, как это письмо было подано патриарху Русской православной церкви, попало в государственные органы и получило сильный резонанс. Однако эта дата осталась почти незамеченной, хотя публикацию письма – событие значительное. На неё откликнулся Интернет, “Радио Свобода” в открытом эфире провело часовую передачу в программе “С христианской точки зрения”, которую ведет священник Российской апостольской церкви Яков Кротов.⁴⁶ В этой передаче участвовал сам виновник события сорокалетней давности отец Глеб Якунин. Впоследствии, по существу за активное участие в правозащитном движении, священноначалием Московской патриархии он был отлучен от церкви. Сан он с себя не снял и находится в той же церкви, где и Яков Кротов. Не случайно вспомнилось это письмо. Были и некоторые другие выступления, правда, редкие. Можно с уверенностью сказать, что они имели немаловажное значение. К ним, думаю, прислушались представители партийных органов и государственной власти. Не без учета этих выступлений в середине 70–х годов были внесены некоторые коррективы в Законодательство о религиозных культах.

В 1975 г. принимается Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о внесении изменений в Постановление ВЦИК и

⁴⁵ Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. – М.: МХГ, 2001. – С. 253–268.

⁴⁶ Солдатов А. “За что боролись?” URL: <http://news.portal-credo.ru>.

СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года “О религиозных объединениях”, несколько расширивший возможности религиозных организаций (большей частью материальные).

В 1975–77 гг. в союзных республиках (в том числе в РСФСР) принимаются акты “О религиозных объединениях”. В Конституции СССР 1977 г. принцип свободы совести получил частично новую редакцию.

Правозащитное движение набирало силу, в нем продолжали участвовать так называемые шестидесятники и диссиденты, которые проложили путь к свободам, в том числе и религиозным. Но вот парадокс – церковь получила свободы, всесторонне пользуется ими, но те люди, которые встали на путь свобод, в настоящее время забыты. Некоторые остались в Отечестве, другие – эмигрировали и находятся в оградах церквей и епархий за рубежом, в том числе и других конфессий, как, например, О. Игнатий Крекшин (по последним данным, в настоящее время живет в Мюнхене и работает в католической миссии). Особое отношение сложилось у официальных представителей церкви к таким, по общему признанию, выдающимся богословам и проповедникам, как погибший священник Александр Мень и священник Георгий Кочетков. В какой-то степени они стали отверженными. Что касается О. Глеба Якунина, то до сих пор из официальной церкви исходят негативные характеристики его деятельности.

Путь к вероисповедным свободам был очень трудным. К середине 80–х годов в сфере государственно–церковных отношений страна пришла с архисложными проблемами, которые, накапливаясь десятилетиями, не решались. Разумеется, об их положительном решении не могло быть и речи. Только что упомянутые защитники прав верующих понесли наказания за то, что они требовали от государственных властей выполнять Закон – Конституцию, которую сами власти утвердили. В административных кругах культивировалась антидемократическая практика замалчивания проблем, стремление решать их авторитарными методами.

С середины 80–х годов в государственно–церковных отношениях начались радикальные перемены. О них мне довелось рассказать в большой книжке под названием “Время

новых подходов”.⁴⁷ Религиозные организации выходят из искусственно созданной многочисленными запретами изоляции и становятся в один ряд с другими общественными организациями. Верующие и служители культа перестают быть гражданами второго сорта.

Прежде всего, это находит отражение в следующем: в начавшемся конструктивном диалоге с государственными и общественными организациями, с одной стороны, и церковными, а также религиозно-общественными – с другой; в снятии ограничений на регистрации религиозных обществ; в возвращении святынь религиозным организациям и их центрам; в расширении старых и открытии новых духовных школ; в предоставлении религиозным организациям доступа к средствам массовой информации; в делах милосердия и благотворительности, которые начали беспрепятственно проводить религиозные общества; в избрании служителей церкви народными депутатами. Наконец, был разрешен ввоз из-за рубежа в больших количествах религиозных изданий (одними из первых были разрешены новые заветы от экуменической общины брата Роже из Тэзе, а также Толковая Библия в 3-х томах Лопухина, появилась книга “Закон Божий” священника из Русской православной церкви за рубежом Сефафима Слободского).

Одним из итогов начавшихся положительных перемен в государственно-церковных отношениях явился вступивший в силу Закон СССР “О свободе совести и религиозных организациях” (опубликован 9 октября 1990 г.).

Многие годы в Советском союзе не было специального закона, регулировавшего отношения между государством и религиозными структурами. Функции его выполнял Сборник материалов и документов “Законодательство о религиозных культах”, изданный в 1971 г. с грифом “Для служебного пользования” и предназначенный для должностных лиц, работающих в государственных органах.⁴⁸ Разумеется, слу-

⁴⁷ Лещинский А. Н. Время новых подходов. О государственно-церковных отношениях. – М.: Знание, 1991.

⁴⁸ Законодательство о религиозных культах. Сборник материалов и документов. – М.: Юридическая литература, 1971.

жители культа и простые верующие не имели возможность знакомиться с его содержанием. Один экземпляр попал в мою личную библиотеку. Мне порой приходится к нему обращаться. Не минуя сравниваешь современное законодательство о свободе совести с теми законами постановлениями, которые существовали не в столь далекие времена. Материалы сборника, документы разработаны были давно, устарели и не отражали особенностей жизни последних десятилетий. Основными документами сборника считались декрет “Об отделении церкви от государства и школы от церкви” и постановление В. ЦИК и СНК РСФСР “О религиозных объединениях”, принятое в апреле 1929 г, то есть в период, когда пропагандировалось сталинское утверждение о том, что в стране нарастает и обостряется классовая борьба. Эти документы, да и другие, напечатанные в сборнике, большей частью и регламентировали религиозную деятельность конфессий. Таким образом, и без того непростой процесс нормализации взаимоотношений (примирения между церковью и государством, начавшийся с середины 80-х гг. годов, долгое время испытывал дополнительные трудности ввиду отсутствия соответствующей правовой базы.

Наконец, летом 1990 г., в печати был опубликован для всенародного обсуждения проект нового Закона о свободе совести. Закон начинает разрабатываться незадолго до кончины Л. И. Брежнева с 1981 г. Советом по делам религий при Совете Министров СССР.

Тысячи писем от граждан страны шли в различные государственные и общественные организации. Многие пересылались в Совет по делам религий. Они изучались, и результаты анализа докладывались работниками Совета по делам религий на заседаниях рабочей группы по предварительному рассмотрению замечаний и предложений по проекту Закона и в Комиссии Верховного Совета СССР по доработке проекта Закона.

Мне доводилось со второй половины 80-х гг. читать часть писем и их анализировать. По ним видно, что люди осознавали начавшиеся перемены, происходившие в государственно-церковных отношениях, и верили, что Закон будет демократичным и действительно гарантирует права на

свободное исповедание убеждений. Более того, он не только сформулирует новые положения, но и закрепит все то позитивное, что появилось в сфере упомянутых отношений и, действительно, их надежды оправдались.

В 2006 г. в Перми проходила научно–практическая конференция. На ней выступала с докладом И. И. Маслова “Государственные органы “по делам религий”: восстановление истории и поиск архивных материалов”. Доклад обстоятельный, дающий объективные оценки деятельности Совета по делам религий при Совете Министров СССР.

Следует заметить, что уже с середины 80–х гг. XX в. Совет начинает эволюционировать в сторону ослабления контроля и предоставления религиозным структурам того, что они долгое время просили. Совет начинает отказываться от контроля над некоторыми сферами деятельности религиозных организаций. Можно сослаться на постепенный отказ от цензуры издаваемой печатной продукции.

Автор настоящей публикации пришел на работу в Совет накануне начала указанной эволюции, то есть перед перестройкой. Сошлюсь на некоторые примеры.

Мне хотелось бы рассказать о нескольких эпизодах из деятельности Совета того времени.

Это было в 1984 году. Меня направили в командировку в Чернигов и Черниговскую область, на Украину. В связи с вопросами относительно состояния государственно–церковных отношений, свободы совести, мне нужно было изучить материалы, связанные с письмом, поступившим в высокие инстанции. Письмо за тысячью подписей верующих было от архиепископа Антония (Викарика), правящего архиерея Черниговской епархии. Верующие просили вернуть церкви мощи св. Феодосия Черниговского (ум. 5 февр. 1696). Сложилась очень трудная ситуация. Изучение этого вопроса на месте показало, что мощи находились в местном государственном музее. Чтобы не отдавать их, музей решил устроить выставку, посвященную “Слову о полку Игореве”, в своих помещениях. Но на вопрос, как святые мощи преподобного будут смотреться в такой экспозиции, никто не мог ответить. В моей справке по итогам командировки говорилось о том, что нецелесообразно передавать на эту выставку мощи,

а правильнее удовлетворить просьбу верующего народа Чернигова. Справка в Москве пошла в ЦК КПСС, в Правительство. Через некоторое время стало известно, что мощи были переданы. Позднее мне довелось быть в командировке в Черкассах, оттуда я через Чернигов ехал в Москву. Владыка Антоний рассказал мне, что ночью, под прикрытием темноты, власти разрешили взять мощи из музея и перенести в Троицкий кафедральный собор, но рака (серебряная гробница) не была возвращена. Епархии пришлось заказывать её Софринским мастерским. Передача стала второй в Советское время, после того как из музеев Московского Кремля принесли в Богоявленский собор мощи святителя Алексия (ум. в 1378).

Ещё один немаловажный факт. В 1985 году один из архитекторов перестройки, Александр Яковлев, в докладе объявил, что необходим новый подход к такой категории людей, как верующие. Примерно в это же время Совет стал обращать внимание на публикации материалов о религиях, вере, деятельности религиозных организаций и их представителей в светской периодической печати. Помню, в Совете ходила копия статьи одной из областных газет (г. Кирова). Статья, называлась (крупно было набрано) “Чужой”. В ней рассказывалось о намерении одного молодого человека из рабочего коллектива поступить в духовную семинарию. Однако он подвергся травле и оскорблениям со стороны руководства производства. Для разбирательства и выяснения всех обстоятельств на место был командирован сотрудник Совета Вячеслав Подшибякин с московским журналистом и писателем Александром Нежным. После этого в центральной печати появились материалы с выводами: недопустимости таких отношений к верующему человеку и т. д.

Приведу еще один сюжет, связанный с постепенными изменениями отношения государственных органов к благотворительной деятельности религиозных организаций. Привожу его и потому, что ныне работаю в Социальном университете, который взаимодействует в деле социального служения с религиозными объединениями и изучает эту сферу.

Благотворительная деятельность с рубежа 20–30х гг. XX в. в России со стороны большевистской власти подвергается

критике. В 1932 г. принимается Закон о кассах взаимопомощи. Но на религиозные объединения он не распространяется.

Здесь надо опять упомянуть сыгравшее роковую роль в социальном служении в России Постановление ВЦИКС и СНК РСФСР “О религиозных объединениях”. В ст. 17 указывалось на то, что религиозным объединениям воспрещается:

- а) создавать кассы взаимопомощи;
- б) оказывать материальную поддержку своим членам;
- в) организовывать как специальные детские, юношеские, женские, и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и т. п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь.

Постановление опубликовано в упомянутом мною сборнике “Законодательство о религиозных культах”.⁴⁹ Его составители – советники юстиции – в конце сборника поместили краткий словарь к предметному указателю. И вот как они объясняют понятие “Благотворительность церковная”: это “использование материальных средств церкви для привлечения к религии людей. Это унизительные для человека в нашем обществе предложения, несовместимые с его достоинством, правами и обязанностями”.⁵⁰ Здесь же напоминалось о том, что законодательством о культах церковная благотворительность запрещена, и религиозные объединения не могут заниматься какой-либо иной деятельностью, кроме удовлетворения своих религиозных потребностей. Конечно, религиозные объединения продолжали заниматься благотворительностью, ибо эта деятельность не может быть отчуждаема от духовной. Достаточно вспомнить христианский принцип: “Вера без дел мертва”. Здесь к понятию “дела” относятся и дела благотворительности, милосердия, взаимопомощи.

⁴⁹ Законодательство о религиозных культах. – М.: Юридическая литература, 1971. – С. 83–97.

⁵⁰ Законодательство о религиозных культах. – М.: Юридическая литература, 1971. – С. 301.

Благотворительность осуществлялась, но, так скажем, “прикровенно” и, естественно, далеко не в полном объёме.

С 1985 г. предоставление вероисповедных свобод означало не только возвращение религиозным объединениям прежде отобранных у них культовых зданий, но и свободу возрождения социального служения в полном объёме. На рубеже 80–90-х годов XX в. средства массовой информации заговорили о реабилитации благотворительности религиозных объединений. От того времени запомнились две публикации: интервью в защиту религиозного социального служения писателя Андрея Битова и председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР Константина Харчева. Оба решительно отмечали, что никаких противодействий благотворительности не должно быть, ибо это естественное дело религиозных объединений.

В 1995 г. был утверждён Закон РФ “О благотворительности и благотворительной деятельности”, а через два года – в 1997 г. – Закон РФ “О свободе совести и о религиозных объединениях”, о котором будет сказано чуть позже.

В обоих законодательных документах государство возвело в закон поддержку благотворительности.

Новое Законодательство РФ о свободе совести начинается с утверждения специального закона.

Таким образом, на рубеже 80–90-х гг. создаётся новая религиозная ситуация. В ней со стороны партийных и государственных органов начинают осуществляться действительно новые подходы в отношении к религиозным организациям и их приверженцам. Есть веха в этих процессах – празднование 1000-летия Крещения Руси, в которое входит встреча Генерального секретаря КПСС М. С. Горбачёва с членами Священного Синода Русской православной церкви. На этой встрече представители церкви среди прочих вопросов высказывали просьбу о том, что необходим новый закон, который бы в новых условиях регулировал отношения между государством и религиозными организациями. И, действительно, он был утвержден через 2,5 года. Однако прежде чем перейти к его характеристике, остановлюсь ещё на одном важном факте, который необходимо вспомнить в наши

дни предстоящего объединения с Русской православной церковью за рубежом.

Одной из функций совета по делам религии было содействие взаимоотношениям между религиями и конфессиями. На происходившем 6–9 июня 1988 г. Юбилейном Поместном соборе (Троице–Сергиева Лавра), среди многочисленных гостей была небольшая группа – большей частью мирян – Русской православной церкви за рубежом. В один из дней собора мне довелось участвовать вместе с профессором Московской духовной академии Алексеем Ильичем Осиповым в организации встречи мирян из этой церкви с представителями Русской православной церкви. Участвовало в ней в общей сложности около 20-ти человек, и происходила она в старинном зале МДА, где обычно сейчас происходят защиты докторских и магистерских диссертаций. Состоялась непринужденная беседа, в ходе которой большей частью говорили представители из зарубежной церкви, с той и с другой стороны большое внимание акцентировалось на том, что объединяет эти церкви.

Итак, принятый Закон СССР – “О свободе совести и религиозных организациях” в 1990 г. имел следующие характерные черты: его статьи не противоречили Декларации прав человека ООН, а также хельсинским и венским соглашениям, то есть Закон верен международным обязательствам, которые принимал на себя Советский Союз.

Церкви (религиозные объединения) отделены от государства. Все религии и вероисповедания равны перед законом. Государство не вмешивается в деятельность религиозных организаций, если она не противоречит законодательству. По Закону верующим предоставлены широкие права. В частности, они без каких-либо ограничений могут участвовать в общественной и политической жизни страны. Термин “наравне” нередко встречается в тексте прямо или косвенно. К примеру, религиозные организации и их члены вправе использовать наравне, с общественными объединениями средства массовой информации. Граждане, обучающиеся в специализированных учебных заведениях, пользуются в порядке, установленном для учащихся государственных учебных заведений, правами и льготами по отсрочке прохождения во-

инской службы, налогообложению, включению времени обучения в трудовой стаж. Граждане, работающие в религиозных организациях, включая священнослужителей, подлежат социальному обеспечению и социальному страхованию наравне с рабочими и служащими государственных и общественных предприятий, учреждений и организаций... Можно продолжать аналогичные положения, но и из приведенных примеров видно воплощение принципа равноправия.

Обратимся к отдельным организационным структурам конфессий. В прежних положениях, имевших юридическую силу, статус многих из них никак не был обозначен. Были упомянуты лишь религиозные объединения и общества. Остальные структуры как бы и не существовали. Вполне можно было сделать вывод, что, если они и действовали, то вне закона. В новом Законе четко обозначен статус не только религиозных объединений и обществ, но и управлений, монастырей, религиозных братств, миссий, а также – издательских полиграфических, производственных, реставрационно-строительных, сельскохозяйственных и других предприятий, благотворительных заведений, больниц, учебных заведений для религиозного образования детей и взрослых.

Следует сказать еще об одном праве, в котором церкви было отказано в упомянутом ленинском декрете от 1918 г. В новом Законе четко обозначено: “Религиозные организации – юридические лица”. За ними законодательно закреплено право на благотворительную и миссионерскую деятельность.

Закон определил и имущественный статус религиозных организаций. Он признал их право собственности на здания и другое имущество. И опять мы здесь встречаемся с новым положением о том, что в собственности этих организаций может быть имущество, в том числе находящееся за границей.

Наконец, Закон идеологически нейтрален. Он равно относится как к религии, так и к атеизму. Государство не финансирует ни деятельность религиозных организаций, ни пропаганду атеизма.

Таким образом, новый Закон о свободе совести дал полную самостоятельность церкви.

В историю уходят рецидивы вмешательства государства в ее деятельность, она вправе заниматься своими внутренними делами без какого-либо вмешательства со стороны государства.

Принятый закон стал основой и образцом для последующих законов, принятых в республиках. В этом же году был утвержден Закон РСФСР “О свободе вероисповеданий”. А менее чем через 3 года, в 1993 г., в Российской Федерации принимается новая конституция с её статьями, касающимися и вероисповедных свобод. Сам же российский закон 1990 года недолго просуществовал в правовом поле, т. к. уже после утверждения новой конституции РФ началась эпопея доработок и внесения новых статей в него.

Однако весь процесс коррекции закона вылился в создание и утверждение нового закона РФ “О свободе совести и о религиозных объединениях”. Одной из главных причин его появления стала усложнившаяся религиозная ситуация в России. Она возникла в условиях не только декларируемых, но и гарантируемых вероисповедных свобод, следствием которых стало появление, наряду с возрождающимися традиционными религиями, новых религиозных движений и новых формирований в традиционных религиях. Появляющиеся новые религиозные движения были терминологически отнесены к сектам.

Анализируемые изменения активизировали деятельность отечественных религиоведов. Одной из главных проблем нашего религиоведения стало углубленное изучение религиозной ситуации и состояние в ней религиозных объединений.

В первой половине 90-х годов выходят справочные издания о религиозных объединениях (как в СССР, так и в России). Один из таких справочников был опубликован в 1994 г. Впоследствии стали один за другим выходить справочники в разных издательствах. На это обращаю внимание именно потому, что в советское время подобная справочная литература не создавалась. Публиковались справочные издания о религиях, например, в Африке, США, на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Справочные данные о религиозных организациях были включены лишь в “Настольную книгу атеиста”, данные в ней были далеко не полными и даже не объек-

тивными. Было стремление показать сужение круга религиозных организаций, т. е. их постепенное исчезновение. В открытой печати стали публиковать сборники нормативно правовых актов, связанных с реализацией свободы совести зарубежных стран и России. Забегая немного вперед, отмечу отличающееся большой информативностью и научностью издание, подготовленное “Славянским правовым центром”.⁵¹

Готовящийся закон должен был решить одну из важных проблем – соотношения традиционных религий и конфессий и новых (отечественных и зарубежных). Проблема стала находить решение в утверждении предпочтений государственной власти. Кстати, этот начавшийся процесс, отразившийся в законе 1997 г., имеет свое продолжение в современной законотворческой деятельности Госдумы РФ и других структур, с ней связанных. Все, кто имеет отношение к решению этой проблемы, разделились как бы на две части: одна часть – за предпочтения, приоритеты, выделения традиционных религий России, другая – считает, что многие предложения по утверждению этих предпочтений входят в противоречие с действующей конституцией. Споры представителей этих двух частей порой очень накаляются.

Истоки споров, можно предположить, уходят в дни, когда утверждался закон 1997 г. Тогда существовала концепция закона, которую частично излагал Зоркальцев Виктор Ильич, председатель Комитета Государственной Думы по делам

⁵¹ Религиозные организации, центры и региональные структуры: Москва, Россия, страны СНГ и Балтии. Справочник. Сост. А. Н. Лецинский – М.: Департамент по делам печати и информации Правительства Москвы, 1994; Религиозные объединения Российской Федерации. Справочник. – М.: Республика, 1996; Религия, свобода совести, государственно–церковные отношения в России. Справочник. – М., РАГС, 1996; Новые религиозные культы, движения и организации в России / Научные редакторы: Трофимчук Н. А., Осиенко Ф. Г., Одинцов. – М.: РАГС, 1998; Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания / Отв. редакторы: Бурде М., Филатов СБ. Т. I–V. – М: Логос, 2004–2006; Религии народов современной России. Словарь. – М: Республика, 1999; Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академпроект, 2006; Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Религиоведческая экспертиза. – М.: Славянский правовой центр. 2006. –С. 301.

общественных объединений и религиозных организаций на заседании совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации 29 мая 1997 г. Мне довелось, работая в качестве специалиста–эксперта Администрации Президента Российской Федерации, готовить заседание и участвовать в нем. Зоркальцев обратил внимание собравшихся на то, что закон направлен на гармонизацию государством церковных отношений, достижение межконфессионального мира, взаимопонимания, согласия и предотвращение религиозных конфликтов.

По поводу появления в России новых, не присущих её менталитету религиозных движений, выступающий отметил, что проект закона предлагает нормы охранительного права, призванные защитить российских верующих от экспансии псевдорелигиозных организаций и всевозможных деструктивных культов, наносящих серьезный урон как духовному, так и физическому здоровью наших граждан и по сути дела дискредитирующих само понятие религии. Именно с ними связывались негативные воздействия на психику индивидуума и в целом на его здоровье. Чтобы такого не происходило, законопроект вводит нормы, позволяющие четко квалифицировать деятельность в этой специфической сложной религиозной сфере. Выступающий председатель думского Комитета изложил слова Патриарха Московского и всея Руси Алексея II о том, что необходимо сделать реальной ответственность за наносимый под видом религиозной деятельности ущерб жизни, здоровью, правам и достоинству личности, общественной нравственности и гражданскому миру. И вот в развитие этой идеи в числе новых предложений вводится запрет на принуждение к разрушению семьи, использование психотропных средств и гипноза, склонение к самоубийству или отказ по религиозным мотивам от медицинской помощи, принуждение к отчуждению имущества в пользу религиозной организации. В российском обществе с большим вниманием относятся к таким негативным явлениям в религиозной сфере.

Будучи в США, мне довелось беседовать с крупными исследователями деятельности новых религиозных движений. Однако они невозмутимо спокойно говорили о самоубий-

ствах адептов ветви Давида, произошедших в штате Техас, в г. Вако, (мне показывали место, где это произошло). Совсем по-иному к такому происшествию отнеслись бы русские люди. Во всяком случае, спокойного отношения, исходящего из принципа “Человек свободен”, не было бы.

И еще Зоркальцев указал на одну из главных черт концепции закона. “Этот закон, – сказал выступающий, – для России, для всех ее верующих граждан с учетом ее национальных традиций, государственных интересов и современных реалий”. Далее он подчеркнул, что закон защищает и поддерживает религиозные традиции России.

Вспоминая бурю споров, прошедших над проектом закона 1997 г., и фрагменты его концепций, изложенные Зоркальцевым, размышляешь над докладом, сделанным профессором Колом Дурэмом на одной из российских конференций. В этом и в других выступлениях, которые мне приходилось слышать, ученый предлагает, чтобы наше законодательство вобрало в себя нормы западной модели государственно-конфессиональных отношений. Однако предполагаю, что не все они могут быть приемлемы. Будет включено что-то особенное, присущее тем или иным отечественным традициям. Даже если это не будет согласовываться с некоторыми нормами, о которых говорит профессор, они будут приемлемы для российского гражданского общества.

Итак, существуют предпосылки формирования нового Законодательства Российской Федерации о свободе совести и утверждения Закона Российской Федерации “О свободе совести и о религиозных объединениях”. Многие из них, особенно содержательного концептуального характера, сохраняются, хотя некоторые в настоящее время оспариваются, вносятся новые предложения и дополнения. О них на упомянутой пермской конференции рассказал начальник отдела по взаимодействию с общественными и религиозными объединениями Департамента массовых коммуникаций, культуры и образования Правительства Российской Федерации А. Е. Себенцов.

Сейчас трудно сказать, чем завершится эпопея внесения дополнений и уточнений в закон, но хочу выразить уверенность в том, что наше Законодательство Российской Федера-

ции о свободе совести приобретет черты не только западного демократического нормативного права, но и вберёт в себя специфические российские традиции законотворчества.

Теперь мне хотелось бы затронуть второй пункт моего выступления, касающийся оценки в целом религиозной ситуации и реализации предоставленных государством прав на свободу совести. Суждения об этих оценках у меня возникли на основе выступлений представителей созданного в постсоветское время Института свободы совести. Заметно и похвально их стремление отстаивать конституционные принципы законодательства о свободе совести, особенно принципа равенства всех религиозных объединений перед Законом.

Однако они в резких и неожиданных характеристиках дают оценки религиозной ситуации в целом и процессу реализации свободы совести. В частности, один из сопредседателей института С. А. Бурьянов характеризует ситуацию в реализации вероисповедных свобод таким образом, что она поражена системным кризисом. Такая оценка была дана на прошедшей в Москве презентации новой книги под названием “Свобода убеждений, совести и религии в современной России”.⁵² Эти резкие оценки, данные в устном выступлении на презентации, изобилуют и в самой книге. Слушая выступающего и знакомясь с текстом доклада, у меня возникли сомнения, адекватны ли эти оценки сложившейся ситуации. Да, закон 1997 г. несовершенен, о чем уже говорилось, когда он утверждался, а потом и после утверждения. Но это вполне естественно, естественна и борьба вокруг представленных в настоящее время поправок и дополнений в Закон, которые сосредотачиваются в Комиссии по вопросам религиозных объединений.

Хотелось бы, чтобы авторы упомянутых оценок познакомились со сборником “Законодательство о религиозных культах”, о котором упоминалось мною ранее. Думаю, их оценки стали бы не такими, если бы они внимательно познакомились с тем сборником. Из него они бы узнали о подлинной репрессивности законов, указов, постановлений преды-

⁵² Свобода убеждений, совести и религии в современной России. Специализированный информационно-аналитический доклад. – М.: МХГ, 2007.

дущих десятилетий. Возникает и сомнение по поводу употребления понятия “кризис”, да еще и “системный”. Понятие кризиса можно применить к усложненной ситуации, которая появилась в некой стабильной, характеризуемой положительными чертами, пнящейся многие годы обстановки вероисповедных свобод.

В России же, как показывает история, она всегда была сложной, не отличалась либерализмом и демократизмом. Только с перестройки начинается этот процесс, он осуществляется как в законотворческой деятельности постсоветского государства, так и в настоящей жизни. Не так уж много времени прошло, чтобы обстановка изменилась коренным образом, нельзя и надеяться, что она будет идти прямолинейно на пути перемен. Будут и свои зигзаги, а, может быть, и отступления. Таким образом, о кризисе говорить еще рано. Когда утвердятся либеральные ценности в сфере вероисповедных свобод, но все пойдет вспять, вот тогда и можно будет говорить о нём. А в настоящее время осуществляется процесс, в котором происходит движение, причем, действительно, не без противоречий. Продолжается творческая работа над совершенствованием Законодательства РФ о свободе совести. Хотелось бы, чтобы она шла спокойно, без нагнетания страха перед тем, что относится к сфере недостатков в реализации конституционных положений о свободе совести.

2007 г.

**ВРЕМЯ ПОДГОТОВКИ
И ПРОВЕДЕНИЯ ТОРЖЕСТВ,
ПОСВЯЩЕННЫХ 1000-ЛЕТИЮ КРЕЩЕНИЯ РУСИ.
ПОМЕСТНЫЙ СОБОР 1988 ГОДА. [1]**

По канонам поместный собор является высшим органом в области вероучения и церковного управления. Его состав – епископат, представители клира и мирян (верующих). Соборы проводятся с целью обсуждения наиболее важных про-

блем, стоящих перед церковью, утверждения соборных постановлений и для избрания патриарха.

В так называемый синодальный период – с Петровской эпохи до 1917 г. – поместные соборы Русской православной церкви не созывались. В советское время уже состоялось четыре собора. Собор 1917–1918 гг. восстановил патриаршество, разработал и принял многочисленные документы, регулирующие внутреннюю жизнь церкви. Проходил в период после Великой Октябрьской революции и установления Советской власти. В 1945 г. за четыре месяца до окончания Великой Отечественной войны был созван собор, который обсудил вопрос о деятельности церкви в военный период, принял обращение к христианам с призывом содействовать полному разгрому фашизма, утвердил Положение об управлении Русской православной церковью, избрал патриаршего местоблюстителя Алексия (Симанского) патриархом. Поместный собор 1971 г. обсудил многие стороны внутренней жизни церкви и ее миротворческую деятельность, избрал митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена (Извекова) патриархом.

Поместный собор 1988 г., одним из присутствующих гостей которого был автор этих строк, проходил в связи с 1000-летним юбилеем введения христианства на Руси. Он призван был дать оценку, имеющую силу соборного определения, деятельности церкви за 1000-летний период; дать новый импульс миротворческой деятельности церкви и конкретизировать ее направления с учетом современной международной обстановки; принять Устав Русской православной церкви и документы, касающиеся вопросов христианского единства и глобальных проблем современного развития человечества.

Подготовка к собору, как и в целом к 1000-летию крещения Руси, совпала с перестройкой, революционным обновлением всех сторон жизни страны. Под влиянием общего процесса демократизации и гласности руководство религиозных организаций, служители культа и верующие все чаще стали ставить вопросы, требующие решения или согласия органов государственной власти (о возобновлении деятельности храмов, закрытых в 60-е годы без учета религиозной обстановки, регистрации новых объединений, о передаче под культо-

вые цели пустующих церковных и монастырских комплексов, увеличении тиражей церковной литературы, передаче церкви мощей и т. д.). Верующие смело и прямо высказывали недовольство позицией некоторых должностных лиц, не согласующейся с законодательством.

После апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС были приняты в государственном масштабе меры по строгому выполнению конституционных положений о свободе совести. Эти меры коснулись прежде всего регистрации религиозных обществ, так как на почве отказа в регистрации возникало большое количество конфликтов; религиозным обществам было разрешено строить и приобретать необходимые здания; были сняты некоторые запреты, например на воспроизведение церковных колокольных звонов; отменено требование предъявления паспортов родителями при крещении детей и т. д. Положительную роль сыграли здесь критические публикации в нашей прессе (“Коммунист”, “Московские новости”, “Огонек”, “Литературная газета”, “Известия”, “Советская Россия” и др.).

Как следствие процессов перестройки, возвращения к ленинским принципам взаимоотношения между Советским государством и церковью, возобладания тенденции защиты правовых гарантий, предоставляемых верующим, только в 1988 г. было зарегистрировано 1610 религиозных объединений (в 1987 г. 104). Из них общин Русской православной церкви – 1244 (к началу 1990 г. их было уже более 10130). Православным верующим передано 788 пустующих культовых зданий и разрешено строительство 66 новых. Открытие новых храмов породило кадровую проблему в церкви, потребовало учреждения новых духовных учебных заведений. После поместного собора 1988 г. начали действовать несколько семинарий, духовных училищ и курсов псаломщиков. Передано церкви еще несколько монастырей, среди них: Иоанно-Богословский (Рязань), Николо-Вяжищский (Новгород), Каприянский (Молдавия), Ново-Голутвинский (Колосна), Ильинский (Чернигов), Гошевский (Ивано-Франковская область), Иосифо-Волоколамский (Московская область). Произошло разделение нескольких больших епархий и образованы новые (Тернопольская, Хабаровская и др.). Увеличи-

лось количество архиереев, в том числе в митрополичьем сане. На архиерейском соборе 30–31 января 1990 г. принято положение об экзархатах. Утверждены экзархаты украинский и белорусский, которым дано и другое официальное наименование – Украинская православная церковь и Белорусская православная церковь. Упразднены зарубежные экзархаты. Существующие за рубежом 9 епархий подчиняются патриарху и Синоду Русской православной церкви. Весной 1989 г. во время выборов в Верховный Совет СССР семь крупных религиозных деятелей были избраны его депутатами. Среди них от Русской православной церкви патриарх Пимен, митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Ридигер), митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (Нечаев).

Все эти и другие меры, предпринятые в соответствии с положениями законодательства о религиозных культах, существенно изменили обстановку в религиозной среде, разрядили сотни конфликтных ситуаций.

Как правило, подавляющее большинство верующих и священнослужителей высоко оценивают внимание Советского правительства к нуждам религиозных организаций. Оценка эта высказывается и в письмах верующих, приходящих в государственные и общественные организации, в редакции периодических изданий. В них они выражают поддержку перестройке. Во многих письмах верующие высказывают надежду на то, что перестройка благотворно повлияет и на сферу отношений между Советским государством, церковью и верующими. Помимо церковной печати священнослужители и верующие активно используют ныне предоставляемую им возможность выступать в средствах массовой информации.

На встрече с патриархом Московским и всея Руси Пименом и членами Синода Русской православной церкви М. С. Горбачев проинформировал ее участников о готовящемся законе о свободе совести, в котором должны быть отражены и интересы религиозных организаций. В период подготовки закона у общественности страны, да и за рубежом первым вопросом был: “Каким будет закон?” Председатель комиссии по гуманитарному сотрудничеству и правам человека при

Советском комитете за европейскую безопасность и сотрудничество профессор Ф. Бурлацкий на вопрос, заданный ему журналистами в пресс-центре МИД СССР, существует ли вероятность того, что будет изменено законодательство в области религиозных отношений в СССР, в частности Постановление 1929 г., ответил, что в ближайшей перспективе будут разработаны правовые нормы, которые отразят нынешнее положение церкви и нынешние отношения между церковью и государством. Конечно, они значительно отличаются от тех, что существовали в конце 20-х гг. (См.: Аргументы и факты. 1988. № 4).

Одним из подтверждений того, что над проектом закона идет очень серьезная работа, являются публикации: “К разработке проекта закона СССР о свободе совести” (Советское государство и право. 1989. № 2), “Каким быть закону” (Московские новости. 1989. 9 апр.), об очередном заседании Общественной научно-консультативной комиссии, действующей при Совете по делам религий при Совете Министров СССР (Известия. 1989. 16 фев.), “Ответы Председателя Совета Министров СССР Н. И. Рыжкова на вопросы главного редактора люксембургской газеты “Републикэн лоррэн” (Правда. 1989, 20 апр.). Статьи нового закона должны быть направлены на обеспечение условий для активного участия в общественной жизни каждого советского гражданина, в том числе и верующих; в них уточняются правовые нормы, касающиеся религиозной сферы, различных сторон отправления культов. К работе над проектом закона наряду с учеными-правоведами были привлечены богословы и другие религиозные деятели всех церквей и религиозных объединений, существующих в СССР. Они высказали пожелание, чтобы закон закрепил полное равенство верующих со всеми другими гражданами; чтобы религиозным организациям был дан статус юридического лица; чтобы было утверждено их право на благотворительную деятельность, обучение религии, на распространение своей веры.

Из четырех дней работы собора наиболее значимыми стали два дня – 7 и 8 июня, когда обсуждались актуальные вопросы внутренней и внешней деятельности Русской православной церкви. В этих заседаниях собора участвовало 272

человека – представители от внутренних и зарубежных епархий Московского патриархата. Из них 74 – в епископском сане, 95 – в священническом, 14 – монахинь, 87 мирян (из них 6 женщин).

Собор Русской церкви, несмотря на юбилейную окраску, носил прежде всего рабочий характер. Он наметил главные направления деятельности церкви на ближайшие годы. Важнейшие из них, судя по содержанию докладов и выступлений, – углубление процесса нормализации государственно-церковных отношений; работа по совершенствованию организационных структур церкви; расширение и качественное улучшение идеологического воздействия церкви на верующих; развитие участия церкви в решении актуальных проблем современности, а также в области церковной благотворительности; наконец, укрепление всеправославного единства и экуменических связей.

Дискуссии и решения Проблемы теологические и богослужебные занимали значительно меньший объем в работе собора по сравнению с проблемами организационными. Но и то, что по ним было сказано, позволяет сделать заключение, что преобладала приверженность традиционному православию, незыблемости вероучительных и обрядовых принципов церкви. Подтверждением тому является, во-первых, акт канонизации девяти новых святых: князя Московского Дмитрия Донского (1350–1389), иконописца Андрея Рублева (ок. 1360–1370–ок. 1430), писателя и публициста Максима Грека (1475–1556), митрополита Московского и всея Руси Макария (1482–1563), собирателя и переводчика на русский и другие языки святоотеческих произведений, возродителя школы старчества схиар-химандрита Паисия Величковского (1722–1794), блаженной Ксении Петербургской (XVIII–нач. XIX в.), богослова, епископа Игнатия Брянчанинова (1807–1867), иеро-схимонаха Амвросия Оптинского (1812–1891), богослова, епископа Феофана Затворника (1815–1894). В их характеристиках, прозвучавших на соборе, подчеркиваются факты их чудотворений, постничества, дара прозорливости, смирения, терпения, кротости, их “благотворное влияние на всех ищущих пути христианского спасения”. Представлен-

ные жития этих святых окрашены мистическими тонами. Социальную роль русских святых один из докладчиков охарактеризовал следующим образом: “Вообще без святых Русской православной церкви было бы невозможно построить и очень трудно представить себе нашу историю, постичь мистическую глубину ее содержания и понять ее творческий, динамичный и универсальный характер”. В определение собора вошел пункт о необходимости продолжать работу по изучению дальнейших канонизаций. Во-вторых, большинство участников собора резко отрицательно встретили предложение создать при Синоде церковно-богослужебную комиссию для пересмотра некоторых аспектов богослужебной и обрядовой практики. Бурными аплодисментами одобрил собор заключительные слова выступления архиепископа Харьковского и Богодуховекого Ириней (Середнего): “В богослужении ничего нельзя менять”. Установки собора по церковно-каноническим вопросам изложены в “Послании боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам Русской православной церкви”. В нем, в частности, выражена озабоченность тем, что минувшее тысячелетие многократно “выявляло проявления упадка веры и добродетели”, и содержится напоминание о предназначении человека “идти спасительным путем к вечной жизни”; для ее достижения во главу угла ставится “духовная жизнь во Христе”, “христианское добродетельное”, “повседневная борьба с грехом”.

Одной из главных на соборе стала, как уже было сказано, проблема государственно-церковных отношений. Они широко обсуждались на соборе. Причем на заседаниях царя атмосфера раскованности, открытости и критичности. С позиции гласности в докладе митрополита Киевского и Галицкого Филарета, патриаршего экзарха Украины, “Тысячелетие крещения Руси” была, хотя и кратко, раскрыта история взаимоотношений между Советским государством и церковью. Большую часть своего выступления докладчик посвятил послереволюционному периоду. Период, что и говорить, весьма сложный. Ведь в самом начале его закладывались основы, на которых должна была зиждиться политика отношений между церковью и государством. В докладе содержатся

трезвые, без мистического флера, объективные оценки. А начал он с интерпретации деятельности собора 1917–1918 гг., признав, что тот осуществил ряд деяний, “враждебных новоустановленной народной власти, что повлекло возникновение напряжения и даже конфронтации между церковью и государством”. Причем, по мнению митрополита, напряжение и конфронтация усугубились в годы гражданской войны и последующее время, наложив “на эти отношения на долгий период драматический отпечаток”. В качестве одной из причин нелояльной позиции членов собора к Советской власти митрополит назвал тесную связь большинства их с царской и буржуазно-демократической политической системой и социально-экономической структурой. Религиозная деятельность русского православия в дореволюционном обществе осуществлялась в привилегированных условиях. Принцип отделения церкви от государства покончил с так называемой церковно-государственной симфонией. Привилегированное положение в Российском государстве церковь утратила. Введены были новые правовые отношения, к которым иерархия и духовенство “оказались... недостаточно подготовленными”.

Митрополит Филарет выделил несколько периодов, характеризующихся трудностями в налаживании взаимоотношений между церковью и государством. Первый – это начало 20-х годов, когда в обстановке усилившейся антирелигиозной пропаганды возникли обострения, подчас сопровождавшиеся нарушением конституционных норм. “Происходило массовое закрытие, – отмечает он, – а часто и разрушение храмов, монастырей, духовных учебных заведений”. Однако, сказал митрополит, “справедливости ради надо отметить, что и духовенство нередко поддерживало противников Советской власти”. Примером чему служит происходившая открытая конфронтация при изъятии ценностей из церквей. Далее – период культа личности Сталина. В докладе митрополита Филарета он был резко осужден. Поправление закона о свободе совести “привело к прекращению жизнедеятельности многих и многих религиозных обществ”. Наконец, время 50 – начала 60-х годов, которое “было омрачено известными волонтерскими действиями, в результате которых произошло

значительное сокращение численности храмов, монастырей, духовных школ”. Однако, чтобы у читателя не сложилось впечатление, что сокращение религиозной сети происходило лишь путем административно-нажимных методов, надо заметить, что были и объективные предпосылки прекращения деятельности религиозных обществ. Приходы постепенно из-за уменьшения количества верующих и неспособности далее выполнять свои функции закрывались. На изменение мировоззрения людей и их отход от религии оказывала влияние и идеологическая работа, проводимая в стране, и повышение культуры народных масс.

Дальнейшая нормализация отношений между церковью и государством шла по пути укрепления конституционных гарантий прав верующих граждан нашей страны. Оценивая положительно то, что предоставляет в настоящее время государство для нормального течения духовной жизни верующих граждан, митрополит Филарет назвал и ряд существующих проблем. Среди них регистрация православных общин, особенно в тех местах, где отсутствуют храмы. “В принципе, – отметил иерарх, – отношение местных органов власти к церкви нормальное. Но в ряде районов нашей страны православные общины и епархиальные управления все еще встречаются с неоправданными, с нашей точки зрения, сложностями и с затяжным характером решения насущных вопросов церковной жизни”.

Проблема государственно-церковных отношений прямо или косвенно затрагивалась во многих выступлениях. Улучшение этих отношений связывалось в них с развитием демократизации и гласности в стране, высказывались пожелания ускорить перестройку в области государственно-церковных отношений.

На соборе прозвучала критика в адрес отдельных представителей государственной власти (в том числе и уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров СССР) по поводу их нежелания решать вопросы, с которыми к ним обращаются церковные активисты и простые верующие. Правда, было и немало выступлений, в которых подчеркивалась возросшая за последнее время роль Совета по делам религий в защите прав и законных интересов верую-

щих граждан и религиозных организаций. Seriously ставился также вопрос о необходимости регистрации общин православных верующих в тех местах, где на большом пространстве нет действующих церквей. Высказывалась настоятельная просьба о предоставлении церкви права юридического лица и решении вопроса о церковной собственности. Наконец, было внесено предложение о создании при Синоде юридической комиссии, которая бы вела в церковных кругах работу по разъяснению законов, предоставляющих вероисповедные права верующим и духовенству, а также осваивала и внедряла то положительное, что предоставляется церковным организациям.

Одним из важных документов, принятых на соборе, явился Устав об управлении Русской православной церковью. До этого существовало Положение об управлении Русской православной церковью. На соборе оно было охарактеризовано как не содержащее в достаточной степени общепринятых в православии законов, регулирующих систему церковного управления. Оно не дает ясного представления о правах, обязанностях и ответственности как высшей иерархии, так и рядовых священнослужителей и верующих. Составлялось оно в военное время в спешном порядке и принято было, как уже говорилось, в январе 1945 г. Из-за его поверхностности, фрагментарности и неполноты Положение об управлении с момента его принятия воспринималось как временное.

Однако принятие постоянного документа такого рода затянулось. На данном соборе комментировались некоторые пункты Положения, в частности поправка, касающаяся управления приходами. Она была внесена на архиерейском совещании 1961 г. и утверждена решением Поместного собора 1971 г. Существо ее заключалось в том, что вся финансово-хозяйственная деятельность приходов изымалась из ведения настоятелей храмов и епископата и передавалась исполнительному органу верующих прихода. Как отметил в своем выступлении архиепископ Смоленский и Вяземский Кирилл (Гундяев), поправка понизила каноническую значимость Положения: духовенство оказалось отстраненным не

только от руководства приходами, но юридически и от самих приходов.

Принятый собором Устав составлен на основе канонических правил, существующих в церкви уже с первых веков христианства, источников церковного права, нашедших отражение в постановлениях соборов, происходивших в период Московского государства, а также собора 1917–1918 гг. Именно последний разработал в виде Определений основные нормы церковного устройства. Характеризуя главные положения Определений, архиепископ Кирилл отмечал, что на их основе церковь получала коллегиальные выборные и представительные органы управления, с четким разграничением прав и обязанностей всех звеньев и уровней церковной администрации. В частности, устанавливалась регулярность созыва поместного собора и ответственность перед ним патриарха и органов церковного управления. Должен был утверждаться принцип соборности, то есть решения вопросов не единолично, а общим собранием членов церкви, созываемых на различных уровнях – в приходе, епархии и в целом в патриархии. Однако опять же в силу обстоятельств, в которых оказалась церковь в послереволюционный период, нормы и принципы, разработанные данным собором, не находили своей реализации.

Далее, новый Устав принципиально согласован с уставами других православных церквей и находится в соответствии с действующим советским законодательством.

Следовательно, можно констатировать, что Устав не содержит ничего принципиально нового, чего бы не было в канонической практике церкви. Он состоит из 20 разделов, отражающих всю управленческую деятельность церкви на различных ее уровнях. Пять разделов (со II по VI) посвящено высшей иерархии, VII – епархии, VIII – приходам, другие разделы – монастырям, духовным школам, заграничным учреждениям, финансам и имуществу, пенсионному обеспечению священно- и церковнослужителей...

Коснемся некоторых статей Устава, которых не было в прежнем Положении. Вот как выглядят в общем виде статьи по органам управления: “Высшими органами церковной власти и управления являются Поместный собор. Архиерейский

собор. Священный Синод во главе с патриархом”. В перечисленной чередой патриарх – на четвертом месте. За ним остается первенство чести среди епископов, но он подотчетен поместному и архиерейскому соборам. В документе явно просматривается тенденция ограничения власти первоиерарха. Есть даже подпункт о том, что он несет ответственность за исполнение постановлений соборов и Священного Синода. Расширяются права и функции последнего. Что касается созыва органов управления церковью, то Синод, как и прежде, собирается два раза в год на летнюю и зимнюю сессии. Поместный же собор созывается по мере надобности, но не реже одного раза в пять лет, а архиерейский собор – не реже одного раза в два года. Любопытная подробность. В проекте Устава была предложена другая периодичность: соответственно не реже одного раза в десять лет и не реже одного раза в пять лет. Но члены собора с этим не согласились и утвердили выдвинутую в ходе собора периодичность созыва важных органов управления.

Далее, епархиальным органом церковной власти и управления является правящий архиерей с епархиальным собранием и епархиальным советом. В конкретизированном виде этот пункт в Уставе изложен в такой форме: “Высшим органом, при содействии которого архиерей управляет епархией, является епархиальное собрание”. В Положении оно вообще не фигурировало; теперь же должно созываться не реже одного раза в год. По достижении 75-летнего возраста архиерей подает прошение об “уходе на покой”.

Наконец, управление в приходах. В раздел о них внесены существенные изменения, “Органом приходского управления, – читаем в новом Уставе, – является настоятель с приходским собранием и приходским советом”. Приходскому собранию посвящен целый параграф, который предоставляет этому органу управления широкие права. Его председателем избирается настоятель как полноправный член прихода. Приходское собрание большинством голосов принимает насущные для деятельности прихода решения по духовно-нравственным и материально-хозяйственным вопросам, вплоть до утверждения годового бюджета и проектно-сметной документации по ремонту и строительству и т. д. А

исполнительным органом приходского собрания остается приходской совет. По Уставу (раздел VIII, п. 42) председателем приходского совета может быть избран и настоятель. Этот пункт включен, вне сомнения, исходя из реальной ситуации. В Русской православной церкви существуют малочисленные сельские приходы, где из числа прихожан, часто престарелых, трудно выбрать председателя исполнительного органа. Отсюда как крайняя мера пункт об избрании настоятеля. Суть изменений, касающихся деятельности настоятеля, нашла отражение и в Определениях собора: “Пастырю отводится важная роль в жизни приходской общины”. Таким образом, собор приложил немало, усилий для укрепления прихода как важного звена в структуре церкви.

На соборе смело высказывались критические суждения в адрес патриархии за недостаточно четкое руководство церковными учреждениями, за бюрократический стиль, насаждаемый в церкви; много предложений было высказано в адрес синодальных учреждений, ибо их работа находит непосредственное отражение прежде всего в деятельности приходов.

В докладе об издательской работе церкви митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим – председатель издательского отдела – дал понять, что разработанная отделом программа не выполнена. Она предусматривала: 1) обеспечить храмы богослужебной литературой, 2) дать религиозно-назидательную книгу в каждую православную семью и 3) издавать научно-богословские книги и монографии. Только по первому и третьему пунктам программы дана положительная оценка. В дискуссиях на соборе было предложено учредить новое издание типа еженедельника, шире издавать литературу на языках народов СССР, повысить содержательный уровень “Журнала Московской патриархии”. Определение собора по этому разделу работы патриархии звучит:

“Расширить издательскую деятельность, увеличить издание книг Священного писания, творении отцов церкви и молитвословов, а также катехизической, назидательной, богословской, церковно-исторической, литургической и др. литературы”.

Стремление укрепить материальную базу церкви было ярко выражено в ходе обсуждения деятельности ее хозяйственного управления. Здесь шел разговор о совершенствовании существующих организационных структур и введении новых. Общая тенденция, обнаружившаяся в выступлениях, направлена на развитие самостоятельности управления, его независимости в решении вопросов от государственных организаций. В связи с этим звучали предложения о создании специализированного реставрационного отдела при хозяйственном управлении церкви с собственным реставрационным участком и обучением церковных кадров художников-реставраторов, о создании иконописных школ и мастерских прикладного церковного искусства и др.

Не менее живо обсуждались проблемы духовных школ и обучения религии. Тон задали своим докладом архиепископ Дмитровский Александр, ректор Московской духовной академии, председатель Учебного комитета при Синоде. Особую озабоченность выступающих вызвали три момента: нехватка священно- и церковнослужителей и низкий уровень их подготовки, в том числе и нравственной; малограмотность верующих в вероучительных вопросах и, наконец, отсутствие какого-либо порядка, целенаправленности в обучении детей и молодежи религии.

После доклада ректора (в нем сформулированы такие предложения, как учредить новые семинарии в Сибири, Поволжье и Западной Украине, пересмотреть Устав духовных школ, сделать академии и семинарии – в Ленинграде и Загорске – самостоятельными учреждениями, создать научно-богословский центр Русской православной церкви, усовершенствовать учебные программы, приведя их в соответствие с современными требованиями, учредить печатный орган при каждой академии) выступил архиепископ Смоленский и Вяземский Кирилл. В предложенной им системе духовного образования особое место отводится катехизации верующих, семинарскому образованию, научной специализации в академии и углубленной подготовке в аспирантуре. Выступающий предложил рассмотреть возможность создания курсов повышения квалификации для священников и для епископов

по образцу, имеющихся в некоторых поместных православных церквях.

Необходимость предложенных мер была обоснована критическими суждениями по поводу уровня образования священнослужителей, их слабой подготовки. По мнению выступавших, выпускники семинарий практически беспомощны в вопросах душепопечения, слаба их регентская подготовка, они даже плохо исполняют требы. Программы обучения в духовных школах страны оторваны от практических задач священнослужителя, в них много лишнего, они скучны, дублируют различные курсы.

Участники собора высказали озабоченность по поводу многочисленных вакансий в младшем звене церковнослужителей; предлагалось организовать специальные псаломщицкие курсы.

В плане совершенствования религиозного образования были выдвинуты конкретные предложения по улучшению условий труда преподавателей духовных школ. Отмечалось, что у них низкая зарплата при высоких налогах и больших учебных нагрузках, плохие жилищные условия.

Не были забыты и абитуриенты семинарий, для которых рекомендовалось создавать катехизаторские пункты. Само понятие “катехизация”, многие десятилетия не употреблявшееся представителями церкви, стало на соборе одним из популярных. Катехизация связывалась на соборе, как правило, с проблемой работы с верующими, детьми и молодежью, с необходимостью организовать воскресные школы, оборудовать специальные дома при храмах, в которых могли бы собираться верующие, в том числе и молодежь, для бесед с настоятелем и другими клириками. Один из выступающих, ссылаясь на трудности религиозного воспитания в семье, предложил издать методическое пособие (по типу дореволюционного “Закона божьего”). А митрополит Питирим в упомянутом докладе об издательской деятельности церкви обратил внимание слушателей именно на второй ее аспект, связав опять-таки с катехизацией – с вопросом, по его мнению, наиболее актуальным для современной церкви. Через книги, популярно излагающие вероучение, церковь стремится восполнить знания тех, кто вышел не из традиционно пра-

вославленной семьи и не смог получить должного домашнего “воспитания”. В Определения собора вошла общая формулировка: “Изыскать возможность ввести внебогослужебные формы для катехизации и духовного просвещения верующего народа”.

Если вопрос о катехизации был поднят на соборе впервые, то о делах милосердия и благотворительности представители церкви начали говорить задолго до него. Причем преимущественно не на страницах церковной печати, а в светских периодических изданиях. В 1988 г. на страницах журналов и газет было опубликовано множество интервью с церковными деятелями. Почти в каждом из них затрагивалась тема милосердия и благотворительности, начиная от беседы с патриархом Пименом (Известия. 1988. 8 апр.) до беседы с настоятелем Николо-Кузнецкого храма в Москве Владимиром Рожковым (Вечерняя Москва. 1988. 13 июн.). В этих интервью представители церкви отмечали, что прежде функции благотворительности и милосердия церковь осуществляла через монастырские больницы, дома для престарелых, странноприимные дома, общества трезвости; монастырские сестры работали в клинических заведениях, выхаживали слабых здоровьем... Но с отделением церкви от государства эти функции у церкви были изъяты. Более того. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. “О религиозных объединениях” вести благотворительную деятельность религиозным объединениям запрещалось. Иерархи церкви указывали на парадоксальный факт: несмотря на этот запрет, церковь участвует в благотворительных фондах, ее представители входят в качестве членов в правления фондов. Церковные деятели выражали надежду, что готовящийся закон о свободе совести включит положения и по данной проблеме, сообразуясь с реальностью. Они заявляли о своем положительном отношении к движению “Милосердие”, учрежденному в Ленинграде и распространяющемуся по всей стране, и выразили готовность принять в нем активное участие. Патриарх Пимен в упомянутом интервью отметил: “Милосердие, которое мы (верующие люди. – М. Б.) понимаем как сострадание и верность, является неотъемлемой частью жизни каждого христианина...”

Сестры наших женских монастырей могли бы, например, обслуживать больницы, где находятся тяжело больные люди, трудиться в домах, в которых размещены увечные и инвалиды. Могут иметь место и другие формы служения милосердию. Мы хотели бы найти понимание в этом вопросе со стороны соответствующих наших ведомств”.

Патриарх не зря выразил надежду на понимание. Именно его часто очень не хватает. Вот лишь один пример. Ректор Ленинградской духовной академии, профессор-протоиерей Владимир Сорокин должен был совершить причастие в одном из домов престарелых в Ленинграде по просьбе умирающей верующей. “Попа и на порог не пущу!” – грубо заявил ему директор. Таким образом, священнослужителю и верующей было отказано даже в том, что положено по закону.

Итак, участники собора 1988 г. не случайно обсуждали данную тему и просили разрешить благотворительность религиозным общинам. Некоторые из них высказывали даже обиду по поводу имевшего место предложения пригласить в нашу страну для осуществления подобной деятельности орден милосердия, основанный матерью Терезой. Мать Тереза была гостем наших общественных организаций, и всех тронуло ее желание послать своих сестер в Чернобыль. Отдавая должное этой необыкновенной женщине, тот же протоиерей Владимир Сорокин сказал:

“Что, у нас своих добрых людей не осталось?” Представители Московской патриархии резонно отмечали, что Русская православная церковь имеет многовековые традиции благотворительности. Сегодня они в условиях демократизации возродили тезис “Христианину – жить по-христиански”. Широкому кругу представителей церкви возрождение благотворительности и милосердия видится в форме церковно-духовной и благотворительной деятельности в домах престарелых, в детдомах, в исправительно-трудовых лагерях и т. д.

Еще до открытия собора и во время его работы некоторые представители нашей общественности и государственных организаций выступили с поддержкой идеи о возрождении благотворительной деятельности церкви. В частности, известный советский писатель Д. А. Гранин, избранный председателем общества “Милосердие” в Ленинграде, был

удивлен, узнав, что православным общинам запрещено делать пожертвования на нужды конкретного учреждения или человека. “На дворе 88-й, – решительно заявил он, – многое в жизни изменилось, а постановление (1929 г. – М. Б.) действует. Будем добиваться, чтобы в готовящееся новое законодательство этот утерявший всяческий смысл пункт не вошел” (Литературная газета. 1988. 4 мая. С. 13).

В Определениях собора отмечено: “Признать необходимым всемерное развитие традиционного для нашей церкви служения в области милосердия и церковной благотворительности. Иметь попечение о выработке достойных форм выражения этой искони присущей церкви деятельности”.

Трудно еще даже предположить, в какие конкретные формы выльется стремление церкви возродить эту деятельность. Но представители церкви уже говорят о сложностях, с которыми они могут встретиться. По их мнению, многие священнослужители так привыкли ко всяческим запретам, что у них притупилось желание делать добро. Потребуется время, чтобы воспитать и в верующих стремление совершать благо, творить добро.

Участники собора уделяли большое внимание проблеме христианского единства. Обзор ее состояния сделал митрополит Минский и Белорусский Филарет, председатель отдела внешних церковных сношении Московской патриархии. Занимающий почти 100 страниц печатного текста, его доклад, насыщенный многочисленными фактами, раскрыл проблему, начиная со времен христианизации Руси. Идеи, высказанные в докладе, в основном были сформулированы митрополитом Филаретом еще в предсоборный период, в его выступлениях на международных форумах, собеседованиях и встречах. Большое внимание в выступлении на соборе председателя отдела внешних церковных сношений было уделено отношениям Русской православной церкви к другим поместным православным церквям. Оценивая положительно межправославные связи, докладчик назвал ряд серьезных и актуальных проблем, касающихся в основном церковных структур. Среди них вопросы о православной диаспоре, в особенности в Западной Европе и Америке (имеется в виду юрисдикция православных общин в странах этих континентов), об авто-

кефалии и автономии и способах их провозглашения, о месте поместных церквей в общем их списке-диптихе. Отчасти из-за разногласий с Русской православной церковью по двум последним вопросам в Москву на торжества по случаю 1000-летия крещения Руси не прислали своих представителей две церкви – Константинопольская и Элладская. Докладчиком названа еще одна конкретная проблема – возможность свободного пополнения не принадлежащих греческой церкви монастырей на Афоне новыми послушниками.

Названные вопросы церковь надеется решить на предстоящем Великом соборе православной церкви. Вот уже более двадцати лет идет подготовка к нему. По оценкам некоторых наблюдателей, конца ей не видно. Для его созыва, по мнению самих же представителей православия, необходимо преодолеть “узость сознания” православных церквей, иметь уверенность в готовности и способности их к участию в таком соборе.

На соборе 1988 г. (как и в 1971 г.) был поднят вопрос об отношении к православным людям, не имеющим канонического общения с Русской православной церковью. В частности, в дискуссии столкнулись мнения по поводу отношения к Русской православной церкви за рубежом, называемой еще карловацким расколом. Здесь обнаружилось два подхода: обратиться к членам этой церкви “со словами любви и открытости для восстановления евхаристического единства” (митрополит Сурожский Антоний (Блум) и, наоборот, не идти с ними на компромисс, так как “для карловчан Русская православная церковь – “советская”, которая якобы преклоняет колена перед “сатанинской властью” (митрополит Венский Ириней (Зюзе-милль). Широкой дискуссии по этому поводу не возникло, но в “Обращении Поместного собора Русской православной церкви к чадам, не имеющим канонического общения с матерью-церковью” возобладал первый подход. В нем отмечено, что после предюбилейного послания Синода (21 июня 1987 г.) поступили отклики, что находящиеся за рубежом в разделении с Русской православной церковью православные верующие имеют желание вступить в диалог. “Мы, – констатирует Обращение, – приветствуем это и надеемся, что такой диалог милостью Божией мог бы

привести нас к столь желаемому восстановлению церковного общения, помог бы разрушить разъединяющие ныне нас преграды”. На торжествах присутствовала группа мирян – приверженцев Русской церкви за рубежом (приглашенный глава этой церкви митрополит Виталий сам не приехал в Москву и запретил выезд клирикам). Встречи с ними представителей светских и церковных кругов нашей страны действительно подтвердили их стремление, независимо от политической ориентации лидеров церкви и их амбиций, идти на общение. Это же стремление выразила участница юбилейных торжеств Вера Робертовна фон Вирен-Горчинская, профессор Нью-Йоркского университета. Она – представитель поколения, чьи родители не приняли Октябрьскую революцию, участвовали в белом движении и затем покинули родину, – ведет в Америке большую общественную работу по сохранению русского наследия: языка, обычаев, традиций, памятников культуры. Вот только краткий перечень того, что она сделала за весну 1988 г. в университете, где преподает русское страноведение: организовала “круглый стол” с участием советских дипломатов на тему:

“Восточноевропейский подход к гласности”, студенческую дискуссию о перестройке и гласности в нашей стране, пушкинские дни, лекцию “Русская православная церковь при Горбачеве”, Будучи в издательском отделе Московской патриархии, она сказала: “Я всегда считала и считаю, что должна быть одна неделимая православная церковь, не должно быть разделения на зарубежную и ортодоксальную, пора перешагнуть через предубеждения и недопонимание в отношении друг друга и сотрудничать вместе на пользу христиан, ради мира и прогресса”.

Говоря об отношениях с Римско-католической церковью, митрополит Минский и Белорусский Филарет констатировал, что в XIII в. “впервые православная церковь *практически* столкнулась с претензиями Римского престола на формальное право *первенства* (подчеркнуто докладчиком) во вселенской церкви, основываемое на преемстве апостола Петра”. В качестве примера он приводит введение в прошлом унии среди православного населения, которая была названа Брестской (1596 г.). Она расколола православную

церковь и породила многовековую борьбу православного украинского и белорусского народов за восстановление единства с Русской православной церковью. Очень четкое отношение к такому “союзу” между католичеством и православием выразил в своем докладе и митрополит Киевский и Галицкий Филарет: “Православная церковь отвергает также унию как путь к достижению христианского единства”. Резко отрицательную оценку, как уже говорилось, дал унии гость собора митрополит Варшавский и всея Польши Василий. По мнению представителей Русской православной церкви, диалог с Римско-католической церковью нужно продолжать и стремиться к тому, чтобы он становился все более интенсивным и плодотворным. Однако тот же митрополит Минский и Белорусский Филарет с сожалением отмечает, что стремление Рима возродить Брестскую унию (упразднена она была на соборе во Львове в 1946 г.) “представляет собой серьезное препятствие для успешного развития отношений с Римской церковью”. Участвуя в юбилейных торжествах в Москве и Ленинграде, представители папы римского – кардинал А. Казорони, И. Виллибрандс, К. М. Мартини – в своих выступлениях очень настаивали на развитии диалога с Русской православной церковью вообще и по униатской проблеме в частности.

В условиях демократизации и гласности стало бессмысленным скрывать или замалчивать тот факт, что в западных областях Украины имеются приверженцы униатства. В открытой печати констатировалось, что, к примеру, во Львовской области живут и работают более 300 бывших священников и монахов, часть которых пытается возродить униатскую церковь. Русская православная церковь, не отказываясь от диалога с Римско-католической церковью, тем не менее, по-прежнему отвергает унию.

В документе, принятом на архиерейском соборе (30–31 января 1990 г.), подчеркивается, что украинские католики восточного обряда имеют равные с другими религиозными объединениями в нашей стране права на удовлетворение своих духовных потребностей, но реализация их не должна происходить за счет ущемления прав других религиозных организаций (см. Известия. 1990. 3 февраля).

На соборе и многих других торжественных юбилейных актах прозвучала озабоченность церковей насущными проблемами современности. Члены собора приветствовали программу перестройки, ибо она, по их мнению, предполагает не только социально-экономическое совершенствование общества, но и его нравственное обновление, его очищение и гуманизацию. Члены собора от лица Русской православной церкви в обращении к М. С. Горбачеву (9 июня 1988 г.) писали: “Мы проникнуты глубокой заботой о грядущем облике нашей Родины и считаем своим долгом участвовать в его формировании на основе наших христианских убеждений, через утверждение в личной и общественной жизни высоких нравственных идеалов”. Свою позицию по всем основным проблемам мирового развития, отклик на острые политические вопросы современности собор изложил в специальном заявлении “По насущным проблемам мира”. В нем еще раз подтверждено, что Русская православная церковь, идя по этим вопросам в ногу со временем, вступила в новую фазу развития миротворческой деятельности. А именно в борьбу против реальной угрозы ядерной катастрофы. Уже в период подготовки к собору она выступила с посланием патриарха и Синода “О войне и мире в ядерный век”. Оно содержит главную идею (и ею проникнуто все содержание послания) о том, что ядерное оружие не должно быть применимо ни при каких обстоятельствах, и все доктрины, допускающие его использование, нельзя поддерживать. Послание призывает: земля должна быть очищена от ядерного оружия и недопустимо перенесение его в космос. В заявлении собора с удовлетворением отмечено начало ликвидации ядерных ракет согласно советско-американскому договору и итогам московской встречи на высшем уровне между СССР и США.

Проблемам миротворчества уделено внимание почти во всех докладах, прозвучавших на соборе. Но был и специальный – митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия. Этот доклад, носивший ретроспективный характер, показал значимую роль церкви в борьбе за мир, начиная со времени принятия христианства на Руси. Эту борьбу докладчик непосредственно связал с патриотизмом. Да, указал он, христианство – это всемирная, наднациональная религия, но

прежде всего “христианин отвечает за свою семью, за свой народ, государство...”. Митрополит Алексей особо подчеркнул, что в период тяжелых испытаний для Родины церковь помогала народу изгонять иноземных захватчиков, участвовала в освобождении Отечества. После Великой Отечественной войны новой формой миротворчества стало межрелигиозное сотрудничество внутри страны. Его начало положено в 1952 г. Первой конференцией представителей всех церквей и объединений в СССР, посвященной проблемам защиты мира. Движение, получив свое развитие, вылилось в такие формы, как Совещания глав церквей и представителей религиозных объединений СССР, конференции (1977, 1982), “круглые столы”, в которых встречаются религиозные деятели, ученые, обществоведы, военные и журналисты. Участвовала Русская православная церковь и в организации и проведении Московского международного форума “За безъядерный мир, за выживание человечества” (1987 г.).

Большое место миротворческие аспекты занимают в экуменическом движении. Трудно даже назвать какой-либо экуменический форум, где бы они не затрагивались. Вопросы защиты мира обсуждаются на ассамблеях, консультациях, конференциях, заседаниях различных органов Всемирного совета церквей. Последняя, VI ассамблея ВСЦ выступила с призывом “действовать более энергично, с новой силой противостоять угрозам миру и жизни, свидетельствовать о мире и справедливости молитвой и богослужением... разработать более современный подход к программам воспитания в духе мира и справедливости”. Немаловажную роль в подготовке и принятии подобного рода документов играют представители Русской православной церкви как члена ВСЦ. Она участвует в деятельности и таких авторитетных в мире организаций, как Конференция Европейских церквей (КЕЦ), Христианская мирная конференция (ХМК), “Религия и мир” и др. Наконец, миротворческая тематика неизменно включается в повестку дня двусторонних встреч – между представителями православия и других конфессий.

Проблемы борьбы за мир нашли отражение не только в докладах, но и в многочисленных выступлениях членов собора и зарубежных гостей. Они высказали озабоченность

опасностью, которой грозят миру региональные конфликты и локальные войны. Особое внимание участники собора уделили событиям в Афганистане. В упомянутом заявлении выражаются удовлетворение достигнутым соглашением о политическом урегулировании проблемы Афганистана, надежда на его успешное претворение в жизнь. Одновременно высказывается тревога и озабоченность судьбой без вести пропавших и находящихся в плену наших солдат, содержится призыв “ко всем, кто имеет возможность способствовать положительному решению этого вопроса, сделать все от них зависящее”. Русская православная церковь внесла в фонд помощи лицам, пострадавшим в вооруженной борьбе в Афганистане, 200 тыс. рублей. На соборе было объявлено, что почетный его гость патриарх Антиохийский Игнатий IV внес 10 тыс. долларов. В зале заседания собора (в Трапезном храме Троице-Сергиевой лавры) 9 июня была совершена панихида по “воинам на поле брани в Афганистане убиенным”, фрагмент которой транслировался по I программе Центрального телевидения.

В том же заявлении по насущным проблемам современности высказано опасение по поводу хищнического, бездушного отношения к природе, загрязнения воздушных и водных пространств, пагубного воздействия человека на животный и растительный мир. Гарантацией сохранения планеты для будущих поколений может быть только гармоничное, мудрое сочетание деятельности по материальному благоустройству с нравственным совершенствованием личности и общества. Собор назвал недопустимыми такие социальные явления, как голод, нищета, расизм, экономическая и социальная несправедливость, неграмотность, наркомания, алкоголизм. Свою позицию в этом вопросе участники собора обосновывали христианскими принципами. При этом докладчики и выступающие напоминали о том, что нельзя забывать о “мистической и духовной” основе христианства. “Да, социальные и моральные идеалы, служение обществу, осуждение социальной неправды очень важны для церкви, – утверждал, в частности, митрополит Филарет (Денисенко) – Однако христианство не является социальной религией. Оно имеет не социальную и моральную основу, а мистическую и духовную”.

Недопустимо, по мнению участников собора, “забвение здоровой мистической стороны христианства, его обращенности к вечности”. Подчеркивая патриотизм церкви, ее готовность служить обществу и людям, собор настаивал на приоритете веры в бога и достижении “спасения души”. “Социальное, общественное служение – это есть служение Богу в служении конкретному человеку, народу, стране и всему человечеству, – утверждалось в докладе митрополита Алексия. – Таковую форму социального служения, как, например, патриотическое служение, чада Русской православной церкви издавна осознавали в единстве с аскетическими устремлениями к личному совершенству, неразрывно связывали с достижениями личного спасения”.

Таким образом, подготовка Русской православной церкви к 1000-летию крещения Руси, прошедшие юбилейные торжества, поместный собор превратились в крупные церковно-политические акции. Без сомнения, их можно расценивать как аргументы, подтверждающие факт радикальных перемен в сфере государственно-церковных отношений в нашей стране.

Положительный резонанс вызвал юбилей и за рубежом. О Русской православной церкви стали знать неизмеримо больше, и объективная информация о ней на Западе стала превалировать над фальсифицированной. Собор прошел под знаком обнажения проблем, важных для жизни церкви, в атмосфере критики многих ее организационных структур. Он наметил целую программу деятельности церкви на ближайшие годы. Первостепенными, в некоторой степени новыми задачами в современных условиях функционирования религиозного комплекса стали следующие: добиваться расширения прав и укрепления статуса религиозных организаций как элемента общественной жизни Советского государства; расширять влияние церкви на общество и человека; развивать ее служение в области милосердия и церковной благотворительности; повысить уровень религиозного образования в духовных школах и на созданных специальных курсах в епархиях, увеличить число семинарии и количество учащихся в них; укрепить связь клира с мирянами, разработать формы катехизации детей, молодежи и взрослых; укрепить ма-

териальную базу церкви, ее ремонтно-строительные учреждения, расширить их деятельность по реставрации памятников архитектуры, передаваемых в пользование церкви. Наконец, придать новый импульс миротворческой деятельности, а в движении к христианскому единству развивать такую форму взаимоотношений с другими церквями, как диалог.

Таким образом, церковь, оказавшаяся в новых условиях, прежде всего, стремится расширить сферу своего социального служения.

1990 г.

**«ЗАКОН «О СВОБОДЕ ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ»
ЗАМЕТНО УЛУЧШЕН,
НО НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ИМ
ПОКА ОСТАЕТСЯ». [29]**

Незадолго до поездки в США – по приглашению Международной Академии защиты свободы религии и убеждений – специалист–эксперт Администрации Президента РФ, кандидат философских наук Анатолий Николаевич Лещинский посетил редакцию католической газеты “Свет Евангелия” (Москва) и любезно согласился ответить на наши вопросы.

– Анатолий Николаевич, что представляет собою Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте России, сохраняет ли он какую–то преемственность по отношению к существовавшему в советские времена Совету по делам религий и каковы принципиальные отличия между этими двумя органами?

– Представьте себе Советский Союз середины 40–х годов и современную Россию. Поэтому вряд ли стоит говорить о прямой преемственности, однако провести сравнение между созданным летом 1995 г. Советом по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации и Советом по делам религий при Совете Министров СССР можно. И оно будет, конечно, не в пользу Сове-

та по делам религий, так как главное в его деятельности – это контрольно-распорядительные функции, и все его действия находились под непосредственным влиянием ЦК КПСС. Причем не тот контроль, который сейчас почти не существует, – за соблюдением законодательной стороны религиозных объединений, так и государственных структур, а именно и большей частью за деятельностью религиозных объединений. Но сам орган представлял собой очень отлаженную систему, имеющую необходимые внутренние подразделения – в том числе международный и, что очень важно, статистический. Совет имел на местах так называемых уполномоченных, через которых осуществлялась связь с регионами. В начале 90-х годов он был расформирован, как и аналогичный Совет РСФСР. Хотя должен сказать, что перед ликвидацией и в этих структурах начались изменения и дали знать новые подходы к верующим гражданам и их организациям. Да и люди стали приходить другие.

На состоявшейся 18 марта в Свято-Даниловом монастыре встрече со слушателями курсов повышения квалификации специалистов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих связи с религиозными организациями, Патриарх Московский и всея Руси Алексей II заметил, что в Совете были люди, жестко относящиеся к Церкви, но были и те, которые помогали ей. Кстати, на вопрос о создании специального госоргана Патриарх ответил отрицательно, но он против именно такой структуры, какой был Совет по делам религий. Мне по роду моей деятельности близка эта проблема, и я за федеральный орган, но, разумеется, без распорядительных функций по отношению к религиозным объединениям, в котором бы сосредоточивалась информация о религиозной обстановке в стране, необходимые для осуществления государственно-церковных отношений сведения о религиозных объединениях и всех случаях нарушения свободы совести. Чтобы он имел право запрашивать такую информацию для дальнейшей работы с ней, допустим, для правоохранительных органов, сам проводил экспертные заключения и координировал деятельность специалистов по взаимодействию с религиозными объединениями в субъектах Федерации. Подобные госорганы есть во

многих зарубежных странах, а если говорить о республиках бывшего СССР, то их нет в России и Грузии.

Что же касается Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации, то у него функции намного уже. Это, прежде всего консультативный орган при Президенте, имеющий общественный статус. Орган совершенно новый, не имеющий аналогов в истории нашего государства. Совет состоит в большинстве своем из представителей религиозных объединений – тех, которые традиционно присутствовали в России. С другой стороны, в Совет входят представители различных государственных структур, в частности эксперты Администрации Президента РФ. В функции Совета, прежде всего как раз и входит обеспечение взаимодействия Президента с религиозными объединениями. Результаты его работы – это аналитические материалы и доклады, рекомендации по вопросам политики Президента в области взаимоотношений государства и религиозных объединений. Большое внимание Совет уделяет обсуждению проектов нормативных актов, затрагивающих государственно–церковные отношения, изучает проблемы, связанные с поддержанием межконфессионального диалога, достижением взаимной терпимости и уважения в отношениях между представителями различных вероисповеданий; анализирует зарубежное законодательство и практику взаимоотношений между государством и религиозными объединениями, поддерживает контакты с соответствующими структурами иностранных государств. Совет имеет право запрашивать и получать от руководителей структурных подразделений Администрации Президента РФ и центральных аппаратов федеральных органов государственной власти, а также учреждений, организаций и отдельных должностных лиц материалы по вопросам, относящимся к компетенции Совета.

В положении о Совете специально прописан пункт о том, чего не может Совет. Так, он не обладает контрольными или распорядительными функциями по отношению к религиозным объединениям.

– Говоря о формировании Совета, Вы употребили понятие “традиционно присутствующие в России религиозные

объединения”. Не могли бы Вы его уточнить, в том числе и применительно к католицизму?

– На сегодняшний день этот вопрос является весьма проблематичным. По нему спорят религиоведы, юристы, представители конфессий, социологи. Кто-то вообще отвергает деление религий на традиционные и нетрадиционные, а кто-то, наоборот, настаивает на таком делении. Однако, как бы жарко ни спорили по этому поводу, нам от упомянутого деления не уйти. Я сторонник термина “традиционные религии”, но спешу говориться. Мой подход к данной классификации отнюдь не диктуется тем, чтобы возбудить правовую неполноценность в отношении к нетрадиционным религиозным движениям. У меня принцип подхода к религиозным объединениям сугубо научный, историко-хронологический. Отсюда, естественно, и возникает такое деление. Да, кто-то его берет на вооружение в самых разных целях, в том числе и политических (да, и такое бывает), но это уже из другой области. Ведь не может же нести ответственность античный человек, открывший атом, за то, что впоследствии человек уже другой эпохи изобрел атомную бомбу.

Что касается конкретно состава Совета, то в него входят представители Русской Православной Церкви, Русской Старообрядческой Православной Церкви, Поморской Церкви (от старообрядцев-беспоповцев), ислама, буддизма, иудаизма, Римско-Католической Церкви, лютеран, баптистов, адвентистов, пятидесятников. То есть наиболее крупных и известных религиозных объединений, существовавших на территории России начиная с 988 г. и до 1917 г. и подписавших Договор об общественном согласии.

Говоря же о католицизме, тут сомнений в его традиционности и быть не может. Это второе на Руси после православия христианское направление, имеющее свои общины. Причем общины эти появились по истечении века после принятия православия. Исследования показывают: в XI–XII веках католические храмы и духовенство были в Киеве, Переяславле, Полоцке, Смоленске, Ладоге и в других городах. В России католицизм до 1917 г. имело богатейшую историю. К началу XX в. католическое население Российской империи насчитывало свыше 10,5 млн. человек. В общей

сложности действовало более 5 тысяч католических церквей и каплиц, в которых служило около 5 тысяч священников. Из 12 диоцезий самая крупная была Могилевская, простиравшаяся от Балтики до Тихого океана.

Церковь в России также претерпела жесточайшие гонения, и сейчас она восстанавливает свои структуры. Если посмотреть на карту, то мы увидим: возрождаются в основном те общины, которые и прежде существовали.

– Как часто Совет собирается и какие вопросы решает?

– Совет собирается раз в три месяца, но впервые после его официального учреждения (2 августа 1995 г.) это произошло в апреле следующего, 1996 г. С тех пор прошло четыре заседания. В настоящее время Совет содержательно и активно включен в доработку проекта закона “О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О свободе вероисповеданий”, и это был один из главных вопросов повестки дня заседания Совета, состоявшегося в феврале нынешнего года. Обсуждение его было очень заинтересованным, но трудным, даже болезненным. Мнений по проекту много, причем нередко диаметрально противоположных. Одни говорят, что вообще не нужен новый Закон. Другие, наоборот, даже настаивают – в связи с необходимостью принятия серьезных поправок – на соответствующих изменениях в Конституции РФ. Но позиция Президента известна – Конституция 1993 г. незыблема. А потому более жизнеспособной представляется третья точка зрения: необходимо доработать принятый в 1990 г. поскольку с той поры в стране произошли серьезные социально–политические перемены. Она и возобладала в итоге на последнем заседании Совета.

Общая оценка была такова: “Закон в проектом варианте дополнений и изменений заметно улучшен, но некоторая неудовлетворенность им остается...”. Но здесь надо сказать о том, что Русская Православная Церковь предлагает включить в преамбулу (не имеющую собственно юридической силы, что весьма принципиально!) слова об особой роли православия как своего рода культуuroобразующей религии в России. Однако это вызывает очень большие разногласия среди членов Совета. В итоге решением последнего заседания Совета было рекомендовано Комитету Государственной

Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций учесть замечания и предложения участников заседания Совета в ходе дальнейшей работы над законопроектом и принять меры для скорейшего завершения подготовки его к рассмотрению в Государственной Думе во втором чтении.

– Анатолий Николаевич, как бы Вы в целом охарактеризовали религиозную ситуацию в России в настоящее время?

– Наверное, кратко так: свобода вероисповеданий в России реально существует, но религиозная обстановка в некоторых регионах неспокойна.

Вопросы задавал Олег Моисеев.

1997 г.

СОТРУДНИЧЕСТВО НЕОБХОДИМО И ВОЗМОЖНО. [25]

В Москве Российский общественно–политический центр провел заседание “круглого стола» по обсуждению проблемы “Перспективы межрелигиозного сотрудничества в контексте современных социальных и духовных процессов в России”. В заседании принял участие заведующий научно–информационным бюро народной Академии культуры и общечеловеческих ценностей, кандидат философских наук Анатолий Лецинский. Наш корреспондент попросил его поделиться своими впечатлениями о прошедшем форуме.

Корр.: Анатолий Николаевич, Вы предложили нашу беседу назвать “Впервые”. Вы имеете в виду, что подобных “круглых столов” не собиралось, или проблема на данном заседании обсуждалась необычная, новая?

– И то, и другое. Начну с того, что в заседании принять участие изъявили представители религиозных организаций, государственных, научных и общественных учреждений. Пожалуй, в таком составе “круглого стола” не было. Причем на нем не было разделения на участников и гостей. Статус на данном совещании имели все одинаковый и все были участ-

никами. Чтобы сразу ввести Вас в его атмосферу, скажу, кто выступал: священник Вячеслав Полосин – председатель Комитета по свободе совести, вероисповеданию, милосердию и благотворительности; архиепископ Солнечногорский Сергей (Фомин) – председатель отдела Московской Патриархии по церковной благотворительности и социальному служению; протопресвитер Виталий Боровой; председатель Союза церквей евангельских христиан–баптистов Российской Федерации В. Е. Логвиненко; президент Союза церкви адвентистов седьмого дня М. М. Мурга; архиепископ Тадеуш Кондрусевич – апостольский администратор католиков Европейской части России; заместитель имама-хатыба Московской мечети Фахреддин Хасанов; лама Э. Т. Цибинжапов; заместитель председателя Совета еврейских религиозных общин А. Я. Рубинович и президент Центра общества сознания Кришны в России” Сучарудас (С. В. Зуев).

Выступили представители христианских партий, министерств и научных учреждений. Они вели очень заинтересованный разговор о проблемах межконфессиональных (межцерковных) и государственно–церковных отношений.

И раньше такие вопросы обсуждали. Но чаще всего позорнь. Представители религиозных организаций вели сугубо официальные переговоры в основном по одной проблеме, которую государственные власти им разрешали обсуждать – проблеме миротворчества, причем в международном масштабе.

Встречи проходили и на территории Троице–Сергиевой Лавры. Одна из последних встреч прошла еще при Патриархе Пимене в Московской Духовной Академии, по предложению Патриарха Грузинской церкви Илии II. На встречи приглашались в качестве гостей представители государственных учреждений. Отдельно собирались ученые, которые чаще всего обсуждали вопрос о том, какие процессы происходят в религии, и неизменно приходили к выводу, об ее отмирании, а приглашение на такие обсуждения представителей церкви было нереальным.

Но вот, особенно после 1988 года, обстановка изменилась. Государство от конфронтации с религией перешло к диалогу, а ныне и к Сотрудничеству.

Корр.: А что касается поставленной на “круглом столе” проблемы?...

– И 15–20 лет назад проблем было много, но ныне их стало неизмеримо больше. Какое напрашивается сравнение? Тогда при всех трудностях, к примеру, в отношениях государства и церкви, было много ясности.

Существовала очень четкая политика отношения государства к религии. Она характеризовалась стремлением преодолеть религию как “пережиток прошлого”, освободиться от нее как от “ненужного груза”, так как общество якобы подходило к порогу, переступив через который, окажется в коммунизме. Такая политика накладывала свой отпечаток и на межконфессиональные отношения – они были сужены и контролировались.

Корр.: Что же изменилось в настоящее время?

– Изменения кардинальные. Вначале союзное, а затем российское правительства приняли новые Законы “О свободе совести” и “О свободе вероисповеданий”. Ими сняты почти все запреты в области государственно–церковных и межконфессиональных отношений. Религиозные организации приравнены ко всем остальным общественным организациям.

Правда, упомянутые законы оказались несовершенными. На заседании “круглого стола” участники отметили, что четкой государственной политики в отношении решения конкретных частных проблем, таких как религия и школа, армия и религия, передача церкви имущества, в прошлом отобранного у нее советскими властями, нет.

Корр.: Не могли бы Вы, Анатолий Николаевич, остановиться на некоторых выступлениях, прозвучавших на заседании “Круглого стола”?

– С призыва к сотрудничеству и начал свое выступление советник Президента России С. К. Станкевич. Он обратился к представителям церквей, сосредоточив их внимание на диаконии (социальном служении). Как никогда, сейчас необходима помощь людям, которые нуждаются во врачевании, причем не столько скальпелем, сколько духовном. А опытом такого воздействия на людей каждая религия обладает очень богатым. Еще в недалеком прошлом деятельность священно-

служителей ограничивалась лишь стенами храма, молитвенного дома. Ныне ограничения сняты. Им, к примеру, предоставлены возможности вести духовное попечение в исправительно-трудовых заведениях, где их слово будет решающим в перерождении заключенных.

– Россию, – заметил далее Станкевич, – не обошли межнациональные конфликты. И в них настораживает то, что некоторые силы пытаются придать конфликтам религиозный характер. Таким действиям политиков важно вовремя поставить заслон. Но, с другой стороны, религиозные деятели могут внести умиротворение в конфликты. Правда, не сбрасывается со счетов воздействие государства, которое должно находить формы и методы регулирования межнациональных отношений.

Демократизация дала свободу всем религиозным объединениям, поэтому возникло много нетрадиционных формирований, не связанных в прошлом с культурными и религиозными традициями нашего общества. Традиционными религиями они воспринимаются негативно.

Позицию относительно разговоров о том, что Русская Православная Церковь, якобы, желает стать господствующей Церковью и с неприязнью относится к зарубежным инославным и иноверным проповедникам, выразил протопресвитер Виталий Боровой. Он прямо заявил, что Русская Православная Церковь не желает и не будет государственной. Хотя ранее она и была господствующей, но и она находилась в дискриминационном положении. Сейчас у нее равное положение со всеми религиями, другое дело – ее авторитет, о котором говорил и священник Вячеслав Полосин.

Протопресвитер Виталий обратился к примеру США. Там же, не все христиане, но президент присягает на Библии. Так же и во Франции – премьер-министр возлагает шапочку на кардинала. Так что могут существовать традиции, и они не противоречат объявленным свободам. На Западе, отметил о. Виталий, сейчас много говорят о том, что Русская Православная Церковь возражает против миссионерской деятельности иных религиозных формирований. Однако дело не в возражениях и каких-то противодействиях. Коль объявлена свобода свидетельства, то вряд ли против нее есть смысл

возражать. Церковь осуждает организованный прозелитизм (стремление завоевать возможно большее количество верующих).

Полковник Б. М. Лукичев из министерства обороны отметил, что в армии значительно возрастает роль религий. Из опрошенных об их мировоззренческих ориентирах 25 процентов указали, что они верующие, 35 процентов не решили, как им относиться к религии, а 10 процентов назвали себя атеистами. И есть проблемы в армии, имеющие конфессиональный характер. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в одном из своих выступлений высказался за необходимость введения системы пастырской службы в армии. Обсуждается вопрос о возрождении капелланства (корпуса военных священников).

На заседании “круглого стола” Обсуждался вопрос и об органе по делам религий. В России он был ликвидирован. Но сейчас во многих бывших республиках Союза где-то оставили Советы по делам религий (Украина), где-то их объединили с другими министерствами (Молдова). Есть учреждения, например, в Узбекистане Комитет по делам религий при Кабинете Министров, которые занимаются установлением тесного взаимодействия и сотрудничества государственных органов с религиозными организациями. Есть он и в Москве при мэрии.

В заключительном выступлении о. Вячеслав (Полосин) высказался за учреждение совещательного органа при Президенте, который бы готовил документы, входил бы в связь с конфессиями, но не обладал бы функциями распорядительными.

Он сообщил, что в России есть намерения обратиться в Верховный Совет с просьбой, чтобы он рассмотрел бюджет на восстановление культовых зданий, о запрещении по телевидению пропаганды секса, ограничении рекламы табачных и винно-водочных изделий, об организации программы “Религия и семья”, а также по поводу введения в армии института военного духовенства, так как на правовом уровне этот вопрос не решен.

Наконец, на заседании “круглого стола” обращалось внимание участников на то, что в годы после октября 1917

года вошло в традицию очень широко толковать формулировку об отделении церкви от государства, вошедшую в закон. Она пришла с Запада и понималась лишь как невмешательство церкви в политические дела государства. В других же делах государства, вне сомнения, церковь может участвовать. И здесь очень большая польза будет от сотрудничества конфессий между собой и между государственными и общественными учреждениями.

Корр.: Каковы же могут быть формы сотрудничества?

– Они могут быть самыми разнообразными. К примеру, соглашение о сотрудничестве в религиозно-просветительской области недавно подписано между Московской Патриархией и народной Академией культуры и общечеловеческих ценностей. Кстати, вот пример и нового в таком сотрудничестве, когда неправительственная, негосударственная организация участвует в финансировании совместных с религиозными организациями программ.

Подписаны договоры с Московской Патриархией таких министерств России, как здравоохранения, культуры, внутренних дел... Вполне возможно договориться о сотрудничестве между музеями, больницами, исправительно-трудовыми колониями и религиозными организациями. В будущем предполагается подготовка и подписание договоров между государством и отдельными конфессиями. И это не будет противоречить Конституции.

В завершение нашей беседы мне вспомнилась русская народная мудрость, имеющая общечеловеческую ценность – “Дружно не грузно”

1993 г.

ПЕРЕДАЧА РЕЛИКВИИ В ОПТИНУ ПУСТЫНЬ. [20]

Москва, 23 ноября 1988 года, Архив внешней политики России Министерства иностранных дел, где хранятся многочисленные исторические документы, отражающие политические события дореволюционной истории России. Наместника Оптиной пустыни архимандрита Евлогия и представителя госоргана по связям с религиозными организациями. Архимандрит Евлогий прибыл, чтобы принять в возрождающуюся обитель икону “Св. Троица”. Нас встретил директор Архива Владимир Герасимович Филатов.

– Наши работники, – рассказывает директор, – продолжают разбирать и систематизировать дела, которые велись еще в дореволюционное время. Конечно, при этом не исключены находки. Одной из них и оказалась икона с изображением Троицы. Пока трудно установить, какими путями попала она в архив, но некоторые данные о ней есть. Посмотрите на обратную сторону. От руки чернилами короткая запись: “Сия икона Святой Троицы написана на священном древе дуба Мамврийского и освящена на Живоносном Гробе Господнем. Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Леонид. 22 дня июня 1908 года”. Ниже удостоверяет запись красного сургуча печать. В тиснении – изображение православного храма и слова: “Русская Духовная Миссия в Иерусалиме”.

И ныне действует Миссия Русской Православной Церкви в Иерусалиме. А начало ее восходит к 1847 году. В свое время ее начальниками были знаменитые в церковных кругах люди. Среди них архимандрит Леонид (Кавелин). Начал работать в ней в конце 50–х годов XIX века, будучи иеромонахом Оптиной пустыни. При его преемнике архимандрите Антонине (Капустине) Миссия приобрела участок в Хевроне с дубом Мамврийским. Это дерево из дубравы, у которой жили ветхозаветные Авраам и Сарра.

В июне 1903 года начальником Духовной Миссии в Иерусалиме стал архимандрит Леонид (Сенцов). Именно по его указанию часть знаменитого дерева была спилена, так

как от древности местами оно стало болеть и облущиваться. Из отпиленных частей склеивались доски, и на них писались иконы, чаще всего с изображением Троицы. В Иерусалиме они давались именитым паломникам и благотворителям. Одна из таких икон и попала в Архив внешней политики России.

– Мы пришли к мнению, – продолжает Владимир Герасимович, обращаясь наместнику Оптиной пустыни архимандриту Евлогию, – что необходимо икону передать Русской Православной Церкви. Тем более сейчас, в период развития новых отношений государства и Церкви, невозможно задерживать эту реликвию у нас.

– Мне совсем недавно, – говорит архимандрит Евлогий, с благоговением беря в руки икону, – посчастливилось быть в Иерусалиме. Многие места его и окрестности напоминают о присутствии русских. Подходил и поклонялся я сохранившемуся лубу в Хевроне. Дерево большое не обхватить, листва шуршит на нем. Икона же для нас – это такая святыня, что и слов не нахожу.

Итак, сделан еще один гуманный шаг в сторону дальнейшего улучшения взаимоотношений между Церковью и Советским государством. Этому примеру могли бы последовать многие учреждения и люди, находящиеся и живущие как в нашем Отечестве, так и за рубежом. По всему миру рассеяны реликвии Русской Православной Церкви, составляющие историко-культурную сокровищницу. Они так необходимы, когда идет восстановление храмов и монастырей, когда для верующих раскрывается возможность достойно представлять свои убеждения, когда религиозные центры активно включаются в процессы обновления нашего общества.

1989 г.

ЧТО СТОИТ ЗА ПОНЯТИЕМ “ТРАДИЦИОННАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ”: СОДЕРЖАНИЕ И СФЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ. [57]

Понятие “традиционная религиозная организация” стало иметь актуальное значение в период начала формирования нового ныне действующего Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях”. Хронологически это 1993 и последующие годы. Именно тогда происходят большие перемены в нашей религиозной ситуации. Они стали следствием гарантированных вероисповедных свобод. И в настоящее время наша ситуация характеризуется главной чертой – созданием условий для реализации религиозных свобод. Вторая черта – утвердившаяся поликонфессиональность. Ее особенностью является то, что наряду с прежними религиозными организациями сформировались и утвердились, как мы сейчас говорим, новые религиозные движения и организации.

Итак, я назвал два понятия относительно религиозных организаций – прежние и новые. Под прежними подразумеваются традиционные, а под новыми – нетрадиционные. Это деление или классификация муссируется в средствах массовой информации, среди представителей общества и даже среди законодателей и других государственных деятелей, в той или иной мере связанных с решением вопросов государственно–церковных отношений. Деление это заметно и в опубликованных для ознакомления с ними общественности двух проектах Концепции государственно–церковных отношений. Более того, уже есть проекты закона о “традиционных религиях” и отдельной концепции.

Прежде чем перейти к их характеристике, хотелось бы обратить внимание на понятие “религиозная организация” в связи с общим – “религия”. Большинство религий имеют свою организацию в целом и свои более мелкие организационные структуры. Но порой религиозная организация совпадает с религией. В то же время религия может содержать в себе большое количество организаций с разными не подчиняющимися друг другу управленческими структурами, как-

то христианство. Оно имеет направления – конфессии, такие как православие, католицизм, протестантизм. Те в свою очередь распадаются на отдельные церкви. Каждая церковь, например та или иная православная, имеет свои церковные (религиозные) организации. Но она может переживать процесс децентрализации, и от неё могут возникнуть новые религиозные православные структуры, называющие себя также церквами, но не подчиняющиеся матери–церкви. По своей организации они новые, но несущие на себе печать прежней – традиционной. Но, видимо, не о них сейчас идёт речь, а именно о главных, существующих уже длительное время.

В России религиозные организации, считающиеся традиционными – это те, которые, прежде всего, относятся не то, что к православию (Богородичный центр тоже относит себя к нему), а к Русской православной церкви, к исламу, буддизму, иудаизму.

Но речь не идёт собственно о религиях, а о том, что стоит в поставленных для обсуждения “круглого стола” вопросах, а именно, о традиционных религиозных организациях.

И всё же о религиях надо заметить следующее. Ещё с рубежа XVIII–XIX вв. существуют типологии религий. Есть они у Гегеля, Гёте, Фейербаха, у религиоведов Мюллера, Тиле, Зедерблома, а также у современного социолога религии Р. Белла. В этих типологиях можно встретить такие термины, относящиеся к тем или иным типам религий: религия духа, меры, добра или света, духовности, естественная (низшая и высшая), целесообразности, абсолютная, полуэтическая, этическая, теократическая. В типологиях используется и понятие “традиционная”. К примеру, к таким в России относят традиционные верования якутов, тувинцев. Наиболее близка к нам и отвечает современному уровню развития религиоведения типология Р. Белла. Он разработал эволюционную теорию религий, выделив пять основных этапов (по ним называются и типы религий): примитивный, архаический, исторический, раннесовременный и современный.

Все эти типологии говорят об углублённом подходе к изучению процесса развития религии.

Насколько точны определения типов религий трудно судить, но они дают представления о мире религии и религий в

мире, прежде всего о разнообразии форм религии. Вполне применимы такие понятия, в том числе и “традиционная”, именно в религиоведении, в частных разговорах, в сфере культурологических исследований. Скажи якуту–шаманисту, что его религия примитивная – он явно обидится. Но, очевидно, наука без такого определения для характеристики религии обойтись не может.

Менее всего классифицированы по типам религиозные организации. В религиоведении рассматриваются в основном общины, церкви, секты, деноминации. Если религия представляется как нечто устойчивое, длительно существующее, как именно традиционное, то религиозная организация подвержена более частым изменениям, чем сама религия. Отсюда вряд ли правомерно употреблять вообще понятие “традиционная религиозная организация”. Кстати, присутствующие здесь протестанты подтвердят неприемлемость для них не только понятия традиционности, а даже приемлемость для многих протестантских форм термина “организация”.

Крупный протестантский теолог К. Барт признаёт только такую структуру, как община. Традиционна или нетрадиционна протестантская община? По тому, какое учение исповедуют её члены – учение Иисуса Христа – она традиционна. Но она может лишь быть новой – вновь созданной. И вряд ли к ней применимо понятие нетрадиционна (как некое оценочное понятие с частицей “не”, т. е. с отрицательной).

В настоящее время у нас действует Закон РФ “О свободе совести и о религиозных объединениях”. Юридически вполне оправдано включение в него двух понятий: “центральная религиозная организация” и “местная религиозная организация”. Они не несут на себе никакого оценочного груза.

Введение же понятия “традиционная религиозная организация” в законодательный документ создаст прецедент разделения религиозных организаций в России по оценочному принципу. И это умалит значение принципа равенства всех религиозных организаций перед законом.

Так что может быть немало аргументов против включения в законодательство о свободе совести понятия “традиционная религиозная организация”.

Но мне еще хотелось бы остановиться немного на герменевтическом аспекте обсуждаемого вопроса. Здесь некоторые выступающие не могли сдержать эмоций во время своих выступлений, эмоций отрицательных. Всегда будем помнить завет Б. Спинозы: “надо не плакать и не смеяться, но понимать”. Надо понимать, почему появилось стремление включить в закон, понятие “традиционная религиозная организация”. В стране постепенно подрубаются корни русского менталитета, одной из духовных основ которого является христианство, но в его православном направлении. Его знаковой структурой всегда была Русская православная церковь.

В 1990 г. Закон РСФСР “О свободе вероисповеданий” действительно отделил религиозные объединения от государства. Свобода стала гарантированной. Это был поистине революционный шаг. До этого действительной отделенности не могло быть и речи. Создались новые условия в сфере свободы совести и государственно–церковных отношений. Ни общество, ни государство, ни, особенно, Русская православная церковь не были готовы к такой ситуации. Очевидно, что некоторые законодатели стремятся вернуться в XX век и подправить закон, внести в него дополнения. А возможно, самую “традиционную религиозную организацию” узаконить в этом качестве как официально признанную. Но тогда получается, что надо полностью менять закон о свободе совести и даже некоторые статьи Конституции.

2002 г.

**ПРЕДМЕТ “АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО ДИАЛОГА”
МАГИСТРАТУРЫ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОГО
И ТЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
(ХРИСТИАНСКОГО И ИСЛАМСКОГО
НАПРАВЛЕНИЙ)”. [117]**

Дисциплина “Актуальные проблемы межрелигиозного диалога” совсем недавно введена в учебный стандарт вузовского образования и еще находится в стадии разработки. В должном объеме не существует учебной литературы. Постараюсь изложить некоторые причины такого состояния нового предмета. Отмечу имена зарубежных и отечественных ученых, а также татарских исламских богословов, внесших вклад в изучение становления и развития межрелигиозного диалога. Коснусь и некоторых вопросов разработки нашей кафедрой самой дисциплины – ее структуры и содержания.

Итак, ни в дореволюционной России, ни тем более в советский период такая дисциплина не могла появиться. До революции в пределах Российской империи существовал, если так можно выразиться, конфессиональный табель о рангах: первенствующая церковь, терпимые религии и нетерпимые. Только Российская православная греко-кафолическая церковь в качестве первенствующей и господствующей имела право убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев в истинности православия, а также склонять их к принятию ее учения о вере. Духовным же и светским лицам прочих христианских исповеданий и иноверцам строжайше запрещалось воздействовать на убеждения тех, кто не принадлежал к их религии. В противном случае они подвергались взысканиям, определенным уголовным законом. Случаи ведения межрелигиозных диалогов были чрезвычайно редки. Только православной церкви при содействии государственной власти была предоставлена возможность активно вести миссионерскую работу.

На невозможность ведения в Российской империи межрелигиозного диалога указывал татарский мыслитель, исламский богослов Ш. Марджани (1818-1889). По его убеждению,

пока в стране не существует межконфессионального равноправия не может быть нормального взаимодействия между религиями, включая и диалог между ними. Говоря конкретно об исламе, он обращал внимание гражданской власти и представителей господствующей церкви на то, что “ислам должен перестать считаться иноверием, а должен иметь такой же статус, как у Православной Церкви, и мусульманское духовенство – обладать теми же правами, что Российская православная церковь...” [9, с. 79].

Марджани как один из представителей реформирования государственно-религиозных отношений отстаивал необходимость постоянного диалога с российским государством.

Воззрения Марджани на решение этих проблем получили дальнейшее развитие в трудах другого татарского богослова и общественного деятеля М. Бигиева (1873-1949). Большой резонанс в среде представителей религий и государственных органов России имела его “Азбука ислама”, составленная в 1920 г. в противовес изданной за несколько месяцев до этого “Азбуке коммунизма” Н. И. Бухариным и Е. А. Преображенским [4]. В Главе XI авторы книги выразили большевистское отношение к религии и церкви. Ключевое понятие главы звучит как призыв: “борьба с религиозными предрассудками”. Не подразумевалось никакого содействия межрелигиозному диалогу и диалогу между представителями государственной власти и религиозных объединений.

У Бигиева в “Азбуке ислама”, напротив, ключевые слова – свобода религии, свобода совести, всестороннее уважение каждой религии.

В 12 пункте он отмечает: “Любые действия, которые могут нанести вред достоинству и святости религии, несомненно, должны твердо пресекаться. Сколь бы ни была свободна коммунистическая религия в своей агитации, она не имеет права и не должна осмеливаться нападать и попираť никакие религии”[3]. По его убеждению, только в условиях толерантности, веротерпимости, религиозных свобод может вестись межрелигиозный диалог и диалог между представителями религий и светской власти. Однако идеи богослова о развитии межрелигиозного диалога стали воплощаться в России лишь через несколько десятилетий.

В советское время межрелигиозным взаимодействием и диалогом руководил партийно-государственный аппарат, то есть гражданские властные структуры. Они допускали проведение межрелигиозных конференций преимущественно миротворческих и разрешали межконфессиональные собеседования, допуская выезд на них представителям религий за рубеж. Именно там проводились межконфессиональные диалоги.

Таким образом, социально-политическая обстановка, подконтрольная религиозная ситуация не способствовали ни развитию межрелигиозного диалога, ни его изучению. Некоторые выдающиеся отечественные ученые исследовали общие проблемы диалога: М. М. Бахтин [1], А. Ф. Лосев [6], Ю. М. Лотман [7]. Их труды отличаются преимущественно теоретической направленностью изучения философии и культуры диалога, то есть имеют и в настоящее время методологическое, актуальное значение.

Тема же самого межрелигиозного диалога за рубежом на Западе и Ближнем Востоке уже давно стала популярной среди философов, теологов и религиоведов. У истоков развития межрелигиозного диалога стояли мыслители: аль Фараби (872-951), Пьер Абеляр (1079-1142), Николай Кузанский (1401-1464) и Пико делла Мирандола (1463-1494). В XX веке немецко-американский теолог и религиовед Пауль Тиллих (1886-1965) опубликовал замечательную по своей глубине работу “Христианство и встреча мировых религий” (1962 г.) [8]. В ней анализируется история межрелигиозного диалога и, что чрезвычайно важно, формулируются его принципы.

У нас в Отечестве только с перестройкой, то есть с середины 80-х гг. XX века тема становится популярной и активно разрабатывается. И прежде всего потому, что были разорваны препоны сдерживающие межрелигиозное взаимодействие.

В те годы автору настоящей публикации довелось быть в гуще перестроечных событий. Именно тогда активно и систематически начинается диалог между представителями религий и различных сфер общества. Одной из вех в таких взаимоотношениях можно назвать диалог в формате заседания “круглого стола”, организованного в Москве весной 1993 г.

Российским общественно-политическим центром. Обсуждаемая проблема звучала так:

“Перспективы межрелигиозного сотрудничества в контексте современных социальных и духовных процессов в России”. Впервые за всю российскую историю, в диалоге участвовали представители православия, католицизма, армяно-григорианской церкви, баптизма, адвентизма, ислама, буддизма, иудаизма, кришнаизма. Приняли участие и представители государственных учреждений – гражданских и военных, науки и общественных структур. Причем не было гостей – все присутствовавшие имели статус участников [5]. В российском социуме такие встречи стали обыденными. Создаются и постоянно действующие межрелигиозные советы.

Естественно, уже в новых условиях с начавшейся практикой межрелигиозных диалогов во множестве стали появляться обобщающие публикации культурологические, религиоведческие, также и теологические. Правда, монографий мало, но много статей в сборниках материалов научно-практических конференций и много имен. Среди них можно выделить публикации И. В. Бестужева-Лады, А. В. Журавского, И. Я. Кантерова, А. В. Нуруллаева, С. С. Хоружего, В. К. Шохина и др. [2]. В публикуемых материалах уделяется внимание налаживанию диалога между российскими мусульманами с представителями других религиозных направлений.

И к началу второго десятилетия XXI в. подошло время введения в вузовские программы новой дисциплины “Актуальные проблемы межрелигиозного диалога”.

К настоящему времени на нашей кафедре уже разработана программа курса, рассчитанная на преподавание магистрантам религиоведческого и теологического направлений.

Главная цель учебной дисциплины гуманитарного образования – дать ту сумму и глубину знаний о диалоге религий, в той форме и объёме, которые позволили бы продолжить формирование у обучаемого адекватный образ религии и объективное отношение к диалогу. Среди многих задач курса можно выделить:

во-первых, определить теоретико-методологические основы изучения межрелигиозного взаимодействия и диалога в нем;

во-вторых, рассмотреть организационные особенности подготовки и проведения диалога, чтобы выпускники могли не только участвовать в диалогах, но и готовить их.

В результате освоения магистрантами изучаемой дисциплины формируются, наряду с общекультурными и соответствующие сугубо профессиональные компетенции. В практической же деятельности – умение использовать возможности межрелигиозного диалога для урегулирования конфликтов.

В структуру предмета входят Введение и четыре Раздела, включающие 32 темы.

Во Введении определяются место и значение предмета в комплексе вузовских дисциплин, рассматриваются социокультурные социально-политические предпосылки межрелигиозного диалога, представлена историческая ретроспектива – от религиозных войн и конфликтов к межрелигиозным диалогам.

Первый раздел посвящен теоретико-методологическим основам и методике изучения предмета, дается историографический обзор объекта изучения, характеризуется понятийно-категориальный аппарат дисциплины, включая разновидности (типы) межрелигиозного диалога, формулируются его принципы, и первый из них – толерантность.

Во Втором разделе анализируются процессы межрелигиозного диалога в изменяющейся религиозной ситуации.

В Третьем, наиболее обширном разделе, диалог изучается в контексте взаимоотношений представителей различных религий и конфессий, имея ввиду и новые религиозные движения.

Четвертый раздел посвящен организационным вопросам межрелигиозного диалога. Анализируются трудности, которые приходится преодолевать участникам диалога в ходе его подготовки и проведения. Уделяется большое внимание изучению мирового опыта проведения межрелигиозных диалогов: в Ассизи, общине Тезз и Астане.

Наконец, уделяется внимание и региональному аспекту, а именно, особенностям диалога в Российской Федерации. Придается большое значение изучению изменяющейся религиозной ситуации и взаимоотношениям между религиозными объединениями особенно представителями православия и ислама в Республике Татарстан.

Выводы. Предмет “Актуальные проблемы межрелигиозного диалога” всем своим содержанием отвечает на главный вопрос: Как достигается взаимопонимание и согласие между представителями различных духовных традиций. Межрелигиозный диалог в такой многоконфессиональной стране как Россия необходим, а в условиях свободомыслия и современной социально-политической обстановке возможен.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979;
2. Бестужев-Лада И. В. Диалог между религиями: Возможен ли? Нужен ли? //Вопросы философии. 2002. №4; Журавский А. В. Христианство и ислам. Социальные проблемы диалога. – М., 1990; его же: Журавский А. В. Межрелигиозный диалог: путь к розни или путь к общению// Очерки христиано-мусульманских отношений. Хрестоматия для теологического, религиоведческого и других гуманитарных направлений и специальностей высших учебных заведений. – М., 2015;
3. Кантеров И. Я. Новые религиозные движения в России (религиоведческий анализ). – М., 2006; Нетрадиционные религии в России и их роль в межконфессиональном диалоге (историко-правовой аспект) / Я. В. Безносова, В. Б. Романовская, Л. Р. Романовская и др. // Евразийский юридический журнал, 2014, № 10. – С. 95-98; Нуруллаев А. А. Межконфессиональный диалог как фактор гуманизации межрелигиозных и межнациональных отношений//[Электронный ресурс] URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=106980> (дата обращения 01.08.16); его же: Проблемы диалога религий в эпоху глобализации // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2001, №3. – С. 28-35; Федоров В. Межконфессиональный диалог и проблемы толерантности // Религия и гражданское общество: пробле-

ма толерантности. Материалы Круглого стола (16 ноября 2002). – СПб., 2003;

4. Хоружий С. С. Диалог религий: исторический опыт и принципиальные основания. [Электронный ресурс]. URL: <http://refdb.ru/look/1030602.html> (дата обращения 25.11.2017); Шохин В. К. “Диалог религий”: виртуальное понятие и реальное значение. [Электронный ресурс] URL: <http://www.netda.ru/belka/nauka/+filosof.htm> (дата обращения 15.03.17);

5. Бигиев М. Азбука ислама. Общие положения // [Электронный ресурс]. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/10/bigiev.htm (дата обращения 24.04.18);

6. Бухарин Н. И. и Преображенский Е. А. Азбука коммунизма. – М., Издательский дом: Терра, 1994;

7. Лецинский А. Н. Сотрудничество возможно и необходимо. / Лецинский А. Н. Православие: о его единстве и отношениях с государством. Религиоведческие исследования и очерки. – Германия, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. – С. 620-627;

8. Лосев А. Ф. Форма – стиль – выражение. – М., 1995;

9. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. – М., 1996;

10. Тиллих П. Избранное. Теология культуры. – М., 1995;

11. Цит. по: Юзеев А. Татарские интеллектуалы: исторические портреты. – Казань, 2005.

2020 г.

СМЕНА ВЕХ ВЕРОИСПОВЕДНОЙ ПОЛИТИКИ. [120]

В XX веке в России произошло несколько кардинальных перемен в государственно-церковных отношениях и соответственно в результате создавались новые органы взаимодействия государства с религиозными организациями. Первая перемена происходила с марта 1917 года до начала 1918 года; вторая – в советское время; третья – в конце перестроечного периода.

КАК СИНОД ЛИШИЛСЯ ИМПЕРАТОРСКОГО КРЕСЛА

Первая перемена начинается с упразднения действовавшего в течение 200 лет Святейшего правительствующего синода. Этому уникальному в своем роде учреждению в Своде законов Российской империи давалось следующее определение: “Святейший всероссийский правительствующий синод – есть соборное, обладающее в Русской православной церкви всеми видами высшей власти и состоящее в сношениях с заграничными православными Церквями правительство, через которое действует в церковном управлении верховная самодержавная власть, его учредившая”. В приведенном определении законодательное положение о верховной самодержавной власти указывает на то, что гражданская власть через Синод управляет Церковью.

Византийская симфония паритета двух властей – священства и царства – в синодальный период трансформировалась в цезарепапизм. Таким термином обозначают отношения Церкви и государства, при которых устанавливается примат светской власти над духовной. Между тем еще в патриаршее время, то есть перед реформой Петра I, отдельно существовали власти – церковная и царская. К примеру, в 20-30-е годы XVII века в сфере церковного управления и суда патриарх был независимым и никем не стесненным. У патриарха был свой двор, свои бояре, окольничьи, стольники, стряпчие, дворяне, дети боярские, которым поручались патриархом разные дела по управлению. Действовали разряды и приказы. Патриарх вместе с высшим духовенством призывался на земские соборы и в царскую Думу. Патриарх Филарет даже имел официальный титул, как и светский правитель, – “великий государь”. Однако начиная с Алексея Михайловича и принятого при нем Уложения 1649 года стала значительно принижаться патриаршая власть и иерархия в государстве. Некоторые функции по управлению Церковью были возложены на государственно-церковный орган – Монастырский приказ. А согласно “Духовному регламенту” 1721 года стал действовать Святейший синод.

Громоздкая административная система Синода разделялась на две части, что было его важной особенностью. В первую входило небольшое число членов Синода (до 11), преимущественно священно-церковнослужители со своей канцелярией. Во вторую – государственные чиновники. Среди них главным был обер-прокурор – “око государево”, руководивший, по существу, всеми делами Синода и подчинявшийся только императору. Также имел свою канцелярию. Он не входил в состав членов Синода и не был его председателем, но без его ведома никакие дела не решались в Синоде. Отсюда происходила длительная борьба между синодалами (преимущественно митрополитами) и обер-прокурором. Чаще всего побеждал последний.

Протопресвитер военного духовенства Георгий Шавельский, бывший присутствующим членом Синода, отмечал, что Синод страдал непомерной централизацией. Были дела, которые действительно должен утверждать Синод, но и много дел, которые могли бы решаться на епархиальных уровнях. По образному выражению Шавельского, синодская мельница молола и зерно, и шелуху, “шелухой занималась, пожалуй, больше, чем зерном”. В то же время такие подразделения Синода, как консистория (действовали при всех епархиальных управлениях) была “финансово-контрольно-полицейско-административным и менее всего пастырским учреждением”.

Наконец, Шавельский указывает на то, к чему может привести и действительно привела беспрестанная и неумеренная опека Церкви со стороны государства. Благодаря ей Русская церковь в предреволюционный период жила слишком безмятежной жизнью, в атмосфере безопасности, спокойствия, внешнего благополучия. Ее враги считались врагами государства, которое с ними и боролось. По словам протопресвитера, “замирала церковная жизнь, требующая воодушевления, горения духа, устремления вперед”.

Уже в эпоху реформ Александра II начали появляться критические воззрения на утвердившиеся ненормальные государственно-церковные отношения. Ректор Казанской духовной академии, будущий епископ Смоленский Иоанн (Сokolov), в 1864 году в журнале “Христианское чтение” опубли-

ликовал серию статей под общим названием “Свобода совести”. В них, исходя из исторического и современного опыта взаимоотношений Церкви и государства, он высказывает мысли о том, что гражданская власть может входить в Церковь не далее наружных дверей, но в духовные дела Церковь не допускает даже царя. Усугубляя прежнюю оценку, выдающийся канонист подчеркивает, что сила государства была самой враждебной для Церкви.

Синод с 1835 года располагался в центре Санкт-Петербурга, в здании Правительствующего сената. В зале заседаний стоял длинный стол, который имел название “присутствующий”. За ним располагались члены Синода (обер-прокурор сидел за особым столом). Около одной из узких сторон большого стола находилась, пожалуй, самая значительная из мебели вещь – тронное императорское кресло, имевшее скорее символическое значение. С тех пор как его установили, никто из императоров не восседал на нем. Однако кресло напоминало о том, в чьем подчинении находился Синод. К тому же за креслом на стене висел портрет правящего императора. На столе около аналая, с которого выступали докладчики, всегда находились атрибуты религиозного и государственно-церковного значения: крест, Евангелие, подлинный “Духовный регламент” Петра Великого, перед аналоем – Библия. По оценкам современников, меблировка и все убранство присутственной залы были величественными и не могли не вызывать чувство благоговения.

И вот наступили февральско-апрельские дни 1917 года. Новым обер-прокурором Временным революционным правительством был назначен член Государственной думы Владимир Львов. Современники отмечали, что Львов в Думе часто возмущался всевластием обер-прокуроров в Синоде, однако, назначенный на эту должность, он своим деспотизмом затмил всех своих предшественников.

Шавельский рассказывает, что на одном из первых после революции заседаний (до этого Синод принял самое активное участие в низвержении царя и прекратил в богослужениях поминать его имя, но определил молиться за благоверное Временное правительство) собравшиеся члены Синода заняли свои места, вдруг с шумом открылись входные двери, и в

синодальную залу ввалилась (как потом выяснилось, по приказанию Львова) огромная толпа синодальных чиновников и служителей. Члены Синода с удивлением смотрели на это скопище. А обер-прокурор, выпрямившись во весь свой огромный рост, наполеоновски протянутой рукой указывая на царское кресло, крикнул: “Убрать его!” Три-четыре служителя бросились убирать кресло, но оторвать его от пола не смогли – так прочно оно было прикреплено. Когда усилия оторвать кресло не привели ни к чему, обер-прокурор сделал новый жест: “Разойтись!” Толпа удалилась. Только после заседания кресло открепили от пола и вынесли. Кто-то из присутствующих предложил его поместить в музей.

Особенно неожиданным стало то, что произошло 17 апреля. Все члены Синода явились на заседание и заняли свои места. Вдруг, как и раньше, входные двери с шумом раскрылись, и масса синодских чиновников и служителей заполнила синодальную залу. Поднявшийся со своего кресла обер-прокурор крикнул: “Прошу встать!” Все члены Синода поднялись. Обер-прокурор, взяв со стола бумагу, начал, отчеканивая каждое слово, читать указ Временного правительства о роспуске Синода. Когда кончилось чтение, толпа шумно начала покидать зал, а за нею покинули зал и члены Синода.

Так закончилась история Всероссийского святейшего синода царского периода.

После того как в августе 1917 года начал работать церковный Собор, Синод в реорганизованном виде вошел в состав нового государственного органа – Министерства исповеданий. Последним обер-прокурором Синода был Антон Карташев, но он же стал министром исповеданий. В новый государственно-церковный орган вошли и подразделения из Министерств внутренних и иностранных дел, осуществлявшие отношения с другими религиозными объединениями. Министерство просуществовало недолго и было ликвидировано с вхождением в силу Декрета об отделении Церкви от государства (23 января 1918 года).

НЕ ЗАХОТЕЛИ ЛЬВОВА – ПОЛУЧИТЕ ДЗЕРЖИНСКОГО

Вторая перемена произошла в советский период. Он характеризуется борьбой нового нарождающегося государства с религией и стремлением к ее искоренению. Несколько десятилетий, особенно в довоенное время, государство не шло с представителями религиозных объединений на диалог и действовало по отношению к ним преимущественно карательными методами. К ним прибегали такие властные органы и отдельные в них структуры, как Наркомюст, ВЧК, ОГПУ, НКВД и позднее – службы госбезопасности.

Историки, изучающие трагические события того времени, нередко цитируют записку Феликса Дзержинского, написанную им в 1920 году и переданную Мартыну Лацису. В ней бисерным почерком председатель ВЧК написал своему соратнику: “Без помощи ВЧК с попами всех мастей нам справиться будет невозможно”. Представители упомянутых органов восприняли идейные установки, поставленные задачи, но действовали они разрозненно, без централизованного управления. С результатами их деятельности сейчас уже можно ознакомиться в открытой печати. Имеются в виду статистические данные, говорящие о числе закрытых и разрушенных культовых зданий, прекращении действия духовных образовательных учреждений, репрессированных, расстрелянных священно- и церковнослужителей Русской православной церкви и служителей других культов.

Религиозные объединения были лишены двух фундаментальных прав – права юридического лица и права на собственность. Руководители государства еще до окончания войны приходят к мнению об утверждении специальных органов, которые бы осуществляли посреднические функции между государством и религиозными организациями. Правда, командно-административные методы по отношению к религиозным объединениям никто не намеревался отменять.

В середине 1940-х годов было положено начало созданию специальных государственно-церковных органов по связям с религиозными организациями. Таким образом,

большевистское правительство, отделив Церковь от государства, решило в 1943 году создать свой орган – Совет по делам Русской православной церкви, а на следующий год – Совет по делам религиозных культов. В 1965 году их объединили в Совет по делам религий (далее – Совет).

При всем сущностном различии относительно Святейшего синода Совет воспринял централизацию, контроль за деятельностью Церкви и вмешательство во внутреннюю ее жизнь, включая перестановку священно- и церковнослужителей. Как орган по осуществлению связей с религиозными объединениями он представлял собой централизованную организацию при Совете министров СССР. Информацию о своей деятельности направлял также в идеологический отдел ЦК КПСС. Центральным аппаратом руководил председатель. В Совет входили: организационно-инспекторский отдел, отделы по делам православных Церквей, мусульманской и буддийской религий, протестантских Церквей, иудейской религии и сект, Римско-католической и Армянской церквей, а также отдел международных связей, отдел по связям с мусульманскими странами, отдел международной информации, отдел статистики и анализа, юридический отдел, первый отдел, общий отдел. Кроме центрального аппарата Совет имел уполномоченных в союзных и автономных республиках, краях и областях, которые подчинялись и Совету, и региональным органам власти. В некоторых республиках были свои Советы. Главная задача, которую должен был выполнять Совет, – это реализация политики партии и правительства в их отношении к религии. Одна из главных его функций – координация процесса регистрации и снятия с регистрации религиозных организаций.

К другим функциям надо отнести контроль за выполнением законодательства о религиозных культах как самими религиозными организациями, так и представителями властных структур и других гражданских обществ, также контроль за финансово-хозяйственной деятельностью религиозных организаций, ведение патриотическо-воспитательной работы среди служителей культа. Совет выходил с предложениями по использованию закрытых культовых зданий и

учету культовых ценностей, относящихся к памятникам искусства.

На Совет было возложено немало контрольно-распорядительных функций. В качестве примера можно назвать проведение цензуры религиозной (включая богослужебную) литературы и установление тиражей.

В годы перестройки Совет начинает действовать на основе новых подходов в отношении верующих граждан и к их организациям. Однако в начале 1990-х годов и этот государственно-церковный орган был упразднен.

НЕ КОМАНДОВАТЬ, А СПОСОБСТВОВАТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ

Наконец, третья перемена – в 1991 году. Согласно новому законодательству о свободе совести, ликвидируются прежние централизованные государственно-церковные органы и в административных подразделениях на разных уровнях от федерального до регионального создаются небольшие по численности сотрудники структуры. Они и осуществляют связи с религиозными объединениями. К примеру, в администрации президента РФ – отдел по связям с религиозными объединениями, в Министерстве обороны – группа по связям с религиозными объединениями, в Татарстане (после действовавшего с 1996 года Совета по делам религий) в 2008 году утверждено Управление по делам религий при кабинете министров РТ.

В деятельность названных структур в сфере государственно-конфессиональных отношений входят, во-первых, обеспечение взаимодействия учреждений государственной власти с религиозными организациями; во-вторых, координация деятельности исполнительных органов гражданской власти в целях реализации действующего законодательства о свободе совести и религиозных объединениях.

Созданы и общественно-государственные совещательные и консультативные органы. В качестве примеров можно назвать Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте РФ, Комиссию по вопросам религии

озных объединений при правительстве РФ, Совет при президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям и др. Получили распространение экспертные советы по проведению религиозоведческих экспертиз. Такой совет действует при Министерстве юстиции РФ. В 2013 году создан Независимый экспертный религиозоведческий совет (НЭРС), состоящий из специалистов по философии религии и религиоведению.

В наше время порой на научно-практических конференциях некоторые выступающие выходят с предложениями о введении на федеральном уровне структуры в сфере отношений государства и религиозных организаций. Можно согласиться с таким предложением, но при условии, чтобы он не имел ни контролирующих, ни распорядительных функций.

Что же касается упомянутого в начале статьи тронного кресла, то, действительно, его место в музее. Более того, надо музеефицировать зал заседаний Святейшего синода и некоторые прилегающие к нему кабинеты. Правда, там уже разместили библиотеку им. Б. Н. Ельцина. Но целесообразнее будет ее перевести в Екатеринбург и сделать частью Ельцин-центра. Там же, где заседал Святейший синод, создать постоянно действующую экспозицию “История отношений государства и Церкви в России”. В Санкт-Петербурге есть еще один объект, относящийся к нашей теме и вполне достойный будущей музейной экспозиции. На Литейном проспекте сохранилась квартира, в которой жил и работал один из выдающихся государственных деятелей и оберпрокуроров Константин Победоносцев (подробнее о его деятельности – в “НГР” от 07.06.17).

2017 г.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ИНСТИТУТОВ В РОССИИ. [110]

В России в XX веке произошло три кардинальных перемены в отношениях гражданско-политических и религиозных институтов.

Каждая перемена происходила в том или ином политическом контексте исторического периода, в котором получала развитие ему соответствующая модель государственно-конфессиональных отношений. В дореволюционное время действовала идентификационная или конфессиональная модель государственной церкви, в советское время сепарационная или отделительная, в постсоветское – формируется кооперационная.

Эволюция взаимодействия религиозных и гражданско-политических институтов в России исследуется на основе метода историзма, системного подхода к изучению социальных явлений, анализа изменяющейся религиозной ситуации и кратологических (светских и теологических) воззрений. Среди гражданских институтов большое значение имели государственные органы. Их смене, в процессе названной эволюции, будет уделено в настоящей статье особое внимание.

Итак, первая перемена происходила с марта 1917 г. до нач. 1918 г.; вторая – в советское время; третья – в конце перестроечного.

Первая перемена начинается с упразднения, действовавшего в течение двухсот лет, Святейшего Правительствующего Синода. Этому уникальному в своем роде учреждению в Своде Законов Российской империи давалось следующее определение: “Святейший Всероссийский Правительствующий Синод – есть соборное, обладающее в русской православной церкви всеми видами высшей власти и состоящее в сношениях с заграничными православными церквями правительство, через которое действует в церковном управлении верховная самодержавная власть, его учредившая”.¹

Следствием утверждающегося монархического абсолютизма стало упразднение патриаршества на основе “Духовного регламента” (1721 г.). Действовавшая византийская симфония паритета двух властей – священства и царства – в синодальный период чрезвычайно трансформировалась в цезарепапизм. Таким термином обозначают отношения Церкви и государства, при которых устанавливается примат светской власти над духовной. Между тем еще в патриаршее время, то есть перед реформой Петра I, отдельно существовали власти – царская и церковная. Вторая имела самостоятельность в управлении своими институциональными структурами. Еще в XVII в. в сфере церковного управления и суда патриарх был независимым и никем не стесненным. У патриарха был свой двор, свои бояре, окольные, стольники, стряпчие, дворяне, дети боярские, которым поручались патриархом разные дела по управлению. Действовали разряды и приказы. Патриарх вместе с высшим духовенством призывался на земские соборы и в царскую Думу. Патриарх Филарет даже имел официальный титул, как и светский правитель, – «великий государь». Однако начиная с Алексея Михайловича и принятого при нем Уложения 1649 г. стала значительно принижаться патриаршая власть и церковная иерархия в государстве. Некоторые функции по управлению Церковью были возложены на государственно-церковный орган – Монастырский приказ. Согласно же «Духовному регламенту» 1721 г. стала действовать Духовная коллегия, вскоре получившая название Святейший Синод. Синод с 1835 г. располагался, в здании Правительствующего сената в центре Санкт-Петербурга.

В приведенном выше определении Синода законодательное положение о верховной самодержавной власти указывает на то, что гражданская власть через Синод управляет церковью.

Перечень функций, которые исполнял этот государственно-церковный орган, займет много страниц. Кратко можно сказать, его компетенции были такими: от разработки законодательных актов, касающихся деятельности церкви до решения бракоразводных дел. Однако изначально еще Петром I была определена наиглавнейшая функция – контроль за де-

тельностью церкви, ее служителями. И еще следует заметить, что при Николае I стал издаваться Свод законов Российской империи. Имея ввиду уже тогда существовавший поликонфессионализм, именно в Синоде был разработан, если так можно выразиться, конфессиональный табель о рангах. Законодательно было утверждено деление религий, церквей и других религиозных организаций на: первенствующую и господствующую – Российскую православную греко-кафолическую церковь; признанные, терпимые; непризнанные, нетерпимые. Таким образом, ни о каком равенстве между адептами различных религиозных институтов речи быть не могло.

Однако вернемся к состоянию Святейшего Синода. Громогласная его административная система разделялась на две части, что было его важной особенностью. В первую входило небольшое число членов Синода – присутствующие (до 11), преимущественно священно-церковнослужители со своей канцелярией. Во вторую – государственные чиновники. Среди которых главным был обер-прокурор – “око государево”, руководивший, по существу, всеми делами Синода и подчинявшийся только императору. Также имел свою канцелярию. Он не входил в состав членов Синода и не был его председательствующим, но без его ведома никакие дела не решались в Синоде: ни большие, ни малые. Отсюда существовала длительная борьба между синодалами (преимущественно митрополитами) и обер-прокурором. Чаще всего побеждал последний.

В эпоху реформ Александра II начали появляться критические воззрения на утвердившиеся ненормальные государственно-церковные отношения. Ректор Казанской духовной академии, будущий епископ Смоленский Иоанн (Соколов) (1818-1869), в 1864 г. в журнале “Христианское чтение” опубликовал серию статей под общим названием “О свободе совести”.² В них, тогда известный в России знаток канонического права, исходя из исторического и современного опыта взаимоотношений церкви и государства высказывает мысли о том, что гражданская власть может входить в церковь не далее наружных дверей, но внутрь церкви в ее духовные дела церковь власть не допускает, причем даже царя. Сила же

государства, отмечает автор, была самой враждебной для церкви.

Политический контекст, в котором осуществлялись отношения религиозных и гражданско-политических институтов не способствовал и развитию диалога между ними.

На невозможность ведения такого диалога, включая и межрелигиозный, указывал татарский мыслитель, исламский богослов Шигабутдин Марджани (1818-1889). По его убеждению, пока в стране не существует межконфессионального равноправия не может быть нормального взаимодействия между религиями, включая и диалог между ними. Говоря конкретно об исламе, он обращал внимание гражданской власти и представителей господствующей церкви на то, что “ислам должен перестать считаться иноверием, а должен иметь такой же статус, как у Православной Церкви, и мусульманское духовенство – обладать теми же правами, что Российская православная церковь...”³

Марджани как один из представителей реформирования государственно-религиозных отношений отстаивал необходимость постоянного диалога с российским государством.

Особенно много и преимущественно критических воззрений на исследуемые в данной публикации отношения, стало появляться на рубеже XIX – XX вв. Это было время перемен – одно из самых сложных, наполненных противоречиями периодов истории России. Отсюда неоднозначность оценок многих явлений того периода людьми, которые были его современниками. Были оценки, причем весьма противоречивые, состояния официальной церкви и её взаимоотношений с государством. Терминологически амплитуду оценок можно выразить так: от сугубо консервативных (К. П. Победоносцев) до либерально-радикальных (Л. Н. Толстой, Д. С. Мережковский).

Выдающийся церковно-государственный деятель, богослов, историк церкви протопресвитер военного духовенства Георгий Шавельский, являвшийся присутствующим членом Синода с 1915-1917 гг., отмечает, что Синод страдал непомерной централизацией. Были дела, которые действительно должен утверждать Синод, но и много дел, которые могли бы решаться на епархиальных уровнях.

В системе Св. Синода получила развитие наряду со светской бюрократией и церковная.

Протопресвитер указывает на то, к чему привела беспрестанная и неумеренная опека Церкви со стороны государства. Благодаря ей Русская церковь, по наблюдениям богослова, в предреволюционный период жила слишком безмятежной жизнью, в атмосфере безопасности, спокойствия, внешнего благополучия. Ее враги считались врагами государства, которое с ними и боролось. По словам протопресвитера “замирала церковная жизнь, требующая воодушевления, горения духа, устремления вперед”.⁴

Таким образом, церковь была лишена своего управления, а равно независимости от государственной власти даже в делах духовных.

Неудивительно, что в февральско-августовские дни 1917 г., вместе с падением монархического строя прекратил свое существование и Святейший Синод как орган государственного правления.

5 августа 1917 г. перед началом работы долгожданного Церковного собора Святейший Правительствующий Синод по Постановлению Временного правительства в реорганизованном виде вошел в состав нового государственного органа Министерства исповеданий. В новый гражданско-политический орган вошли и подразделения из Министерств внутренних и иностранных дел, осуществлявшие много десятилетий также в жестком политическом контексте отношения с другими религиозными объединениями. Министерство просуществовало недолго и ликвидировано с вхождением в силу после октября 1917 г. Декрета об отделении церкви от государства (23 января 1918 г.).

Следует заметить, что в годы Гражданской войны и деятельности Белого движения на не занятых большевиками территориях созданы были правительства, возглавляемые генералами бывшей царской армии. Там утверждались органы, взаимодействующие с церковными структурами, причем на основе принципа отделения церкви от государства. Так, например, в Сибири, где руководил адмирал А. В. Колчак, действовало Главное управление по делам вероисповеданий.⁵

Вторая перемена – в советский период. Он характеризуется борьбой нового нарождающегося государства с религией и стремлением к ее искоренению. Развернувшаяся борьба исходила из социальной парадигмы строительства коммунистического общества. Именно западная секулярная модель государственно-конфессиональных отношений была воспринята в России после ноября 1917 г., претерпевшая в дальнейшем значительную трансформацию.

Одновременно с политическим переворотом начинает происходить и переворот идеологический, основа которого материалистическое марксистско-ленинское учение противоположное религиозному мировоззрению. Антирелигиозная работа ведется средствами пропаганды. Однако несколько десятилетий, особенно в довоенное время государство не шло с представителями религиозных объединений на диалог и действовало по отношению к ним преимущественно карательными методами. К ним прибегали такие властные органы и отдельные в них структуры как НАРКОМЮСТ, ВЧК, ОГПУ, НКВД и позднее – служб госбезопасности.

Ф. Э. Дзержинский в записке от 3 декабря 1920 г., направленной в Секретный отдел ВЧК, отношение к церкви выразил следующим образом: "... церковь разваливается. Поэтому церковную политику развала должна вести ВЧК, а не кто-либо другой".⁶

Представители упомянутых органов восприняли идейные установки, поставленные задачи, но действовали они разрозненно без централизованного управления. С результатами их деятельности сейчас уже можно ознакомиться в открытой печати (ранее многие из них были засекречены). Имеются ввиду статистические данные, говорящие о числе закрытых и разрушенных культовых зданий, прекращении действия духовных образовательных учреждений, репрессированных, расстрелянных священно-церковнослужителей Русской православной церкви и служителей других культов. Религиозные институты были лишены двух фундаментальных прав – права юридического лица и права на собственность.

Руководители большевистского государства еще до окончания войны приходят к мнению об утверждении специальных органов, которые бы осуществляли посредниче-

ские функции между государством и религиозными организациями. Правда, командно-административные методы по отношению к религиозным объединениям никто не намеревался отменять.

В середине 40-х гг. было положено начало созданию специальных государственно-церковных органов по связям с религиозными организациями. Правительство, отделив Церковь от государства, решило в 1943 г. создать свой орган – Совет по делам Русской православной церкви, а на следующий год Совет по делам религиозных культов. В 1965 г. их объединили в Совет по делам религий (далее Совет). При всем сущностном различии со Святейшим Синодом Совет воспринял централизацию, контроль за деятельностью церкви и вмешательство во внутреннюю ее жизнь, включая перестановку священно-церковнослужителей. Как орган по осуществлению связей с религиозными объединениями он представлял из себя централизованную организацию при Совете Министров СССР. Информацию о своей деятельности направлял также в идеологический отдел ЦК КПСС. Центральным аппаратом руководил председатель.

Автор настоящей публикации приступил к работе в Совете перед началом перестройки. Тогда его структуру составляли отделы: организационно-инспекторский, по делам православных церквей, мусульманской и буддистской религий, протестантских церквей, иудейской религии и сект, римско-католической и армянской церквей, международной информации, статистики и анализа, юридический, первый отдел и общий отдел. Кроме центрального аппарата, Совет имел уполномоченных в союзных и автономных республиках, краях и областях, которые подчинялись и Совету, и региональным органам власти. В некоторых республиках были свои Советы. Главную задачу, которую должен был выполнять Совет – это реализация политики партии и правительства в их отношении к религии и церкви. Одна из главных его функций – координация процесса регистрации и снятия с регистрации религиозных организаций. К другим функциям надо отнести контроль за выполнением законодательства о религиозных культах как самими религиозными организациями, так представителями властных структур и других гражд-

данских обществ, также контроль за финансово-хозяйственной деятельностью религиозных организаций, ведение патриотическо-воспитательной работы среди служителей культа. Совет выходил с предложениями по использованию закрытых культовых зданий и учету культовых ценностей, относящихся к памятникам искусства.

На Совет было возложено немало контрольно-распорядительных функций. В качестве примера можно назвать просмотр религиозной (включая богослужебную) литературы и установление тиражей.

В годы перестройки Совет начинает действовать на основе новых подходов в отношении верующих граждан и к их организациям. Партийно-государственные институты, пронизанные моноидеологией, постепенно демонтируются. Вектор государственной политики направляется в сторону реализации ранее декларируемой свободы совести вообще и вероисповеданий, в частности.⁷ Приведу лишь некоторые материалы, подтверждающие данный вывод. В 1984 г. автора статьи направили в командировку в Чернигов и Черниговскую область (УССР) с целью изучения государственно-церковных отношений. Надо было изучить и ситуацию, связанную с письмом, поступившим в высокие инстанции. Письмо за тысячью подписей верующих было от архиепископа Антония (Вакарика), правящего архиерея Черниговской епархии. Верующие просили вернуть церкви мощи св. Феодосия Черниговского (ум. 1696). Изучение вопроса на месте показало, что мощи находились в местном государственном музее. Чтобы не отдавать их в музей решил устроить выставку, посвященную “Слову о полку Игореве”, в своих помещениях. Но на вопрос, как святые мощи преподобного будут смотреться в такой экспозиции, никто не мог ответить. В справке по итогам командировки было отмечено, что нецелесообразно передавать на эту выставку мощи, а правильнее удовлетворить просьбу верующего народа Чернигова. Справка в Москве пошла в ЦК КПСС, в Правительство. Через некоторое время стало известно, что мощи были переданы. Передача стала второй в советское время, после того, как в 1947 г из музеев Московского Кремля были перенесены в Богоявленский собор мощи святителя Алексия митро-

полита Московского (ум. 1378). Совет также положительно стал решать вопросы регистрации религиозных организаций, передачи культовых зданий и строительства новых. Совет готовил и историческую встречу – беседу-диалог Генсека ЦК КПСС М. С. Горбачева с членами Синода Русской православной церкви (состоялась в Кремле 29 апр. 1988 г.).

Однако в начале 90-х гг. и этот гражданско-политический орган был упразднен. Властная вертикаль Совета была демонтирована.

Таким образом начинается, согласно новому законодательству о свободе совести, третья перемена во взаимоотношениях гражданско-политических институтов с религиозными. Вместо ликвидируемых органов в административных подразделениях на разных уровнях от федерального до регионального создаются небольшие по численности сотрудников структуры. Они и осуществляют связи с религиозными институтами. Так, в Администрации Президента РФ – отдел по связям с религиозными объединениями, в Министерстве обороны – группа по связям с религиозными объединениями (в том и другом автору также довелось работать). В Татарстане (после действовавшего с 1996 г. Совета по делам религий) с 2008 г. утверждено Управление по делам религий при Кабинете министров РТ.

Обобщая деятельность вновь создаваемых структур в сфере государственно-конфессиональных отношений следует отметить, что в их компетенции входят, во-первых, обеспечение взаимодействия учреждений государственной власти с религиозными организациями; во-вторых, координация деятельности исполнительных органов гражданской власти в целях реализации действующего Законодательства о свободе совести и религиозных объединениях.

Созданы и общественно-государственные совещательные и консультативные органы. В качестве примеров можно назвать Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ, Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ, Совет при Президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям и др. В Госдуме РФ гото-

вится утверждение Совета по культуре, религии и национальным отношениям – при спикере нижней палаты.

Получили распространение экспертные советы по проведению религиоведческих экспертиз. Такой совет действует при Министерстве юстиции РФ. В 2013 г. создан Независимый экспертный религиоведческий совет (НЭРС), состоящий из специалистов по философии религии и религиоведению.

В наше время порой на научно-практических конференциях некоторые выступающие выходят с предложениями о введении на федеральном уровне структуры в сфере государственно-конфессиональных отношений. Можно согласиться с таким предложением, но при условии, чтобы он не имел ни контролирующих, ни распорядительных функций. На место прежних форм и средств взаимодействия и сотрудничества между гражданско-политическими и религиозными институтами учреждаются другие, среди которых важное значение имеют – соглашения. После упомянутой встречи в Кремле в сфере отношений гражданско-политических и религиозных институтов получает развитие и диалог. В те годы автору по роду профессиональной деятельности довелось быть в гуще перестроечных событий. Именно тогда активно и систематически начинается диалог между представителями религий и различных сфер общества. Одной из вех в таких взаимоотношениях можно назвать диалог в формате заседания “круглого стола”, организованного в Москве весной 1993 года Российским общественно-политическим центром. Обсуждаемая проблема звучала так:

“Перспективы межрелигиозного сотрудничества в контексте современных социальных и духовных процессов в России”. Впервые за всю российскую историю, в диалоге участвовали представители православия, католицизма, армяно-григорианской церкви, баптизма, адвентизма, ислама, буддизма, иудаизма, кришнаизма. Приняли участие и представители государственных учреждений – гражданских и военных, науки и общественных структур. Причем не было гостей – все присутствовавшие имели статус участников. В российском социуме такие встречи становятся систематическими.

Таким образом, сущность эволюции взаимодействия гражданско-политических и религиозных институтов в России заключается в том, что в условиях развития демократии и изменения религиозной ситуации уходит в прошлое политический контекст отношений между этими двумя родами институтов, но формируется государственная политика. В ее основе принципы – свободы совести, толерантности и конфессиональное равенство перед гражданским законом. Одним из необходимых средств отношений между изучаемыми институтами получает развитие и диалог.

* * *

Автор полагает, что Конгресс будет иметь и практическое значение. В этой связи есть предложение, которое касается упомянутого в статье в Санкт-Петербурге бывшего здания Сената, Считаю необходимым музеефицировать зал заседаний Святейшего Синода с воссозданием, как его называли “присутствующим”, стола, а также и кресла императора, и некоторые прилегающие к залу кабинеты. Там же, где заседал Святейший Синод, создать постоянно действующую экспозицию “История отношений государства и Церкви в России”. В Санкт-Петербурге есть еще один объект, относящийся к нашей теме и вполне достойный будущей музейной экспозиции. На Литейном проспекте сохранилась квартира, в которой жил и работал один из выдающихся государственных деятелей и обер-прокуроров К. П. Победоносцев.

Концевые сноски

1 Свод Законов Российской империи. Основн. т. 1, ч. 1, ст. 43;

2. Иоанн Соколов, архимандрит. О свободе совести. // Христианское чтение. – 1864. Ч. 3. – № 9. – С. 39-103; № 10. – С. 115-172; № 11. – С. 227-272; № 12. – С. 392-416; 1865. Ч. 1. № 3. – С. 255-286; Ч. 2. – № 7. – С. 427-458; № 8. – С. 459-502;

3. Цит. по: Юзеев А. Татарские интеллектуалы: исторические портреты. – Казань: 2005. – 180 с. – С. 79;

4. Шавельский Г. И. Русская церковь пред революцией. М.: Артос-Медиа, 2005. – 509 с. – С. 53;

5. Лещинский А. Н. Церковь и правительство Белого движения на Юге России: особенности взаимодействия. // Государство, общество и церковь. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Иваново: ИГУ, 2018. – 505 с. – С. 98 – 105;

6. Дзержинский Ф. Э. Записка от 3 декабря 1920 г. // ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 3546;

7. Лещинский А. Н. Время новых подходов. О советских государственно-церковных отношениях. – М.: “Знание”, 1990. – 80 с.

2019 г.

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ: ПЕРИОДИЗАЦИЯ И СМЕНА МОДЕЛЕЙ. [100]

В современной России формируется новая модель государственно-конфессиональных отношений. Вплоть до окончания советского периода, за исключением некоторых исторических отрезков времени, они не были нормальными. Вполне целесообразно обратиться к действовавшим в России моделям, учитывая периодизацию исторического процесса с тем, чтобы извлечь соответствующие уроки.

В области исследования отношений государств к религии и церкви наряду с общими религиоведческими понятиями утверждаются и особенные. В частности, в последние несколько лет в разработанных типологизациях модели изучаемых отношений определяются через понятия:

- клерикальная или конфессиональная,
- сепарационная или отделительная,
- кооперационная [2]
- близости, равноправия, разделения. [1. С. 135-143]
- идентификационная – модель государственной церкви, отделительная, кооперационная. [3]

В монографии исследователя представлено наиболее убедительное обоснование понятий трех моделей государственно-церковных отношений. В другом месте она формулирует определение модели. Это – “устойчивая сумма качеств и характеристик политики государства в отношении религиозных организаций, включающей в себя три основных аспекта: концептуально-методологические основы политики государства в области свободы совести; конституционно-правовая база государственно-церковных отношений; организационно-правовые структуры, на практике их реализующие. В мировом опыте государственно-конфессиональных

отношений происходит смена моделей в процессе социально-политического развития стран. Однако в ряде государств действовали и ныне действуют перечисленные модели, т. е. и прежние, и новые с присущими им особенностями. [4]

Следует сказать и о главном понятии – государственно-конфессиональные отношения”. Оно стало употребляться только в современной России. До этого пользовались понятием “государственно-церковные отношения”. Традиционно в Российской империи государственные структуры, прежде всего, осуществляли связи с титульной Православной Российской церковью. Да и в советском государстве уделялось большее внимание той же церкви. Однако после усугубившегося поликонфессионализма, в котором присутствуют не только церкви, но и организации многих других исповеданий (конфессий), прежнее понятие не отражает связей государства с ними и утверждается понятие государственно-конфессиональные отношения. Конечно, прежнее понятие остается, но оно применимо в отношении именно с такими организациями как церковь и в историческом контексте.

Изменения моделей государственно-церковных отношений социально обусловлены. Нельзя не учитывать и религиозную ситуацию, с изменениями в которой также происходят перемены в моделях политики государства по отношению к религии и церкви.

Периодизация государственно-конфессиональных отношений в России во многом совпадает с общей периодизацией отечественной истории, однако есть и особенности. Они всегда учитываются и при выделении периодов, и при выявлении оценок того, как осуществлялись государственно-конфессиональные отношения.

Можно, исходя из фактологического материала, выявить четыре периода государственно-конфессиональных отношений в России. Первый – досинодальный, второй – синодальный, третий – советский с последними перестроечными годами, четвертый – постсоветский. Однако в названных периодах есть свои подпериоды, каждый из которых отличается специфическими особенностями в отношениях государственной власти к религии и церкви.

Скажем несколько слов о критериях выявления периодов и подпериодов. Один из главных критериев объективный – это социально-политические и отчасти экономические изменения в обществе. Одновременно с ними появляются кратологические воззрения, доктрины, концепции социальные парадигмы, влияющие на законодательство в отношении к религии и церкви. В России такими воззрениями отличались труды митрополита Иллариона, св. Иосифа Волоцкого, монаха Филофея, Ю. Крижанича, ректора Казанской духовной академии архиепископа Иоанна (Соколова). Другой критерий – личностно-субъективный, когда на модель отношения государства к религии и церкви влияла и влияет та или иная личность, находящаяся в руководстве страны – великий князь, царь, император, глава государства или, как в советский период, генсек КПСС.

Краткий обзор характеристики периодов и подпериодов показывает, что в досоветское время, длившееся около 1000 лет, действовала идентификационная или конфессиональная модель, получившая в восточном христианстве название «симфония» (от созвучия, согласия, союза церкви с государством). В этом многовековом периоде можно выделить время Киевской Руси, в которое в процессе христианизации, князья сделали много для становления русской церкви – митрополии, входящей в состав Константинопольского патриархата. Время монгольского завоевания, годы которого характеризуются преимущественно независимостью церкви от влияния на нее княжеской власти, терпимостью к церкви ханов Золотой Орды. Далее наступает время начала централизации русских удельных княжеств. Церковь играет большую роль, то есть интегрирующую, в объединительном процессе. И действует в союзе с князьями, помогает им найти общий язык в объединительной политике и обращается на церковно-общественном языке к народу. Здесь нужно отметить проповеди преп. Сергия Радонежского, наминавшего людям о догмате троичности Божества, утверждённом на Константинопольском Вселенском соборе в 381 г. Преподобный считал, что через обращение к единосущной Троице будет побеждаться ненавистный дух розни мира сего.

Необходимо выделить Московский подпериод, в котором государственная гражданская власть содействует получению независимости русской церкви от Константинопольского патриарха. Со стороны государства была поддержка церкви в начале в провозглашения ее автокефалии, а затем в утверждении патриарха или патриаршества.

Однако московский подпериод характеризуется тем, что начинаются конфликты между представителями государственной власти и церковью. При Иване III церковь начинают ограничивать в приобретении ею земель; при Иване Грозном разразился конфликт между ним и митрополитом Филиппом, который выступал против опричнины и был задушен Малютой Скуратовым; патриарх Иов также пострадал от власти царя (точнее, самозванца Лжедмития I), приказавшего ещё до своего вступления в Москву сослать Патриарха на родину в монастырь с. Старицы под Тверью. Однако в царствование Василия Шуйского Патриарх Иов был полностью реабилитирован.

В середине XVII века от дружбы царь Алексей Михайлович и патриарх Никон перешли в разные враждующие лагеря. Патриарх попытался поставить Священство выше Царства, хотя по Юстиниановской Симфонии они действуют на равных и в созвучии, в союзе. Конфликт завершился низложением патриарха и ссылкой его в Ферапонтов монастырь. В это же время произошло трагичнейшее событие в истории Российского государства, разразился раскол, как следствие реформ Никона, утвержденных и Алексеем Михайловичем. Впоследствии в Российской империи, начиная с этого времени, староверие и его приверженцы были объявлены государством нетерпимыми и стали гонимыми. Ни о каком признании свободы совести со стороны государства и, как ее стали называть древлеправославные, никонианской церкви, не могло быть и речи.

В таком состоянии государственно-церковные отношения вошли в век XVIII. Начинается период государственно-церковных отношений, названный синодальным. Упраздняется патриаршество, а также соборность, утверждается вначале Духовная коллегия, а затем Святейший Правительствующий Синод, возглавляемый, как его называли “оком госу-

даревым – обер-прокурором”. Церковь стала ведомством или департаментом, которым руководил государственный орган – Святейший Синод. Таким образом, Русская церковь стала частью государственного аппарата Российской империи. Здесь также не могла быть речь о свободе церкви, более того, государство не только контролировало и регламентировало внешнюю жизнь церкви, а непрестанно вмешивалось в ее внутреннюю жизнь, в том числе и каноническую. Позднее историк А. Карташев отношение государства к церкви определит как “тяжкие объятия государственного плена”, а реформу Петра канонически дефектной. Синодальный период Русской православной церкви завершился только в середине 1917 года, когда Синод был упразднен.

Несмотря на такую зависимость, церковь владела громадным имуществом и материальными ценностями, вела активную миссионерскую деятельность. Империя прирастала новыми землями, в них шли миссионеры, они не только осуществляли проповедь вероучения, но проводили политику государства. Активной миссионерской деятельностью отличалась Казанская духовная академия, в ней сосредоточивались научно-церковные кадры. Историки и богословы изучали верования, составляли методики ведения проповедей среди иноверцев. На их языки переводились христианские Священные и богослужебные книги. В академии работали отделения: противомусульманское, противораскольническое, противобуддистское и черемисско-чувашское.

Духовенство в Российской империи было отдельным сословием. Монастыри, а также духовные учебные заведения получали жалование из государственной казны. Согласно законодательству Российской империи, все религии были поделены на: господствующую или первенствующую – Православная Российская церковь, признанные, терпимые и непризнанные, нетерпимые. Типология религий была предложена именно Святейшим Синодом.

С таким наследием государственно-церковные отношения застала Октябрьская революция и начинается новый Советский период. Действие идентификационной модели завершается. Начинает строиться новое светское государство с его сепарационной отделительной моделью, “отделенность”

в которой понимается как невмешательство гражданской власти во внутреннюю особенно каноническую жизнь церкви. Однако и бывшая господствующая церковь, и другие религиозные объединения претерпели многолетнее гонение. Политика Советского государства была направлена на основе марксистско-ленинской идеологии на искоренение религии.

Весь период можно разделить на некоторые подпериоды – ленинский или довоенный, в котором началась политика уничтожения церкви и других религиозных организаций, активная антирелигиозная работа и главное – в самом начале, согласно январскому декрету 1918 года, церковь отделили от государства и школу от церкви, религиозные объединения лишены были двух фундаментальных прав: права юридического лица и права иметь собственность. Сталинский – при продолжающемся контроле, который осуществлялся специальным органом, получившим в окончательном варианте название: Совет по делам религий при Совете министров СССР. И все же в государстве начинается новый курс в отношении к религии и церкви. На время были приостановлены репрессии против духовенства, положительно решались вопросы о регистрации религиозных общин, открытии монастырей и духовных учебных заведений, восстанавливались разгромленные большевистской властью религиозные центры. Наконец, разрешено избрание Патриарха Русской православной церкви.

Хрущевский – начались новые гонения на церковь и другие религиозные объединения, много культовых зданий опять было закрыто, как и учебных духовных заведений и монастырей, мечетей, дацанов, синагог. Не было дано возможности вести им должную издательскую деятельность.

Н. С. Хрущев призывал партийно-государственный аппарат к тому, чтобы вернуться к политике Ленинского курса по отношению к религии.

Доперестроечный подпериод – с 1964 г. Контроль за религиозными объединениями продолжался. Прежде начавшаяся антирелигиозная работа получила название научно-атеистического воспитания. Объявляемая всеми утверждавшимися Конституциями свобода совести декларировалась,

но отнюдь не гарантировалась. В возникшем общем диссидентском движении появилось и церковное диссидентство.

Годы перестройки отличаются постепенным изменением государственно-конфессиональных отношений в сторону их либерализации. От конфронтации с церковью государство переходит к диалогу и пиком, апогеем этого диалога можно считать празднование 1000-летия Крещения Руси. Происходит встреча генсека М. С. Горбачева с патриархом Московским и всея Руси Пименом и с членами Священного Синода.

Завершается перестройка, начинается постсоветский период и в государственно-конфессиональных отношениях, формируется новое законодательство, которое прежде называлось законодательством о религиозных культах. Отныне оно стало называться законодательством о свободе совести.

Постсоветский период дает простор для формирования новой модели государственно-конфессиональных отношений – кооперационной, в которой ключевым словом или понятием является взаимодействие на благо общества и государства.

Таким образом, в российских государственно-конфессиональных отношениях выделяются четыре периода:

- досинодальный или княжеско-царский и синодальный – императорский, в которых изучаемые отношения характеризуются симфонией – крепким союзом государства с титульной церковью. Правда, он претерпел сильную трансформацию и, по оценке профессора Московской Духовной Академии А. И. Осипова, вылился в цезарепапизм;

- советский – конфронтацией, т. е. борьбой государства с религией и стремлением к ее искоренению, что исходило из социальной парадигмы строительства коммунистического общества. Именно западная секулярная модель государственно-конфессиональных отношений была воспринята в России после ноября 1917 г., претерпевшая в дальнейшем значительную трансформацию. В годы перестройки налаживается диалог между представителями партийно-государственной власти и религиозными объединениями. Начавшиеся перемены завершаются утверждением законов о свободе совести (союзного) и свободе вероисповеданий (российского);

– постсоветский, характеризуется взаимодействием государства с религиозными объединениями во многих сферах социальной жизни. В этом современном периоде происходят кардинальные изменения и в социальной парадигме, и в государственно-конфессиональных отношениях. Начинает формироваться новая кооперационная модель.

Библиографический список

1. Бруггер В. Разделение, равноправие, близость. Три модели отношений государства и церкви // Религиоведение. 2009. № 4. С. 135-143;
2. Исаев А. В., Щеголева Н. А. Вероисповедная политика в Российской Федерации: проблемы и пути оптимизации. Монография. – Орёл: Издательство Орловского филиала РАНХиГС, 2013);
3. Мирошникова Е. М. Кооперационная модель государственно-церковных отношений: опыт и проблемы. Монография / Е. М. Мирошникова. М.: Институт Европы РАН; Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2000);
4. Мирошникова Е. М. Государственно-церковные отношения в ФРГ: философско-правовые аспекты: Дис. д-ра филос. наук. М., 1998. С. 9).

2016 г.

*г. Загорск (Ныне Сергиев-Посад),
Москва, Красногорск, Казань.*

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ АВТОРА

Монографии и книги

1. Лещинский А. Н. Православие в наши дни (под литературной фамилией Бессонов М. Н.). М., 1990. 303 с.
2. L'agence de presse NovosАПНti repond aux letters concernant iеs droits de l'homme en URSS /Anatoli Lechtchinski. – Moscou: Ed. de L'agence de presse Novosti, 1990. 74 с.: ил. Портр., 19 см (переведена на 11 яз., среди которых – англ., фр., нем., дат., швед., фин., греч., ит., серб., болг., исп.).
3. Лавра Преподобного Сергия и Академия в ней. Сергиев Посад, 1993. 206 с. с илл.
4. Религиозные организации, центры и региональные структуры: Москва, Россия, страны СНГ и Балтии. Справочник. М., 1994. 128 с.
5. Особенности богородичного движения в России (Из опыта социально-философского анализа). Монография. М., РОИР, 2005. 220 с.
6. Православие: единство и разделения (социумные детерминанты, типология, противоречия и тенденции). Монография. М., изд. РГСУ “СОЮЗ”. 2011. 226 с.
7. Церковные разделения в православии: социальная обусловленность и типология. Монография. Саарбрюккен, Akademikerverlag Sanktum, 2013. – 408 с.
8. Проблема единства церкви. Монография. Изд. 2-ое. М., 2015. 366 с.
9. Проблема единства церкви. Монография. Изд. 3-е. Канада, Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc., 2015. 386 с.
10. О православии, Лавре Преп. Сергия и о государственно-церковных отношениях: Религиоведческие исследования, очерки и беседы. – Канада, Altaspera Publishing&Literary Agency Inc., 2016. 434 с.
11. Православие: о его единстве и отношениях с государством. Религиоведческие исследования и очерки. Германия. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. 683 с.

12. Лецинский А. Н. (под литературной фамилией Бессонов М. Н.). Собор 1988 г. и современные тенденции в русском православии. М., 1988. 33 с.

*Публикации в ведущих рецензируемых научных
журналах, рекомендованных ВАК Министерства
образования и науки РФ*

13. Вероисповедная политика и религиозная ситуация в современной России // Социальная политика и социология. М., РГСУ, 2004. №2. С. 90-103.

14. Влияние межрелигиозных и государственно-конфессиональных отношений на церковные разделения // Религиоведение. 2007. № 3. С. 11-22.

15. О международной конференции “Религия в изменяющейся России” // Ученые записки Российского государственного социального университета. М.: РГСУ. 2008. №1. – С 138-139.

16. Православие: типология церковных разделений // Ученые записки Российского государственного социального университета. М.: РГСУ. 2009. № 1. – С. 110-118 (1,3 п. л.).

17. Параллельные структуры в православии: генезис и противоречия в отношениях с поместными церквами // Религиоведение. 2009. №2. С. 97-109).

18. Классификация церковных разделений в христианстве / А. Н. Лецинский, А. К. Погасий // Религиоведение. 2010. № 2. С. 91-101.

19. Конфликтогенность расколов в православии // Религиоведение. 2011. №2. С. 130-136.

20. Значение диалога в преодолении церковных разделений // Социальная политика и социология. М.: РГСУ, 2011. №3. С. 159-172.

21. Социальные факторы и парадигмы, влияющие на состояние единства церкви // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. М., 2011. № 1. С. 38-44.

22. Диалог как способ преодоления разделений (религиоведческий аспект изучения). // “Социальное время”. 2019. №1. С. 125-131.

В журналах Scopus

23. Leshchinsky A. N., Aleksandrova N. N. Methods of study and classification of religions (on the works by professor pro-otoiereus A. V. Smirnov (1857-1933) // Es-tudos &Praticas (UERN), Mossoro/RN, Caderno Suplementar. 2020 № 5 URL: <http://natal.uern.br/periodicos/index.php/RTEP/article/view/2647/2393>
24. A. N. Leshchinsky Y. D. Smirnova Typology of autocephalous movements in orthodoxy // Revista Turismo Estudos & Praticas n. 5 (2020): Geplat: Caderno Suplementar, N. 5, dezembro, 2020

*Статьи в сборниках научных материалов
и периодических изданиях*

25. Экскурсия как общение. Некоторые вопросы социально-психологических основ пропаганды памятников культуры // Музей современность, Вып. II., М., 1976.
26. Предисловие. // Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник. 5-е изд., доп. М.: Моск. Рабочий, 1983. С. 9-27.
27. Лещинский А. Н. (под литературной фамилией Бессонова М. Н.) Реставраторы в Даниловом монастыре // Собеседник. 1986. №4. С. 61-63.
28. Лещинский А. Н. (под литературной фамилией Бессонов М. Н.) Русская православная церковь и 1000-летие “крещения Руси” // Православие в Карелии: история и современность. Петрозаводск: Карелия, 1987. С. 3-24.
29. Лещинский А. Н. (под литературной фамилией Бессонова М. Н.) К 1000-летию введения христианства на Руси // Знание – народу. 1988. №6. С. 39-41.
30. Монастырь Иосифа Волоколамского // Религия в СССР. 1989. №6. С. 26-28.
31. Лещинский А. Н. (под литературной фамилией Николаев М.) Передача п в Оптину Пустынь // Журнал Московской Патриархии. 1989. № 5. С. 11-12.
32. “Да не забвено будет...” // Журнал Московской Патриархии. 1991. № 3. С. 25-31.
33. Конгресс соотечественников и его церковная программа. М., “Религия в СССР”. Изд. Агенства печати “Новости”. 1991 г.
34. Это – Варницы // Наука и религия. 1992. №10. С. 22-23.

35. Преподобный Сергей Радонежский и святые места России. // Журнал Московской Патриархии. М., 1992. № 10. С. 24-33.

36. Преподобный Сергей Радонежский в жизни митрополита Московского Платона. // Колокол. Сергиев Посад, 1992. № 40. С. 6.

37. “Государство и религиозные объединения: сотрудничество необходимо и возможно”. // Колокол. Сергиев Посад, 1993. № 11. С. 6.

38. “Закон о свободе вероисповеданий заметно улучшен, но неудовлетворенность им пока остается” // Свет Евангелия, 1997 20-26 апреля. №16. с. 7.

40. Российская Марианская Церковь // Религия, церковь в России и за рубежом, Информационный бюллетень. М.: РАГС, 1995. №5 С. 57-64.

41. Об информационном обеспечении работы по связям с религиозными объединениями // Религия, церковь в России и за рубежом, Информационный бюллетень, М.: РАГС, 1995. №6 – С. 25-30.

42. Религиозные объединения и миссии на оккупированной территории // Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941-45 гг., М.: РАГС, 1995. С. 102-110.

43. Религиозный фактор в контексте безопасности России // Религиозные конфессии и безопасность России, М.: 1995. С. 25-32.

44. Свобода совести и права военнослужащих // Свобода совести и права человека в Российской Федерации. Материалы парламентских слушаний. М.: Гуманитарий, 1995. – С. 50-52.

45. Динамика численности религиозных объединений в России // Метафразис. М., 1996. №3. С. 16-25.

46. Перед закрытым храмом очутились православные верующие в Эстонии // “Панорама”, вестник Российского информационного агентства “Новости”. М., 1996. №10. С. 23-31.

47. О некоторых аспектах религиозной обстановки и государственно-церковных отношений в Санкт-Петербурге // Благовест-Инфо. М., 1996. №28-29. – С. 16-25.

48. Свято место пусто не бывает. “Нетрадиционные” религии осваивают российский ареал // “Панорама”, вестник Российского информационного агентства “Новости”. М., 1996. – №17. С. 17-26.

49. Межцерковный диалог в контексте государственных интересов // Метафразис. М., 1996. №24 С. 15-22.

50. Секются между пшеницею и плевелы... (Новые религиозные объединения в конфессиональной структуре России) //Благовест-Инфо. М., 1996. №40-41. С. 16-24.

51. Пшеница и плевелы. Традиционные и нетрадиционные религии в религиозной ситуации России // Истина и жизнь. М., 1997. №7. С. 14-22.

52. Закон о свободе вероисповеданий заметно улучшен, но неудовлетворённость им пока остаётся. // Свет Евангелия. М., 1997. №16 (121). – С. 7.

53. Христианство в России на рубеже веков: состояние и социальное измерение” (составление сборника и вступительная статья) // Россия. Духовная ситуация времени. М., Издательство МГСУ “СОЮЗ”, 2000, № 1-2. С. 218-225.

54. К проблеме изучения религиозной ситуации в России // Россия. Духовная ситуация времени. М., Издательство МГСУ “СОЮЗ”, 2000, № 3-4. – С. 112-120.

55. Светское и религиозное социальное служение: проблемы взаимодействия //Учёные записки. М., Издательство МГСУ “СОЮЗ”, 1, № 3. – С. 157-159.

56. Религия в контексте социального служения // Социальное служение Отечеству: вчера, сегодня и завтра. VIII годичные научные чтения, М., изд. МГСУ “Союз”, 2004. С. 142-146.

57. Что стоит за понятием “традиционная религиозная организация”: содержание и сферы применения // Свобода вероисповедания, государственно-конфессиональные отношения и протестантизм в России. “Круглый стол” в Измайлово, 16 января 2002 г. М.: Институт свободы совести, 2002. С. 72-76.

58. Старшее поколение в период мировоззренческих перемен и его роль в возрождении благотворительности // Государство и Церковь в России: история взаимодействия в сфере благотворительности, материалы межрегиональной научно-практической конференции. Иваново, ИГПУ, 2002. – С. 137-141.

59. Светское и религиозное социальное служение в изменяющейся России (к предварительным итогам изучения проблемы в Московском государственном социальном университете) //Религия в изменяющейся России. Пермь, ПГТУ, 2002. С. 92-93.

60. Религиозная ситуация в России: изменения, тенденции и противоречия // В сборнике “Свобода совести в России: исторический и современный аспекты”, М., Российское объединение исследователей религии, 2004. С. 222-230.

61. Воспитание толерантности как актуальная проблема религиоведения// Актуальные проблемы гуманизации современного

социального образования. Материалы Третьих годовых чтений Гуманитарного факультета МГСУ 24-25 января 2004 г. М.: РИЦ ООО “ЦентрАрт”, 2004. С. 111-113.

62. Богородичная ветвь в русском православии: некоторые вопросы изучения истоков, современного состояния и социального служения // Россия: духовная ситуация времени. М., РГСУ, 2004, №1. – С. 259-281.

63. Альтернативное православие (к постановке проблем изучения) // Ломоносовские чтения 2006: Россия в XXI в. и глобальные проблемы современности / Научная конференция. Сборник докладов / Под общей ред. проф. Л. Н. Панковой. М., ТЕИС, 2006. С. 55-57.

64. Альтернативное православие в религиозной ситуации России // Свобода религии, нравственность и ответственность в Российском обществе. Заокский, “Источник жизни”, 2006. С. 229-237.

65. Наука и религия в контексте синергетического мировоззрения (в соавторстве) // Религиозная толерантность. Историческое и политическое измерение. М., “Academia”, 2006. С. 79-82.

66. Церковное разделение и государственно-конфессиональные отношения // Свобода религии и права человека. Материалы научно-практической конференции. Москва, 7 декабря 2006 г. Заокский, “Источник жизни”, 2007. С. 134-140.

67. О некоторых предпосылках формирования Законодательства РФ о свободе совести в изменяющейся России // Права человека в России и за рубежом. Материалы международной научно-практической конференции. Пенза, МНЭПУ, 2007. С. 233-234.

68. Свобода совести и государственно-конфессиональные отношения. Раздел в видеокурсе “Религиоведение”. М.: РГСУ, отдел дистанционного образования, 2007.

69. Альтернативное православие (постановка проблем религиоведческого анализа) // Свобода совести в России. Исторический и современный аспекты. М., РОИР, 2007. С. 457-469.

70. Дореформенные объединения в контексте изучения единства и разделения в православии // Будущее религии: из настоящего в грядущее. Н. Новгород, НГПУ, 2008. С. 141-146.

71. Церковные разделения в православии на рубеже XX-XXI вв. (религиоведческий анализ) // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Материалы VII Международной научной конференции 13-14 февраля 2008 г. Иваново, ИГУ, 2008. С. 127-129.

72. Типология церковных разделений в современном православии //Классификация религий и типология религиозных организаций. М., Изд. дом “АТИСО”, 2008. С. 96-105.

73. Хитон, разорванный на части // НГ-религии. 13 февраля 2008. № 1. С. 7.

74. Религия в изменяющейся России. //Ученые записки. М; РГСУ, 2008. №1. С 138-139.

75. Не раскол, а параллельные структуры // НГ-религии. – 4 марта 2009. № 4(242). С. 5.

74. Свободные (альтернативные) структуры православия в современной религиозной ситуации // Религия в современном обществе. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, Академия труда и социальных отношений, 2-3 февраля 2009 года. М., Изд. дом “АТИСО”, 2009. С. 102-112.

75. Черногорский раскол // НГ религии, 2009, № 16. С. 5.

76. От анафем к диалогу // НГ религии, 2009, № 14. С. 5.

77. Православие: типология церковных разделений // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты, сб. 7, СПб., РОИР, 2009. С. 270-288.

78. От раскола до раскола. Рецензия на книгу Слесарев А. В. Старостильный раскол в истории Православной Церкви (1924-2008). М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего подворья, 2009. // НГ религии, 2009, №21(259).

79. Церковные разделения: возможен ли диалог разделенных? // Актуальные проблемы реализации принципов свободы совести в современной России. Заокский, “Источник жизни”, 2009. С. 54-64.

80. Страсбургский суд как межправославный арбитр. // НГ религии, 2009, № 4. С. 4-12.

81. Альтернативные (свободные) структуры в православии и их классификация // Проблемы межэтнической толерантности и этноконфессиональных отношений в контексте развития современного российского общества: региональный аспект. Материалы научно-практических конференций. Владимир, 2010. С. 114-122.

82. Особенности отношения государств и международных правовых организаций к расколам в современном православии // Релігійна свобода. Збірник наукових статей з теми “Свобода релігії і демократія: старі і нові виклики”, Киев, 2010, №15. С. 175-181.

83. Особенности отношений современных государств к свободным церковным структурам в православии // Религия и право: научный и образовательный аспекты. Сборник научных статей. Казань, Изд. Дом “Меддок”, 2010. С. 197-205.

84. Русская православная церковь и церковные расколы: от конфронтации к диалогу// Государство, общество, церковь в истории России XX века. Материалы IX Международной научной конференции, Иваново, 10-11 февраля 2010 г. Часть 1. Иваново, ИГУ, 2010. С. 236-243.

85. Православие в “ассортименте”. Многообразие церковной альтернативы// НГ религии, 2010, №6. С. 6.

86. Истинно-православные объединения в России: из XX века в век XXI // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Материалы X Международной научной конференции. Иваново, 16-17 февраля 2011 г. Часть 2. Иваново, ИГУ, 2011. С. 116-122.

87. Государственно-конфессиональные отношения в контексте изучения расколов в современном православии. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: научно-теоретическое приложение к журналу РАГС “Вопросы религии и религиоведения”. Вып. 2: Исследования [Текст]: Сборник, сост. и общ. ред. В. В. Шмидта, И. Н. Яблокова при участии Ю. П. Зуева, З. П. Трофимовой. Книга 1(II): Религиоведение в России в конце XX – начале XXI в. – М.: ИД “МедиаПром”, 2010. С. 157-164.

88. Социальное служение Церкви в условиях изменяющихся государственно-конфессиональных отношений. //Социальное учение Церкви и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Орёл, 2011. С. 257-261.

89. Альтернативное православие: содержание понятия, история и современное состояние. //Новые вызовы свободе совести в современной России. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, Центральный Дом журналиста, 26 июня 2012 г. М.: 2012. С. 29-37.

90. Современные религиозные конфликты и свободные (альтернативные) церковные объединения в православии. //Практика применения законодательства о противодействии экстремистской деятельности и гарантии свободы совести в современной России. Материалы научно-практической конференции. М., 2012. С. 99-107.

91. Конфликт как одна из форм отношений между поместными церквями, государствами и церковными расколами / Религия и гражданское общество в России. Преодоление стереотипов и социальное служение. (Материалы первой всероссийской научно – практической конференции “Религиозный фактор в социально – политической жизни современной России, преодоление нетерпи-

мости и экстремистских тенденций”. Москва, 7 июня 2011 года) // М., ИД “Юриспруденция”, 2012. С. 294-299.

92. Типолого-классификационные характеристики и современное состояние организации богородичной ветви в России // Новые религии в России: двадцать лет спустя. (Материалы Международной научно – практической конференции. Москва, Центральный дом журналиста, 14 декабря 2012 г.). С. -Пб., Изд. “Древо жизни”, 2013. С. 161-168.

93. Государственно-конфессиональные отношения в периоды изменений социально-политических парадигм. //Государство, общество, церковь в истории России XX века. (Материалы XII Международной научной конференции, Иваново, 20-21 февраля 2013 г.). Часть 1 // Иваново, Издательство “Ивановский государственный университет”. – 2013. С. 411-417.

94. Государственно-конфессиональные отношения: от конфронтации к диалогу / Секуляризация и религиозная свобода – противостояние или партнерство // М., Центр по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН, 2013. С. 165-185.

95. Расколы в православии и отношение к ним международных правовых организаций. //Государство, общество, церковь в истории России XX века. (Материалы XII Международной научной конференции, Иваново, 20-21 февраля 2014 г.). Часть 1 // Иваново, Издательство “Ивановский государственный университет”. – 2014. С. 3-9.

96. Государство и Русская православная церковь в годы перемен – 1-я пол. XX в. (в трудах протопресвитера Георгия Шавельского) //Государство, общество, церковь в истории России XX века. (Материалы XII Международной научной конференции, Иваново, 18 марта 2015 г.). Часть 1 // Иваново, Издательство “Ивановский государственный университет”. 2015. С. 178-184.

97. Идея единства преподобного Сергия Радонежского как социокультурный феномен (Тезисы доклада на конференции в филиале РГСУ г. Дедовска) 2014 г.

98. К итогам изучения проблемы единства церкви и юрисдикционных разделений в ней. // Религия и/или повседневность: материалы XIV Междунар. науч. -практ. конф., Минск, 16-18 апр. 2015 г. – Минск: РИВШ, 2015. С.

99. Историческая память в периоды коренных социальных изменений и значительных событий (По материалам Троице-Сергиевой лавры) // Диалог мировоззрений: историческая память в условиях общественных изменений. Материалы XIII Междуна-

родного симпозиума 27-29 мая 2015. г. Нижний Новгород, РАН-ХиГС – Нижегородский институт управления, 2016. С. 166-172.

100. Государственно-конфессиональные отношения в России: периодизация и смена моделей. // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков. Иваново, Издательство ИГУ. Ч. 1, 2016. С. 10-15.

101. Миссионерская деятельность и церковные разделения. // Религиозные миссии на общественной арене: российский и зарубежный опыт. (Коллективная монограф.). М., ИЕ РАН, 2016. С. 46-51.

102. От “федерации” Церквей – к всеправославному единству. Смысл и перспективы предсоборных совещаний. // “НГ-Религии”, 3 февраля 2016 г.

103. Значение для современных религиоведческих исследований трудов протопресвитера Георгия Шавельского (1871-1951). // Религия и история. Материалы V Международной научно-практической конференции 20-22 апреля 2017 года, Минск, Республика Беларусь, Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, под ред. Шатравского С. И. – Минск, “Ковчег”, 2017. С. 171-177.

104. Трансформация государственно-церковных органов в России (1917-2017). // Россия в эпоху революций 1917-2017 гг.: опыт осмысления российского самосознания. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 6-8 декабря 2017 г.). СПб., СПб. НИУИТМО, 2018.

105. Церковь, революция и Белое движение (в трудах богослова, историка церкви протопресвитера Георгия Шавельского (1871-1951). // Сборник материалов XVI Международной научно-богословской конференции “Богословие и светские науки: традиционные и новые взаимосвязи”, посвященную 100-летию восстановления Патриаршества, проведения Поместного Собора и начала гонений на Русскую Православную Церковь, 175-летию основания Казанской духовной академии.: Казань, КДС, 2018.

106. Церковные дифференциации в православии (к результатам религиоведческого исследования). // Религиоведческий альманах.: М., МГУ, 2018. С. 137-148.

107. Церковь и правительство Белого движения на Юге России: особенности взаимодействия. // Государство, общество и церковь. Сборник материалов Международной научно-практической конференции.: Иваново, ИГУ, 2018. С. 98-103.

108. Государственно-церковные органы в России (1917-2017): общее и особенное. // Религия и письменность как факторы фор-

мирования славянской культуры. Сборник материалов XXIII Международных Кирилло-Мефодиевских Чтений (г. Минск, 22-26 мая 2017 г.). – Минск, Минск. ДА, 2018.

109. Временные автокефалии как предпосылки церковных разделений в Русской православной церкви. // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков. Материалы XVIII Международной научной конференции, Иваново, 3-4 апреля 2019 г. Иваново: Издательство “Ивановский государственный университет”, 2019.

110. Эволюция взаимодействия гражданско-политических и религиозных институтов в России. // Труды IV Конгресса “Религия как фактор взаимодействия цивилизаций” российских исследователей религии 24-26 сентября 2018 г., г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 2019.

111. Автокефальная лихорадка. // НГ Религии, 2019, № 3.

112. Деникинская автокефалия // НГ-Религии, 4 июня 2019.

113. Автокефалистские движения во Вселенском православии на рубеже XX-XXI веков. // III Конгресс Русского религиоведческого общества (с международным присутствием) “Религия и Религии: дискурсы и практики”. Санкт-Петербург, 4-6 октября 2019. Сборник тезисов. М., 2020. 98 с. – С. 55-57.

114. Автокефалистские движения и отношения к ним церкви и государства. // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков. Материалы XIX Международной научной конференции “Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков”. Иваново, Ивановский государственный университет, 25-26 марта 2020 г. Иваново: ИГУ, 2020. 503 с. – С. 52-62.

115. Межрелигиозный диалог и государственно-конфессиональные отношения в России (XIX-нач. XXI вв. // Наследие святых Кирилла и Мефодия в мировой духовной культуре. Материалы юбилейных XXV Международных Кирилло-Мефодиевских чтений на тему “Наследие святых Кирилла и Мефодия в мировой духовной культуре”. Минск, 30-31 мая 2019 г.: Минск: БГУ, 2020. – 451 с. – С. 112-120.

116. Почитание Божией Матери в богородичном православии // Материалы IV Форума православной общественности Республики Татарстан. К 440-летию обретения Казанского образа Пресвятой Богородицы (22 ноября 2019 г., Казань). Казань: АП РТ, 2020. С. 117-122.

117. Предмет “Актуальные проблемы межрелигиозного диалога” магистратуры религиоведческого и теологического образова-

ния (христианского и исламского направлений)”. // Международной научно-практической конференции “Опыт исламоведческих исследований в контексте возрождения и развития отечественной богословской школы” (г. Болгар, РТ, Болгарская исламская академия, 20-22 ноября 2019 г.). БИА, 2020. – С. 224-330.

118. Классификация религий в трудах профессора протоиерея А. В. Смирнова (1857-1933). // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков. Материалы XX XX Международной научной конференции “Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков”. Иваново, Ивановский государственный университет, 2021, Иваново: ИГУ, 2021. С. 362-367.

119. К методологии изучения и классификации религий (по трудам профессора-протоиерея А. В. Смирнова) // IV Конгресс Русского религиозоведческого общества ««Кто знает одну, не знает ни одной»: сравнительное религиозоведение полтора века спустя», Казань, 16-17 апреля 2021 г. / Сборник тезисов. М., РРО. 2021. 107 с. - С. 8-9.

120. Смена вех вероисповедной политики. //НГ-Религии, 5 июля 2017 г.

*Статьи в научных энциклопедических
и справочных изданиях*

121. “Болгарская православная церковь”, “Кипрская православная церковь”, “Сербская православная церковь”, “Румынская православная церковь” и др. (Всего 24 статьи) //Православие. Словарь. М., Политиздат, 1988.

122. Лецинский А. Н. Религиозные организации, центры и региональные структуры: Москва, Россия, страны СНГ и Балтии: Справочник. – М.: Департамент по делам печати и информации правительства Москвы, 1994. – 128 с.

123. “Кипрская православная церковь”, “Монашество”, “Сербская православная церковь”, “Священнослужители” и др. (Всего 40 статей) // Христианство: Словарь / под общ. ред. Л. Н. Митрохина. – М.: Республика, 1994.

124. “Армянская апостольская церковь”, “Старообрядческие церкви”, “Украинская православная церковь”, “Церковь Иисуса Христа Святых последних дней” и др. (Всего 30 статей) // Религиозные объединения Российской Федерации: Справочник / Колл. авт. – М.: Республика, 1996.

125. “Агиография”, “Албанская православная церковь”, “Александрийская православная церковь”, “Архиерейский собор” и др. (Всего 12 статей) // Новая Российская энциклопедия. – М.: Энциклопедия-ИНФРА-М, 2005.

126. “Российская православная свободная церковь”, “Истинно-православные христиане”, “Молчальники”, “Кликушество”, “Автокефальная православная церковь в Америке” и др. (Всего 49 статей) // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академпроект, 2006.

127. “Августин (Виноградский), архиеп.”, “Белорусская автокефальная православная церковь”, “Японская автономная православная церковь”, “Болгарская православная церковь”, “Церковь Христа” и др. (Всего 28 статей) // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академпроект, 2007.

128. “Введенский А. И.”, “Российская апостольская православная церковь”, “Русская православная церковь за границей”, “Российская православная католическая церковь”, “Православная церковь Божией Матери Державная” и др. (Всего 112 статей) // Энциклопедия религий. – М.: Академпроект, 2008.

129. Концепция религиозной ситуации. – С. 150-151. // Энциклопедический словарь социологии религии.: СПб., Платоновское философское общество, 2017. – 508 с.

130. Пругавин А. С. – С. 246 -247. // Энциклопедический словарь социологии религии.: СПб., Платоновское философское общество, 2017. – 508 с.

131. Функции религиозных организаций. – С. 472-473. // Энциклопедический словарь социологии религии.: СПб., Платоновское философское общество, 2017. – 508 с.

Учебно-методическая литература

132. Религиоведение. Учебно-методические материалы. М., изд. МГСУ “Союз”, 2001, – 48 с.

133. Религиоведение. Учебно-методические материалы. М., изд. МЮИ, 2003, – 40 с.

133. К концепции преподавания религиоведения. // Проблемы преподавания и современное состояние религиоведения в России. Материалы конференций. Москва, 2000-2001. М.: “Рудомино”, 2002. – С. 39-43.

134. Государственно-конфессиональные отношения в России: история и современность. Учебное пособие. Дедовск, 2005. – 135 с.

135. Свобода совести и государственно-конфессиональные отношения. Учебное пособие. Казань: Казанский федеральный университет, 2016. – 440 с. [Электронный ресурс] А. Н. Лещинский // http://kpfu.ru/portal/ias_utils.file_download?p_table_id=4&p_file=F999735890/Uchebn_posobie_Leschinskij.doc.

136. Государственно-конфессиональные отношения. Электронно-образовательный ресурс. Казань, Казанский (Приволжский) университет.

ОБ АВТОРЕ

Лещинский Анатолий Николаевич родился 4 сентября 1941 г. в г. Загорске (ныне Сергиев Посад, Моск. обл.) – российский религиовед, профессор кафедры религиоведения Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. Специалист по философии религии и религиоведению, в частности церковным разделением и расколам в православии, а также государственно-конфессиональным отношениям.

Трудовая деятельность А. Н. Лещинского началась с 1958 г. после окончания Абрамцевской художественной школы, в которой он приобрел специальность столяра-краснодеревщика 5 разряда.

С 1961-1964 гг. проходил срочную службу в рядах Советской Армии вначале в звании рядового, а затем сержанта – командира отделения. Уже в юношеские годы увлекался чтением классической русской и зарубежной литературы и музыкой. Позднее появилось ещё одно увлечение – путешествия. В годы службы в Армии стала проявляться склонность Лещинского к глубокому постижению гуманитарных знаний и их философскому осмыслению. В 1968 г. окончил Ивановский государственный педагогический институт – историко-филологический факультет, получив диплом (с отличием) преподавателя истории и обществоведения. Будучи студентом, начал серьёзно изучать раннее христианство и его направления. В каникулярное время внештатно работал экскурсоводом в Загорском государственном историко-художественном музее-заповеднике на территории Троице-Сергиевой лавры – духовного центра русского православия. С 1969 г. работал в штате музея – научным сотрудником, методистом, заместителем директора по научной части. С середины 70-х и в начале 80-х годов в Московском областном

педагогическом институте специализировался в аспирантуре на кафедре философии. В 1983 г. в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук по теме “Проблема отношения культуры и религии (методологический аспект изучения)”. С 1982 г. вплоть до конца 90-х гг. работал в государственных учреждениях федерального уровня по связям с религиозными объединениями – при Совете министров СССР, Министерстве культуры РФ, в Министерстве обороны РФ. В 1997-98 гг. работал в Администрации Президента РФ в отделе по взаимодействию с религиозными объединениями специалистом-экспертом, получив квалификацию советника Российской Федерации 2 класса. С 1999 г. на преподавательской работе в Российском государственном социальном университете – доцент кафедры социальной философии, затем – религиоведения и теологии, с 2013 г. профессор кафедры гуманитарных наук филиала ун-та в г. Дедовске. С 2012 г. профессор кафедры культурологии и религиоведения Института деловых коммуникаций. Разрабатывал и читал лекционные курсы: “Философия”, “Этика”, “История религий”, “Религиоведение”, “История поместных православных церквей”, “Каноническое право”, “Государственно-конфессиональные отношения”. В Казанском университете преподаёт в бакалавриате и магистратуре будущим религиоведам и теологам христианского и исламского направлений предметы: “Государственно-конфессиональные отношения” и “Актуальные проблемы межрелигиозного диалога”.

В течение многих десятилетий исследовал философско-религиоведческие проблемы: состояние религиозной ситуации в мире и России, государственно-конфессиональных отношений, взаимодействие социальной работы и социального служения. Уделяет большое внимание проблеме единства церкви и разделений в ней. После защиты в 2012 г. в Ленинградском государственном университете им. А. С. Пушкина диссертации на тему “Церковные разделения в православии: социальная обусловленность и типология” получил диплом доктора философских наук по специальности “Философия религии и религиоведение”. В 2014 г. был приглашен на ра-

боту на кафедре религиоведения Института социально-философских наук и массовых коммуникаций. В научных трудах Лещинского впервые на основе системного анализа и методологии, принятой в социальной философии и современном религиоведении, исследуются актуальные проблемы единства церкви и вопросы церковных разделений. В научных трудах большое внимание уделяется исследованию факторов, влияющих на возникновение церковных дифференциаций. Представлена научно обоснованная типология дифференциаций в православии; характеристика четырёх типов церковных разделений – Вселенское православие, параллельные структуры, альтернативное православие и историческое сектантство – является оригинальной, вполне аргументированной и имеющей эвристическую ценность. Вселенское православие в разработанной типологии представляется в виде своего рода религиозной метасистемы, в рамках которой происходит постоянное развитие юрисдикций как динамичных подсистем, каждая из которых, в свою очередь, обладает потенциалом дифференциации, активизирующемся при воздействии внешних и внутренних факторов. Дается и развёрнутая религиоведческая трактовка понятия “альтернативное православие”, убедительно раскрывается объём этого понятия и сфера его применения. На основе исследования большого фактографического материала – российского и зарубежного – Лещинский показывает, как церковные разделения вносят изменения в традиционную религиозность, что происходит под влиянием преимущественно современных секуляризационных процессов. По мнению исследователя, изучаемые расколы, т. е. объединения альтернативного православия, образуют свои религиозно-транснациональные структуры, приближающиеся к глобальным мировым феноменам.

По изучаемым проблемам автор имеет более 130 публикаций: несколько книг и монографий, около 200 статей опубликовано в научно-справочных и энциклопедических изданиях, некоторые монографии и статьи опубликованы в зарубежных изданиях.

Для религиоведческих исследований Лещинского имели большое значение не только письменные источники, труды

специалистов разных отраслей знаний, но и непосредственное знакомство с объектами изучения в путешествиях и встречах с представителями религиозных верований. Ему довелось бывать во многих местах Советского Союза (почти во всех его республиках), а затем в странах ближнего и дальнего зарубежья. Проявлял интерес и изучал состояние религий и конфессий. Встречался и беседовал с лидерами религиозных объединений, иерархами церквей, клириками и простыми верующими.

В настоящем издании представлены труды Лецинского, в которых находит отражение не только сугубо исследовательская деятельность, но и преподавательская и работа в госструктурах, осуществляющих взаимодействие с религиозными объединениями. Таким образом, сборник включает опубликованные за несколько десятилетий избранные религиозоведческие труды. Вошли и неопубликованные работы, большая часть из которых подготовлена за последнее семилетие на кафедре религиоведения Казанского федерального университета. В книге материалы расположены в трех разделах, то есть по тем исследовательским направлениям, которыми занимается автор.

